· ISSN 2541-7509 ·

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№10, 2020

ТЕМА НОМЕРА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Сетевое издание
Электронный научный журнал

2020·№10 **ISSN 2541-7509**

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Научный журнал

Издание основано в 2016 г.
Периодичность – выходит 12 номеров в год.
Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-66175 от 20.06.2016, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Редакционная коллегия

Баринов Дмитрий Николаевич, (*главный редактор*) д-р филос. наук, проф., Смоленский государственный университет; *Артюхович Юлия Васильевна*, д-р филос. наук, проф., Волгоградский государственный технический университет; *Гаранина Ольга Денисовна,* д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет гражданской авиации; *Никольский Владимир Святославович*, д-р филос. наук, проф., Центр проектной деятельности, Московский политехнический университет; *Счастливцева Елена Анатольевна,* д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет; *Шитов Сергей Борисович*, д-р филос. наук, проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»; *Макаров Сергей Николаевич*, д-р соц. наук, проф., Смоленский государственный университет; *Тужба Эмир Нодариевич,* д-р социол. наук, доц., проф., Кубанский государственный технологический университет; *Гавриленков Алексей Федорович*, д-р истор. наук, канд. филос. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия, Смоленский филиал; *Итунина Нина Борисовна*, канд. филос. наук, проф., Смоленский государственный университет; *Доманский Юрий Викторович,* д-р филол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет; *Далингер Виктор Алексеевич,* д-р пед. наук, проф., Омский государственный педагогический университет; *Колесов Владимир Иванович,* д-р пед. наук, проф., Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС РФ; *Микерова Галина Георгиевна,* д-р пед. наук, проф., Кубанский государственный университет; *Фоменков Анатолий Иванович*, канд. пед. наук, доц., Смоленский государственный университет; *Казданян Сусанна Шалвовна*, канд. психол. наук, доц., Экономико-юридический университет им. А. Мкртчяна (Ереван, Республика Армения); *Кондрашихин Андрей Борисович*, д-р экон. наук, проф., Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»; *Ганский Владимир Александрович*, канд. экон. наук, доц., Институт предпринимательской деятельности (Минск, Республика Беларусь); *Степанов Александр Геннадьевич*, канд. филол. наук, доц., Тверской государственный университет; *Вестов Федор Александрович*, канд. юр. наук, доц., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; *Шошин Сергей Владимирович*, канд. юр. наук, доц., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Редакция не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Адрес редакции:
214000, г. Смоленск, ул. Б. Советская, 12/1, 303.
Официальный сайт: naukavestnik.ru.
Тел.: +7 905 696-6338, +7 903 649-8830.
E-mail: naukavestnik@mail.ru.

2020·№10 **ISSN 2541-7509**

HUMANITARIAN SCIENTIFIC BULLETIN

Network edition
Scientific journal

Publication was founded in 2016.
Schedule – 12 issues in a year.
The certificate of registration EL no. FS 77-66175 of 20.06.2016, issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Editorial Board:
Barinov Dmitry Nikolaevich, (*Editor–in–chief*) Doctor of Philosophical sciences, Prof., Smolensk State University; *Artyukhovich Yulia Vasilyevna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Volgograd state technical University; *Garanina Olga Denisovna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., The Moscow State Technical University of Civil Aviation; *Nikolsky Vladimir Svyatoslavovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Center of project activities, Moscow Polytechnic University; *Schastlivtseva Elena Anatolievna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Vyatka State University; *Shitov Sergey Borisovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Moscow State Technological University «STANKIN»; *Makarov Sergey Nikolaevich*, Doctor of Sociological sciences, Prof., Smolensk state University; *Tuzhba Emir Nodarievich*, Doctor of Sociological sciences, Assoc. Prof., Prof., Kuban State Technological University; *Gavrilenkov Alexey Fedorovich*, Doctor of Historical sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Prof., Saratov State Law Academy, Smolensk branch; *Itunina Nina Borisovna*, Candidate of Philosophical sciences, Prof., Smolensk State University; *Domansky Yuri Viktorovich*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian state University for the Humanities, *Dalinger Viktor Alekseevich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Omsk State Pedagogical University; *Kolesov Vladimir Ivanovich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia; *Mikerova Galina Georgievna*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Kuban state University; *Fomenkov Anatoly Ivanovich*, Candidate of Pedagogical sciences, Assoc. Prof., Smolensk State University; *Kazdanyan Susanna Shalvovna*, Candidate of Psychological sciences, Assoc. Prof., A. Mkrtchyan University of Economics and Law (Yerevan, Republic of Armenia); *Kondrashihin Andrey Borisovich*, Doctor of Economical sciences, Prof., Institute of Economics and Law (branch) Educational institution of higher education trade unions «Academy of labor and social relations»; *Gansky Vladimir Alexandrovich*, Candidate of Economical sciences, Assoc. Prof., Institute of entrepreneurship (Minsk, Republic of Belarus); *Stepanov Alexander Gennadievich*, Candidate of Philological sciences, Assoc. Prof., Tver state University; *Vestov Fyodor Alexandrovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky; *Shoshin Sergey Vladimirovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.

The materials are published in the author's edition and reflect the personal position of the author. The Editorial board is not responsible for the materials published in the journal. The authors are responsible for the content and reliability of the articles. Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors. When using and borrowing materials reference to the publication is required.

License type supported CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Address of the editorial office:
214000, Smolensk, B. Sovetskaya str., 12/1, 303.
Official site: naukavestnik.ru.
Phone: +7 905 696-6338, +7 903 649-8830.
E-mail: naukavestnik@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ **1**
Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А.
Роль суггестии в религиях 1
Гаврилова Ю.В.
Трансформации духовной сферы общества в условиях пандемии COVID-19 6
Райченко А.В., Сафронова М.А.
Цифровая трансформация современной образовательной среды 11
Шкундич А.О.
К вопросу о видовой эксплуатации в работах Б. Торреса 16
Шмаков В.С.
Факторы социокультурного развития сельских локальных сообществ 21
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **30**
Гусева Н.Ю., Чеченина О.А.
Адаптация учебного материала по математике для обучающихся с расстройствами аутистического спектра 30
Короткова И.П.
Методика работы со специальной терминологией в курсе изучения лингвистических дисциплин (английский язык) 40
Кюнкрикова И.В., Горлач Е.Я., Сапарбаева М.Б.
Формирование коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников в процессе изучения иностранного языка 44
Маркова Я.С.
Современные тенденции в профессиональном педагогическом образовании 49
Мокринская А.И.
Приемы изучения исторической личности как инструмент исторического познания (на примере личности императрицы Елизаветы Петровны) 54
Непрокина И.В.
Процессный подход в организации студенческой предпринимательской деятельности на примере проектирования дефектологического центра 60
Пронина З.И.
Анализ и классификация педагогических условий с целью повышения эффективности образовательного процесса 66
Сафроненкова Е.Л.
Дидактические возможности онлайн сервиса EDpuzzle в обучении иностранному (английскому) языку студентов высшей школы 70
Терешенкова А.А., Панфилов Г.Е.
Дистанционное обучение как современный способ получения образования 74
Ткачева В.В.
Современные проблемы логопедии в инклюзивном пространстве 79

Эрштейн М.О.
Опыт применения балльно-рейтинговой системы по университетской дисциплине «История зарубежной литературы» в условиях дистанционного обучения 83
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 87
Архипова И.В.
Секундарный таксис в разноструктурных языках 87
Джуманов Д.А.
Свободное поэтическое движение в азербайджанской поэзии 94
Ibrahimov R.M.
Lexical-semantic field and concept of «black color» in cognitive linguistics (on materials of the Azerbaijan language) 99
Кузнецова А.А., Федорова И.В.
Художественная реализация синонимического ряда с доминантой bad в романе Дж. Д. Сэлинджера The Catcher in the Rye («Над пропастью во ржи») 104
Лысенкова В.Н.
Внутренняя форма фразеологизма и его значение 111
Поплавская И.А.
Поэзия В.А. Жуковского в рукописном литературном сборнике «Мои досуги» из книжного собрания князей Голицыных в Научной библиотеке ТГУ 117
Поплавская И.А.
Жуковский и Общество любителей российской словесности 125
Чубарова Н.А.
Глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева 133
ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ 140
Образцова О.Ю.
Феномен русской педагогической журналистики в педагогической культуре и общественно-педагогическом движении России конца XIX – начала XX вв. 140
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 147
Наджафли Г.Д., Эйвазова Н.В.
Взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики с Кавказскими республиками (в свете немецких архивных документов) 147
Салимгареев М.В.
Методологические казусы квантитативного подхода в историческом познании 154
Сидорчук И.В.
Досуг в пространстве городской повседневности Санкт-Петербурга позднеимперского периода (основные характеристики и особенности развития) 159

Якупов Р.А. Якупова Д.В.
Этноконфессиональный вопрос в СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в оценках ЦРУ 165
КУЛЬТУРОЛОГИЯ 180
Гончарова Н.В.
«Из любви к Отечеству»: издание И.И. Бецкого по организации Московского воспитательного дома в личной библиотеке почетного опекуна С.М. Голицына 180
Ефремова Л.В.
Научный подход к мифологии: «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинского 188
Колосова Г.И.
Авторские инскрипты в книгах из личной библиотеки графа П.А. Валуева 192
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ 200
Ngo Thi Phuong, Nguyen Thi Lan
Maintaining the working-class nature of the CPV in the current period following Ho Chi Minh's thought 200
Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б.
Государственная идеология для России: исторический опыт и цивилизационные особенности 207
Koptelov A.O.
The political control: problem statement 214
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 219
Ly Cam Tu
Gold or fish: behavior towards Nang river's natural resources of the Yao ethnic people in northern upland Vietnam 219
Беспалова Т.М.
Актуальность изучения сформированности гражданской идентичности личности в контексте подрывов традиционных устоев современного российского общества 227
Векилов К.Ш.
Пути расширения инновационной деятельности в университетах и научных организациях в Азербайджане 232
Гюльмамедов И.Т.
Актуальные проблемы развития промышленных парков в Азербайджане 239
Коньков А.Т., Сарбаа Л.Н.
Соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд» и «паблисити» 244
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 251
Зозуля А.А.
Юридическая доктрина и правовая политика как средства совершенствования правового воздействия 251

Лисицкая А.Ю.
Несправедливые договорные условия: судебный контроль в России и за рубежом 256

TABLE OF CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES **1**
Gavrilova Yu.V., Zhironkina M.A.
The role of suggestion in religions 1
Gavrilova Yu.V.
Transformation of the spiritual sphere of society in conditions pandemic COVID-19 6
Raychenko A.V., Safronova M.A.
Digital transformation of the modern educational environment 11
Shkundich A.O.
On the question of species exploitation in the works of B. Torres 16
Shmakov V.S.
Factors of socio-cultural development of rural local communities 21
PEDAGOGICAL SCIENCES **30**
Guseva N.Y., Chechenina O.A.
Adaptation of educational material in mathematics for students with autism spectrum disorders 30
Korotkova I.P.
Methodology of working with specific terminology within the course of linguistic sciences studying (English) 40
Kyunkrikova I.V., Gorlach E.Ya., Saparbaeva M.B.
Formation of communicative universal educational actions for younger schools in the process of learning a foreign language 44
Markova Y.S.
Current trends in professional teacher education 49
Mokrinskaya A.I.
Methods of studying historical personality as a tool of historical knowledge (on the example of the personality of the Empress Elizabeth Petrovna) 54
Neprokina I.V.
Process approach in the organization of student entrepreneurial activity on the example of designing a defectological center 60
Pronina Z.I.
Analysis and classification of pedagogical conditions in order to improve the efficiency of the educational process 66
Safronenkova E.L.
Didactic potential of EDpuzzle online service in teaching foreign (English) language for university students 70
Tereshenkova A.A., Panfilov G.E.
Distance education as a new way of getting education 74
Tkacheva V.V.
Contemporary speech therapy challenges in an inclusive space 79

Ershtein M.O.
Experience in using the point-rating system for the University discipline «History of foreign literature» in the context of distance learning 83
PHILOLOGICAL SCIENCES 87
Arkhipova I.V.
Secondary taxis in different structured languages 87
Jumanov D.A.
Free poetry movement in Azerbaijan poetry 94
Ibrahimov R.M.
Lexical-semantic field and concept of «black color» in cognitive linguistics (on materials of the Azerbaijan language) 99
Kuznetsova A.A., Fedorova I.V.
The synonym chain of the adjective bad in J. D. Salinger's The Catcher in the Rye 104
Lysenkova V.N.
Inner form of the phraseological unit and its meaning 111
Poplavskaya I.A.
Vasily Zhukovsky's poetry in the manuscript literary collection Moi Dosugi from the book collection of Princes Golitsyn in the Tomsk State University Research library 117
Poplavskaya I.A.
Zhukovsky and Society of Lovers of Russian Literature 125
Chubarova N.A.
The verbs with attribute valence with the meaning of anger 133
JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION 140
Obraztsova O.Y.
The phenomenon of pedagogical journalism in pedagogical culture and social pedagogical movement in Russia in the end of the XIX – the beginning of the XX century 141
HISTORICAL SCIENCES 147
Najafli G.J., Eyvazova N.V.
The relationship of the Azerbaijan Demokratic Republic with the Caucasian republics (in the light of German archival documents) 148
Salimgareev M.V.
Methodological incidents of the quantitative approach in historical knowledge 154
Sidorchuk I.V.
Leisure in the space of urban everyday life in St. Petersburg of the late Imperial period (main characteristics and features of development) 159
Yakupov R.A., Yakupova D.V.
Ethno-confessional issue in the Soviet Union in the second half of the 1970s – early 1980s in estimates CIA 165

CULTUROLOGY **180**
Goncharova N.V.
«For the sake of love to Motherland»: I.I. Betsky's publication on the establishment of the Moscow educational house in the personal library of the honorary guardian S.M. Golitsyn 180
Efremova L.V.
Scientific approach to mythology: «Poetics of myth» by E.M. Meletinsky 188
Kolosova G.I.
Author's inscriptions in books from the personal library of Count P.A. Valuev 192
POLITICAL SCIENCES **200**
Ngo Thi Phuong, Nguyen Thi Lan
Maintaining the working-class nature of the CPV in the current period following Ho Chi Minh's thought 200
Goncharenko L.N., Avakova E.B.
State ideology for Russia: historical experience and civilizational features 207
Koptelov A.O.
The political control: problem statement 214
SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES **219**
Ly Cam Tu
Gold or fish: behavior towards Nang river's natural resources of the Yao ethnic people in northern upland Vietnam 219
Bespalova T.M.
The relevance of studying the formation of a person's civil identity in the context of undermining the traditional foundations of modern Russian society 227
Vekilov K.Sh.
Ways to expand innovation activities in universities and scientific organizations in Azerbaijan 232
Gulmamedov I.T.
Current problems of development of industrial parks in Azerbaijan 239
Konkov A.T., Sarbaa L.N.
Relationship between the concepts of «reputation», «image», «brand», and «publicity» 244
JURIDICAL SCIENCES **251**
Zozulya A.A.
Legal doctrine and legal policy as a means of improving legal impact 251
Lisitskaya A.Yu.
Unfair contractual conditions: judicial control in Russia and abroad 256

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264000
УДК 291.11

Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А.

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36. E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru.
Жиронкина Марина Анатольевна, старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36. E-mail: marina.zh@mail.ru.

Роль суггестии в религиях

Аннотация. В статье анализируется роль суггестии в формировании и сохранении религиозного сознания. Отмечается, что в современном мире суггестия продолжает воздействовать на индивидуальное и массовое сознание, внедряя в их содержание идеи и мировоззренческие ориентиры, не подвергшиеся должному осмыслению со стороны индивидов. В религиях суггестия воздействует на эмоционально-чувственную сторону индивидов посредством их участия в коллективных богослужениях и обрядах, песнопениях, ритуальных танцах, с помощью применения в богослужениях курительных смесей, посредством содержания религиозных текстов, коммуникации верующих между собой. Отмечается, что суггестия ослабляется контрсуггестией в условиях религиозного синкретизма.
Ключевые слова: суггестия, религиозное сознание, контрсуггестия, религиозный синкретизм, религии, психика, сознание, механизмы.

Gavrilova Yu.V., Zhironkina M.A.

Gavrilova Yulia Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. 117997, Russia, Moscow, Stremyanny per., 36. E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru.
Zhironkina Marina Anatolievna, Senior Lecturer, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. 117997, Russia, Moscow, Stremyanny per., 36. E-mail: marina.zh@mail.ru.

The role of suggestion in religions

Abstract. The article analyzes the role of suggestion in the formation and preservation of religious consciousness. It is noted that in the modern world, suggestion continues to influence the individual and mass consciousness, introducing ideas and worldview guidelines into their content that have not been properly understood by individuals. In religions, suggestion affects the emotional-sensual side of individuals through their participation in collective worship and rituals, chants, ritual dances, through the use of

smoking mixtures in worship, through the content of religious texts, communication of believers among themselves. It is noted that suggestion is weakened by counter-suggestion in the context of religious syncretism.
Key words: suggestion, religious consciousness, counter-suggestion, religious syncretism, religions, psyche, consciousness, mechanisms.

Вопрос о суггестии в религиях отличается особой остротой и иногда вызывает негодование со стороны священнослужителей и верующих людей, указывающих на то, что их сознание не подвержено внушению, а все их действия религиозного характера основываются на актах доброй воли, мотивы и поступки выбраны ими самостоятельно, без влияния извне. Однако именно в религиях можно встретить большинство существующих суггестивных механизмов, действие которых позволяет не только привлекать в ряды религиозных организаций новичков, обеспечивая их религиозную конверсию (как сознательный выбор религиозной традиции), но и сохранять основные элементы религиозного сознания на протяжении десятков лет. Негативное восприятие суггестии многими людьми, отрицание собственной подверженности суггестивному воздействию, не вполне оправдано. Следует помнить о том, что суггестия необходимый элемент конструирования социальных отношений. Суггестия – древнейший механизм самосохранения социальных групп и регуляции поведения индивидов [5]; ее наибольшее влияние на социум прослеживалось на ранних этапах истории человечества и в дальнейшем было ослаблено социальными механизмами.

Суггестия пронизывает процесс жизнедеятельности индивидов, во многом формирует и определяет их поведенческие мотивы и поступки. Она проявляется в воспитании, в политике, в торговле, в культуре и других сферах жизнедеятельности общества. Так, Н.Д. Субботина обращает внимание на то, что суггестия возникла одновременно с обществом и продолжает сохраняться до настоящего момента, правда в несколько снятом виде. Она пишет: «Если в отношениях людей доцивилизованного общества преобладала суггестия, то в цивилизованном обществе она во многом уравновешивается контрсуггестией, хотя продолжает играть большую роль» [6, с. 15]. Поэтому следует признать наличие механизмов суггестии и в религии, причем, здесь суггестия также, как и во всей системе социальных отношений, играет свою главную роль – придает устойчивость социальным группам и коллективам людей. Суггестивное воздействие в религиозных общинах и организациях «консервирует» догматы, способствует переходу религиозных идей с индивидуального и массового уровней сознания на общественный уровень, закрепляет религиозные идеи в общественном сознании. Однако при суггестивном воздействии в коллективах начинают проявляться механизмы контрсуггестии, без функционирования которых общество также не может существовать. Контрсуггестия является показателем динамики общества, развития личности, ее готовности и способности к переменам. Проявляясь сначала в недоверии и скептическом отношении к проповедуемым религиозным постулатам, в дальнейшем, контрсуггестия приобретает форму открытого отвержения идей и реализуемой культовой деятельности; может доходить до открытого противостояния существующей доктрине, резкой критике в адрес религии. Контрсуггестия объясняется, во-первых, активностью сознания индивидов, которое устанавливает определенные «фильтры», гасящие действие суггестии и, во-вторых, специфическими условиями в которых прибывает индивид, попавший в сферу суггестивного влияния – человек четко ориентируется на собственную цель, игнорирует давле-

ние внешних обстоятельств. На наш взгляд, суггестивное воздействие в религиях ослаблено средствами контрсуггестии именно в условиях синкретичности религиозного сознания, при которых возникают контрсуггестивные «фильтры» сознания, активизируются творческие способности индивидов, «кристаллизуется» их субъектность и самость, появляется свобода мысли и возможность выбора.

В данном исследовании понятие «суггестия» синонимично понятию «внушение» с той лишь разницей, что суггестия указывает именно на «техническую» составляющую внушения, на принципы работы механизмов внушения, на функциональность арсенала методов и средств, которыми располагает внушение. Итак, «суггестия (лат. suggestio) – это подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервно-психических и соматических процессов. Путем внушения вызываются ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения, а также оказывается воздействие на вегетативные функции без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого» [4, с. 140]. Суггестия работает через бессознательную сферу психики человека. Слово, либо образ попавшие в глубинные слои психики, произрастают там и вырываются наружу в виде поведенческих реакций человека. Когда речь идет о проявлении суггестии в малых и больших социальных группах необходимо помнить о коллективном бессознательном. Его архетипическое содержание уже само суггестивно по своей природе, так как воздействие символов на бессознательные структуры психики высоко суггестивно. Отметим, что в религиях суггестия проявляется во всем своем многообразии, причем, активность ее механизмов отчетливо заметна как в традиционных религиях, в современных религиозных движениях и культах, так и в синкретических религиозных системах, синкретизированных религиозных учениях и в личной религиозности с элементами синкретичности образов, идей и ритуальных действий [3, с. 30].

Суггестия в религиях исследовалась отечественными и зарубежными учеными, принадлежащими к различным областям знаний. Большой пласт исследований в данной области бесспорно принадлежит психологии религии, социальной философии, социальной психологии и таким известнейшим представителям данных сфер знаний как У. Джеймс, А. Маслоу, Г. Олпорт, Э. Шейн, Р. Дж. Лифтон, Д.М. Угринович, Е.Торчинов и др. Каждый из этих ученых внес свой вклад в изучение суггестивной активности в религиях, как необходимой составляющей процессов эволюции и трансформации религиозного сознания.

Среди известных ученых, занимавшихся проблемами исследования суггестии в религиях, особый интерес вызывают работы Н.Д. Субботиной, занимавшейся исследованием соотношения естественного и социального в суггестии, проанализировавшей религиозные формы суггестии, такие как проповеди, религиозные культовые обряды, коллективные молитвы и др. Субботина Н.Д. приходит к выводу, что религия без суггестии не существует, что именно религиозная суггестия обладает наиболее интенсивным характером, объясняя это тем, что в религиозной суггестии «используются многие вспомогательные средства, применяемые еще в доцивилизованной суггестии – ритм, песнопения, музыка, особо оформленные церкви, определенные позы и телодвижения» [6, с. 131]. Таким образом, каждая, даже самая мельчайшая деталь в механизме под названием «религия», характеризуется своими суггестивным свойствами.

Гаврилова Ю.В. определяет суггестивное воздействие на индивида и коллективы людей в процессе их взаимодействия и взаимовлияния социально-естественным механизмом формирования, сохранения и распространения религиозного сознания. Она пишет, что «в суггестии заключается диалектическое

единство социального и внутреннего естественного. Обладая одновременно естественным механизмом и социальным содержанием, суггестия наиболее эффективна в кризисные для личности и общества периоды» [2, с. 16].

Суггестия проявляется в традиционных религиях, в неортодоксальных религиозных организациях, в религиозных сообществах деструктивного, тоталитарного характера. Суггестивные механизмы оказываются во многом одинаковыми для всех форм религий и различных видов религиозных организаций. Они обращены к эмоционально-чувственной стороне индивидов, к их воображению, подкрепляясь психологическими установками и конформностью.

В религиозных сообществах и организациях могут применяться следующие техники суггестивного влияния: информационная перегрузка психики, депривации сна и приемов пищи, формирование «фундаментального» чувства вины, изоляция, культивирование фобий, проповеди и коллективные молитвы в форме резких/мягких коротких фраз, неоднократно повторяемых, сопровождающихся мимикой и специфическими жестами. Особо следует упомянуть индивидуальные молитвы, произносимые верующими в одиночестве, либо мысленно. Такого рода молитвы, обращенные к Богу, одновременно, могут рассматриваться в качестве аутосуггестии (самоубеждения). Будучи представленной в виде словесных сигналов, чувственных образов (зрительных, слуховых, тактильных), изменения тонуса мышц, ритмов дыхания – вся эта система самовоздействия позволяет человеку управлять своими психофизиологическими реакциями, регулировать психосоматическую деятельность собственного организма.

Суггестия не является чем-то негативным для религиозного сознания. На это указывали многие религиозные философы, они отмечали важность суггестии для верующих и призывали относиться к данному феномену как к неизбежному и даже необходимому в процессе бытия. Так, Б. П. Вышеславцев пишет: «…религия знает, что внушать. Она учит о том, какие внушения ценны и неценны, какие суть плевелы и какие – пшеница. Это вопрос немаловажный: дело идет о выборе пути для всей жизни, как индивидуальной, так и соборной: это вопрос жизни и смерти» [1, с. 142]. Данное утверждение правомерно, если суггестивные механизмы проявляются в религиозных организациях, не обладающих деструктивным характером. В противном же случае суггестия будет разрушать личность, ставить ее под контроль религиозных лидеров, ищущих корыстную выгоду и требующих от адептов выполнения неправомерных действий. В таких обстоятельствах следует культивировать определенные качества личности, развивать волю и эмоциональную устойчивость, которые могут оказаться хорошей защитой в условиях суггестии и выполнять роль контрсуггестивных средств, препятствующих приемам психологического воздействия на духовный мир человека.

Таким образом, на протяжении всей истории общества суггестия являлась важнейшим механизмом формирования и сохранения религиозного сознания. Именно в религиях суггестивные механизмы сохраняют свою древнюю сущность, проявляются в слабо трансформированном виде. Однако современное общество позволяет гасить воздействие суггестии на сознание верующих посредством системы контрсуггестивных средств: уклонение от видения и слышания, система контраргументов, молчание, Увеличение скорости речи, отвлечение внимания, предупреждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. Москва: Республика, 1994. 367 с.

2. Гаврилова Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания (социально-философский анализ). Автореферат дис. … кандидата философских наук. Забайк. гос. гуманитар.- пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Чита, 2011. 23 с.
3. Гаврилова Ю.В. Социальные изменения как фактор синкретизма религий // Общество: философия, история, культура. 2017. №11. С. 29-33.
4. Клиническая психотерапия в общей врачебной практике / Под ред. Н.Г. Незнанова, Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2008. 528 с.: ил.
5. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974. С. 415.
6. Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 208 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa / Vstup. st., sost. i komment. V.V. Sapova. Moskva: Respublika, 1994. 367 s.
2. Gavrilova Ju.V. Dialektika estestvennyh i social'nyh faktorov formirovanija religioznogo soznanija (social'no-filosofskij analiz). Avtoreferat dis. … kandidata filosofskih nauk. Zabajk. gos. gumanitar.- ped. un-t im. N.G. Chernyshevskogo. Chita, 2011. 23 s.
3. Gavrilova Ju.V. Social'nye izmenenija kak faktor sinkretizma religij // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. №11. S. 29-33.
4. Klinicheskaja psihoterapija v obshhej vrachebnoj praktike / Pod red. N.G. Neznanova, B.D. Karvasarskogo. SPb.: Piter, 2008. 528 s.: il.
5. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii. M.: Mysl', 1974. S. 415.
6. Subbotina N.D. Suggestija i kontrsuggestija v obshhestve. Izd. 3-e. M.: LENAND, 2014. 208 s.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А. Роль суггестии в религиях // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 1-5. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/GavrilovaZhironkina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264190
УДК 261.7

Гаврилова Ю.В.

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36. E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru.

Трансформации духовной сферы общества в условиях пандемии COVID-19

Аннотация. В статье анализируются изменения, произошедшие в духовной сфере общества, вызванные пандемией COVID-19. Особое внимание уделяется исследованию влияния пандемии на психику и сознание индивидов, что способствовало оформлению религиозного бриколажа, активизации мифотворчества и появлению новых толковательных практик. Возникла угроза вспышек религиозного синкретизма. Отмечается, что изменения в духовной сфере произошли на уровне индивидуального и массового религиозного сознания. Концептуальный уровень религиозного сознания в период пандемии COVID-19 остается в неизменном виде. Автор указывает на трансформации культовых практик, веками сохранявших свою самобытность.
Ключевые слова: религиозное сознание, трансформации, религии, религиозный бриколаж, интернет, пандемия COVID-19, религиозные практики.

Gavrilova Yu.V.

Gavrilova Yulia Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov. 117997, Russia, Moscow, Stremyanny per., 36. E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru.

Transformation of the spiritual sphere of society in conditions pandemic COVID-19

Abstract. The article analyzes the changes that have occurred in the spiritual sphere of society caused by the COVID-19 pandemic. Particular attention is paid to the study of the impact of the pandemic on the psyche and consciousness of individuals, which contributed to the design of religious bricolage, the activation of myth-making and the emergence of new interpretive practices. The threat of outbreaks of religious syncretism arose. It is noted that changes in the spiritual sphere have occurred at the level of individual and mass religious consciousness. The conceptual level of religious consciousness during the COVID-19 pandemic remains unchanged. The author points to the transformation of cult practices that have retained their originality for centuries.
Key words: religious consciousness, transformations, religions, religious bricolage, the Internet, the COVID-19 pandemic, religious practices.

Инфекционный процесс COVID-19, охвативший за несколько месяцев все страны мира, оказывает разрушительное воздействие не только на организм человека, приводя к массовой гибели людей, но и негативно отражается на функционировании психики и сознания. Опасность вызывают информационная истерия, нарастающее нервное напряжение в обществе, усиление тана-

тофобии, пессимистических настроений, депрессивных состояний. Обладая высоким стрессогенным потенциалом, пандемия COVID-19 разрушает психическое и психологическое здоровье людей, меняет их мировоззренческие ориентиры, воздействует на трансформации духовного и материального бытия общества.

Носители религиозного сознания, с определенной степенью болезненности и недоверия, восприняли изменения, произошедшие в обществе, в связи с распространением смертельно опасного вируса COVID-19. Отличаясь консервативностью взглядов и низким уровнем адаптивности к инновациям, верующие и духовенство, оказались не готовыми к условиям социальной изоляции, негативно восприняли запрещение проведения массовых богослужений и религиозных праздников, иногда открыто выступали против вынужденных трансформаций, веками существовавших в неизменном виде, религиозных обрядов и ритуалов. Однако несмотря на неготовность и нежелание представителей многочисленных религий мириться с новыми реалиями, пандемия COVID-19 запустила процесс глубоких структурных изменений в религиозном сознании и ритуальных практиках. Однако стоит отметить, что речь идет, прежде всего, о народной религиозности – изменения затронули индивидуальное и массовое религиозное сознание. Концептуальный уровень религиозного сознания в настоящее время сохраняет свою прежнюю целостность и фундаментальность, он свободен от «примеси» пандемических мифов. Это объясняется том, что процесс закрепления новых религиозных идей на уровне общественного сознания в его концептуальной форме, требует достаточно длительного периода. В то время как пандемия COVID-19 и ее социально-психологическое воздействие на человека и общества длится на протяжении всего нескольких месяцев 2020 года. Все же такой временной период оказался достаточным для запуска трансформационных процессов в духовной сфере бытия общества.

Пандемия COVID-19, социально-психологический эффект пандемии и система социальных практик по борьбе с вирусом явились факторами развития религий: изменения затронули религиозные представления, религиозные толковательные практики, привели к активизации мифотворчества, а также к переконструированию некоторых обрядов и ритуалов.

Результаты исследований соотношения естественного и социального в обществе и человеке показывают, что в основании социальных процессов находятся предпосылки и причины природного характера [3], однако в настоящее время действие их ослаблено социумом, они функционируют в снятом виде. Так вирус COVID-19 входит в сферу внешнего естественного, то есть принадлежит к «природным системам, представляющим собой условия окружающей индивидов среды обитания», при этом свое влияние вирус распространяет на внутреннее естественное – «организм человека, естественные потребности, психику и закономерности её функционирования» [2, с. 16]. Психика является естественной формой, наполняемой социальным содержанием – сознанием, следовательно, воздействие вируса на психику может рассматриваться в качестве фактора, способного изменить содержание сознания индивидов. Поэтому, структурные элементы внутренних естественных факторов имеют особое значение для формирования как общественного, так и индивидуального религиозного сознания.

Психика индивидов постоянно подвержена влиянию извне, со стороны социального, через воздействие на нее социальных норм, стереотипов, социальных процессов и феноменов. Социальные практики, возникшие в ответ на активность вируса COVID-19, оказали непосредственное влияние на психику человека, на его сознание. В обществе появились «новые пророки», толкователи со-

бытий пандемии, активизировались процессы мифотворчества, особо заметным стало оформление религиозного бриколажа. Большую роль в этом сыграли условия изоляции от общества, депривация, наличие свободного времени, доступ в интернет, позволившие буквально «из подручных средств» мастерить новые мистифицированные образы, идеи и представления. Информацию стало возможным получать из интернета, наполненного разнообразными ресурсами, на основании которых возможно сконструировать религиозный бриколаж на самый притязательный вкус. Возникла опасность формирования религиозного синкретизма, который «затрагивает религиозные системы и приводит к утрате некоторых особенностей этно-конфессионального сознания отдельных народов. Религиозный синкретизм «стирает», трансформирует формировавшиеся веками традиционные религиозные идеи, обряды, обычаи, либо заменяет их новыми, которые могут оказаться чуждыми для определённых социальных групп» [1, с. 98].

Однако религиозный бриколаж и религиозный синкретизм вовсе не грозят всем верующим. Следует привести в пример протестантских христиан. Современная ситуация в христианском мире похожа на возврат к первоначальному христианству за что всегда выступали протестанты: церковь – это собрание верующих, а не пышное убранство храмов, во время молитв нет необходимости обращаться к иконам и распятию Христа, смягчение церковной иерархии и прочее. Современные условия, пусть вынужденного характера, но в чем-то приближают протестантов к их заветной мечте – к христианству без обрядов, клерков, икон. Такого рода события позволяют протестантам усматривать в собственной культовой и внекультовой деятельности верный курс существования, в отличие от католиков и православных христиан.

Будучи достаточно либеральным направлением христианства, протестантизм безболезненно встретил систему ограничительных мер, введенных в связи с пандемией COVID-19. Запрет на посещение проповедей и богослужений, и перевод их в формат онлайн встреч, не вызвал напряжения среди верующих, не привел к оформлению бриколажа. На протяжении нескольких лет евангельские церкви без эпидемий и катаклизмов практиковали еженедельные онлайн служения и онлайн молитвы в целях донесения информации до тех, кто не может присутствовать на службах по причине болезней. Онлайн проповеди и чтение Библии посредством видеосвязи для них это не компромисс, а обычная практика. Поэтому, ограничения на посещение церквей и проведения служб для евангельских христиан не стали серьезной проблемой. Обладая высоким уровнем «личной религиозности», протестанты оказались более подготовленными к изолированности от религиозных общин, тем более, что для отправления обрядов в таких церквях не всегда используются строго регламентированные священнослужителями алгоритмы, не всегда применяются предметы культа не доступные верующим за пределами молитвенных домов. Поэтому, не вызвали смущения домашние молитвы, иногда похожие на интроспективные практики. Явление религиозного бриколажа, при котором религиозность формируется «из подручных средств», оказывающихся рядом с верующим [6], такому типу религиозного сознания не грозит. Необходимо добавить, что для протестантов не стал чем-то удивительным перевод некоторых церковных таинств в статус «с доставкой на дом», когда предметы культа привозят верующим домой и там же совершают обряды (крещение, причащение). Например, обряд крещения во все времена считался протестантами доступным в домашних условиях. В целом, эффект пандемии COVID-19 не обошел протестантские церкви – многие готовились к пришествию Христа, усматривали в распространении вируса знамение Бога, многие верующие оказались под давлением страха смерти, остро пе-

реживали, скорее возможность заражения инфекцией COVID-19, чем оторванность от религиозных собраний и молитвенных домов. Либеральность представителей протестантизма и готовность к переменам позволили избежать интенсивного психологического напряжения верующим данной конфессии.

Выход в Интернет создал новые возможности для верующих и религиозных организаций: при наличии доступа в Интернет можно посетить религиозные службы, проводимые в самых отдаленных уголках планеты, побывать в храмах и соборах, о которых ранее приходилось только мечтать. Карантин раскрыл силу технологии, о которой многие крайне консервативно настроенные религиозные группы ранее не знали. Так, например, в настоящее время создаются «Виртуальные святилища», посетить которые можно погрузившись в состояние глубокой медитации, что позволяет устранить проблему вынужденного дистанцирования верующих друг от друга [5]. Ярким примером использования интернет пространства в религиозных целях является разработанная в апреле 2020 года танцовщицей из Нью-Йорка Dunya McPherson суфийская мистическая практика восстановления нервной системы, помогающая обрести веру в будущее. Данная практика транслировалась посредством онлайн семинаров и заключалась в ритмических танцах и движениях [4].

В тоже время Интернет ограничил возможность притока новых членов в религиозные сообщества, а, следовательно, сократил количество людей, способных обеспечивать нужды общины в хозяйственно-экономической деятельности, в совершении внекультовой деятельности. Теперь верующему человеку не обязательно примыкать к какой-либо религиозной общине. Быть самостоятельным в духовных практиках более привлекательно для многих индивидов. Однако проблема касается не только возможности пополнения рядов религиозных общин новыми членами, но и вопросы возврата в общины тех, кто до пандемии COVID-19 на протяжении нескольких лет регулярно посещал все богослужения и проповеди, организованные общиной. Также сократились финансовые поступления в общины. Принудительный переход от оффлайн служений к онлайн служениям заставляет задуматься верующих, духовных наставников и исследователей о будущем религиозных собраний в их традиционной форме, о будущем религий, в целом. После снятия принудительных мер изоляции произойдет ли возврат к традиционным формам службы? Вернуться ли люди в свои религиозные общины, церкви, движения?

Распространение смертельно опасного вируса COVID-19 подтолкнуло общество к трансформациям, вызревавшим на протяжении нескольких лет. Духовная сфера, оказавшись наиболее чувствительной, отреагировала изменениями в своей самой уязвимой части – религиозном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова Ю.В. Механизмы возникновения религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. №3. С. 97-105.
2. Гаврилова Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания (социально-философский анализ). Автореферат дис. … кандидата философских наук. Забайк. гос. гуманитар.- пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Чита, 2011. 23 с.
3. Субботина Н.Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 432 с.
4. DanceMeditation // Official cite. URL: https://dancemeditation.org/product/spring-dancemditation-online/

5. Galea S. Merchant RM. Lurie N. The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. JAMA Intern Med. 2020. 180 (6). P. 817-818. doi:10.1001/jamainternmed.2020.1562.
6. Hervieu-Léger, D. (2011). Faut-il définir la religion? Questions préalables à la construction d'une sociologie de la modernité religieuse. Archives de sciences sociales des religions.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gavrilova Ju.V. Mehanizmy vozniknovenija religioznogo sinkretizma // Gumanitarnyj vektor. 2017. T. 12. №3. S. 97-105.
2. Gavrilova Ju.V. Dialektika estestvennyh i social'nyh faktorov formirovanija religioznogo soznanija (social'no-filosofskij analiz). Avtoreferat dis. … kandidata filosofskih nauk. Zabajk. gos. gumanitar.- ped. un-t im. N.G. Chernyshevskogo. Chita, 2011. 23 s.
3. Subbotina N.D. Social'naja jevoljucija i povedenie cheloveka: dialektika estestvennogo i social'nogo, sohranenija i razvitija. M.: Lenand, 2014. 432 s.
4. DanceMeditation // Official cite. URL: https://dancemeditation.org/product/spring-dancemditation-online/
5. Galea S. Merchant RM. Lurie N. The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. JAMA Intern Med. 2020. 180 (6). P. 817–818. doi:10.1001/jamainternmed.2020.1562.
6. Hervieu-Léger, D. (2011). Faut-il définir la religion? Questions préalables à la construction d'une sociologie de la modernité religieuse. Archives de sciences sociales des religions.

Поступила в редакцию 30.09.2020.
Принята к публикации 03.10.2020.

Для цитирования:
Гаврилова Ю.В. Трансформации духовной сферы общества в условиях пандемии COVID-19 // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 6-10. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Gavrilova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264442
УДК 371.39

Райченко А.В., Сафронова М.А.

Райченко Антон Владимирович, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». 347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48. E-mail: antonshka101@mail.ru.
Сафронова Мария Андреевна, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». 347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48. E-mail: m1-s@bk.ru.

Цифровая трансформация современной образовательной среды

Аннотация. Статья посвящена проблеме цифровой трансформации: изучено влияние цифровой трансформации как на образовательную среду в целом, так и на каждого её участника. Рассмотрены особенности каждого этапа цифровизации школы. Материал статьи позволяет сформировать представление о том, каким образом цифровые технологии влияют на формирование новых компетенций, создают межпредметные связи, и расширяют набор методов учебной деятельности. Создание умной образовательной среды делает образование более доступным и позволяет улучшить результаты учебной работы.
Ключевые слова: цифровая трансформация, умная образовательная среда, цифровизация, цифровые технологии, технологический цифровой разрыв.

Raychenko A.V., Safronova M.A.

Raychenko Anton Vladimirovich, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSEU (RINH). 347936, Russia, Taganrog, Initiativnaya st., 48. E-mail: antonshka101@mail.ru.
Safronova Maria Andreevna, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSEU (RINH). 347936, Russia, Taganrog, Initiativnaya st., 48. E-mail: m1-s@bk.ru.

Digital transformation of the modern educational environment

Abstract. The article is devoted to the problem of digital transformation: the influence of digital transformation on the educational environment as a whole and on each of its participants is studied. The features of each stage of school digitalization are considered. The material of the article allows us to form an idea of how digital technologies affect the formation of new competencies, create intersubject connections, and expand the set of methods of educational activities. Creating a smart educational environment makes education more accessible and improves learning outcomes.
Key words: digital transformation, smart educational environment, digitalization, digital technologies, technological digital divide.

Цифровизация школы – это процесс перехода на электронную систему обучения. Она подразумевает полное обновление всей образовательной среды, в которую входят образовательные результаты, содержание образования, организационные формы учебной деятельности, оценка результатов. Цифровая

трансформация образования берет свои основы в личностно-ориентиро-ванном обучении, учитывая его особенности.

Системное обновление всех описанных выше составляющих должно происходить в комплексе, поскольку только в этом случае будет возможно достичь желаемых результатов.

При разработке и реализации программ образования часто появляются противоречия в результатах обучения, способах и методах самого процесса получения образования. Так, например, дифференцированный подход в обучении призван строить процесс образования с учетом особенностей каждого ученика. Для этого учитель может использовать различный материал для базового и углубленного изучения. Однако при попытках организовать дифференцированный подход в обычной школе, педагог сталкивается с большими трудностями. Например, нехватка методических материалов и учебной литературы, отсутствие четко сформулированных требований к результатам такого подхода, сложность в его реализации и контроле процесса обучения в обычном классе.

Цифровая трансформация призвана помочь решить данные проблемы.

В ходе ее реализации внедряются следующие инструменты и сервисы, позволяющие:

– дополнить уже существующие образовательные результаты новыми компетентностями, которые требует современное общество;

– обновить содержание предметных областей с учетом цифровизации, межпредметных связей;

– расширить набор методов учебной деятельности, повышая ее эффективность и экономя время участников образовательного процесса;

– комбинировать разнообразные формы организации учебного процесса, чтобы обеспечить достижение результатов обучения всеми обучающимися и давая им возможности для развития познавательного интереса.

Следует отметить, что процесс внедрения цифровых технологий в образовательный процесс может существенно отличаться в зависимости от различных факторов. Учитывая это, выделяют следующие уровни использования цифровых технологий:

– замещение;
– улучшение;
– изменение;
– преобразование.

На первом уровне изменение процесса обучение изменяется, но минимально. Примером послужит замена чтения книги на чтение с монитора компьютера. На втором уровне также происходит незначительное изменение учебного процесса, но повышается функциональность того инструмента, который используется в процессе обучения. На третьем уровне функционал расширяется уже существенно. Например, ученики готовят презентации не только как отчет о домашнем задании, но и для размещения в виде публикаций. Наконец, на последнем уровне инструмент учебного процесса изменяется по сравнению со стандартным.

Учитывая описанные уровни, можно сделать вывод о том, что на первых уровнях образовательный процесс практически не изменяется, т.е. не происходит улучшения образовательных результатов. На последнем уровне трансформации появляется возможность ставить новые задачи в процессе обучения. Предполагается, что такая трансформация может привести к повышению доли успешно обучающихся учеников и развитию их личностного потенциала.

В настоящее время в нашей стране трансформация производится в основном на первом и втором уровнях. Поэтому маловероятно, что такие изменения могут привести к какому-либо заметному результату. Чтобы в школах трансформацию начали использовать на последних

уровнях, недостаточно просто повысить доступность цифровых технологий. Без определенных изменений в системе образования, которые возможны только в том случае, если будут привлечены работники школы и родители, переход к улучшению работы невозможен.

В ближайшее время всем работникам образования необходимо будет прилагать большие усилия, чтобы согласовать и сформулировать соответствующие требования к результатам образования, которые будут формулироваться в условиях цифровой трансформации. Возможно будет необходимо пересматривать составляющие математической грамотности, а также гуманитарных дисциплин. В зарубежных странах большое внимание уделяют распространению методов процессного управления, увеличению числа рабочих мест, где требуются умения формализации поставленной задачи, что соответствует необходимости переопределить традиционные цели в ходе цифровой трансформации [1, с. 34-36].

Цифровая трансформация образования привет также и к тому, что поменяется содержание образования, где основным источником информации остается учебник. В настоящий момент учащимся и педагогам доступно большое количество других источников информации. Цифровые источники насчитывают сотни тысяч образовательных материалов. Их количество постоянно растет за счет разработок педагогов. Поэтому появляется возможность подбирать учебный материал с учетом особенностей обучающихся, дифференцировать их работу.

Таким образом, в обязательном курсе обучающиеся осваивают один и тот же материал, но каждый обучающийся может делать это на своем образовательном уровне.

В ходе трансформации в учебных заведениях работа может обеспечиваться с помощью использования цифровой образовательной среды, т.е. совокупности цифровых устройств, развивающихся для обеспечения работы учебных заведений. В настоящее время ее составляющие плохо согласованы друг с другом [2, с. 8-15]. Поэтому предлагается введение в учебных заведениях «умной образовательной среды», которая будет помогать в индивидуализации и планировании работы каждого обучающегося на различных этапах обучения. Умная среда должна помочь:

– в создании организованной системной работы учеников и педагогов;

– в предоставлении доступа к необходимым учебным материалам и пособиям;

– в отслеживании хода образовательного процесса всеми его участниками.

Еще одной составляющей образовательного процесса, которая будет обновляться в ходе цифровой трансформации это оценивание результатов обучения. На каждом этапе обучения ученики будут знать, что именно они осваивают, насколько они продвинулись или отстали в учебном процессе. Это позволит каждому обучающемуся заниматься в своем темпе. При этом планируется автоматизация оценочных процедур. Так, например ЕГЭ в школах в значительной мере влияет на образовательный процесс. Внедрение компьютеров в повседневную работу и при проведении итоговых экзаменов – наиболее рациональный путь. Но переход к компьютерным экзаменам является непростой задачей. Тем не менее данную проблему возможно решить, чтобы улучшить результаты учебной работы и сократить нарастающие цифровые разрывы.

Внедрение цифровой трансформации в образовательный процесс идет уже достаточно продолжительное время. Данная работа уже пережила определенные этапы: развитие мотивации к применению цифровых средств; обеспечение их доступности; формирование компьютерной грамотности; использование цифровых технологий для решения новых типов задач. В настоящее время накоплен большой опыт решения задач на первых трех этапах, т.к. обучение информатике ведется во всех школах страны. Школы в той или иной степени оснащены компьюте-

рами и подключены к интернету. Ведется деятельность в обучении всех педагогов компьютерной грамотности, стали ясными возникающие при этом трудности и пути их решения. Очевидно, что внедрение цифровых средств пока не привело к значительному повышению результативности образовательного процесса. Тем не менее ясно, что развитие цифровых устройств, материалов, а также новых педагогических разработок способно улучшить образовательную систему. Наполнение образовательных организаций цифровыми средствами является основной задачей первых этапов внедрения цифровой трансформации. Эта деятельность связана с преодолением технологического цифрового разрыва [3]. В свою очередь, изменения, которые связаны с обеспечением повышения результативности работы образовательных организаций, формированием у педагогов и обучающихся способности применять цифровые средства в своей работе, составляют содержание заключительного четвертого этапа внедрения цифровой трансформации образовательного процесса. Чтобы возможно было справляться с возникающими вызовами, наша система образования должна двигаться у новой модели, персонализированной и ориентированной на результат организации образовательного процесса. Ставя задачу преодоления цифрового разрыва, важно учитывать тот факт, что задачи, решаемые на первых этапах трансформации даже в настоящее время решены не полностью. Поэтому для цифровой трансформации выдвигаются следующие приоритетные направления:

– продолжение модернизации образования в рамках цифровизации;

– освоение новых технологичных решений со сменой моделей педагогической работы.

Работа по этим направлениям позволит обеспечить начало цифровой трансформации уже в ближайшее время и будет в полной мере соответствовать логике ее создания.

Подводя итог под выше сказанному, отметим еще раз, что цифровая трансформация пока достаточно далека от своего завершения, а также от достижения желаемых результатов, но отрицать тот факт, что она должна будет приносить свои плюсы в образовательный процесс нельзя. Поэтому работы по ее развитию ведутся в настоящее время и возможно скоро мы сможем увидеть ее эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авадаева И.В. Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды; монография. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». 2018. 174 с.
2. Анохина Е.М., Косов Ю.В., Халин В.Г., Чернова Г.В. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 8-26.
3. Уваров А.Ю. и др. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. 343 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Avadaeva I.V. Metodologicheskie osnovy formirovanija sovremennoj cifrovoj obrazovatel'noj sredy; monografija. Nizhnij Novgorod: NOO «Professional'naja nauka». 2018. 174 s.

2. Anohina E.M., Kosov Ju.V., Halin V.G., Chernova G.V. Sistemnye riski upravlenija pri realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovanija i nauki: analiz problemnoj situacii, riski i ih identifikacija // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2016. № 10. S. 8-26.
3. Uvarov A.Ju. i dr. Trudnosti i perspektivy cifrovoj transformacii obrazovanija. Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki», In-t obrazovanija. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 2019. 343 s.

Поступила в редакцию 30.10.2020.
Принята к публикации 03.11.2020.

Для цитирования:
Райченко А.В., Сафронова М.А. Цифровая трансформация современной образовательной среды // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 11-15. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Raychenko.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264471
УДК 1:3+930.1

Шкундич А.О.

Шкундич Алексей Олегович, преподаватель, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. 220013, Беларусь, г. Минск, ул. П. Бровки, 6. E-mail: aleksejkaramazov190@gmail.com.

К вопросу о видовой эксплуатации в работах Б. Торреса

Аннотация. Автор анализирует концепцию Б. Торреса, посвященную видовой эксплуатацией животных в современной системе западного капитализма. В статье применяется марксистская теория для рассмотрения различных практик эксплуатации и отчуждения животных как одной из форм товарных отношений. Б. Торрес исходит из тезиса субъектности животных, как самоочевидного факта, не используя научную доказательную базу, которая бы могла усилить его аргументы и перевести их в плоскость социального активизма.
Ключевые слова: животные, эксплуатация, отчуждение, марксизм, карнизм, спешисизм.

Shkundich A.O.

Shkundich Alexey Olegovich, lecturer, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics. 220013, Belarus, Minsk, P. Brovki st., 6. E-mail: aleksejkaramazov190@gmail.com.

On the question of species exploitation in the works of B. Torres

Abstract. The author analyzes the concept of B. Torres, dedicated to species exploitation in the modern system of Western capitalism. The article applies Marxist theory to consider various practices of animal exploitation and alienation as a form of commodity relations. The author comes to the conclusion that B. Torres proceeds from the thesis of animal subjectivity as a self-evident fact, without using scientific evidence that could strengthen his arguments and translate them into social activism.
Key words: animals, exploitation, alienation, Marxism, Carnism, Speciesism.

Боб Торрес – американский философ, который использует наследие Франкфуртской школы, социальную экологию Мюрея Букчина и политическую экономию Карла Маркса, чтобы объяснить, как капитализм легитимирует и усиливает эксплуатацию животных.

Б. Торрес, критикуя общество потребления, обнаруживает в нем такие явления как «карнизм» и «спесишизм». Спесишизм – это понятие, которое обозначает ущемление интересов или прав одного биологического вида другим, основанное на убеждении в собственном превосходстве. Термин был развит в работах Ричарда Райдера и Питера Сингера. По их мнению, современное человеческое общество осуществляет видовую дискриминацию в отношении животных, в то время как презумпция человеческого превосходства над другими видами не имеет основания [4, с. 13-15].

Карнизм – это идеология, которая выделяет одни виды в качестве источника питания для homo sapience, в то время как другие виды животных не допускаются для употребления в пищу. Таким образом, карнизм представляет собой

«невидимую» систему убеждений, которая в процессе социализации интериоризируется человеком [4, с. 118].

Для того, чтобы пояснить и проиллюстрировать функционирование карнизма, Б. Торрес приводит аналогию с расизмом. Так, развитие капитализма во многом обеспечивалось рабским трудом выходцев из африканского континента. Идеология расизма выступала источником легитимации для сверхэксплуатации целой группы людей, используя для этого социально конструируемую категорию расы. Таким образом, эта идеология обеспечивала сохранение социально-экономической иерархии с помощью фигуры. Другого в капиталистической системе. Похожим способом в современном обществе функционируют идеологии карнизма и спешисизим. Эти идеологии вплетены в современные экономические и социально-политические процессы. Животные играют существенную роль в капиталистической экономике, они эксплуатируется для производства продуктов питания и предметов обихода. Люди ставят на них медицинские и научные эксперименты. С позиции права животные – это собственность, что дает юридическое основание для их эксплуатации.

Б. Торрес дает негативную оценку капиталистической экономике как отчуждающей и эксплуатирующей системе. Животные в капиталистической системе также эксплуатируются для производства и увеличения капитала. Однако философ замечает, что эксплуатация животных существовала и без капитализма. Капитализм расширил и углубил господство человека над животными и природой: «Капитализм буквально отпечатал себя на телах животных – не просто оставив на них знаки принадлежности владельцу вроде логотипов и клейма, но также изменив сами тела посредством селекции, превратив их в лучший товар – особенно в последние несколько десятилетий» [5, с. 107].

Поскольку капитализм имеет прямое отношение к эксплуатации животных, возникает необходимость обратиться к марксистской политической экономии, а именно – к анализу товарной формы. Товар обладает двумя свойствами: потребительная стоимость и меновая стоимость. Чтобы понять, что такое потребительная стоимость, Торрес приводит в пример хлеб, с помощью которого человек может утолить чувство голода. Потребительная стоимость – это способность вещи удовлетворять ту или иную потребность человека, также с ее помощью люди могут отличать один товар от другого. Меновая стоимость – это способность одного товара обмениваться на какой-либо другой товар. В рамках капиталистической системы потребительная стоимость замещается логикой обмена, поскольку в этой системе товары производятся для извлечения прибыли. Здесь следует упомянуть о противоречии между потребительной и меновой стоимостью. Это противоречие можно проиллюстрировать следующим примером. У человека есть потребность в жилье, но реализовать он его не может даже при наличии пустующих домов, так как на рынке они наделяются меновой стоимостью.

Та же ситуация характеризует образование и медицину. Логика обмена доминирует в общественных отношениях и формирует их. Экономическая, культурная, социальная и идеологическая сферы неразрывно связаны друг с другом и влияют на человека. Маркс в своих «Тезисах о Фейрбахе» пишет о том, что общественная жизнь определяет сознание [2, с. 1-4]. Люди в процессе социализации усваивают актуальные для них социальные установки. В капиталистической системе, где доминирует обмен, происходит инверсия бытия людей и бытия вещей, это значит, что вещь одушевляется и наделяется несвойственными ей атрибутами, а общественные отношения и люди объективируются. Некоторые предметы начинают иметь большее значение, чем их создатели. Например, деньги, как особый товар. Нестор Коан высказался о них следующим образом: «Деньги – царь и бог. Там, где есть рынок и капитализм, истинный

бог не в церкви, а на фондовой бирже, в частной собственности на средства производства» [3, с. 111]. Будучи простыми потребителями, люди отчуждены от производителя и производственного процесса. Осуществляя покупки, человек абстрагируется от факторов и процессов производства товара. К. Маркс назвал этот феномен товарным фетишизмом, в некотором смысле, это ширма, которая скрывает систему общественного производства. Например, человек приходит в магазин и покупает мясо в красивой глянцевой упаковке. Но он может не иметь представления о том, в каких условиях был произведен этот товар. Такое положение дел безусловно выгодно тем, кто получает прибыль от продажи товаров сельскохозяйственной продукции.

Марксистская политическая экономия дает инструменты для понимания товара и его производства в капиталистической системе, а также эксплуатации людей и животных. С ее помощью раскрываются властные отношения в обществе.

Структура капитализма предполагает момент отчуждения от производителя и процессов производства, что приводит к «реификации», то есть к овеществлению социальных отношений между людьми. Реификация порождает деперсонализацию человека и в то же время происходит персонификация вещей. Б. Торрес распространяет эту логику на отношения между людьми и животными. В рамках глобализированного индустриального сельскохозяйственного производства животные находятся в еще более худшем положении, чем рабочий класс, поскольку являются собственностью людей, фактически рабами. Животные находятся постоянно в производственном процессе, создавая прибыль всю свою жизнь.

Б. Торрес перечисляет следующие формы отчуждения животных:

1. Животные отчуждаются от продуктов своего производства. Например, детеныши некоторых животных, которых отбирают при рождении. Также можно вспомнить научные эксперименты и вивисекцию.

2. Животные отчуждаются от своей работы, присваиваются капиталом и редуцируются к производственным функциям. Для кур производство яиц становится единственной деятельностью на пользу тех, кто извлекает прибыль из тела животного. Остальные аспекты существования подавляются, т.к. они мешают процессам производства.

3. Отчуждение животных друг от друга. Б. Торрес ссылается на исследовательницу К. Носке, которая утверждает, что животным необходимы игры и коммуникация друг с другом. Животные ограничиваются в перемещении для того, что нивелировать негативные аспекты труда. Сами производственные процессы капитализма организованны таким образом, чтобы увеличить прибыль и уменьшить затраты. Социальные нужды животных подчиняются функционированию капитала.

4. Животные отчуждаются от окружающей среды. Животные вырваны из экосистемы: они живут и рождаются в искусственных системах сельского хозяйства [5, с. 160-162].

Таким образом, можно сформулировать следующий тезис: все выше перечисленные формы отчуждения равносильны отчуждению от жизни их вида.

Чтобы лучше понять, как товарная форма определяет эксплуатацию и отчуждения животных, Б. Торрес обращается за примером к производству яиц. Курицы, которые несут яйца, содержаться в клеточных батареях по 6-7 особей. В тесных клетках они проводят всю свою жизнь, пока они нужны производителям. Без анестезии курицам раскаленным железом обрезается клюв. Когда птицы утрачивают свои производственные функции, их жестоко убивают.

В своей книге Б. Торрес отмечает следующее: «в 2005 году в США общий объем производства столовых яиц составил 76,98 миллиарда штук. В общей сложности в США в 2005 году в произ-

водстве яиц было задействовано около 286 миллионов несушек, в тот же год среднестатистический потребитель в США потребил около 21 десятка яиц». В США ежегодно убивается 9 миллиардов животных. Сельскохозяйственная индустрия – это достаточно крупный бизнес: «В 2006 году розничная эквивалентная стоимость американской мясной промышленности составила 71 миллиард долларов, а годовое потребление мяса в США составило 12,7 миллиарда килограммов» [5, с. 157].

Дальше философ обращается к рабочим, занятым на скотобойнях. Сама по себе эта работа числиться в списке опасных. К труду зачастую привлекаются нелегальные иммигранты, что снижает издержки и увеличивает прибыль производства. Животные наносят физические травмы здоровью работников. Рабочие также получают эмоциональный и психический ущерб.

Итак, марксистская оптика позволяет Б. Торресу демистифицировать товарные отношения и взглянуть по-другому на процессы производства товаров животного происхождения. За продуктами, которые мы привыкли покупать в магазинах, находится комплекс экономических, институциональных и культурных дискурсов, которые позволяют извлекать прибыль из эксплуатации животных. Животные находятся в человеческой собственности, они эксплуатируются как товары и для производства товаров. Этот факт скрывается от нашего повседневного взгляда с помощью идеологической машинерии капитализма, что позволяет держать человека на дистанции от дегуманизированных условий производства товаров, которые люди привыкли потреблять.

Б. Торрес приходит к выводу, что борьба против эксплуатации животных должна быть включена в практики эгалитарной эмансипации от всех форм угнетения в современной экономике и культуре. Освобождение животных должно идти параллельно с освобождением людей. В качестве справедливого политического и экономического устройства он видит социальный анархизм. И решительно отвергает так называемый «анархизм образа жизни», как неспособный решить проблему эксплуатации животных на широком уровне. Однако вызывает сожаление то, что в своем анализе эксплуатации животных Б. Торрес исходит из тезиса субъектности животных, как самоочевидного факта. В его анализе отсутствует научная доказательная база, которая бы могла добавить весомых аргументов в пользу равноправия животных и людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Предисловие. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 534-538.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1-4.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517-642.
4. Сингер П. Освобождение животных / Сокр. пер. А.И. Петровской. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2002. 136 с.
5. Torres B. Making a Killing: The Political Economy of Animal Rights Oakland. CA: AK Press, 2007. 171 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Marks K., Jengel's F. K kritike politicheskoj jekonomii. Predislovie. Izbrannye proizvedenija. V 3-h t. T. 1. M.: Politizdat, 1980. S. 534-538.
2. Marks K., Jengel's F. Tezisy o Fejerbahe. Soch. 2-e izd. T. 3. M.: Politizdat, 1955. S. 1-4.

3. Marks K., Jengel's F. Jekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda. Iz rannih proizvedenij. M.: Politizdat, 1956. S. 517-642.
4. Singer P. Osvobozhdenie zhivotnyh / Sokr. per. A.I. Petrovskoj. Kiev: Kievskij jekologo-kul'turnyj centr, 2002. 136 s.
5. Torres B. Making a Killing: The Political Economy of Animal Rights Oakland. CA: AK Press, 2007. 171 p.

Поступила в редакцию 27.10.2020.
Принята к публикации 30.10.2020.

Для цитирования:
Шкундич А.О. К вопросу о видовой эксплуатации в работах Б. Торреса // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 16-20. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Shkundich.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264584
УДК 316.334.55

Шмаков В.С.

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН. 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: vsshmakov@gmail.com.

Факторы социокультурного развития сельских локальных сообществ

Аннотация. В статье рассматривается проблема динамики социокультурного развития сельских локальных сообществ. Социокультурные процессы в сельских сообществах осуществляются в условиях многополярности, разновекторности и разновременности развития экономического пространства. Определяющее воздействие на социокультурное развитие сельских сообществ оказывают производственно-экономические и институциональные факторы. Их трансформации являются основой социокультурной эволюции сельских сообществ, фиксирующих место и роль в социально-экономическом развитии. Сложившиеся основные типы производственно-экономического развития сельскохозяйственных территорий: инновационный, смешанный, деструктивный, оказывают генерирующее воздействие на динамику социокультурного развития сельских сообществ.
Ключевые слова: сельские локальные сообщества, социокультурная динамика, факторы трансформации, моделирование.

Shmakov V.S.

Shmakov Vladimir Sergeevich, Doctor of Philosophical Sciences, leading researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS. 630090, Russia, Novosibirsk, Nikolaeva st., 8. E-mail: vsshmakov@gmail.com.

Factors of socio-cultural development of rural local communities

Abstract. The article considers the problem of dynamics of social and cultural development of rural local communities. The sociocultural processes of rural communities are performed in conditions of multipolarity, diversity and simultaneity of economic space development. Production, economic and institutional factors have a determining influence on the socio-cultural development of rural communities. Their transformations are the basis for the socio-cultural evolution of rural communities, setting out their place and role in socio-economic development. Sociocultural processes, in turn, can both support and inhibit innovative development.
The established main types of industrial and economic development of agricultural areas (innovative, mixed, destructive) have a generating effect on the dynamics of socio-cultural development of rural communities.
Key words: rural local communities, sociocultural dynamics, factors of transformation, modeling.

Анализ развития постсоветских обществ в рамках теории модернизации, позволяет исследовать новые аспекты их трансформации и обнаруживать точки соприкосновения с цивилизационной теорией, но, в то же вре-

мя, возникают определенные противоречия между этими подходами. Если цивилизационная теория постулирует уникальный, неповторимый характер каждой культуры (цивилизации, культурно-исторические типы), их автономность, выраженную в большей или меньшей степени (от полной автаркии до некоторого взаимовлияния), то теория модернизации (особенно если иметь в виду ее классическую разновидность 1950–1960-х годов) фактически сводит историческое развитие к конвергенции, неумолимому сближению различных обществ на пути к всеобщей, имеющей всемирно-историческое значение, эпохе современности, modernity. Эти процессы в полной мере затрагивают и Российскую Федерацию, которая, как и любое общество, в том числе и традиционное, движется к рыночным формам экономики, соблюдая в политическом устройстве демократические принципы управления, пытаясь воспроизводить либеральные ценности, вместо традиционных обществ. При этом отмечается, что общество переживает состояние аномии, то есть отсутствия норм или их рассогласование. В этом случае, модернизация оказывается своеобразным ответом постсоветских обществ на давление глобализованного мира. С одной стороны, устремление этих обществ изменить свою экономику, политику, культуру по лекалам западного мира, а с другой стороны, формируются своеобразные черты, связанные со спецификой социокультурного развития этих государств на предшествующих этапах. В этом заключается современный виток социокультурной трансформации, обнаруживающийся, во-первых, в известной ценностной унификации, во-вторых, в усилении неоконсервативных тенденций в менталитете граждан. Традиционные ценности оказывают определенное сопротивление масштабным изменениям массового сознания и мировосприятия, в целом, давление на динамику социокультурного развития. Если рассматривать социокультурную трансформацию как комплексную интегративную эволюционную модификацию социокультурной системы, то можно проследить процесс совмещения традиции и модерна. Мониторинг развития сельских локальных сообществ, проводимый нашим институтом на протяжении многих лет, показывает, что наблюдается процесс переход сообществ от замкнутости, локальности к открытости. В сообществах происходят технологические изменения, связанные с производственно-экономическими и институциональными процессами, оказывающими определяющее влияние на трансформацию всей системы общественных отношений, всех сфер жизнедеятельности села. Мы являемся очевидцами коренной ломки социокультурной парадигмы. Формирующаяся социокультурная среда характеризуется новыми коммуникационными и бихевиористическими моделями, приобретаются и используются новые способы получения, интерпретации и передачи знаний. Меняются формы повседневных, социокультурных практик, определяющих новые типы восприятия, уяснения социальной реальности.

Мы полагаем, что наблюдаемые инновационные процессы в производственно-экономической, институциональной и социокультурной сферах жизни сельских локальных сообществ, можно интерпретировать как «локальные ответы», вырабатываемые жителями села на изменения глобальных условий жизнедеятельности. Основной задачей исследования является определение факторов, оказывающих влияние на социокультурное развитие сельских локальных сообществ, с использованием методологии имитационного моделирования социокультурной ситуации.

Выдвигая в качестве объекта изучения «локальные сообщества», мы, в самом общем виде, представляем их как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся между собой членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией

проживания, связанных производственно-экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями [13, с. 142]. Предметной областью являются производственно-экономические, институциональные факторы, определяющие модели социокультурных процессов.

Целью нашей работы является анализ социокультурных аспектов развития сельских локальных сообществ, оценка влияния процессов производственно-экономической и институциональной модернизации на динамику социокультурных преобразований. Мы полагаем, что применение информационных технологий в процессе анализа социокультурного развития сельских локальных сообществ может способствовать установлению содержательных характеристик, отличительных особенностей развития, определяющих уровень социокультурной эволюции села. Такой подход способствует пониманию процесса формирования единой идентичности на ментальном и ценностном уровне, получению целостного глубинного понимания современной социокультурной реальности, определению субъектности на уровне социокультурного действия. Можно отметить, что этот процесс формирования социокультурной среды является не просто пассивным восприятием жителями села новой реальности, новых условий существования и жизнедеятельности, а воспринимается как система взаимодействий локальных социальных организмов с глобализованным обществом. Это понимание позволяет не только приспосабливаться к новой жизненной среде, но и вырабатывать ответы на происходящие изменения.

Мы полагаем, что использование методологии имитационного моделирования позволяет провести типологизацию концепций социокультурной динамики под влиянием производственно-экономических и институциональных трансформаций, выявить логику перехода сообществ от социокультурной модели, сформировавшейся в процессе предыдущего этапа развития (приватизация 90-х гг.) к модели, формирующейся в процессе модернизации. Используемая методологическая схема предполагает изучение социокультурной динамики развития сообществ, определение структуры применяемых сообществом практик, складывающихся под влиянием ряда мотиваторов. 1. Внешние факторы воздействия со стороны глобализованного общества. 2. Традиционность, воспроизводимая сообществом (включая этничность и религию). 3. Влияние внутренних условий существования сообщества. Расшифровка всей совокупности факторов позволяет определить «границы возможного», пределы, лимитирующие доступные сообществу формы воздействия на изменения социокультурных условий; ресурсы, обеспечивающие приспособительные реакции, вырабатываемых сообществами в процессе жизнедеятельности. Системный социокультурный подход способствует более полному пониманию сельских сообщества как единства культуры и социальности, образующегося в процессе созидательной деятельности, на основе кластерности, как способа самоорганизации сообществ, имеющих одинаковые и взаимовыгодные производственно-экономические, институциональные и социокультурные интересы, благоприятствующие выживанию в новых социально-экономических условиях.

Анализу проблем социокультурного развития посвящено достаточно много работ, рассматривающих социокультурные трансформации как тип антропосоциетального соответствия или в его конкретно-исторической форме. Отмечается, что это комплексный процесс, который охватывает все, наиболее важные, структуры общества, является результатом действий различных социальных акторов, что обусловливает «незаданность» его исхода [8, 12]. Исследуются социокультурные факторы, нормы и ценности, оказывающие влияние на развитие российского общества [4, 6]. Анализируется

проблема формирования и развития социокультурного пространства [2, 7, 9]. Отражаются разнообразные аспекты, касающиеся использования методологии и методов моделирования экономических и социальных взаимодействий [3, 5, 11].

Контекст рассмотрения социокультурных процессов развития сельских локальных сообществ тесным образом связан, как мы отмечали выше, с инновационными изменениями в сфере производственно-экономической и институциональной деятельности, обусловливающими актуализацию проблемы анализа социокультурной динамики сельских сообществ и реакциями жителей села на процессы трансформации. Происходящие в сообществах расколы, связанные с ростом социального неравенства, оказывают определяющее влияние на развитие структурного дисбаланса в различных социальных стратах, возникновению психологических дисфункций в сообществах, аномии, в конечном итоге, ведет к возникновению кризиса идентичности. Изучение динамики социокультурной трансформации сельских локальных сообществ может способствовать выявлению причин, породивших эти процессы, определению степени воздействия социокультурной деятельности на эти явления. Мы полагаем, что и социокультурный фактор оказывает определенный прессинг на экономические и институциональные процессы, может как стимулировать, так и тормозить их.

Анализ тенденций социокультурного развития сельских локальных сообществ показывает, что прослеживается целый ряд явлений, событий и феноменов, которые не укладываются в привычные рамки, не существует адекватных определений, сложно выделить репрезентативные модели их эволюции. Исследование моделей социокультурного развития сельских локальных сообществ процесс достаточно сложный, многовекторный. В ходе социальных трансформаций модели социального действия жителей села накладываются на модели функционирования социальных институтов, соприкасаются с моделями производственно-экономического цикла. Так, например, Ю.Н. Толстова, подчеркивает, что в социологии еще достаточно слабо используются методы математического моделирования при анализе социальных процессов [10, с. 104]. И это вполне справедливое замечание. Тем не менее, мы полагаем, что использование методов и методологии имитационного моделирования, при анализе динамики социокультурного развития сельских локальных сообществ, дает возможность провести комплексное исследование процессов и явлений развития сельской жизни. Позволяет дать характеристику отдельных агентов, понимаемых как субъект, обладающий определенным поведением, активностью, способный принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействующий с другими агентами, с внешней и внутренней средой, самостоятельно изменяться.

К числу основных оценочных факторов, определяющих уровень развитие социокультурной среды, можно отнести исторические, моральные ценности, способность сообществ к их реализации, политические ориентации, степень участия субъекта в большой и локальной социокультурной общности, систему ценностей, характеристики социальной мобильности и самореализации, уровень экономической, социальной и политической активности. В обобщенном виде социокультурная среда определяется набором мифов, архетипов, моральных норм и ценностей, присущих сообществу и оказывающих влияние на их стабильность. Такой подход дает возможность выявить предпосылки, условия и факторы социокультурной модернизации, позволяет выделить модели и механизмы социокультурного развития, оказывающие значительное влияние на изменение ситуации и определяющие перспективы развития. Использование модели помогает определить основные характеристики целого, состоящего из совокупности локальных

поведений множества агентов, выделить принципы описания социокультурного развития сообществ. Использование формализованных характеристик позволяет дать развернутый анализ внутренних и внешних взаимосвязей и взаимозависимостей исследуемых процессов. Проведение имитационных экспериментов, позволяет проводить симуляции процессов развития сообществ в реальном масштабе времени.

Как мы отмечали выше, сельские локальные сообщества представляют собой целостную систему, содержащую набор агентов с заданными свойствами и характеристиками, и взаимодействующих в процессе жизнедеятельности. Ее можно представить как своего рода абстрактную модель, включающую основные факторы, определяющие развитие: системные структурные блоки, характеризующие состояние системы; основные оценочные параметры (Рис. 1).

Возможно, что представленная схема не исчерпывает всю структуру отношений, взаимосвязей, взаимовлияний, но, с нашей точки зрения, отражает состояние системы достаточно полно.

Рис. 1. Схема комплексного исследования оснований и источников, определяющих динамику социокультурного развития сельских локальных сообществ

Классификация проблем, факторов, параметров по группам позволяет оценить их роль и место в структуре, выделить причины модуляции изучаемых явлений. В конечном итоге эта схема, использованная в имитационной многоагентной модели, может сохранять и поддерживать достаточно большой комплекс данных для применения в процессе моделирования социокультурного развития сельских сообществ (Рис. 2).

Собственно, сам процесс моделирования включает формирование проекта, описание исследуемого объекта: анализ предметной области; спецификация объекта; отбор параметров, отображение связей между ними; определение принципов и выделение функций модели. Создание имитационной многоагентной модели проходит ряд этапов: описание модели, программирование, выполнение имитационных экспериментов, обработка и интерпретация полученных результатов, при необходимости, изменение параметров модели. Предлагаемый алгоритм формирования многоагентной имитационной модели социокультурного развития сельских локальных сообществ позволяет определить тип модели; границы социокультурных трансформаций; выявить факторы, оказывающие влияние на развитие социокультурных процессов; определить формы процессов и модели разрешения противоречий и напряжений.

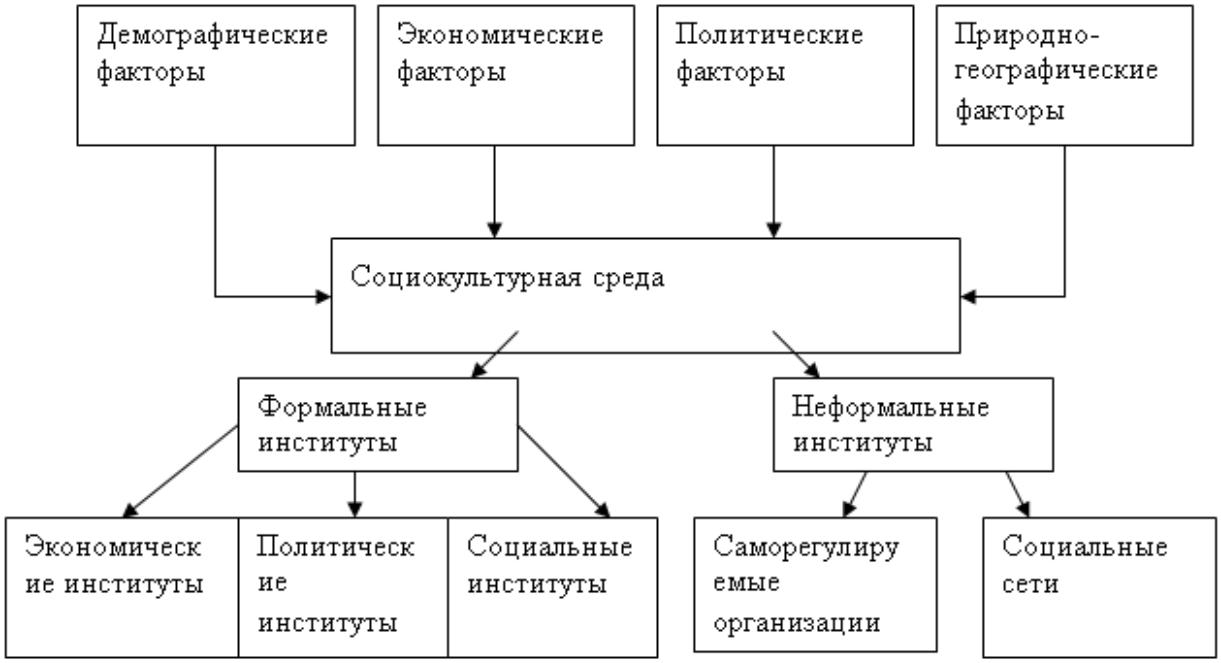


Рис. 2. Факторы, оказывающие влияние на формирование социокультурной среды сельских локальных сообществ

Наш анализ показывает, что решающее воздействие на социокультурное развитие сельских сообществ оказывают производственно-экономические, природно-географические, социально-демографические и, связанные с этими процессами, институциональные факторы. Именно они являются основаниями социокультурной трансформации сельских сообществ, определяют место и роль сельских сообществ в социально-экономическом развитии.

Нами выделены основные структурные блоки (Рис. 1). Производственно-экономический охватывает проблемы, характеризующие структуру производства, проблему занятости, развитие человеческого капитала села (уровень доходов населения, система отношений собственности, уровень развития рынка тру-

да и формы занятости, доминирующие виды производственно-экономической деятельности). Социально-демографический блок характеризует систему расселения, демографию, миграционные потоки, степень развития личных подсобных хозяйств, определяющий уровень дохода домохозяйств. Социокультурный блок, содержит вопросы социальной организации, социальных взаимоотношений, развитие культуры, образования жителей села. Этот блок проблем наиболее сложен, его анализ не однозначен, все параметры, характеризующие его состояние не стабильны. Причина этой нестабильности достаточно тривиальна, нет денег. В сельских сообщества нет единого хозяина, способного оказывать определяющее, регулирующее влияние на социокультурное развитие сельских сообществ. По нашим оценкам, степень вовлеченности жителей села в инновационные процессы достаточно слабая, что является важным при анализе уровня адаптированности к переменам. Социальные ресурсы, определяющие уровень социокультурного развития села, исчезающе малы. Можно отметить, что в период «перестройки» большая часть их была ликвидирована (включая библиотеки, клубы, фельдшерские пункты, детские сады и т. д.). Сельские сообщества становятся все менее предсказуемыми и слабо контролируемыми. Тенденция к миграции населения села в города и другие регионы, потеря квалифицированных кадров в сфере труда, быта и отдыха оказывает существенное влияние на процессы социокультурного развития сельских локальных сообществ.

Можно выделить основные типы производственно-экономического и институционального развития сельскохозяйственных территорий, оказывающее формирующее воздействие на социокультурную динамику сельских сообществ.

1. Инновационный. Основывается на экономике агрохолдингов и фермерства и характеризуется активным процессом производственно-экономического и инновационного развития, оказывает стимулирующее воздействие на изменение социокультурной среды, особенно в производственной деятельности.

2. Смешанный. В случаях преобладания смешанной экономики в поселениях отсутствует градообразующее предприятие. Агрохолдинги таковым не являются. Определяющую роль играют личные подсобные хозяйства, при наличии благоприятных природно-географических факторов, демографических ресурсов; система отходничество; миграция. Имеет место сохранение определенных традиций, норм, ценностей, поведенческих реакций, менталитета, этоса крестьянства.

3. Деструктивный. В случае отсутствия агрохолдингов, благоприятных дополнительных ресурсов, возможности официальной занятости, сельское сообщество деструктурируется и исчезает. Так, например, только в Новосибирской области за последние десять лет исчезло более 30 населенных пунктов [1]. По существу, именно эти основные типы современного развития сельскохозяйственных регионов, определяют состояние и модели социокультурного развития сельских локальных сообществ. В то же время, в процессе изменения социокультурной среды, воспроизводятся новые ценности, нормы, традиции, которые оказывают системообразующее влияние на процессы формирования и совершенствования новых технологий, реализацию современных принципов организации производственно-экономических, институциональных отношений.

В целом, можно отметить, что на социокультурные процессы, происходящие в сельских локальных сообществах, оказывают воздействие ряд факторов. 1. Идет процесс трансформации традиций жизнедеятельности сообществ в условиях прогрессирующего давления инновационной индустриальной производственно-экономической культуры. 2. Складывающиеся рыночных отношений коренным образом преобразуют сложившиеся усло-

вия жизни. Меняется социокультурный портрет жителей села, воспроизводится несвойственная населению сельских сообществ, в прошлом, потребительская ментальность. 3. На жизнь жителей села оказывают существенное влияние структуры, сформировавшиеся в период строительства социализма, обладающие определенной «системной жизнеспособностью», а также переходные формы, возникающие в процессе модернизации. 4. В процессе трансформации производственно-экономических отношений возникает тенденция к проявлению архаических субстратов в экономике личных подсобных хозяйств, та самая традиция, которая выступают своеобразной оппозицией процессам модернизации. 5. Немаловажной является проблема влияния внешнеэкономических факторов, глобализации на формирование социокультурного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алябьева А. Мёртвые деревни: новосибирские сёла умирают «долго и в муках» // ИА REGNUM. https://regnum.ru/news/2389180.html
2. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. М., СПб: Алетейя. 2007. С. 14-48.
3. Дружинин Л.Г., Угольницкий Г.А. Устойчивое развитие территориальных социально-экономических систем: теория и практика моделирования. М.: Вузовская книга, 2013. 224 с.
4. Козлова М.А., Симонова О.А., Воронина М.Д. Социальная сплоченность села: переживание настоящего и восприятие будущего // Социс. 2018. № 4 (408). С. 103-111.
5. Кусакина О.Н., Кривокора Ю.Н. Методологические основы функционально-структурного анализа многофункционального сельского хозяйства. // European Social Science Journal. 2013. № 8 -1 (35). С. 445-453.
6. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 9 (329). С. 3-18.
7. Маслова Т.Ф. Основы социокультурной интеграции современного общества: аксиологический аспект // Научные записки Международного гуманитарного университета. Одесса: Фенікс. 2016. Вып. 25. С. 172-175.
8. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурная модернизация регионов Сибири. СПб: ИД «Петрополис». 2013. 200 с.
9. Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 10(24). С. 158-162.
10. Толстова Ю.Н. Математическое моделирование социальных процессов и социология // Социс. 2018. № 9 (413). С. 104-112.
11. Толстова Ю.Н. Соотношение теоретического и эмпирического знания при использовании математических методов в социологическом исследовании // Социс. 2018. № 12 (416). С. 39-48.
12. Тощенко Ж.Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социс. 2018. № 2 (406). С. 71-81.
13. Шмаков В.С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сиб. филос. ж. 2017. Т. 15. № 4. С. 135-145.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aljab'eva A. Mjortvye derevni: novosibirskie sjola umirajut «dolgo i v mukah» // IA REGNUM. https://regnum.ru/news/2389180.html
2. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i genezis «klassov» // Sociologija social'nogo prostranstva. M., SPb: Aletejja. 2007. S. 14-48.
3. Druzhinin L.G., Ugol'nickij G.A. Ustojchivoe razvitie territorial'nyh social'no-jekonomicheskih sistem: teorija i praktika modelirovanija. M.: Vuzovskaja kniga, 2013. 224 s.

4. Kozlova M.A., Simonova O.A., Voronina M.D. Social'naja splochennost' sela: perezhivanie nastojashhego i vosprijatie budushhego // Socis. 2018. № 4 (408). S. 103-111.
5. Kusakina O.N., Krivokora Ju.N. Metodologicheskie osnovy funkcional'no-strukturnogo analiza mnogofunkcional'nogo sel'skogo hozjajstva. // European Social Science Journal. 2013. № 8 -1 (35). S. 445-453.
6. Lapin N. I. Sociokul'turnye faktory rossijskoj stagnacii i modernizacii // Socis. 2011. № 9 (329). S. 3-18.
7. Maslova T.F. Osnovy sociokul'turnoj integracii sovremennogo obshhestva: aksiologicheskij aspekt // Nauchnye zapiski Mezhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta. Odessa: Feniks. 2016. Vyp. 25. S. 172-175.
8. Nemirovskij V.G., Nemirovskaja A.V. Sociokul'turnaja modernizacija regionov Sibiri. SPb: ID «Petropolis». 2013. 200 s.
9. Remizova M.N. Interpretacija ponjatija «sociokul'turnoe prostranstvo» v klassicheskoj sociologii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2012. № 10 (24). C. 158-162.
10. Tolstova Ju.N. Matematicheskoe modelirovanie social'nyh processov i sociologija // Socis. 2018. № 9 (413). S. 104-112.
11. Tolstova Ju.N. Sootnoshenie teoreticheskogo i jempiricheskogo znanija pri ispol'zovanii matematicheskih metodov v sociologicheskom issledovanii // Socis. 2018. № 12 (416). S. 39-48.
12. Toshhenko Zh.T. Osobennosti zhiznennogo mira sel'skih zhitelej Rossii // Socis. 2018. № 2 (406). S. 71-81.
13. Shmakov V.S. Sel'skie lokal'nye soobshhestva: k metodologii issledovanija // Sib. filos. zh. 2017. T. 15. № 4. S. 135-145.

Поступила в редакцию 27.10.2020.
Принята к публикации 30.10.2020.

Для цитирования:
Шмаков В.С. Факторы социокультурного развития сельских локальных сообществ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 21-29. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Shmakov.pdf

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264582
УДК 37

Гусева Н.Ю., Чеченина О.А.

Гусева Надежда Юрьевна, кандидат психологических наук, руководитель регионального ресурсного центра по организации сопровождения детей с РАС, ГБУДО НО «ЦППМСП». 603041, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Красных партизан, 8А, литера Б. E-mail: gn-nglu@yandex.ru.
Чеченина Ольга Александровна, тьютор ресурсного класса, МБОУ «Школа №134». 603083, Россия, г. Нижний Новгород, ул. 40 лет Победы, 16. E-mail: redgreen2000@mail.ru.

Адаптация учебного материала по математике для обучающихся с расстройствами аутистического спектра

Аннотация. В статье описан опыт адаптации учебного материала по математике для обучающихся первого класса с расстройствами аутистического спектра. Спектр проблем в освоении математики данной категории детей очень разнообразен: от трудности понимания счета в пределах пяти, до умножения трехзначных чисел в уме. Адаптация учебного материала с применением средств и приемов формирования навыков, известных дефектологам и поведенческим аналитикам поможет оптимальным образом организовать учебный процесс, сформировать не только конкретные знания математики в рамках программы, но и повысить общую учебную мотивацию ребенка.
Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, обучение математике, адаптация материала, адаптированная основная общеобразовательная программа, формирование навыков, визуальная поддержка, наглядность.

Guseva N.Y., Chechenina O.A.

Guseva Nadezhda Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, head of the Regional Resource Center for Supporting Children with ASD. State-Funded Institution of Supplementary Education. 603041, Russia, Nizhny Novgorod, Red partisans st., 8A, letter B. E-mail: gn-nglu@yandex.ru
Chechenina Olga Alexandrovna, resource class tutor, MBEO «Secondary school №134». 603083, Russia, Nizhny Novgorod, 40 Let Pobedy st., 16. E-mail: redgreen2000@mail.ru

Adaptation of educational material in mathematics for students with autism spectrum disorders

Abstract. The article describes the experience of adapting educational material in mathematics for first-grade students with autism spectrum disorders. The range of problems in the development of mathematics

in this category of children is very diverse: from the difficulty of understanding counting within five, to multiplying three-digit numbers in the mind. Adaptation of educational material with the use of tools and techniques for forming skills, known defectologists and behavioral analysts will help to optimally organize the educational process, to form not only specific knowledge of mathematics in the program, but also to increase the overall educational motivation of the child.
Key words: autism spectrum disorders, teaching mathematics, adapted basic general education program, adaptation of the material, formation of skills, visual support, visibility.

В Нижегородской области в 2020 году было открыто девять ресурсных классов для детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Большинство детей данных классов обучаются по адаптированной основной общеобразовательной программе 8.2, которая является цензовой, но при этом требует мастерства и творческого подхода всех педагогов ресурсного класса в адаптации материала таким образом, чтобы ребенок в итоге смог освоить программу начального общего образования и перейти на уровень основного общего образования.

В данной статье мы рассмотрим основные темы предмета «математика», которые изучают дети в начале первого класса: числа, натуральный счет и сравнение. Данные темы важны для любого ребенка, так как являются базой для формирования математических представлений, без которой невозможно дальнейшее продвижение ребенка в данной области. Представленный материл адаптирован именно для обучающихся с РАС, с учетом их особенностей и использованием следующих принципов:

– максимальная наглядность материала и визуальная поддержка процесса обучения;

– опора на сильные стороны ребенка, уже сформированные знания и навыки, узкие интересы и т.д.;

– безошибочное обучение;

– поэтапный уход от подсказки;

– постепенное «наращивание» имеющихся навыков и преобразование их в более сложные;

– обучение через наблюдение;

– обучение через обратную связь;

– применение генерализации.

Материал, рассматриваемый в данной статье, уже был апробирован на базе ресурсного класса МБОУ «Школа №134» г. Нижнего Новгорода.

Цифры и числа от 1 до 10. Названия, обозначение, последовательность чисел. Построение натурального ряда чисел.

Большинство детей с РАС достаточно легко запоминают числовой в качестве целостного визуального или аудиального образа, при этом достаточно часто затрудняются в анализе числовой последовательности: определении соседей числа, понимании его уменьшения и увеличения и т.д. В изучении числового ряда необходимо учитывать особенности детей с РАС: их стереотипность и негибкость в уже приобретенных навыках и стремиться к избеганию стереотипного понимания числового ряда как некого целостного неизменного понятия. Вместе с этим, известно, дети с РАС лучше осваивают учебный материал, непосредственно оперируя с ним, производя действия, ведущие к конкретному результату. В связи с этим мы предлагаем изучать построение натурального ряда чисел на дидактическом материале – строке из чисел, в которой не хватает определенного числа.

Таким образом, для обеспечения возможности активного вовлечения ребенка в данное задание можно сразу использовать формат тестового задания, когда перед учеником числовой ряд с одним пропущенным числом, он выбирает нужную из вариантов карточек с цифрой и кладет ее в пустое окошко. Для обеспечения успешности освоения навыка, можно начать с небольшого диапазона выбора среди вариантов ответов (Рис. 1), и постепенно усложнять, увеличивая количество вариантов ответов и продлевая числовой ряд от 5 до 10 (Рис. 2).

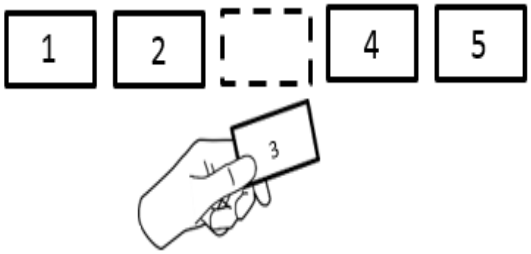


Рис. 1. Пример задания на освоения натурального числового ряда на начальном этапе.

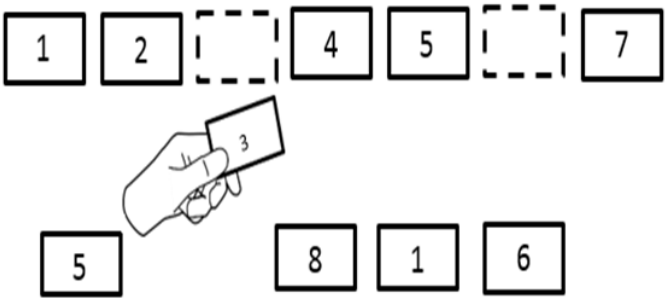


Рис. 2. Пример усложнения учебного задания на освоения натурального числового ряда.

Кроме заполнения окошек, более функциональному знанию числового ряда способствует интервальный счет. Счет в заданных интервалах поможет сформировать более гибкое представление о числовом ряде, что в дальнейшем будет способствовать развитию навыка счета на его базе. Следующим этапом изучения числового ряда должна стать работа над обратным счетом, в которой можно использовать те же методы и приемы.

Для совершенствования данного навыка можно использовать метод шейпинг (shaping) – преобразование существующего навыка в более совершенный [5]. Для реализации метода шейпинг необходимо установить исходный уровень конкретного навыка, на котором ребенок не сможет совершить ошибку, от которого мы сможем постепенно развивать его. Если ребенок совсем не знаком с числовым рядом, можно начать с предоставления ему только одной карточки с правильным ответом, и он, определяя ее на свое место, постепенно запоминает положение чисел. Безошибочное обучение [8], применяемое в данном случае, помогает создать ситуацию успеха, задавая нужный поведенческий импульс, повышая учебную мотивацию. Затем, можно ввести вторую карточку, которая будет максимально отличаться от правильного ответа, например, двузначное или трехзначное число, таким образом, ребенку будет по-прежнему не сложно сделать правильный выбор. Постепенно следует усложнять задание, доводя его до возможности самостоятельно выкладывать ряд.

Реализацию метода shaping можно осуществить с помощь работы с подсказками. Следует также отметить, что необходимо вовремя убирать подсказку, варьируя ее интенсивностью и видом для перехода к самостоятельной реакции. Подсказка в данном задании зависит от исходных знаний ребенка о числовом ряде. Если у него сформировался аудиальный образ ряда, без осознания понятия величины, можно предоставлять ему вербальную подсказку, проговаривая с ним ряд до нужного числа. Если у ребенка больше ресурсов в использовании зрительной памяти, можно подсказывать ему правильный выбор карточки: позиционной подсказкой, жестовой подсказкой или физической подсказкой. Так же важно предоставлять обратную связь с преобладанием положительного фидбека, максимально поддерживая инициативу обучающегося [4].

Обучение ребенка «методом подсказок» возможен только через планомерный уход от подсказки [1]. Например, используя метод «физической подсказки» педагог должен редуцировать свою помощь, если навык уже начал формироваться, добиваясь не только точности реакции, но и ее самостоятельности. Если педагог помогал брать ребенку правильную карточку, держа его за кисть, то, при условии правильной реакции (не менее трех раз подряд), педагог начинает оказывать подсказку, поддерживая ребенка

под локоть, а затем за предплечье и в последствии перейти на полностью самостоятельный навык.

В выборе из нескольких карточек, педагог может использовать «позиционную» подсказку, располагая правильную карточку максимально близко к ребенку или к самому заданию. Уход от подсказки происходит за счет сглаживания «особой позиции» карточки.

При использовании жестовой подсказки, педагог сам показывает жестом, какую карточку должен выбрать ребенок, не дожидаясь появления ошибки. Наиболее эффективным методом ухода от жестовой подсказки является задержка подсказки по времени. Таким образом, пока учебный материал для ребенка новый и шанс появления ошибки велик, педагог максимально быстро дает подсказку, потом, когда ребенок начинает ориентироваться в материале имеет смысл дать ему подумать так как вероятность правильного ответа значительно выше. Чем вероятнее правильный ответ, тем дольше задержка подсказки. Важно соблюсти баланс: не давать возможности ребенку ошибиться, так как накопление ошибочных реакций не способствует развитию навыка, но и длительное использование подсказки на одном уровне может сформировать зависимость от подсказки.

Если ребенок часто неуспешен, то на этом этапе можно применять обучение через наблюдение [4] – один из успешных методов формирования новых навыков, когда сначала инструкция дается, например, тьютору, а затем, когда ребенок наблюдал за ее правильным исполнением, она предоставляется ему самому. Таким образом, мы избегаем применения исключительно метода подсказки в обучении, что связано с риском формирования зависимости от подсказки и учим ребенка учиться, наблюдая за другими людьми, что само по себе является важным навыком для детей с РАС.

Рассмотренные методы обучения могут быть применены ко всем темам, которые мы будем рассматривать далее.

Счёт предметов

Изучение натурального счета предметов провоцирует необходимость анализа учебного материала обучающимся. Если демонстрация знания последовательности числового ряда возможно за счет механической памяти, то в процессе счета ребенок не может опираться на данный ресурс.

Если предыдущая тема, последовательность чисел, освоена, следует использовать числовой ряд для отсчитывания предметов. Как правило, у ребенка с РАС отмечаются следующие трудности, затрудняющие освоение счета предметов: трудность в удержании аудиальной инструкции, а значит и учебной задачи, а также трудности в переключении – в данном случае в том, чтобы вовремя остановиться, отсчитывая предметы.

Для формирования навыка счета предметов у детей с РАС можно также воспользоваться методом шейпинг. Если ребенок совсем не знаком с счетом, мы можем предлагать ему дать нам столько предметов, сколько лежит на столе.

Также можно начать с изучения понятий «один – много»: среди счетного материла просить ребенка различать один и много (Рис. 3).

После освоения данного навыка, добавляем понятие «два» и обучаем различать и показывать, где «один», где «два» и где «много» (Рис. 4). Продолжаем двигаться в данном направлении до появления понятия «пять». К этому времени, понятие «много» уже освоено и закреплено, кроме того ребенок может начать путать «пять» и «много», следовательно пришло время убрать из упражнения на различения количества данное понятие.

Соотнесение цифры и количества

Когда ребенок начинает хорошо различать количество предметов (на разном счетном материале) до пяти, необходимо вернуться к уже изученным нами цифрам и сформировать навык соотнесения количества с цифрой.

Начальным шагом может стать предметно-манипулятивная работа с материа-

лом: карточки с цифрами и окошками для количества предметов, куда ребенок самостоятельно может положить фишки, спички и различный счетный материал.

Для дальнейшего формирования данного навыка, а также его генерализации можно прибегать к игровой деятельности, в том числе по-очереди. В качестве игровой деятельности можно использовать настольные игры, например, «лото». Необходимо заготовить поле, на котором изображены предметы в количестве от 1 до 5 и предложить ребенку соотнести с ними карточки с изображением чисел от 1 до 5 (Рис. 5), и далее от 1 до 10 (Рис. 6).

Рис. 3. Тренировка навыка различения. Инструкция: «Где один?»

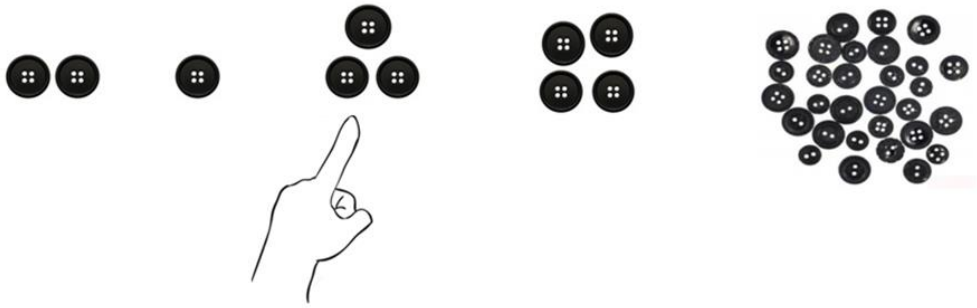


Рис. 4. Тренировка навыка различения. Инструкция: «Где три?»

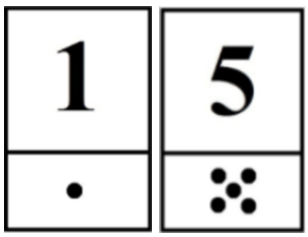


Рис. 5. Тренировка навыка сопоставления цифры с количеством

После того, как ребенок освоил соотнесение цифры с количеством до пяти, следует научить его отсчитывать необходимое количество предметов из множества. Например, перед ребенком около 10 предметов, педагог дает инструкцию «дай четыре». Ребенок должен отсчитать 4 предмета и дать их педагогу. Данный навык гораздо сложнее, чем различить 4 предмета среди сгруппированных предметов по три и по пять, так как в этом случае ребенок может опираться на визуальную память. Обучая ребенка отсчитывать нужное количество предметов, необходимо использовать визуальную поддержку в виде карточки с цифрой, это поможет ему не потерять задачу в процессе.

Освоив, таким образом, счет до пяти, необходимо постепенно продвигаться до десяти, наращивая по одной цифре по мере усвоения предыдущих.

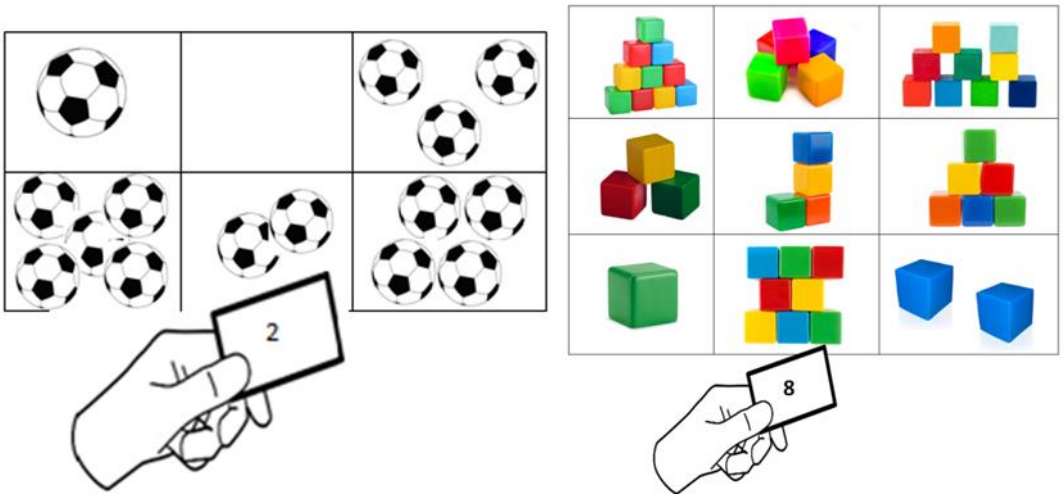


Рис. 6. Тренировка навыка сопоставления с помощью лото

Сравнение предметов и групп предметов

Сравнение количественных величин возможно только после освоения ребенком понятий «большой», «маленький», «одинаковые» и «разные».

Наиболее простое понятие среди вышеперечисленных: «одинаковые». Необходимо удостовериться, сформировано ли оно у ребенка. Для этого его можно попросить выбрать из множества карточек две одинаковые или по спонтанно сформированным парам карточек, спрашивать ребенка, какие из них одинаковые, а какие нет. Таким образом, постепенно вводим понятие «разные». Для глубокой проработки данного понятия важно начинать работу с анализа признаков предметов, а не их количества (Рис. 7).

После того, как понятие «одинаковые» и «разные» на базовом уровне сформированы, переходим к формированию понимания данных понятий в количественном понимании. Предлагаем ребенку сравнить карточки с изображением одного и того же предмета в различном количественном выражении (Рис. 8). Например, в одной паре карточек по два предмета, значит они «одинаковые», в другой паре: на одной два предмета, на другой – три, значит они «разные».

После освоения понятий «одинаковые», можно вводить в работу понятие «равно», вместе с математическим знаком «равно» и предлагать ребенку ставить этот знак только между одинаковыми карточками.

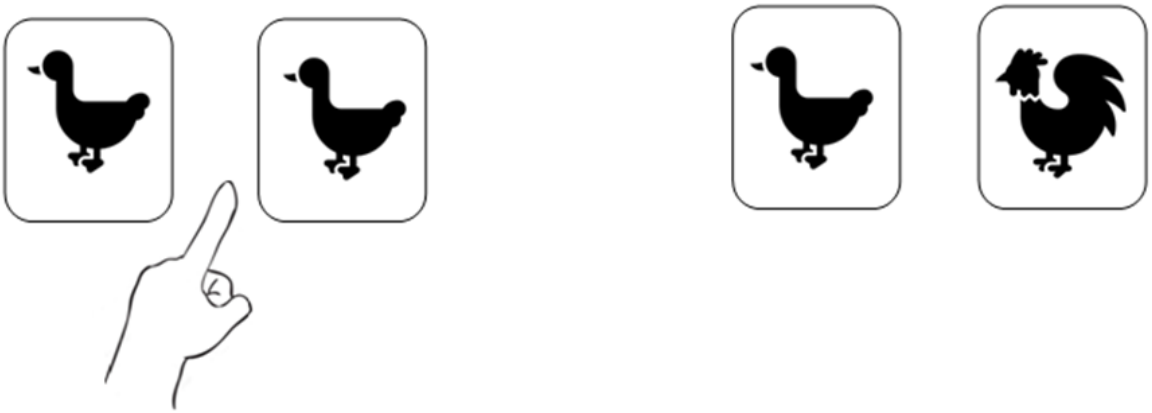


Рис. 7. Тренировка навыка сопоставления. Инструкция: «Покажи одинаковые»

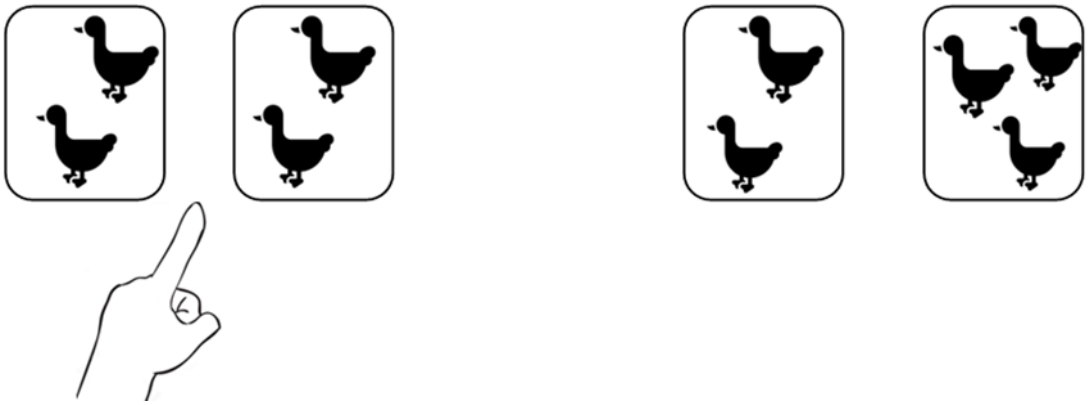


Рис. 8. Тренировка навыка сопоставления по количественному признаку. Инструкция: «Покажи одинаковые»

Для более функциональной проработки понятия равенства, можно предлагать ребенку задание «уравнять», используя различный дидактический материал или в письменных упражнениях. Уравнять количество предметов или знаком, можно двумя способами: добавить с одной стороны недостающие или убрать с другой стороны лишние. Необходимо обучать ребенка обоим способам. Если объем инструкции в этом случае слишком велик, мы можем ввести подсказку: когда мы просим ребенка: «уравняй, добавив» на столе лежат предметы, которые можно добавить (Рис. 9), а когда просим «уравняй, убрав» на столе нет предметов (Рис. 10), следовательно, для ребенка понятно, что нужно убирать предметы.

Постепенно нужно выполнять это упражнение без дополнительных пояснений, формулируя её односложной инструкцией: «уравняй». При этом можно перейти от предметного манипулирования к работе в тетради, предлагая ребенку зачеркивать значки или дорисовывать, чтобы получилось равенство (Рис. 11).

Когда ребенком освоены понятия «одинаковые» и «разные», мы можем перейти к более детальному изучению понятия «разные» через анализ признаков, характеризующих различие: «больше», «меньше» и, далее, количественные выражения этих же понятий.

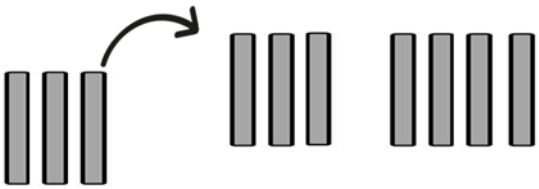


Рис. 9. Тренировка упражнения «уравняй, добавив»

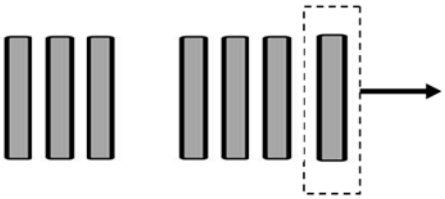


Рис. 10. Тренировка упражнения «уравняй, убрав»

Рис. 11. Упражнение «Уравняй» (разными способами)

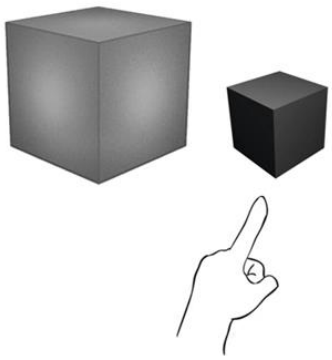


Рис. 12. Тренировка навыка различения. Инструкция: «Где маленький?»

Рис. 13. Тренировка навыка различения. Инструкция: «Где большой?»

Для формирования данных понятий знакомим ребенка на специально заготовленных карточках с одним и тем же предметом разной величины (Рис. 12, 13).

Затем, демонстрируем с помощью наглядных средств, что большие предметы вмещают внутри себя большее количество предметов, а маленькие предметы – маленькое количество (Рис. 14, 15). Тогда мы говорим об их содержимом «больше» или «меньше». Таким образом, мы плавно осуществляем переход от понятий «большой» и «маленький» к понятиям «больше» и «меньше» (Рис. 15, 16).

По мере изучения подобного материала, у ребенка формируется понимание количественных понятий «больше» – «меньше» вне взаимосвязи с предметом (Рис. 16).

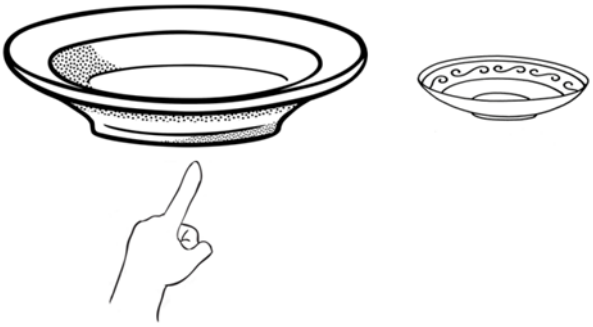


Рис. 14. Тренировка навыка различения. Инструкция: «Где большая тарелка?»

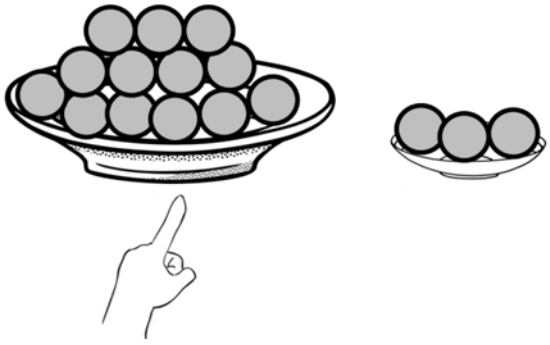


Рис. 15. Тренировка навыка различения. Инструкция: «В какой тарелке больше?»

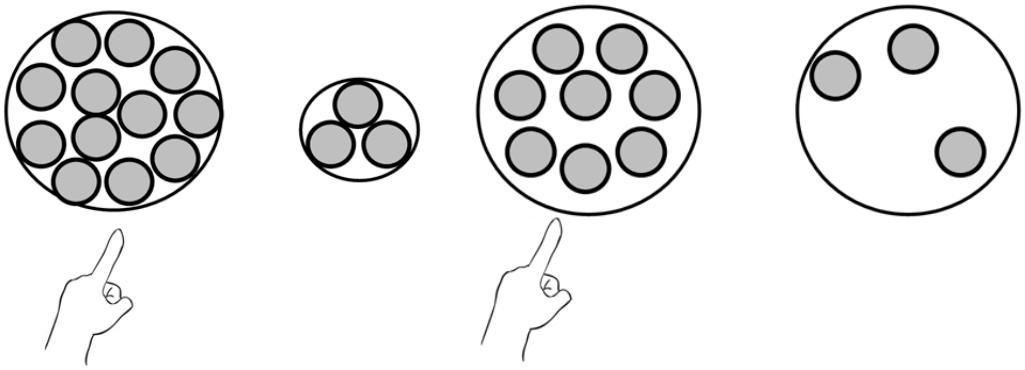


Рис. 16. Тренировка навыка различения. Инструкция: «В какой тарелке больше?»

Анализ полученных результатов

В ходе применения адаптированного материала в работе с детьми с РАС из ресурсного класса было выявлено следующее.

Практически все заготовки по адаптации учебных материалов для детей с РАС невозможно применять без поправок на индивидуальные особенности конкретного ребенка. Поэтому строго поурочного планирования и готовых шаблонов уроков для данной категории обучающихся быть не может.

У большинства обучающихся с РАС неравномерный, индивидуальный темп освоения математических представлений, например, затрудняясь в понимании «одинаковые–разные» они в дальнейшем могут быстро освоить «больше–меньше» и т.д.

Дети, изучающие учебный материал в работе с адаптированными материалами осваивают его гораздо быстрее и эффективнее по сравнению с работой с неадаптированным учебником.

Уровень прочности знаний, а также возможность их обобщения и применения в других контекстах при изучении в адаптированной форме не ниже, чем при изучении материала в неадаптированной форме.

С помощью специальных средств формирования навыков в детей с РАС, в том числе через тренировку хорошо знакомых им в рамках коррекционной работы навыков различения и сопоставления можно сформировать достаточно устойчивые математические представления, которые в дальнейшем послужат базой для формирования более сложных представлений и навыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варгас Д. Анализ деятельности учащихся. Методология повышения школьной успеваемости. М: Оперант, 2015. 176 с.
2. Истомина Н.Б. Математика. Учебник для 1 класса общеобразовательных организаций. Учебник. В 2-х частях. Часть 1. 15-е изд. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2015. 111 с.
3. Концепция комплексного сопровождения людей с РАС и другими ментальными нарушениями, утвержденная распоряжением правительства Нижегородской области от 11.09.2019 г. №928-р
4. Лиф Р., Макэкен Дж. Идёт работа. Стратегии работы с поведением. Учебный план интенсивной поведенческой терапии при аутизме. М.: ИП Толкачев, 2016 г. 608 стр.
5. Мелешкевич О, Эрц Ю. Введение в прикладной анализ поведения: принципы коррекции проблемного поведения и стратегии обучения детей с расстройствами аутистического спектра и другими особенностям развития. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2015. 208 с.
6. Моро М.И., Волкова С.И., Степанова С.В. Математика. 1 класс. Учебник. В 2-х частях. Часть 1. М.: Просвящение, 2015. 128 с.
7. Рудницкая В.Н., Рыдзе О.А., Кочурова Е.Э. Математика. 1 класс. Учебник. В 2-х частях. Часть 1. М.: Вентана-граф, 2016. 128 с.
8. Шрамм Р. Детский аутизм и АВА: терапия, основанная на методах прикладного анализа поведения. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2014. 208 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vargas D. Analiz dejatel'nosti uchashhihsja. Metodologija povyshenija shkol'noj uspevaemosti. M: Operant, 2015. 176 s.
2. Istomina N.B. Matematika. Uchebnik dlja 1 klassa obshheobrazovatel'nyh organizacij. Uchebnik. V 2-h chastjah. Chast' 1. 15-e izd. Smolensk: Associacija XXI vek, 2015. 111 s.
3. Koncepcija kompleksnogo soprovozhdenija ljudej s RAS i drugimi mental'nymi narushenijami, utverzhdennaja rasporjazheniem pravitel'stva Nizhegorodskoj oblasti ot 11.09.2019 g. №928-r

4. Lif R., Makjeken Dzh. Idjot rabota. Strategii raboty s povedeniem. Uchebnyj plan intensivnoj povedencheskoj terapii pri autizme. M.: IP Tolkachev, 2016 g. 608 str.
5. Meleshkevich O, Jerc Ju. Vvedenie v prikladnoj analiz povedenija: principy korrekcii problemnogo povedenija i strategii obuchenija detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra i drugimi osobennostjam razvitija. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2015. 208 s.
6. Moro M.I., Volkova S.I., Stepanova S.V. Matematika. 1 klass. Uchebnik. V 2-h chastjah. Chast' 1. M.: Prosvjashhenie, 2015. 128 s.
7. Rudnickaja V.N., Rydze O.A., Kochurova E.Je. Matematika. 1 klass. Uchebnik. V 2-h chastjah. Chast' 1. M.: Ventana-graf, 2016. 128 s.
8. Shramm R. Detskij autizm i AVA: terapija, osnovannaja na metodah prikladnogo analiza povedenija. Ekaterinburg: Rama Pablishing, 2014. 208 s.

Поступила в редакцию 18.10.2020.
Принята к публикации 22.10.2020.

Для цитирования:
Гусева Н.Ю., Чеченина О.А. Адаптация учебного материала по математике для обучающихся с расстройствами аутистического спектра // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 30-39. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/GusevaChechenina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4264580
УДК 372.881.1

Короткова И.П.

Короткова Инна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, Московская международная академия. 129075, Россия, г. Москва, ул. Новомосковская, 15А. E-mail: apriorios@ya.ru.

Методика работы со специальной терминологией в курсе изучения лингвистических дисциплин (английский язык)

Аннотация. Данная статья посвящена методам работы с терминологией, рекомендованным в процессе изучения лингвистических дисциплин, на примере английского языка. В рамках настоящей статьи описаны особенности работы со специальной лексикой на занятиях по иностранным языкам. Автором предложены приёмы введения терминов для оптимального декодирования терминологических понятий. Опираясь на научные труды за последние несколько лет, автор выявляет проблемы выбора методов работы с языковым материалом. Представлена методика работы с терминами, выражающими понятия из сферы лингвистической науки, а также интерсемиотический перевод. Автор приходит к выводу о том, что наилучший результат в работе с терминологией дает синтез описанных методов.
Ключевые слова: иностранный язык, лекция, терминология, термин, лингвистические дисциплины, лингвистическая терминология, методика преподавания.

Korotkova I.P.

Korotkova Inna Petrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow international academy. 129075, Russia, Moscow, Novomoscovskaya st., 15A. E-mail: apriorios@ya.ru.

Methodology of working with specific terminology within the course of linguistic sciences studying (English)

Abstract. This article is devoted to the methods of working with terminology recommended in the process of studying linguistic disciplines, using the example of the English language. This article describes the features of working with special vocabulary in foreign language classes. The author suggests techniques for introducing terms for optimal decoding of terminological concepts. Based on scientific works over the past few years, the author identifies the problems of choosing methods of working with language material. The method of working with terms that Express concepts from the field of linguistic science, as well as intersemiotic translation, are presented. The author comes to the conclusion that the best result in working with terminology is given by the synthesis of the described methods.
Key words: foreign language, lection, terminology, terms, linguistic sciences, linguistic terminology, methods of teaching.

На сегодняшний день требования ФГОС в отношении условий и реализации программ по изучению иностранных языков предписывают проведение лекций и семинаров непосредственно на изучаемом языке. Целью

данной программы является глубокое погружение в лингвистическую теорию с последующим практическим применением. Это соответствует требованием государственных стандартов в отношении формирования языковой и коммуникативной компетенций.

Перед лектором, читающим курс основы и теории иностранного языка, ставится ряд задач, которые заключаются в формировании у студентов лингвометодической базы как основы их будущей профессиональной деятельности. Эти задачи реализуются путём разработки эффективных концептуальных схем и подходов к обучению иноязычной деятельности и принятию правильных решений применительно к конкретному учебному процессу, а также путём отбора аутентичного лексико-грамматического материала для каждого этапа обучения и его презентации.

Работа с функционально семантическими моделями описания языка, использование их в процессе презентации и истолкования языковых явлений с учетом значимости для конкретных актов коммуникации подразумевает изучение динамических аспектов речи, путей формирования индивидуального лексикона и тезауруса, способов запоминания вербальной информации, ее актуализации в речи, а также механизмов активации вербально-семантических сетей в процессе речепорождения, речевосприятия и смыслоформулирования [1].

Данная концепция относится в первую очередь к использованию терминологической базы данной научной дисциплины. В процессе теоретического изучения языковых явлений слушатели курса не сталкиваются с проблемой декодирования терминологических понятий, знакомой из курса изучения родного языка в рамках общеобразовательной программы. Однако термины, которые представляют известные понятия, но звучат на иностранном языке, без предварительной презентации могут создать дополнительные сложности в восприятии полной картины теоретического курса по специальности.

Особенности работы со специальной лексикой на занятиях по иностранным языкам могут рассматриваться в трёх направлениях:

– методологическом (например, выбор приёмов подачи нового материала или закрепление уже изученного);

– лингвистическом (например, анализ аутентичных лексических единиц, составление клауз, сочетаемость в атрибутивных конструкциях и т.д.);

– специальном (выбор отдельной дисциплины или сферы деятельности).

Актуальность проблемы выбора методов работы с языковым материалом представлена в ряде научных трудов за последние несколько лет. В частности, методика обучения профессиональной англоязычной терминологии предложена в работе С.В. Андриановой в области физики. Автором предложено тезаурусное представление терминологической системы физики, а также обосновывается эффективность обучения профессиональной лексике.

Лингвистические особенности термина как части грамматики описаны в работе Поповой Л.В. в рамках составления комплексного словаря. Автором были рассмотрены такие понятия, как «мотивированность» термина и его системность, а также степени сформированности качества термина и оценки лингвистических терминов и терминосистем.

Лингвистическая терминология (от *термин* и греч. λόγος – слово, учение) представляет собой совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области [2].

Лингвистическая терминология включает в себя:

1) собственно термины (*predicate, inflexion, clause*)

2) своеобразные сочетания слов и их эквивалентов, приводящие к образованию составных терминов, входящих в

терминологию, на одинаковых правах с цельнооформленными единицами (*phraseological unit, semantic construction, compound adjective*).

Методика работы с терминами, выражающими понятия из сферы лингвистической науки, представляет собой следующий алгоритм (на примере работы с терминами по теме «Phraseology»):

1. Определяющие вопросы (Have you ever heard the words «*phrase*», «*idiom*»? And word combination «*phraseological unit*»? In what context or sphere? Can you give a definition?

2. Демонстрация примера в научном контексте (*The basic units of analysis in phraseology are often referred to as phrasemes or phraseological units.*)

3. Развёрнутое пояснение (*An idiom can be further characterized by its transparency, the degree to which its meaning includes the meanings of its components.*)

4. Языковое сравнение (фонетическое звучание, словарная форма) с другими языками (например, немецкий – *Phraseolodie*).

Данная методика позволяет проводить пояснительный процесс в двух направлениях: к термину через синтез как познавательный процесс и от термина путём анализа ранее полученных знаний.

Временной период работы с терминологией определяется требованиями, представленными в методике преподавания иностранных языков – от 5 до 10 минут учебного времени (в зависимости от типа занятия и заявленных целей), до начала презентации лекционного материала. Однако допускается ознакомление/воспроизведение термина при условии, если аудитория испытывает затруднение в трактовке понятия и его функционально-семантической роли в контексте.

Интерсемиотический перевод представляет собой перевод с естественного языка в иную семиотическую систему или из одной семиотической системы в другую [6].

Работа с терминологией на уроках иностранного языка может строиться поразному. Значение самого термина может быть объяснено несколькими способами. На вопрос «Что такое?..» или просьбу «Дайте значение (определение)…» можно:

а) показать на предмет;

б) дать наглядное изображение (фотография, слайд, диаграмма);

в) объяснить значение развернутым предложением на родном или иностранном языке через пересказ или определение;

г) дать объяснение через термин на другом языке;

д) объяснить значение через развернутое высказывание, относящееся к данному предмету или понятию и затрагивающее более сложные отношения между предметом и другими лексическими единицами контекста.

Перевод термина может быть дан в виде фразы или синонима (эквивалента) как на родном, так и на иностранном языке, представленном в контексте. Данная процедура может быть изменена на вопрос «Что это? Как называется.., который?..» и т.д. Возможны два подхода «от термина» (Что такое?..) и «к термину» (Что это?). Каждый из них имеет множество вариантов, свои преимущества и недостатки.

Наилучший результат дает объяснение, которое задействует наибольшее количество вышеуказанных процедур, служащих для интенсификации учебного процесса. Такие активные методы как «смотри и скажи», интерсемиотический перевод дают возможность по новому взглянуть на преподавание языка специальности, почти полностью исключив традиционный переводной метод с опорой на поиск языкового значения через соотношение формы и содержания [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова С.В. Методика обучения профессиональной англоязычной терминологии студентов-физиков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва. 2008. 21 с.

2. Артюнов В.С. Основа истории Европейских государств: учеб. пособие. Мн.: Моском, 2012. 345 с.
3. Лингвистическая терминология в вузовских курсах: Учеб. пособие / А.В. Власов, Н.Ф. Гулицкий, Г.А. Довгяло и др. Под общ. ред. П.В. Стецко. Гомель: ГГУ, 1984. 89 с.
4. Попова Л.В. Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»): монография. Федеральное агентство по образованию, Омский гос. педагогический ун-т. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 195, [1] с.
5. Юсупов Ф.С., Калужин Т.Д. История Нового Времени: учеб. пособие. М.: Исторические науки, 1999. 159 с.
6. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16-24.
7. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. Мн., 2011. 309 с. URL: https://bsu.by/Cache/pdf/365803.pdf
8. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: http://tapemark.narod.ru/les/509a.html
9. Костыгова М.А. О работе с профессиональной лексикой на уроках иностранного языка // Альманах педагога. URL: https://almanahpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=7855

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Andrianova S.V. Metodika obuchenija professional'noj anglojazychnoj terminologii studentov-fizikov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. Moskva. 2008. 21 s.
2. Artjunov V.S. Osnova istorii Evropejskih gosudarstv: ucheb. posobie. Mn.: Moskom, 2012. 345 s.
3. Lingvisticheskaja terminologija v vuzovskih kursah: Ucheb. posobie / A.V. Vlasov, N.F. Gulickij, G.A. Dovgjalo i dr. Pod obshh. red. P.V. Stecko. Gomel': GGU, 1984. 89 s.
4. Popova L.V. Lingvisticheskij termin: problema kachestva (Opyt sostavlenija «Kompleksnogo slovarja terminov funkcional'noj grammatiki»): monografija. Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Omskij gos. pedagogicheskij un-t. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2010. 195, [1] s.
5. Jusupov F.S., Kaluzhin T.D. Istorija Novogo Vremeni: ucheb. posobie. M.: Istoricheskie nauki, 1999. 159 s.
6. Jakobson R.O. O lingvisticheskih aspektah perevoda // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M., 1978. S. 16-24.
7. Lebedinskij S.I., Gerbik L.F. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo: uchebnoe posobie. Mn., 2011. 309 s. URL: https://bsu.by/Cache/pdf/365803.pdf
8. Terminologija lingvisticheskaja // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. URL: http://tapemark.narod.ru/les/509a.html
9. Kostygova M.A. O rabote s professional'noj leksikoj na urokah inostrannogo jazyka // Al'manah pedagoga. URL: https://almanahpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=7855

Поступила в редакцию 23.10.2020.
Принята к публикации 26.10.2020.

Для цитирования:
Короткова И.П. Методика работы со специальной терминологией в курсе изучения лингвистических дисциплин (английский язык) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 40-43. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Korotkova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4271500
УДК 37

Кюнкрикова И.В., Горлач Е.Я., Сапарбаева М.Б.

Кюнкрикова Ирина Валериевна, кандидат педагогических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, Россия, г. Элиста, 5мкр. E-mail: kjnirina75@mail.ru.
Горлач Екатерина Ярославовна, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, Россия, г. Элиста, 5мкр. E-mail: katerinag35@list.ru.
Сапарбаева Мавлюда Базарбаевна, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, Россия, г. Элиста, 5 мкр. E-mail: Mawlyudasaparbayewa@gmail.com.

Формирование коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников в процессе изучения иностранного языка

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников в процессе изучения иностранного языка. Актуальность данной проблемы обусловлена требованиями федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Исследование основывается на положении о том, что коммуникативные универсальные учебные действия формируются с учетом социальной значимости общения, где в качестве приоритетных выступают умения, связанные с позитивным взаимодействием и способностью вступать в конструктивный диалог. Представлен анализ учебно-методических комплексов по иностранному языку в начальной школе, на основе которого разработана программа формирования коммуникативных универсальных учебных действий.
Ключевые слова: универсальные учебные действия, результаты освоения основной образовательной программы, учебно-методические комплексы, коммуникативные универсальные учебные действия.

Kyunkrikova I.V., Gorlach E.Ya., Saparbaeva M.B.

Kyunkrikova Irina Valerievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. 358000, Russia, Elista, 5mkr. E-mail: kjnirina75@mail.ru.
Gorlach Ekaterina Yaroslavovna, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. 358000, Russia, Elista, 5mkr. E-mail: katerinag35@list.ru.
Saparbayeva Mavlyuda Bazarbayevna, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. 358000, Russia, Elista, 5mkr. E-mail: Mawlyudasaparbayewa@gmail.com.

Formation of communicative universal educational actions for younger schools in the process of learning a foreign language

Abstract. The article deals with the problem of the formation of communicative universal educational actions in younger schoolchildren in the process of learning a foreign language. As the authors note, this issue is due to the requirements of the federal state educational standard of primary general education.

Communicative universal educational actions are formed taking into account the social significance of communication, where skills associated with positive interaction and the ability to enter into a constructive dialogue are priorities. The analysis of educational-methodical complexes in a foreign language in primary school is presented, on the basis of which a program for the formation of communicative universal educational actions is developed.
Key words: universal educational actions, the results of mastering the basic educational program, educational and methodological complexes, communicative universal educational actions.

На сегодняшний день в рамках начальной школы происходит переход от подачи знаний обучающимся в готовом виде к активному восприятию материала путем совершения мыслительных операций самими учащимися, где доминирующим является интерактивное взаимодействие всех участников образовательного процесса. В этом случае обучение может быть определено как сопроцесс, который направлен на решение проблемных ситуаций, что является требованием стандарта. Решению ситуаций способствует применение УУД (универсальных учебных действий), которые определяют усвоение предметного материала на различных этапах обучения.

В основе ФГОС НОО (стандарта начального образования) лежит системно-деятельностный подход, основная идея которого заключается в развитии личности на основе освоения универсальных действий, что является требованием к результатам освоения образовательной программы [4].

Вопросы, связанные с разработкой универсальных учебных действий, рассматривались в различном контексте, среди которых можно отметить труды следующих ученых: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.Г. Асмолов. В данных исследованиях приводится психологическое обоснование проблемы с учетом интеллектуального развития и возраста обучающихся.

Определяя сущность учебных действий на основе перечисленных исследований можно полагать, что данное понятие справедливо рассматривать в двух аспектах. В более широком смысле это умение учиться, способствующее саморазвитию и приобретению новых знаний, узкое значение связано с совокупностью усвоенных знаний [2].

В исследованиях Л.С. Выготского отмечается, что учебные действия представляют собой целостную систему, где каждое отдельное учебное действие определяется взаимозависимостью с другими видами и определяется возрастными особенностями развития ребенка. Данное положение дает право утверждать, что коммуникативные универсальные учебные действия, также определяются взаимосвязью познавательных и регулятивных действий [2].

А.Г. Асмолов отмечает, что уровень развития универсальных учебных действий определяет успешность усвоения знаний, которые способствуют выделению целевых установок учебных предметов [1].

В связи с этим можно сделать вывод, что результат учебной деятельности выстраивается на основе следующих компонентов: мотив, учебная задача, учебные действия, результат.

Результаты освоения основной образовательной программы определены пунктом II стандарта, в котором отмечается, что метапредметные результаты включают освоение коммуникативных, познавательных, регулятивных учебных действий.

Полагаясь на требования стандарта, предметные результаты как критериальные показатели сформированности коммуникативных УУД отражают: уровень сформированности первоначальных представлений о культурном и языковом пространстве, уровень владения пись-

менной и устной речью, уровень сформированности представлений о нормах языка (грамматических и лексических), а также языковые средства для решения коммуникативных задач и уровень овладения универсальными учебными действиями для решения коммуникативных задач.

В рамках исследования нами был применен ряд методов: анализ документации, наблюдение. В основу положен практический опыт работы с учебно-методическими комплексами по иностранному языку.

Для раннего изучения иностранного языка созданы различные учебно-методические комплексы (УМК). В начальной школе использовались УМК «The World of English» Кузовлева В.П., Перегудовой Э.М. Данный комплекс направлен на развитие индивидуальности ребенка средствами иностранного языка, которые способствуют формированию устойчивого интереса и мотивации к дальнейшему изучению предмета. Авторы З.Н. Никитенко и Е.И. Негневицкая разработали УМК, в котором представлена технология обучения для реализации двух базовых принципов: коммуникативность и сознательность. Они направлены на создание условий, в которых изучаемый материал и овладение новым языком приобретают для учащихся личностный смысл. Цель методического комплекса «Enjoy English» (авторы М.З. Биболетова, О.Ф. Денисенко, Н.Н. Трубанева) определяется формированием коммуникативной компетентности обучающихся. Коммуникативная компетентность определяется авторами как способность общаться на иностранном языке, а также воспитание культуры общения и расширение кругозора учащихся. В контексте нашего исследования важно отметить, что в данном УМК реализуются деятельностные, коммуникативно-когнитивные подходы к обучению иностранному языку.

Изучив различные методические аспекты, мы обратились к разработке программы, а именно заданий, направленных на формирование коммуникативных УУД. Целью программы являлось формирование коммуникативных действий младших школьников, которые были ориентированы на повышение интереса к иностранному языку, освоение лексического и грамматического материала, формирование интереса к культуре и традициям страны изучаемого языка. В качестве результатов коммуникативной деятельности были определены умения аудирования, говорения и письма, а также умения правильно оформлять устно-речевые высказывания. Содержание программы было ориентировано на освоение лексики и грамматики, а также направлено на изучение социокультурных аспектов (культурные особенности страны изучаемого языка). Построение программы базировалось на методе активизации возможностей личности и коллектива Г.А. Китайгородской, основная идея которого заключается в развитии коммуникативных умений в процессе интенсивного общения.

Смыслообразующей идеей являлось формирование коммуникативных УУД, в которой процесс коммуникации ориентирован на развитие знакомых и близких тем. Основные принципы, на которых основывалась программа, учитывали требования ФГОС НОО и включали следующие: принцип системности, состоящий из значимого, структурированного использования лексического и грамматического материала; принцип практической направленности, включающий способность развивать ситуацию лингвистического общения в условиях обучения; принцип толерантности предполагает развитие способности учащихся понимать и принимать позицию партнера; междисциплинарный принцип, согласно которому использование материала подразумевает связь с другими предметами начальной школы (литературное чтение, русский язык, математика, окружающий мир, музыка и т.д.).

Цель программы «Our world» («Наш мир») обеспечивалась формированием

коммуникативных действий и связью с окружающим миром, где раскрывались следующие темы: «Our around world» («Мир вокруг нас»). Данная тема способствовала формированию в сознании младших школьников единого, ценностного образа окружающего мира, а именно дома, где живут близкие и дома общего для всех. Следующая тема «The world and people» («Мир и человек») ориентирована на воспитание человека, осознающего свое место в окружающем его мире. Завершающая тема «What do people can» («Что может делать человек в мире») была нацелена на изучение жизнедеятельности человека.

В отличие от традиционной парадигмы обучения и преподавания, новые подходы предполагают учет таких факторов, которые основаны на следующих положениях. В первую очередь, обучение – это естественный процесс. Соответственно, естественное состояние головного мозга – принимать новую информацию, т.е. учиться новым действиям, что является требованием стандарта. Однако не все обучающиеся воспринимают информацию одинаково. В связи с этим следует осуществлять отбор различных методов обучения и учитывать индивидуальные особенности учащихся. Во-вторых, процесс обучения – это социальный процесс. Л.С. Выготский отметил, что процесс усвоения новых знаний происходит более эффективно, если он осуществляется в сотрудничестве [2].

Следующее положение определяет, что обучение является активным, а не пассивным процессом. Концепция стандарта нового поколения утверждает, что знания не должны передаваться в готовом виде. Чтобы сформировать универсальные действия у обучающихся, они должны быть активно вовлечены в процесс обучения, а именно решать реальные проблемы в реальных условиях. Также процесс обучения может осуществляться как в линейном, так и в нелинейном направлении. Учитывая требования стандарта, обучающиеся должны уметь работать не только по образцу, но и одновременно обрабатывать различные типы информации. Исследования в области психологии рассматривают обучение как реорганизацию структур знаний. Структуры знаний хранятся в семантической памяти в виде схемы. Обучающиеся воспринимают информацию путем увеличения, объединения и реорганизации данной структуры. Также обучение является интегративным процессом, в котором информация, представленная в глобальном масштабе, легче усваивается, чем информация, представленная в виде элементов. Роль учителя заключается в том, чтобы помочь обучающимся интегрировать знания несколькими способами.

Учитывая анализ проблемы исследования, а также положения стандарта начальной ступени образования, приходим к выводу, что коммуникативные универсальные учебные действия формируются с учетом социальной значимости общения. В качестве приоритетных выступают умения, связанные с конструктивным взаимодействием, способностью вступать в диалог, принимать позицию другого, а также излагать собственную мысль в форме монологической и диалогической речи. Учителю необходимо осуществлять отбор различных методов обучения, учитывая индивидуальные особенности учащихся, тем самым способствуя усвоению новых знаний в интегративном процессе как линейного, так и нелинейного направления обучения, основываясь на положениях стандартов нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Принципы системно-деятельностного подхода – конкретно-научной методологии изучения человека в психологии // Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. с. 117-184.

2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
3. Как проектировать универсальные учебные действия. От действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бугрменская, И.А. Володарский и др. Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. 152 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Asmolov A.G. Principy sistemno-dejatel'nostnogo podhoda – konkretno-nauchnoj metodologii izuchenija cheloveka v psihologii // Psihologija lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitija cheloveka. M.: Smysl: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. s. 117-184.
2. Vygotskij L.S. Pedagogicheskaja psihologija. M.: Pedagogika, 1991. 480 s.
3. Kak proektirovat' universal'nye uchebnye dejstvija. Ot dejstvija k mysli: posobie dlja uchitelja / A.G. Asmolov, G.V. Bugrmenskaja, I.A. Volodarskij i dr. Pod red. A.G. Asmolova. M.: Prosveshhenie, 2010. 152 s.
4. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshhego obrazovanija. M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii. M.: Prosveshhenie, 2010. 31 s.

Поступила в редакцию 29.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Кюнкрикова И.В., Горлач Е.Я., Сапарбаева М.Б. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий у младших школьников в процессе изучения иностранного языка // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 44-48. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Kyunkrikova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4271544
УДК 37.026

Маркова Я.С.

Маркова Янина Сергеевна, ассистент кафедры алгебры, математического анализа и геометрии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. 300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина, 125. E-mail: yanochka.markowa@yandex.ru.

Современные тенденции в профессиональном педагогическом образовании

Аннотация. В данной статье рассматриваются цели современной профессиональной подготовки учителя, обусловленные тенденциями перехода к образовательной парадигме постиндустриального общества. Обобщены ведущие принципы современной профессиональной подготовки учителя на основе анализа принципов профессионального обучения и принципов вузовской подготовки в целом. Сгруппированы и охарактеризованы такие принципы современной подготовки учителя, как учет требований компетентностного подхода; фундаментализация; студентоориентированность; индивидуальное профессиональное «взращивание»; опережающий характер педагогического образования; непрерывность, преемственность, интегративность, гибкость, вариативность и открытость педагогического образования; практикориентированность (технологичность) подготовки учителя.
Ключевые слова: современные тенценции, специфика, профессиональная подготовка учителя, цели подготовки учителя, принципы подготовки учителя, профессиональная компетенция, инновационное обучение.

Markova Y.S.

Markova Yanina Sergeevna, Assistant of the Department of Algebra, Mathematical Analysis and Geometry, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. 300026, Russia, Tula, Lenin Prospect, 125. E-mail: yanochka.markowa@yandex.ru

Current trends in professional teacher education

Abstract. This article discusses the goals of modern professional training of teachers, due to the trends of transition to the educational paradigm of post-industrial society. The article summarizes the leading principles of modern professional training of teachers based on the analysis of the principles of professional training and the principles of University training in General. Grouped and characterized are such principles of modern teacher training as taking into account the requirements of the competence approach; fundamentalization; student orientation; individual professional «nurturing»; the advanced nature of teacher education; continuity, continuity, integrativity, flexibility, variability and openness of teacher education; practice-oriented (technological) teacher training.
Key words: modern tendencies, specifics, professional training of teachers, goals of teacher training, principles of teacher training, professional competence, innovative training.

Современные тенденции в профессиональном педагогическом образовании оказывают серьезное влияние на цели и принципы обучения педагогов. Специфику данного образовательного процесса возможно проследить, обратившись к научным педагогическим исследованиям и государственным документам.

Современный переход к постиндустриализму требует изменения целей педагогической подготовки. В современном обществе учителей стремятся обучить:

– быстро адаптироваться к изменениям, касающимся перестройки образовательного процесса;

– самостоятельно и ответственно принимать профессиональные решения;

– не бояться перепрофилирования.

Основными целями подготовки педагогов к работе являются воспитание их конкурентоспособности, социальной и профессиональной мобильности, способности эффективно работать по специальности и постоянно развиваться.

Востребованными для педагогов становятся следующие профессиональные навыки:

– индивидуальный подход к каждому ученику;

– творческо-преобразовательный подход к обучению;

– возможность перехода к фундаментальному образованию в мультикультурном обществе [1].

Профессиональная компетентность образована тремя взаимосвязанными составляющими: ключевыми компетентностями, базовыми и специальными. В основе любой работы лежат ключевые компетентности. Суть базовых основана на связи специфики педагогической деятельности с требованиями к образовательной системе здесь и сейчас. Специальные отражают надпредметную, предметную область деятельности педагога и являются отражением ключевых и базовых компетентностей. Преобладание той или иной компетентности зависит от контекста, задач и пространства, в котором происходит образовательный процесс.

В основе обучения учителей лежат несколько принципов профессионального образования, а именно:

– политехнический принцип (научные основы производства в совокупности с политехническим опытом);

– практическая составляющая (для объединения теоретических и практических знаний);

– моделирование практических задач и поиск ответов на них в процессе изучения предметов;

– профессиональная мобильность для ускорения процесса и стимуляции желания познания технологий и новых граней специальности;

– модульность профобучения;

– создание максимально комфортного пространства для усвоения знаний (адекватная практика, наличие необходимых обучающих материалов, учебников и пр.);

– экономическая целесообразность (учет востребованности специалистов на рынке труда) [2].

Цели профобразования педагогов зависят от ценностей и принципов высшей школы. Образовательное учреждение должно не только интеллектуально развивать студентов, но и внедрять в процесс обучения информацию об актуальных научных достижениях и результатах исследований, практических разработках, поощрять творческое, культурное, нравственное развитие личности и формирование ее гражданской позиции.

Обучение в высшей школе происходит согласно следующим принципам:

– ориентации на моделирование личности будущего специалиста;

– актуальности внедряемых знаний, их соответствия современным научным исследованиям и производственным канонам;

– адекватной организации общего, группового и индивидуального обучения;

– модернизации средств преподавания для улучшения процесса познания нового;

– эквивалентности внедряемых знаний требованиям профессиональной сферы будущих преподавателей;

– организация возможности для специалиста быть востребованным в соответствующей сфере деятельности [3].

Современные принципы профессионального обучения учителей складываются из результатов исследований В.А. Адольфа, Э.В. Балакиревой, Т.В. Бурлаковой, А.Я. Данилюка, М.Б. Есауловой, О.Л. Жука, О.А. Кочергиной, Н.А. Палиховой, С.Б. Серяковой, И.Ю. Степановой, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной.

Из принципов инновационного педагогического обучения можно выделить следующие:

1. Принцип фундаментализации. Определяет базовое образование как стартовую платформу для работы профессионального педагога или его дальнейшего обучения.

2. Принцип студентоцентрированности. Предполагает создание для студентов комфортных условий, способствующих их погружению в образовательный процесс. Согласно данному принципу, преподаватель стимулирует каждого студента достигать конкретных целей, расширяя кругозор, развивая творческие и поисковые способности. Студентоориентированность в современном преподавании будущим педагогам тесно связана с профессиографическим и персонологическим принципами. Первый означает переход от взращивания профессионала к проработке его личностных качеств. Второй, наоборот, идет по направлению от личностного развития к профессиональному становлению. Профподготовка педагогов-специалистов связана с процессами внешней и внутренней индивидуализации. Первая основана на идее создания учебного процесса, комфортного для обучающегося; вторая – на развитии внутренних качеств будущего педагога, которые помогут ему реализоваться в профессии. Наиболее явно внутренняя индивидуализация проявляется у студентов, стремящихся измениться в лучшую сторону.

3. Профессиографический принцип предполагает, что для обучения педагогике должны быть отобраны личности, обладающие характеристиками, необходимыми для реализации в данной области. Для реализации этой системы необходимо дополнить подготовку педагогов предметом, рассказывающим о профессии; создать практику, которая обеспечит будущих учителей профессиональными компетентностями; внедрить условия, позволяющие реализовать полученную информацию.

4. Принцип развивающего, опережающего характера педагогического образования при подготовке учителей предполагает формирование ряда личностных и профессиональных качеств для успешной реализации полученных знаний в профессиональной деятельности.

5. Принцип непрерывности. Предполагает наличие множества уровней обучения профессионалов: до вуза, в вузе и после него. Благодаря данному принципу одной из задач будущих учителей становится постоянное развитие и профессиональное обучение. Для этого все время совершенствуют обучающие программы и образовательные стандарты.

6. Принцип преемственности. Позволяет производить прогнозы и конструировать новые методы в педагогическом образовании. Результатами работы данного принципа являются: наличие множества ступеней педагогической подготовки учителей, взаимодействие этих ступеней, внедрение педагогических знаний в функционирование общества, развитие методологии педобразования, выявление актуальных трудностей во взаимодействии педагогических подсистем и его нормализация.

7. Принцип интегративности. Обеспечивает применение знаний, полученных за счет научных исследований, в профессиональной деятельности учителей и образовательном процессе. Специалисты, изучающие методы образования, проводящие эксперименты, общаются друг с другом, обмениваются знаниями, интегрируя их в свою работу [4].

Помимо перечисленных, важную роль в подготовке профессиональных учителей играют принципы, обеспечивающие вариативность, гибкость и открытость образования, направленного на по-

явление педагогов. Благодаря вариативности будущие учителя в процессе обучения получают возможность выбирать (дополнительные предметы, темы ВКР и др.), это создает условия для проявления самостоятельности студентов, развития умения брать на себя ответственность за свои поступки. Педагог, умеющий проявлять себя с разных сторон, обладает яркой творческой индивидуальностью, которая способствует развитию им вариативно-творческой среды и творческого взаимодействия с окружающими и учениками. Гибкость процесса обучения педагогов обеспечивает приспособление образования к потребностям рынка труда, умение преподавателя адаптировать учебный процесс под новшества в системе образования, адекватное функционирование педагогической деятельности и ее способности подстраиваться под личностные и профессиональные потребности учеников. Взаимосвязь педагогического образования с такими областями как психология, искусство и прочими сферами жизни обусловлена открытостью педобразования. Практика реализации этого принципа показывает, что обучение педагогике предполагает открытость для изучения новых тематик, внедрения новых норм, дидактических требований и планирования. Именно поэтому при обучении педагогов важно, чтобы открытость начинала внедряться на уровне выбора образовательных целей.

Компетентностный подход является интегративным и включает в себя множество принципов, необходимых для использования в современном педагогическом образовании. Постиндустриальная педагогика должна быть: социокультуросообразной, практикоориентированной, гуманизирующей и гуманитаризирующей образование, фундаментальной, построенной на историзме (учитывать прошлый опыт, не забывая о современных исследованиях), открытой к взаимодействию внутри нее обыденной, научной и вненаучной форм педагогического знания. Ведущая роль среди перечисленных отдается социокультуросообразности и практикоориентированности.

Практическая ориентированность педагогики называется технологичностью. Целью данного принципа педагогического образования является объединение научных и практических знаний в единую систему.

Предполагается, что перечисленные принципы современного педагогического образования могут повлиять на модернизацию его отечественной вехи. Однако этот процесс полностью зависит от профессионального сообщества, которое либо примет, либо отвергнет данные идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игна О.Н. Ведущие цели и принципы современной профессиональной подготовки учителя // Вестник ТГПУ. 2015. №12(165). С. 36-41. URL: https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:11062:16378191
2. Черкасова И.И., Яркова Т.А. Педагогика высшей школы: учеб. пособие для аспирантов. Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2012. 171 с.
3. Степанова И.Ю., Адольф В.А. Профессиональная подготовка учителя в условиях становления постиндустриального общества. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009. 520 с.
4. Маркова Я.С. Особенности подготовки педагога в системе профессионально-педагогического образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №9. С. 51-55. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/09/Markova.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Igna O.N. Vedushhie celi i principy sovremennoj professional'noj podgotovki uchitelja // Vestnik TGPU. 2015. №12(165). S. 36-41. URL: https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:11062:16378191

2. Cherkasova I.I., Jarkova T.A. Pedagogika vysshej shkoly: ucheb. posobie dlja aspirantov. Tobol'sk: TGSPA im. D. I. Mendeleeva, 2012. 171 s.
3. Stepanova I.Ju., Adol'f V.A. Professional'naja podgotovka uchitelja v uslovijah stanovlenija postindustrial'nogo obshhestva. Krasnojarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2009. 520 s.
4. Markova Ja.S. Osobennosti podgotovki pedagoga v sisteme professional'no-pedagogicheskogo obrazovanija // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2020. №9. S. 51-55. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/09/Markova.pdf

Поступила в редакцию 19.10.2020.
Принята к публикации 23.10.2020.

Для цитирования:
Маркова Я.С. Современные тенденции в профессиональном педагогическом образовании // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 49-53. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Markova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4271619
УДК 37.012.2

Мокринская А.И.

Мокринская Алёна Игоревна, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. 390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46. E-mail: afeona@yandex.ru.

Приемы изучения исторической личности как инструмент исторического познания (на примере личности императрицы Елизаветы Петровны)

Аннотация. Усвоение информации о жизни и деятельности исторического деятеля во всей ее противоречивости и сложности в контексте общественных процессов является актуальным вопросом, поскольку формирует критическое мышление и интерес к истории как предмету. Статья посвящена проблеме отбора приемов и средств, используемых при изучении личности императрицы Елизаветы Петровны. На основе анализа разнообразных источников выявляются различные варианты организации работы по изучению исторической личности, сделан вывод о достоинствах и недостатках отдельных приемов.
Ключевые слова: изучение исторической личности, деятельность Елизаветы Петровны, методика изучения истории, проблема освещения исторических фигур.

Mokrinskaya A.I.

Mokrinskaya Alyona Igorevna, Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 390000, Russia, Ryazan, Svobody st., 46. E-mail: afeona@yandex.ru.

Methods of studying historical personality as a tool of historical knowledge (on the example of the personality of the Empress Elizabeth Petrovna)

Abstract. Assimilation of information about the life and work of a historical figure in all its contradictions and complexity in the context of social processes is an urgent issue, since it forms critical thinking and interest in history as a subject. The article is devoted to the problem of selecting techniques and tools used in the study of the personality of Empress Elizabeth Petrovna. Based on the analysis of various sources, various options for organizing work on the study of a historical person are identified, and a conclusion is made about the advantages and disadvantages of individual techniques.
Key words: study of a historical person, activity of Elizabeth Petrovna, methods of studying history, the problem of lighting historical figures.

История становления каждого государства происходила на протяжении многих веков. Представителям не одного поколения суждено ценой собственной жизни добывать право своих потомков на хорошую жизнь. Ключевую роль в этих процессах сыграли выдающиеся исторические личности – люди, обладавшие ярко выраженной индивидуальностью, которые имели собственную систему взглядов, идей, верований, внесли весомый личный вклад, который привел к значительным сдвигам в жизни общества, вследствие чего их

деятельность стала предметом специального изучения исторической науки [3, с. 2].

Ни одно историческое исследование не может считаться полноценным без анализа жизнедеятельности исторических фигур эпохи и ее объективной оценки. В процессе размышлений над историческими событиями определенного периода всегда логически возникает вопрос о влиянии на них исторических деятелей. Как повлияла конкретная историческая личность на выбор той или иной альтернативы развития? Изменился ли ход истории в результате ее деятельности и каким образом? Чем конкретно были обусловлены эти изменения?

Чрезвычайно актуальным вопрос изучения роли лица в истории является не только для науки, но и для исторического образования. Сегодня с особой остротой стоит задача гуманизации истории, в первую очередь ее «очеловечивание», раскрытие идеи самоценности человека в историческом процессе. Учебный исторический материал, содержащий сведения об исторических фигурах, является важной составляющей содержания исторического образования. Без осознания роли лица в истории государства и его принадлежности к определенной социальной, национальной или иной группе полноценное изучение истории невозможно, ведь история усваивается более эффективно сквозь призму личности конкретного человека. Изучение исторических фигур не только способствует целостному познанию истории, но и влияет на формирование личности. Изображение жизни и деятельности исторической личности, ее влияния на отдельные события или на исторический процесс в целом воспринимается и запоминается с большей готовностью, чем оперирование историческим процессом, лишенным ярких личностей. Усвоение информации о жизни и деятельности исторического деятеля во всей их противоречивости и сложности в контексте общественных процессов формирует критическое мышление и интерес к истории как предмету. Теоретико-методические аспекты решения этой проблемы рассмотрены в трудах по истории методической науки, школьного исторического образования. Их авторы – ведущие методисты советского времени: А.А. Вагин, П.В. Гора, И.Я. Лернер, Е.В. Агибалова, Г.М. Донской, Ф.П. Коровкин и др. указывали на особенности методики освещения исторических фигур в курсах истории на разных этапах развития методической мысли.

На современном этапе проблема освещения исторических фигур приобрела в методике обучения истории статус отдельного методического феномена. Не до конца решенными остаются вопросы, связанные с освещением исторических фигур в курсах истории, объема и содержания соответствующих сюжетов, методов и приемов обучения учащихся, разработкой средств изучения этих сюжетов [2, с. 44].

Одной из ключевых проблем современной методики обучения истории является определение методических условий и приемов ознакомления с выдающимися историческими лицами, определение их роли в исторических процессах, оценки влияния на судьбу государства. Речь идет не только об определении количественного состава выдающихся исторических персоналий, но и о переосмыслении методологических подходов к анализу их жизнедеятельности, активное использование антропологического подхода в обучении истории.

В исследовании можно использовать разнообразные методические приемы: «словесный портрет», сюжетный рассказ, характеристику исторической личности, групповую характеристику нескольких лиц, прием контраста (противопоставление нескольких исторических личностей); развернутую оценку выдающейся исторической фигуры и обоснование этой оценки; доказательства, умозаключения; может быть организована работа с историческим портретом [4, с. 70].

С целью развития предметных исторических компетентностей и повышения

эффективности процесса обучения истории современными методистами разработаны методические рекомендации по изучению исторических личностей. Среди них:

- широкое применение исторических источников;
- использование памяток по составлению исторических и политических портретов;
- постановка проблемных и дискуссионных вопросов, которые позволят выразить различные взгляды в оценке исторической фигуры;
- использование отрывков из произведений художественной литературы;
- ознакомление учащихся с отрывками биографий, автобиографий, дневников, писем;
- самостоятельная подготовка учащимися докладов или сообщений о выдающихся исторических лицах;
- проведение дидактических и интеллектуальных игр;
- использование приема драматизации;
- использование интерактивных технологий обучения.
- использование видео- и мультимедийных материалов;
- применение проблемного метода обучения;
- проведение анализа исторических портретов и тому подобное.

Каждое историческое лицо следует изучать через совокупность источников, которые при конструктивной оценке позволяют целостно понять «причину уместности его действий в общеисторическом процессе» [2, с. 35].

К таким источникам следует относить:

1) письменные (литературные и документальные источники в виде произведений, воспоминаний, мемуаров, биографий, выступлений, манифестов и т.п.);

2) материальные (предметы быта, украшения, архитектурные сооружения);

3) изобразительные (исторические картины, портреты, иллюстрации);

4) фотоматериалы.

Обращаясь к проблеме изучения личности Елизаветы Петровны, следует отметить, что она на протяжении большей части истории считалась правителем-посредником между двумя прославленными русскими царями XVIII века, Петром Великим и Екатериной I. Обладательница «неземного духа», зарекомендовала себя как центр внимания на балах и любительница танцев. Тем не менее, на протяжении всей историографии российских правителей правлению Елизаветы приписывалось немало существенных вкладов.

Для изучения правления Елизаветы Петровны в высших учебных заведениях можно обратиться к разнообразным исследованиям историков XIX -XX веков, авторы которых всесторонне изучали эпоху 1740 – начала 1760-х годов [2, с. 50]:

– работы российского историка XIX века С.В. Ешевского, который одним из первых попытался осуществить полноценный обзор событий правления времен Елизаветы Петровны, но весьма критично относился в ней, считая, что у дочери Петра I не было никаких выдающихся заслуг [2, с. 55];

– отрывки из работ историка середины XIX в. М.И. Семевского, который в своих выводах поддерживал Ешевского С.В. [7, с. 41];

– историки XIX века Е.С. Шумигорский и И.И. Петров полагали, что Елизавета Петровна продолжила дело отца и принесла России покой и процветание.

Отдельной страницей в изучении эпохи Елизаветы Петровны является четырехтомное исследование С.М. Соловьева (с 21 по 24 том «Истории России с древнейших времен»), в котором великий историк подробно, последовательно и логично проанализировал различные направления преобразовательной деятельности императрицы. В постсоветский период историк Е.В. Анисимов отмечал, что императрица «плыла по течению наработок отца» [1, с. 107]. В противоположность Анисимову, В.П. Наумов ука-

зывал на успешность политики Елизаветы Петровны, на последовательное продолжение ею дела Петра [5, с. 52].

Интересным методическим приемом при изучении роли исторических личностей является использование отрывков из произведений исторической беллетристики. Воссоздавая прошлое в художественных образах, писатель старательно изучает и анализирует исторические источники, историографические труды. Обращение к художественной литературе дает возможность избежать абстрактности, схематичности. Представления об исторической личности под влиянием художественных образов становятся полнее, ход исторического процесса предстает перед их внутренним взором в ярком изображении столкновений между живыми конкретными людьми с их поступками, чувствами и интересами. Так, можно обратиться к произведениям Казимира Валишевского «Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого», Писаренко К. «Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны» и др.

Современная методика обучения истории предлагает различные варианты организации работы по изучению исторической личности: алгоритмический, биографически-оценочный, сравнительный, художественно-публицистический, схематический, игровой, накопительный, исследовательский [3, с. 49]. Выбирая алгоритмический вариант, предполагается использовать определенный алгоритм изучения материала об исторической личности:

1. Запоминание фамилии и имени.

2. Ознакомление с основными этапами и содержанием деятельности личности.

3. Усвоение основных идей, взглядов, убеждений, идеалов исторического деятеля.

4. Выяснение вопроса о том, интересы какой социальной группы защищало это лицо.

5. Изучение оценок личности ее современниками и современными исследователями.

Используя алгоритмический вариант, целесообразно ознакомиться с планом составления исторического или политического портрета исторической личности.

План составления исторического портрета:

1. Опишите исторические обстоятельства, в которых действовал этот человек.

2. Вспомните, когда и где, в какой стране, в какой семье он родился?

3. Опишите внешность, черты характера исторического деятеля. Какие из них вам нравятся, какие нет? Почему?

4. Установите, какие задачи ставил этот деятель перед собой и своими сторонниками.

5. Назовите наиболее известные его дела.

6. Подумайте, интересам какого класса, каким слоям населения этот деятель служил?

7. Оцените его деятельность как полководца; как дипломата; как государственного деятеля. Нет ли в них противоречий?

8. Сделайте вывод, используя выражения известных историков [1, с. 70].

План составления политического портрета исторической личности:

1. Идеологические симпатии исторической личности.

2. Собственные оригинальные политические взгляды.

3. Путь становления политического деятеля.

4. Результаты политической деятельности с точки зрения современников и историков.

Биографически-оценочный вариант предполагает изучение личности, осуществляемое через решение биографических задач. Когда есть достаточный объем информации, можно на основании фактов из биографии точно назвать личность. К этому же варианту относится и методика изучения оценочной информации.

Сравнительный вариант изучения исторической личности предполагает, что в процессе изучения правления Елизаветы, например, можно составлять сравнительную таблицу, которая помогает анализировать и систематизировать информацию. Заполнение таблицы обязательно выявит невозможность четко определить определенные качества у некоторых лиц, что при умело направленной самообразовательной деятельности будет способствовать проработке дополнительных источников знаний.

Изучение исторической личности Елизаветы Петровны с использованием художественно-публицистического варианта осуществляется в процессе изучения материала учебника, хрестоматии, научной и дополнительной литературы, заканчивается написанием рефератов, сообщений, рассказов, эссе, произведений и миниатюр. Этот метод не только способствует углубленному изучению личности, но и помогает развивать творческие способности [3, с. 96]. Следовательно, усвоение информации о деятельности императрицы во всей ее противоречивости и сложности в контексте общественных процессов будет формировать критическое мышление и интерес к истории как предмету. Таким образом, вдумчивое изучение личности Елизаветы Петровны будет способствовать как более глубокому познанию истории, так и усилению положительного педагогического влияния на формирование личности ученика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. Елизавета Петровна. Афродита у власти. М.: Академический проспект. 2017. 390 с.
2. Валиахметова И.Д. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков // Символ науки. 2016. №1-3. С. 66-68. URL: https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-16-12-3.pdf
3. Ешевский С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны // Отечественные записки. 1868. №№ 5-6. С. 15-110.
4. Козлова А.А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков»: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2003. 219 с.
5. Наумов В.П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51-72.
6. Петров И.И. О преемниках Петра Великого (до Екатерины II). СПб., 1884. 310 с.
7. Семевский М.И. Первый год царствования Елизаветы Петровны. 1741-1742. Статья вторая и последняя: Ист. очерк (Посвящ. А.И. Семеновскому) / Русское слово. 1859. № 8. Санкт-Петербург: тип. Рюмина и комп. С. 277-352.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anisimov E. Elizaveta Petrovna. Afrodita u vlasti. M.: Akademicheskij prospekt. 2017. 390 s.
2. Valiahmetova I.D. Rossijskaja imperatrica Elizaveta Petrovna v ocenkah otechestvennyh istorikov // Simvol nauki. 2016. №1-3. S. 66-68. URL: https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-16-12-3.pdf
3. Eshevskij C.B. Ocherk carstvovanija Elizavety Petrovny // Otechestvennye zapiski. 1868. №№ 5-6. S. 15-110.
4. Kozlova A.A. Rossijskaja imperatrica Elizaveta Petrovna v ocenkah otechestvennyh istorikov»: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2003. 219 s.
5. Naumov V.P. Elizaveta Petrovna // Voprosy istorii. 1993. № 5. S. 51-72.
6. Petrov I.I. O preemnikah Petra Velikogo (do Ekateriny II). SPb., 1884. 310 s.

7. Semevskij M.I. Pervyj god carstvovanija Elizavety Petrovny. 1741-1742. Stat'ja vtoraja i poslednjaja: Ist. ocherk (Posvjashh. A.I. Semenovskomu) / Russkoe slovo. 1859. № 8. Sankt-Peterburg: tip. Rjumina i komp. S. 277-352.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Мокринская А.И. Приемы изучения исторической личности как инструмент исторического познания (на примере личности императрицы Елизаветы Петровны) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 54-59. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Mokrinskaya.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4271697
УДК 373:378

Непрокина И.В.

Непрокина Ирина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет. 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. E-mail: Ivneprokina@rambler.ru.

Процессный подход в организации студенческой предпринимательской деятельности на примере проектирования дефектологического центра

Аннотация. В данной статье на примере создания дефектологического центра как фактора и ресурса развития дополнительного образования в городской среде рассмотрена разработка бизнес-проекта с использованием процессного подхода. В статье показаны преимущества процессного подхода, подобраны инструменты, необходимые для проектирования дефектологического центра в городской среде. Приведенные авторами методики (SWOT, PEST, SPACE, пять сил Портера) позволили выявить стратегическое положение дефектологического центра на рынке образовательных услуг. Выявлены и структурированы сильные и слабые стороны центра, определены преимущества, потенциальные возможности и внешние угрозы. Разработаны основные направления работы центра для его успешной деятельности в долгосрочном периоде.
Ключевые слова: студенческая предпринимательская деятельность, бизнес-проект, процессный подход, инструменты проектирования, дефектологический центр.

Neprokina I.V.

Neprokina Irina Vasilyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Togliatti State University. 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya st., 14. E-mail: Ivneprokina@rambler.ru.

Process approach in the organization of student entrepreneurial activity on the example of designing a defectological center

Abstract. In this article, using the example of creating a defectology center as a factor and resource for the development of additional education in an urban environment, authors consider the development of a business project using a process approach. The article shows the advantages of the process approach, and selects the tools necessary for designing a defectology center in an urban environment. The methods presented by the authors (SWOT, PEST, SPACE, Porter's five forces) revealed the strategic position of the defectology center in the market of educational services. The strengths and weaknesses of the center are identified and structured, as well as advantages, potential opportunities, and external threats. The main directions of the center's work have been developed for its successful operation in the long term.
Key words: student entrepreneurship, business projects, process approach, design tools, defectology center.

Одним из условий подготовки обучающихся к предпринимательской деятельности является применение инновационных педагогических технологий в сочетании с традиционными формами обучения, обеспечивающих профессиональную подготовку с развитием внутреннего потенциала и предпринимательской активности личности студента. Использование современных педагогических инноваций и прогрессивных обучающих технологий, обеспечивает высокий уровень овладения знаниями, умениями и необходимыми навыками, достаточный для успешной профессиональной реализации обучающихся, их профессиональной и личностной компетентности, умения адаптироваться к быстроизменяющимся условиям жизни, потребности в саморазвитии [4].

В рамках процессного подхода студенты формируют компетенции, связанные со знанием этапов и методик проведения маркетинговых исследований (SWOT, PEST, SPACE, пять сил Портера и т.д.); умение собирать и обрабатывать информацию о рынках, отрасли и продуктах, в том числе умение прогнозировать развитие рынка (объемы, стоимость, технические характеристики); умение сегментировать рынок и выделять целевые группы потребителей; умение оформлять результаты маркетинговых исследований, а также проводить качественный и количественный анализ рисков и методики реагирования на риски.

Рассмотрим разработку бизнес-проекта на примере создания дефектологического центра как фактора и ресурса развития дополнительного образования в городской среде.

Используя процессный подход, студентам необходимо определиться с основными и дополнительными процессами проектирования дефектологического центра. Каждому процессу необходимо определить ресурсы на входе и выходе процесса, а также его ответственных и исполнителей.

Первым шагом в данной деятельности стало изучение мнения родителей (законных представителей) о необходимости создания такого центра, качестве оказания образовательных услуг, удовлетворенности работой учреждения, выявлении запросов и желаний возможных потребителей дефектологического центра.

Исходя из результатов анкетирования, можно сделать вывод, что родители дошкольников с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в создании дефектологического центра, который бы удовлетворил их запросы в насыщенной предметно-развивающей среде, в специалистах, которые бы подходили индивидуально к особенностям каждого ребенка и обеспечивали бы высокое качество образования, результатом которого бы являлась положительная динамика развития каждого дошкольника.

Основной процесс был связан с использованием стратегического анализа, который позволил выявить внутренние и внешние факторы, влияющие на создание и работу дефектологического центра.

Анализ внешних факторов производился путем изучения микро- и макросреды. В качестве инструментария данных процессов были использованы «PEST-анализ» для определения макросреды и методика «Пяти сил Портера» с целью изучения микросреды.

SWOT-анализ дал возможность выявить и структурировать сильные и слабые стороны будущего дефектологического центра, его потенциальные возможности и угрозы, благодаря этому были определены параметры, необходимые для создания и развития центра на должном уровне.

Space-анализ позволил выявить проблемы, стоящие перед дефектологическим центром, обусловленные положительными и негативными факторами, а также имеющимися внешними угрозами и потенциальными возможностями. Данный анализ был необходим для оценки конкурентоспособности центра и выбора стратегии его развития.

Space-анализ позволил определить наиболее выгодное стратегическое положение для дефектологического центра – консервативное стратегическое состояние. Данное состояние наблюдается у стабильных компаний, в нашем случае центра, с низким темпом роста. В данном случае дефектологический центр должен сконцентрироваться на финансовой стабилизации. Главным фактором является конкурентоспособность предоставляемых услуг в центре. Основными механизмами данного стратегического положения являются: снижение себестоимости услуги при повышении её качества, а также сокращение производства и выход на более перспективные рынки.

PEST-анализ позволил выявить политические, экономические, социальные и технологические факторы внешней среды. Каждый из факторов оказывает либо положительное влияние на стратегию дефектологического центра, как, например, будущие изменения в законодательстве, так и отрицательное влияние, например, экономический фактор – сезонность. Давая оценку этим факторам, важно рассматривать не только их фактическое состояние, но и прогнозировать возможные изменения данных факторов. К примеру, если произойдет снижение реальных доходов населения это приведет к изменению потребляемых услуг, отказу от части из них, росту спроса на более дешевые образовательные услуги. Для дефектологического центра это означает, что будут увеличиваться продажи более дешевых услуг. Для того чтобы минимизировать влияние этого фактора следует пересмотреть «ассортиментный портфель» услуг, снизить цену на дорогие услуги, отказаться от повышения цен на дешевые услуги и ввести новые экономически оправданные предложения.

Общие результаты: проведенные выше методики позволила нам выявить стратегическое положение дефектологического центра. Значение стратегического положения в бизнесе возрастает с каждым днём, так как позволяет выживать центрам (компаниям) в конкурентной борьбе в долгосрочной перспективе. Важным моментом в управлении дефектологическим центром является своевременная адаптация к быстро меняющейся внешней среде. Поэтому мы выявили и структурировали сильные и слабые стороны центра, для того чтобы определить наши преимущества, потенциальные возможности и внешние угрозы. Внешним факторам (политическим, экономическим, социальным и технологическим), мы уделили особое внимание, так как они активно влияют на развитие центра.

Исходя из количественных результатов по каждому параметру, можно сделать вывод, что количество участников (игроков) на рынке незначительное, соответственно, уровень конкуренции низкий и риск потери доли рынка тоже.

Далее были рассмотрены подпроцессы, которые детализируют основные процессы, раскрывают последовательность их реализации и функционируют на исполнительском уровне. Был рассмотрен уровень дифференциации услуг на рынке. Нас интересовали коррекционно-развивающие центры, которые в основном предлагают стандартизированные услуги по ключевым свойствам, но отличающиеся по дополнительным преимуществам. Так, к примеру, во всех коррекционно-развивающих центрах проводятся индивидуальные и групповые занятия с различными специалистами: логопедом, дефектологом, психологом, нейропсихологом, но каждый центр выбирает для себя или разрабатывает свои уникальные авторские методики работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Именно выбор методик, по которым строится коррекционно-развивающая работа в центре, является преимуществом перед конкурентами. Из этого следует, что чем выше будет дифференциация услуги, тем ниже стандартизация услуги, а это значит, что риск переключаемости потребителя между различными центрами будет минимальным.

Следующим этапом проектирования подпроцесса стало определение уровня внутриотраслевой конкуренции, который накладывает ограничения на ценовую политику. Возможность повышения цен допускается, но только в рамках покрытия роста затрат. Если мы будем значительно повышать цены на услуги в центре, то потребитель может выбрать аналогичную услугу по более низкой цене в другом центре, но исключать возможность в повышении цены не допустимо, иначе появится риск потери прибыли при постоянном росте затрат.

Немаловажным является подпроцесс угрозы входа новых игроков на рассматриваемый рынок. Нами осуществлялась оценка высоты входных барьеров на рынок данной отраслил. Был выявлен средний уровень угрозы входа новых игроков. Первым параметром оценки является экономия на масштабе при производстве услуги, данный эффект достигается путем увеличения выпуска услуг, что ведет к снижению средних затрат. Наши прямые конкуренты могут увеличивать объем производства за счет расширения перечня услуг, введения платных семинаров, мастер-классов, тем самым постоянные издержки в работе центра будут в меньшей степени влиять на единицу выполненной услуги. В городской среде, как описывалось выше, есть два крупных игрока, которые держат около 50% рынка это Тольяттинский лечебно-реабилитационный центр «Ариадна» и центр речевого развития «Логопед-центр», остальные 50% приходится на долю частных логопедических и дефектологических кабинетов. Эти две существующие марки занимают сильную позицию, что говорит о сложности вступления новых игроков в данную отрасль. Для входа в данную отрасль потребуется от 6 до 12 месяцев, получается, что начальный уровень инвестиций для вступления в данную отрасль находится на среднем уровне сложности вхождения для новых игроков. Привлекательность данной отрасли высокая, так как требуются умеренные инвестиции для того чтобы добраться до целевой аудитории. Дефектологическому центру необходимо предоставлять услуги, которые обладают отличительными характеристиками, чем выше будет уникальность услуг, тем ниже вероятность, что покупатель найдет альтернативу. Важно всегда анализировать работу своих конкурентов и следить за изменением цены на аналогичные услуги, стараться предлагать более качественные услуги, с уникальными преимуществами, чтобы у покупателя не возникала чувствительность к цене.

Оценка рисковой составляющий бизнес-проекта «Дефектологический центр» проводится с помощью анализа внешних и внутренних факторов. К внешним факторам мы отнесем рынок сбыта и угрозы, возникающие в результате экономической ситуации в стране. К внутренним фактором относится эффективность управления дефектологическим центром.

В связи со спецификой дефектологического центра выделим следующие внешние риски.

Реакция прямых конкурентов. Минимизировать данный риск возможно благодаря постоянному мониторингу рынка данных услуг, формированию собственной клиентской базы, наличию уникальных предложений (бесплатная диагностика) и программ лояльности клиентов.

Следующим риском является повышение арендной платы. Это приведет к увеличению постоянных расходов дефектологического центра и скажется на общем финансовом состояние центра. Мероприятием по устранению данного риска является выбор добросовестного арендодателя и заключение договора долгосрочной аренды.

Работа центра напрямую связана с коррекционной образовательной деятельностью, как уже было сказано выше, поэтому вмешательство государства в данную отрасль заключается в возможности лимитировать и закрыть возможность входа в отрасль с помощью лицензирования. Необходимо зарегистрировать центр как «ООО» и собрать всю необходимую

документацию для получения лицензии. Так же государство регламентирует работу центров для детей с ограниченными возможностями здоровья при организации среды для данной группы детей, важно чтобы кабинеты в дефектологическом центре и их оснащение соответствовало требованиям САНПИН. И это еще один риск, который был выделен нами в процессе проектирования центра.

Таким образом, для того чтобы дефектологический центр в долгосрочном периоде смог сохранять конкурентоспособность и удерживать свою прибыль, были разработаны следующие направления работы.

1. Необходимо повышать качество предоставляемых услуг, четко дифференцировать свои услуги от услуг-заменителей, разработать дополнительные преимущества от покупки услуг дефектологического центра. Важно концентрировать усилия на построение осведомленности потребителей об уникальном предложении и уделять особое внимание целевой аудитории заинтересованной в данных характеристиках этой услуги.

2. Дефектологическому центру необходимо на постоянной основе проводить мониторинг предложений конкурентов. Развивать уникальность услуг и повышать их воспринимаемую ценность, тем самым снижая влияние ценовой конкуренции на продажи. Целесообразно повышать уровень знаний о предоставляемых услугах и их особенностях.

3. Для сохранения конкурентоспособности обязательно следить за появлением новых игроков, сконцентрировать рекламную активность на построении длительных отношений с текущими потребителями.

4. Для снижения угрозы потери постоянных клиентов, рекомендуется диверсифицировать портфель потребителей дефектологического центра. Разработать для потребителей чувствительных к цене эконом-услуги, а для потребителей с высоким достатком программы для vip-клиентов. Продолжать работу по повышению качества услуги по отстающим параметрам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коречков Ю.В. Процессный подход к управлению организацией высшего образования // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 9. №3. (2017). URL: http://naukovedenie.ru/PDF/107EVN317.pdf
2. Яковлев Г.А. Организация предпринимательской деятельности: 2-е изд. М: ИНФРА-М, 2016. 313 с.
3. Об утверждении концепции развития системы ранней помощи в Самарской области на период до 2020 года: распоряжение Правительства Самарской области от 26 июня 2018 г. №507-р // Собрание законодательства Самарской области. 2018. № 1839-р. Ст. 116.
4. Джилли Сальмон. Высшее образование 1.0-3.0 // Джилли Сальмон. URL: http://www.gillysalmon.com/uploads/5/0/1/3/50133443/education_1-0_to_3-_0.pdf
5. Соколова Н.А. Педагогика дополнительного образования детей: учеб. пособие для студ. пед. вузов. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. 2010. 225 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Korechkov Ju.V. Processnyj podhod k upravleniju organizaciej vysshego obrazovanija // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» Tom 9. №3. (2017). URL: http://naukovedenie.ru/PDF/107EVN317.pdf
2. Jakovlev G.A. Organizacija predprinimatel'skoj dejatel'nosti: 2-e izd. M: INFRA-M, 2016. 313 s.

3. Ob utverzhdenii koncepcii razvitija sistemy rannej pomoshhi v Samarskoj oblasti na period do 2020 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva Samarskoj oblasti ot 26 ijunja 2018 g. №507-r // Sobranie zakonodatel'stva Samarskoj oblasti. 2018. № 1839-r. St. 116.
4. Dzhilli Sal'mon. Vysshee obrazovanie 1.0-3.0 // Dzhilli Sal'mon. URL: http://www.gillysalmon.com/uploads/5/0/1/3/50133443/education_1-0_to_3-_0.pdf
5. Sokolova N.A. Pedagogika dopolnitel'nogo obrazovanija detej: ucheb. posobie dlja stud. ped. vuzov. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta. 2010. 225 s.

Поступила в редакцию 21.10.2020.
Принята к публикации 25.10.2020.

Для цитирования:
Непрокина И.В. Процессный подход в организации студенческой предпринимательской деятельности на примере проектирования дефектологического центра // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 60-65. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Neprokina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275510
УДК 37.02

Пронина З.И.

Пронина Зинаида Ивановна, старший преподаватель, Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». 423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр-т Мира, 68/19 (1/18). E-mail: pronina_zi@mail.ru.

Анализ и классификация педагогических условий с целью повышения эффективности образовательного процесса

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы терминологии и классификации педагогических условий, изучаемые современной отечественной научной школой. Даны дефиниции понятия «педагогические условия» с точки зрения различных подходов (В.М. Полонский, В.А. Беликов и др.). Проанализированы социально-педагогические, психолого-педагогические, организационно-педагогические и дидактические условия, представленные в работах ведущих российских ученых по педагогике. Автор приходит к выводу о том, что разработка новых и совершенствование существующих педагогических условий, являясь одним из действенных способов повышения эффективности образовательного процесса, обеспечит качественную профессиональную подготовку выпускников.
Ключевые слова: система высшего образования, педагогические условия, разновидность педагогических условий, социально-педагогические условия, психолого-педагогические условия, организационно-педагогические условия, дидактические условия, эффективность образовательного процесса.

Pronina Z.I.

Pronina Zinaida Ivanovna, Senior Lecturer, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) University. 423812, Russia, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, Mira av., 68/19 (1/18). E-mail: pronina_zi@mail.ru.

Analysis and classification of pedagogical conditions in order to improve the efficiency of the educational process

Abstract. The article deals with theoretical issues of terminology and classification of pedagogical conditions studied by modern Russian scientific schools. Definitions of the «pedagogical conditions» concept are given from the point of view of various approaches (V.M. Polonsky, V.A. Belikov, etc.). socio-pedagogical, psychological-pedagogical, organizational-pedagogical and didactic conditions presented in the works of leading Russian scientists on pedagogy are Analyzed. The author comes to the conclusion that the development of new and improvement of existing pedagogical conditions, being one of the effective ways to increase the efficiency of the educational process, will provide high-quality professional training of graduates.
Key words: higher education system, pedagogical conditions, a variety of pedagogical conditions, socio-pedagogical conditions, psychological and pedagogical conditions, organizational and pedagogical conditions, didactic conditions, the effectiveness of the educational process.

Современные социально-политические и экономические процессы предъявляют жесткие требования ко всей системе образования, в том числе и высшего, когда требуется разработка новых и совершенствование имеющихся средств повышения эффективности образовательного процесса.

Образовательный процесс строго регламентируется правовыми и нормативными документами, в том числе федеральным государственным образовательным стандартом, образовательной программой и учебным планом. Меры, предпринимаемые государством по повышению обязательных требований к образованию и совершенствованию комплекса основных его характеристик, сформулированные в руководящих и нормативных документах, должны обеспечить повышение уровня качества образования. Кроме того, научно-педагогическим сообществом не прекращается работа по рационализации методологических подходов, принципов, технологий, форм и средств обучения.

В рамках данной статьи рассмотрим формирование педагогических условий, как один из возможных способов повышения эффективности образовательного процесса.

Под «условием» в словаре по образованию и педагогике В.М. Полонского понимается «совокупность переменных природных, социальных, внешних и внутренних воздействий, влияющих на физическое, психическое, нравственное развитие человека, его поведение, воспитание и обучение, формирование личности» [8, с. 36].

В.А. Беликов под педагогическими условиями понимает «совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в педагогике задач» [1]. При этом автор отмечает, что педагогические условия в образовательном процессе создаются сознательно, но они не могут сводиться только к внешним обстоятельствам, а должны включать еще и совокупность внутренних особенностей предмета исследования.

Н.В. Ипполитова и Н. Стерхова в своей работе рассматривают педагогические условия как «один из компонентов педагогической системы, отражающий совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды, воздействующих на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивающих её эффективное функционирование и развитие» [4, с. 11].

Включая в себя цели, содержание, методы, формы и средства процесса обучения и воспитания, педагогические условия определяют «успешность формирования компетенций и профессионально-значимых качеств студента», – утверждает А.В. Обсков [6, с. 41]. По его мнению, являясь факторами, обстоятельствами или совокупностью мер, педагогические условия по-разному воздействуют на процесс действительности: усиливая или ослабляя его.

В научной литературе встречается множество разновидностей педагогических условий: социально-педагогические, психолого-педагогические, организационно-педагогические, дидактические.

Являясь социальной, образовательная среда аккумулирует в себе множество взаимосвязей субъектов образовательного процесса. Социально-педагогические условия направлены на конструктивное выстраивание межличностных и межгрупповых социальных связей, что способствует гармоничному саморазвитию обучающегося не только в ходе образовательного процесса, но и в течение дальнейшей профессиональной деятельности.

Психолого-педагогические условия призваны прогнозировать, идентифицировать и раскрывать индивидуальные особенности и профессиональные способности обучающегося, а также нивелировать возможное негативно-деструктивное влияние социума на индивида. Так, Журавской Н.В. была предложена ранговая структура психолого-педагоги-

ческих условий, среди которых большую значимость, по мнению автора, имеют: «высокая степень готовности преподавателей к взаимодействию с каждым студентов в процессе учебы (16,5%), совершенствование содержания психолого-педагогической подготовки преподавателей вуза для улучшения индивидуальной работы со студентами (15,3%), повышение уровня психологической готовности студентов к условиям будущей профессиональной деятельности (14,7%)» [3, с. 15].

Утверждая о необходимости влияния педагогических условий на достижение поставленных педагогических целей, что обеспечивается органичным сочетанием внутренних и внешних условий, А.Ю. Плешакова рассматривает социально-психологические и организационно-педагогические условия. При этом социально-психологические условия включают «формирование эмоционально-волевой устойчивости к стрессовым ситуациям, гуманизацию учебно-воспитательного процесса, согласованность педагогического коллектива в достижении педагогических целей, в создании ситуации успеха и условий для самоактуализации учащихся». В то время, как организационно-педагогические условия, сознательно созданные в учебном процессе, представляют собой «совокупность обстановки, обстоятельств, содержательно-технологических норм и принципов, правил, требований и договоренностей» [7, с. 121].

Под организационно-педагогическими условиями А.А. Володин и Н.Г. Бондаренко понимают «характеристику педагогической системы, отражающую совокупность потенциальных возможностей пространственно-образовательной среды, реализация которых обеспечит упорядоченное и направленное эффективное функционирование, а также развитие педагогической системы» [2, с. 147].

Выявляя дидактические условия эффективности учебной деятельности обучающихся, Е.В. Ключенко называет их «основой познавательной деятельности, ориентированной на теоретический и научный уровень познания истины» [5, с. 7]. Дидактические условия призваны на протяжении всего образовательного процесса обеспечить обучающихся комплектом дидактических материалов: лекциями, рабочими программами, учебными пособиями, методическими указаниями к выполнению различного рода студенческих работ и др. Представленный комплект учебно-методических материалов при необходимости может быть дополнен справочными системами, электронными словарями, программами для ЭВМ и базами данных, зарегистрированными в соответствующих реестрах, и другими сетевыми и образовательными ресурсами, содержащими сведения об инновационных достижениях современной науки, техники и технологий. Разработка преподавателем учебно-методических материалов способствует приросту научной информации, пополнению информационных баз и совершенствованию образовательных технологий.

Таким образом, анализируя множество разновидностей педагогических условий, можно условно разделить их на внутренние (психолого-педагогические) и внешние (дидактические, социально-педагогические, организационно-педагогические) условия, гармоничное сочетание которых способствует повышению эффективности всего образовательного процесса, что обеспечит качественную профессиональную подготовку выпускников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В.А. Образование. Деятельность. Личность: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 310 с.

2. Володин А.А., Бондаренко Н.Г. Анализ содержания понятия «Организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. №2. С. 143-152.
3. Журавская Н.В. Профессиональная подготовка специалистов пожарной безопасности в вузах нефтегазовой отрасли с использованием индивидуально-дифференцированного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 22 с.
4. Ипполитова Н., Стерхова Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8-14.
5. Ключенко Е.В. Дидактические условия эффективности учебной деятельности обучающихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2003. 21 с.
6. Обсков А.В. Педагогические условия и формы реализации интерактивного обучения иностранному языку студентов технического вуза: дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2017. 160 с.
7. Плешакова А.Ю. Социально-педагогические условия интернационализации образования: к определению понятия // Научный диалог. 2014. № 2 (26): Педагогика. С. 118-125.
8. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высш. шк., 2004. 512 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Belikov V.A. Obrazovanie. Dejatel'nost'. Lichnost': monografija. M.: Akademija Estestvoznanija, 2010. 310 s.
2. Volodin A.A., Bondarenko N.G. Analiz soderzhanija ponjatija «Organizacionno-pedagogicheskie uslovija» // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. №2. S. 143-152.
3. Zhuravskaja N.V. Professional'naja podgotovka specialistov pozharnoj bezopasnosti v vuzah neftegazovoj otrasli s ispol'zovaniem individual'no-differencirovannogo podhoda: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2011. 22 s.
4. Ippolitova N., Sterhova N. Analiz ponjatija «pedagogicheskie uslovija»: sushhnost', klassifikacija // General and Professional Education. 2012. № 1. S. 8-14.
5. Kljuchenko E.V. Didakticheskie uslovija jeffektivnosti uchebnoj dejatel'nosti obuchajushhihsja: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Stavropol', 2003. 21 s.
6. Obskov A.V. Pedagogicheskie uslovija i formy realizacii interaktivnogo obuchenija inostrannomu jazyku studentov tehnicheskogo vuza: dis. ... kand. ped. nauk. Tomsk, 2017. 160 s.
7. Pleshakova A.Ju. Social'no-pedagogicheskie uslovija internacionalizacii obrazovanija: k opredeleniju ponjatija // Nauchnyj dialog. 2014. № 2 (26): Pedagogika. S. 118-125.
8. Polonskij V.M. Slovar' po obrazovaniju i pedagogike. M.: Vyssh. shk., 2004. 512 s.

Поступила в редакцию 19.10.2020.
Принята к публикации 23.10.2020.

Для цитирования:
Пронина З.И. Анализ и классификация педагогических условий с целью повышения эффективности образовательного процесса // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 66-69. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Pronina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275607
УДК [811.111:378:004.031.4](045)

Сафроненкова Е.Л.

Сафроненкова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17. E-mail: e.safronenkova@narfu.ru.

Дидактические возможности онлайн сервиса EDpuzzle в обучении иностранному (английскому) языку студентов высшей школы

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению дидактических возможностей видеоресурсов в обучении иностранному (английскому) языку студентов высшей школы на примере онлайн сервиса EDpuzzle. Представлены виды видео-включений на занятиях по английскому языку, и обоснована целесообразность использования видеоматериалов в обучении английскому языку студентов вузов. Также предложен алгоритм работы с сервисом EDpuzzle для успешного создания видеоурока по английскому языку. Особое внимание уделяется критериям подбора видеоматериала для занятий по английскому языку: доступность, актуальность, соответствие теме занятия, ясность картинки и звука и др.
Ключевые слова: онлайн сервис, EDpuzzle, видеоматериал, видеометод, иностранный (английский) язык, дидактические возможности.

Safronenkova E.L.

Safronenkova Elena Leonidovna, Candidate of Philological Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. 163002, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina emb., 17. E-mail: e.safronenkova@narfu.ru.

Didactic potential of EDpuzzle online service in teaching foreign (English) language for university students

Abstract. The present paper is concerned with didactic potential of video resources in teaching foreign (English) language for university students. To illustrate, EDpuzzle online service is described. The ways how video resources can be successfully integrated into the English language classes are also discussed. The authors present the procedure of designing an English language video lesson using EDpuzzle online service. Special emphasis is made on selection criteria of video resources for English language classes: availability, relevance to the lesson's topic, clear picture and sound, etc.
Key words: online service, EDpuzzle, video resources, video method, foreign (English) language, didactic potential.

В современном мире педагогу не представляет сложности организовать учебный процесс благодаря тому, что в его методическом арсенале имеется широкий спектр технических средств обучения. Разработка методик использования таких средств становится одной из актуальных задач в содержании обучения иностранным языкам. К таким учебно-методическим инструментам

принято относить материалы различных интернет-ресурсов: образовательные блоги, подкасты зарубежных изданий, базы данных, сервисы для общения с носителями языка и видеохостинги с множеством видеоматериалов на разные темы.

Целью данной статьи является рассмотрение дидактических возможностей видеоресурсов в обучении иностранному (английскому) языку студентов высшей школы на примере онлайн сервиса EDpuzzle.

Вопрос о значимости использования аутентичных видеотекстов в качестве информационных источников для аудирования, представляющих все особенности речи носителя языка, в частности английского, со всеми тонкостями и изъянами, ранее уже рассматривался в лингводидактике. В работах исследователей Г.О. Акопян, Г.В. Артамоновой, Н.Л. Баграмянц, Б.В. Крамаренко, Р.П. Скляренко обсуждается применение видеометода в высшей школе для контроля, закрепления, повторения, обобщения, систематизации знаний [1, 2, 3, 5, 6]. Как метод обучения с использованием экранных источников информации, видеометод позволяет получать знания в наглядной форме. Получаемая таким образом информация усваивается быстрее и легче.

Выделены следующие виды видеовключений на занятиях:

- видео-актуализация используется в начале учебного занятия для введения в тему и повышения внимания обучающихся;
- видео-иллюстрация применяется для раскрытия или дополнения темы, а также для подтверждения слов педагога;
- видео-тренажер предлагается для развития навыков и овладения технологией.

Значимость использования видеоматериалов при обучении иностранному языку студентов вузов основывается на неотъемлемом методическом принципе наглядности, основываясь на который студенты в процессе обучения имеют возможность воссоздать реальную языковую коммуникацию, тем самым восполняя отсутствие естественной языковой среды. Во время работы над видеофрагментами обучающиеся совершенствуют свой уровень владения английским языком, поскольку разнообразие артикуляционных особенностей, фонетическая окраска речи (тембр, темп голоса носителей языка) подсознательно заставляет обучающихся прослушать и понять, что происходит на экране [4]. Помимо формирования сознания и мышления посредством иностранного языка, в процессе аудиовизуального восприятия информации развивается познавательная активность студента и происходит осмысленное восприятие иноязычной речи на слух, формируются навыки устно-речевого общения, что отвечает принципам коммуникативного метода обучения.

Одним из современных сервисов для работы с видеоматериалом является EDpuzzle (edpuzzle.com) – бесплатный онлайн-сервис с англоязычным интерфейсом. Уникальность данного сервиса состоит в том, что он представляет собой не просто хранилище видео контента, но и позволяет создавать видео уроки. Рассмотрим алгоритм работы с данным сервисом для успешного создания видеоурока:

1. Добавление видео

Для добавления видео, на основе которого создается урок, необходимо перейти на страницу *Search*. В строку поиска следует ввести название видео или его URL-адрес. Поиск соответствующего видео осуществляется в таких хранилищах, как Youtube, Khan Academy, Crash Course и других ресурсах. Для добавления собственного видео с компьютера необходимо нажать на кнопку Upload.

2. Обрезка видео (Crop)

При необходимости вырезать фрагмент из целого видео, необходимо передвинуть красные ползунки начала и конца видео. Сохранение вырезанного фрагмента происходит автоматически.

3. Добавление звука (Audio Track)

Нажав на кнопку , можно записать голосовое сопровождение видеофрагмента. При этом необходимо записать звук для всего видео, чтобы сохранить его.

4. Вставка аудио комментариев (Audio Notes)

На данном этапе можно вставить аудио комментарий в любом месте видеофрагмента. Для этого необходимо установить ползунок на шкале времени и нажать на желтую кнопку с микрофоном.

5. Добавление заданий (Quizzes)

Задания по пройденному материалу можно вставить в любой точке видеофрагмента. Для этого необходимо передвинуть ползунок на шкале времени в то место на видео, где будет задание для обучающегося, и нажать на кнопку .

Задание может состоять из нескольких вопросов. Пользователю предлагается создать вопросы с введением ответа или с выбором ответа.

В видеофрагмент можно вставить текстовый комментарий.

После создания видеоурока следует нажать на кнопку *Finish*. Далее будет предложено добавить урок в какой-нибудь из классов или размесить ссылку на урок в Интернете.

Преподаватель во вкладке *My Classes* создает класс, которому будет предложено пройти подготовленный видеоурок. Для того, чтобы обучающимся стал доступен данный видеоурок, педагогу следует пригласить к работе обучающихся (Invite more students). В данной вкладке преподаватель может просмотреть созданный урок; установить дату окончания работы с видеоуроком; просматривать статистику выполнения заданий (Progress); добавить классы обучающихся (Add class) и удалить видеоурок. В статистике выполнения заданий (Progress) преподаватель может просмотреть ответы на вопросы всего класса и каждого обучающегося по отдельности. Также доступна информация о том, сколько обучающийся потратил времени на просмотр урока.

Следует отметить, что видеоматериал, доступный для использования в сервисе EDpuzzle (располагается в хранилищах YouTube, Khan Academy, Crash Course и др.) требует тщательного отбора и интегрирования в учебный процесс. Педагогу рекомендуется использовать следующие критерии при отборе видеоматериала:

- интересы обучающихся;
- доступность материала;
- концентрация языковых средств;
- соответствие теме занятий;
- актуальность информации;
- ценность (страноведческая, воспитательная) материала;
- ясность картинки и звука.

Таким образом, основной задачей преподавателя на этапе работы с аутентичным материалом становится тщательный отбор видеоматериала, который будет актуальным, информативным, соответствовать тематической направленности занятия, современным реалиям культуры страны изучаемого языка. Учет всех этих аспектов отбора видеоматериала позволит сделать видеоурок тематически актуальным, информативным и создаст дополнительную мотивацию для обучающихся к совершенствованию уровня владения иностранным языком и применению полученных знаний в своей будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян Г.В. Использование видеоматериалов в учебном процессе // Развитие личности как стратегия современной системы образования Материалы научно-практической конференции. 2016. С. 220-224.

2. Артамонова Г.О. Аутентичные видеоматериалы как средство повышения мотивации студентов к самостоятельной работе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т.5. №4 (17). С 51-54.
3. Баграмянц Н.Л. Видеометод как средство формирования межкультурной компетенции // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур Ежегодный сборник научных трудов. Москва, 2014. С. 277-288.
4. Джененко О.В. Лингводидактический потенциал аутентичных видеоресурсов в формировании профессиональной иноязычной аудитивной компетенции в области международного туризма // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Том 5. Вып.2. С. 170-175.
5. Крамаренко Б.В. Мобильные технологии обучения молодежи и видеометоды // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. №3. С. 40-43.
6. Скляренко Р.П. Активизация процесса обучения посредством видеофильмов в условиях интернационализации образовательных систем. М.: УПЦ ГИ МИИТ, 2014. 80 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akopjan G.V. Ispol'zovanie videomaterialov v uchebnom processe // Razvitie lichnosti kak strategija sovremennoj sistemy obrazovanija Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. 2016. S. 220-224.
2. Artamonova G.O. Autentichnye videomaterialy kak sredstvo povyshenija motivacii studentov k samostojatel'noj rabote // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2016. T.5. №4 (17). S 51-54.
3. Bagramjanc N.L. Videometod kak sredstvo formirovanija mezhkul'turnoj kompetencii // Kommunikacija v sovremennom polikul'turnom mire: dialog kul'tur Ezhegodnyj sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 2014. S. 277-288.
4. Dzhenenko O.V. Lingvodidakticheskij potencial autentichnyh videoresursov v formirovanii professional'noj inojazychnoj auditivnoj kompetencii v oblasti mezhdunarodnogo turizma // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom 5. Vyp.2. S. 170-175.
5. Kramarenko B.V. Mobil'nye tehnologii obuchenija molodezhi i videometody // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. 2008. T. 14. №3. S. 40-43.
6. Skljarenko R.P. Aktivizacija processa obuchenija posredstvom videofil'mov v uslovijah internacionalizacii obrazovatel'nyh sistem. M.: UPC GI MIIT, 2014. 80 s.

Поступила в редакцию 30.10.2020.
Принята к публикации 03.11.2020.

Для цитирования:
Сафроненкова Е.Л. Дидактические возможности онлайн сервиса EDpuzzle в обучении иностранному (английскому) языку студентов высшей школы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 70-73. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Safronenkova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275646
УДК 37.018.43

Терешенкова А.А., Панфилов Г.Е.

Терешенкова Анастасия Андреевна, аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет. 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21. E-mail: tereshenkova.anastasija@yandex.ru.
Панфилов Георгий Евгеньевич, аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет. 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21. E-mail: georgypanf@gmail.com.

Дистанционное обучение как современный способ получения образования

Аннотация. В статье особое внимание уделяется актуальной проблеме современного образования – дистанционному обучению. Авторами рассмотрены определение, основные направления развития дистанционного обучения, его структурные составляющие, а также показаны отличия от традиционной формы обучения. В данной статье проведён анализ существенных преимуществ и недостатков, с которыми сталкивается как преподавательский состав, так и студенты в процессе обучения в университетах страны. В заключение авторами сделаны выводы о дальнейших перспективах развития дистанционного образования в высших учебных учреждениях Российской Федерации.
Ключевые слова: дистанционное обучение, инновации, интернет, информатизация, информационные технологии, онлайн-обучение, система образования, студенты, удалённое образование.

Tereshenkova A.A., Panfilov G.E.

Tereshenkova Anastasiya Andreevna, post-graduate, Saint-Petersburg State University of Economics. 191023, Russia, Saint-Petersburg, Sadovaya st., 21. E-mail: tereshenkova.anastasija@yandex.ru
Panfilov Georgy Evgenievich, post-graduate, Saint-Petersburg State University of Economics. 191023, Russia, Saint-Petersburg, Sadovaya st., 21. E-mail: georgypanf@gmail.com.

Distance education as a new way of getting education

Abstract. The article mainly focuses on a problem of modern education, especially on distance education. Authors of this article viewed definitions, main directions of developing of distance education, it's structural components and also viewed differences from traditional way of education. In this article analyze of advantages and disadvantages faced by university staff and students takes place in all universities in the country. In conclusion the authors summarizes about potential develop of distance education in higher educational institutions in Russia.
Key words: distance learning, innovations, internet, informatisation, information technology, online-education, education system, students, distance education.

Развитие общества на современном этапе в большей степени связано с эволюцией образовательной системы, где основной задачей выступает профессиональное воспитание будущих высококвалифицированных специали-

стов, способных творчески мыслить и обладающих высоким потенциалом. Именно поэтому важное значение уделяется способности сегодняшней системы образования быстро и оперативно реагировать на такие преобразующиеся запросы информационного российского общества, как [2, с. 85]:

1) ресурсоёмкость. То есть возможность предоставления студентам знаний без посещения множества лекций и семинаров;

2) результативность. Представляет собой степень освоения студентами накопленных знаний и способности применять их успешно на практике;

3) доступность. Включает в себя возможность обучения для совершенно разных слоев населения;

4) оперативность. Донесение информации до студентов за довольно короткий промежуток времени.

Возрастающая роль информатизации, а также повышенного интереса к применению компьютерных технологий привели к созданию такого важнейшего механизма, как «дистанционное обучение».

Следует отметить, что проблемам и перспективам дистанционного образования посвящено множество исследований российских и зарубежных учёных. Рассмотрим основные из них.

Так, учёные А.В. Густырь и В.И. Овсянников считают, что за последние три десятилетия дистанционное обучение стало глобальным феноменом, изменившим состояние образования во всём мире [3, с. 30].

А.Н. Корнеев и Е.В. Толоконникова считают, что термин «дистанционное обучение» является условным и указывает не на удалённость, существующую между преподавателем и студентом, а на факт того, что между этими двумя субъектами существует некий носитель информации (виртуальный или вещественный) [1, с. 7].

Е.В. Романов и Т.В. Дроздова в своём исследовании характеризуют дистанционное обучение как комплекс образовательных услуг, который предоставляется широким слоям населения в Российской Федерации и за рубежом благодаря специализированной информационно-образовательной среде на любой дистанции от высших образовательных учреждений [4, с. 173].

Резюмируя вышеизложенное, дистанционное обучение можно определить как высокотехнологичный способ получения образования, который реализуется в большей степени на базе информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном взаимодействии студента и преподавательского состава, стирая при этом все временные и пространственные рамки.

Среди главных отличительных черт дистанционного обучения, которые раскрывают его потенциал, можно выделить следующие (Рис. 1).

Рисунок 1. Отличительные черты дистанционного обучения

Под гибкостью понимается тот факт, что студенты могут заниматься в любом удобном для них месте и в наиболее подходящее время. Параллельность представляет собой дистанционное образование без отрыва от основного вида деятельности (работы), так как порой у современных специалистов время расписано по минутам. Рентабельность заключается в том, что дистанционное образование экономически выгоднее традиционного, поскольку осуществляется экономия на содержании учебных и вспомогательных помещений, а также обеспечении студентов учебными пособиями и т.п. Под дальностью действий понимается то, что для студента нет привязанности к определённому месту, он может находиться далеко от места обучения и преподавателя, при этом при условии хорошей связи качество обучения не страдает.

Следовательно, обобщая вышесказанное, цель дистанционного обучения можно сформулировать следующим образом. По нашему мнению, она представляет собой механизм внедрения в образовательный процесс современных компьютерных и информационных технологий, стимулирование самостоятельной работы у студентов высших учебных заведений, а также повышение уровня образования и индивидуализацию обучения.

Далее следует отметить, что дистанционное образование, как и любое обучение, предполагает организационно-информационную поддержку, основные составляющие которого представлены далее (Рис. 2).

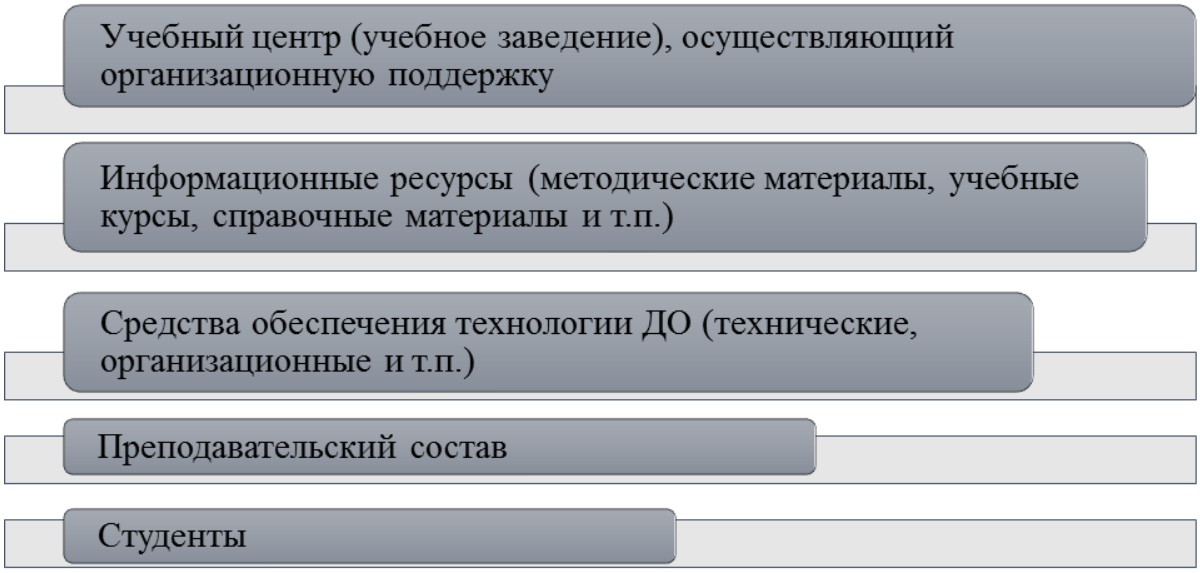


Рисунок 2. Основные составляющие дистанционного обучения

Безусловно, у данного вида обучения существуют свои преимущества и недостатки, с которыми сталкивается преподавательский состав и сами студенты.

К основным преимуществам дистанционного обучения можно отнести следующие:

1) индивидуальный темп обучения для студента. То есть скорость изучения необходимого учебно-методического материала устанавливается студентом самостоятельно в зависимости от определённых личных обстоятельств;

2) доступность. В процессе обучения стираются все географические и временные барьеры;

3) мобильность. Эффективная обратная связь между студентами и преподавательским составом высшего учебного заведения;

4) творческий подход. Студент имеет возможность творческого самовыражения при данном виде обучения.

Но, несмотря на все отмеченные преимущества, существуют и очевидные недостатки, такие как:

1) отсутствие очного общения между преподавателем и студентами. На наш взгляд, этот недостаток является одним из существенных, поскольку поддерживать необходимый темп обучения без контроля со стороны удаётся не всем студентам;

2) необходимость постоянного доступа к источникам информации. Каждому студенту для дистанционного обучения требуется техническая оснащённость, которая, к сожалению, не всегда всем доступна;

3) недостаток практических занятий и семинаров. Традиционное обучение предполагает большее количество семинаров, чем дистанционное;

4) недостаточная разработанность обучающих курсов. На сегодняшний день, большинство методических материалов составлено ещё под традиционную форму обучения.

Проанализировав особенности дистанционного обучения, отметив его как положительные, так и отрицательные стороны, мы приходим к заключению, что развитие данного механизма способствует массовому распространению образования, нежели традиционное обучение. Оно будет продолжаться и совершенствоваться по мере становления и развития Интернет-технологий, а также совершенствования методов его исполнения. Но, на наш взгляд, станет полноценным лишь тогда, когда появится возможность полного воссоздания имитации реального общения между преподавателями и студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнеев А.Н., Толоконникова Е.В. Дистанционное обучение: будущее развития образования: пособие. М.: Мир науки, 2019. 88 с. URL: http://izd-mn.com/PDF/13MNNPU19.pdf
2. Леонтьева И.А. Дистанционное обучение как одно из средств повышения качества образования студентов в вузе // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. №6. С 84-88.
3. Овсянников В.И., Густырь А.В. Введение в дистанционное образование: учебное пособие для системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов. М.: РИЦ «Альфа», МГОПУ им. М.А. Шолохова. 2001. 165 с.
4. Романов Е.В., Дроздова Т.В. Дистанционное обучение: необходимые и достаточные условия эффективной реализации // Современное образование. 2017. №1. С. 172-195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22044

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Korneev A.N., Tolokonnikova E.V. Distancionnoe obuchenie: budushhee razvitija obrazovanija: posobie. M.: Mir nauki, 2019. 88 s. URL: http://izd-mn.com/PDF/13MNNPU19.pdf
2. Leont'eva I.A. Distancionnoe obuchenie kak odno iz sredstv povyshenija kachestva obrazovanija studentov v vuze // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2017. №6. S 84-88.
3. Ovsjannikov V.I., Gustyr' A.V. Vvedenie v distancionnoe obrazovanie: uchebnoe posobie dlja sistemy povyshenija kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki specialistov. M.: RIC «Al'fa», MGOPU im. M.A. Sholohova. 2001. 165 s.

4. Romanov E.V., Drozdova T.V. Distancionnoe obuchenie: neobhodimye i dostatochnye uslovija jeffektivnoj realizacii // Sovremennoe obrazovanie. 2017. №1. S. 172-195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22044

Поступила в редакцию 22.10.2020.
Принята к публикации 26.10.2020.

Для цитирования:
Терешенкова А.А., Панфилов Г.Е. Дистанционное обучение как современный способ получения образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 74-78. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/TereshenkovaPanfilov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275711
УДК 37.376

Ткачева В.В.

Ткачева Вера Вячеславовна, старший преподаватель, Государственный социально-гуманитарный университет. 140411, Россия, г. Коломна, ул. Зеленая, 30. E-mail: cpecobraz@mail.ru.

Современные проблемы логопедии в инклюзивном пространстве

Аннотация. В данной статье раскрывается сущность современных проблем логопедии в инклюзивном образовательном пространстве. Увеличение числа лиц с ограниченными возможностями здоровья привели к закреплению на законодательном уровне прав данных категорий детей на обеспечение равного доступа к образованию. Внедрение инклюзии в педагогический процесс привело к пересмотру стандартов образования и потребовало создание специальных условий обучения, воспитания и развития в различных образовательных организациях. В статье рассматриваются существующие в настоящее время актуальные проблемы, связанные с разработкой нормативно-правовой документации и методического сопровождения, а также специфики работы учителя-логопеда в условиях логопедического пункта.
Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, учитель-логопед, логопедический пункт, специальные условия, нормативная документация.

Tkacheva V.V.

Tkacheva Vera Vyacheslavovna, Senior Lecturer, State Social and Humanitarian University. 140411, Russia, Kolomna, Zelyonaya st.,30. E-mail: cpecobraz@mail.ru.

Contemporary speech therapy challenges in an inclusive space

Abstract. This article reveals the essence of modern problems of speech therapy in an inclusive educational space. The increase in the number of people with disabilities has led to the consolidation at the legislative level of the rights of these categories of children to ensure equal access to education. The introduction of inclusion in the pedagogical process led to a review of educational standards and required the creation of special conditions for education, upbringing and development in various educational organizations. The article examines the currently existing urgent problems related to the development of legal documentation and methodical support, as well as the specifics of the work of a speech therapist in the conditions of speech therapy center.
Key words: children with disabilities, inclusion, speech therapist, speech therapy center, special conditions, regulatory documentation.

XXI век, век информационных технологий и инноваций, породил еще одну тревожную тенденцию – неуклонное увеличение числа детей с проблемами развития, в том числе с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). По данным Росстата, в России на данное время проживает около двух миллионов детей с ОВЗ. За последние 5 лет численность детей с нарушенным развитием увеличи-

лась на 57%, а с учетом перехода России к международным критериям, по мнению большинства ученых, в ближайшее десятилетие ожидается увеличение числа инвалидов в 23 раза.

Термин ОВЗ (ограниченные возможности здоровья) означает недостатки в физическом и (или) психическом развитии ребенка. Впервые в российской законодательной практике расшифровка данного термина была изложена в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.). В этом же документе законодательно закрепляется «обеспечения равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [2]. Одним из важнейших факторов обеспечения вышеназванных требований выступает создание специальных условий обучения, воспитания, развития, коррекции нарушений и социальной адаптации детей с ОВЗ в различных образовательных организациях страны.

Обучение и воспитание детей с ОВЗ совместно с их нормально развивающими сверстниками привел к пересмотру стандартов образования. Инклюзия подразумевает, что все дети, независимо от их физических и интеллектуальных особенностей, включены в общую систему образования. В связи с этим, в образовательных организациях разных уровней (дошкольной, начальной, средней ступени) создаются структурные подразделения для оказания коррекционной, психолого-педагогической и социально-реабилитационной помощи [3].

Созданием специальных условий занимается коррекционная педагогика. В настоящее время границы коррекционного пространства расширяются как по «горизонтали», что связано необходимостью охвата большого количества детей с сочетанностью нарушений в сложной структуре дефекта; так и по «вертикали» – выполнение запроса общества и государства на охват медико-психолого-педагогической помощью лиц с ОВЗ разных возрастных групп от 0 до 18 лет и старше.

Одним из структурных подразделений, оказывающих коррекционно-развивающую помощь и востребованных при различных отклонениях в развитии, является логопедия. Модель инклюзивного образования предполагает создание для детей с ОВЗ безбарьерной среды обучения, приспособление образовательной среды к их нуждам и оказание необходимой поддержки в процессе совместного обучения со здоровыми сверстниками. В связи с этим актуальным представляется создание в образовательных организациях логопедических пунктов. Согласно примерному Положению об оказании логопедической помощи в организациях, осуществляющих образовательную деятельность от 6 августа 2020 г. № Р-75, задачами данных структур являются:

– организация и проведение логопедической диагностики с целью своевременного выявления и последующей коррекции речевых нарушений;

– организация проведения логопедических занятий с детьми, имеющими нарушения устной и письменной речи;

– пропедевтическая логопедическая работа с детьми по предупреждению возникновения возможных нарушений в развитии речи, включая разработку конкретных рекомендаций как родителям (законным представителям) детей, так и педагогическим работникам;

– консультирование участников образовательных отношений по вопросам организации и содержания логопедической работы с детьми [1].

При этом логопедическая помощь в формате данного подразделения предоставляется как детям с легкими нарушениями речи (что предусматривалось Инструктивно-методическим письмом Минпроса СССР от 10.03.1976) ,так и с тяжелыми нарушениями устной и письменной речи, которые ранее обучались в специальных коррекционных учреждениях.

Изменение вектора предоставления логопедической помощи поднимает ряд актуальных и недостаточно разработанных проблем.

Во-первых, назрела необходимость изменения финансирования образовательных организаций с целью создания дополнительных ставок учителей логопедов. Согласно вышеупомянутому примерному Положению об оказании логопедической помощи в организациях, количество детей с ОВЗ определяется из расчета не более 12 человек на одну ставку логопеда [1]. По факту, детей нуждающихся в логопедической помощи для успешного усвоения образовательных программ в разы больше. Как следствие – учителя-логопеды перегружены, помощь оказывается не в полном объеме, а дети, не попавшие в поле деятельности логопеда, переходят на следующую ступень образования, испытывая трудности в усвоении образовательных программ и больших усилий в коррекции своего дефекта.

Во-вторых, крайне актуальным представляется обеспечение логопедических пунктов в образовательных организациях необходимыми нормативными документами и создание базы современной документации для осуществления их деятельности в новом формате.

В-третьих, представляется крайне необходимым решение вопросов правового урегулирования трудовых отношений учителей-логопедов. До недавнего времени учителя-логопеды, работающие в коррекционных учреждениях, имели более продолжительный отпуск и увеличение окладов за работу с детьми с тяжелыми нарушениями речи. Теперь большая часть таких ребят посещают общеобразовательные организации и, следовательно, занимаются на логопедических пунктах.

В-четвертых, информационные технологии в современном образовании предполагают разработку и обеспечение логопунктов инновационными учебно-методическими комплексами, соответствующими возрастным возможностям детей с ОВЗ и их особым образовательным потребностям, специальными учебниками, рабочими тетрадями, дидактическим материалом, компьютерными программами, отвечающими рекомендованным вариантам программ.

В-пятых, ориентация на инклюзию в образовании предполагает перестройку всей системы работы логопункта со смещением акцента на работу индивидуально или в малых группах. В маршрутном листе, заполняемом на каждого ребенка с ОВЗ, необходимо прописывать не только направления коррекционных занятий, но и указывать особенности организации предметно-развивающей среды, определять способы взаимодействия с другими участниками образовательного процесса, как на занятиях, так и во внеурочной деятельности. Однако требование наличия такого документа в рабочей документации учителя-логопеда не может быть реализовано в полной мере в связи с расплывчатыми рекомендациями по его созданию.

Одним из важнейших аспектов реализации инклюзии в образовании является организация взаимодействия с семьей детей с ОВЗ. Современные стандарты требуют, чтобы родители становились активными участниками коррекционного процесса. Повышение родительской компетенции – одно из направлений логопедической работы. Сопровождение родителей детей с ОВЗ идет по нескольким направлениям, в том числе информационном, педагогическом, правовом. При этом, наряду с традиционными формами, такими как беседы, консультации, выступления на родительских собраниях, особую значимость приобретают дистанционные консультации и тренинги, работа в чатах, ведение странички логопеда на сайте организации.

В-шестых, в современной ситуации поле зрения учителя-логопеда распространяется не только на дошкольников и младших школьников, но и на учеников среднего звена. В связи с этим встает проблема нехватки методических разра-

боток и рекомендаций для работы с данной категорией учащихся. Анализ опубликованной литературы (см. Ястребова А.В., Бессонова Т.П., Елецкая О.В, и др.) показывает узость методической базы, а разнообразие нарушений и сложности коррекции в условиях закрепившегося дефекта говорят о недостаточности теоретических и экспериментальных разработок в этой области. В частности, отсутствует пакет материалов для обследования всех компонентов речевой и метаязыковой деятельности, нет четкого понятийного аппарата для формулирования заключения учеников среднего звена.

Таким образом, увеличение числа детей с ОВЗ, а также инклюзивное образование, внедренное в нашей стране, требуют внимания к решению вопросов, касающихся всех аспектов деятельности учителя-логопеда в условиях работы логопункта на всех ступенях дошкольного, начального и среднего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примерное Положение «Об оказании логопедической помощи в организациях, осуществляющих образовательную деятельность» N Р-75 от 6 августа 2020 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-06082020-n-r-75-ob-utverzhdenii/
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29.12.2012 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья N 1598 от 19 декабря 2014 г. // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/70862366/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Primernoe Polozhenie «Ob okazanii logopedicheskoj pomoshhi v organizacijah, osushhestvljajushhih obrazovatel'nuju dejatel'nost'» N R-75 ot 6 avgusta 2020 g. // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-06082020-n-r-75-ob-utverzhdenii/
2. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» N 273-FZ ot 29.12.2012 g. // SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshhego obrazovanija obuchajushhihsja s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja N 1598 ot 19 dekabrja 2014 g. // Informacionno-pravovoj portal Garant.ru. URL: https://base.garant.ru/70862366/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/

Поступила в редакцию 30.10.2020.
Принята к публикации 03.11.2020.

Для цитирования:
Ткачева В.В. Современные проблемы логопедии в инклюзивном пространстве // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 79-82. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Tkacheva.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277265
УДК 378.147

Эрштейн М.О.

Эрштейн Марина Оттовна, кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет. 450074, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. E-mail: erchtein@mail.ru.

Опыт применения балльно-рейтинговой системы по университетской дисциплине «История зарубежной литературы» в условиях дистанционного обучения

Аннотация. В данной статье представлен краткий обзор актуального опыта преподавания базовой университетской дисциплины «История мировой (зарубежной) литературы» и особенностей текущего процесса набора студентами рейтинговых баллов в удалённом режиме (сентябрь – октябрь 2020 года) на основе дистанционного курса, разработанного автором статьи на СДО БашГУ; а также рассматриваются возможные варианты дифференциации заданий в рамках балльно-рейтинговой системы по уровню мотивации студентов и частичной компенсации отсутствия эмоционально-познавательного контакта в условиях дистанционного обучения с помощью творческих и дополнительных заданий.
Ключевые слова: дистанционное обучение, университетское образование, история зарубежной литературы, методика преподавания, балльно-рейтинговая система.

Ershtein M.O.

Ershtein Marina Ottovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University. 450074, Russia, Ufa, st .Zaki Validi, 32. E-mail: erchtein@mail.ru.

Experience in using the point-rating system for the University discipline «History of foreign literature» in the context of distance learning

Abstract. The article gives a short review of the nowadays experience of teaching the basic university discipline «History of World (Foreign) Literature» and the features of the current process of set online rating scores by students (September - October 2020) based on the distance course developed by the author of the article at the SDO BashSU; and also considers possible variants for differentiating tasks within the score-rating system according to the level of student's motivation and partial compensation for the lack of emotional and cognitive contact in distance learning with the help of creative and additional tasks.
Key words: distant learning, university education, History of foreign literature, teaching methodology, score-rating system.

В 2020 году университетская система образования оказалась в экстремальных условиях, требующих адаптации традиционных методов преподавания к вынужденному полному переходу на дистанционный формат. Одной из проблем в сложившихся обстоятельствах представляется отсутствие живого контакта между преподавателем и студентами, влекущее за собой невоз-

можность выставления баллов за задания, выполненные в аудитории. Между тем, по нашему мнению, балльно-рейтинговая система (БРС) даёт наиболее эффективные результаты при сочетании онлайн и офлайн заданий.

Данный вопрос имеет свою предысторию. С 1 сентября 2011 года Башкирский государственный университет, как и большинство вузов РФ, работает по балльно-рейтинговой (другое название – модульно-рейтинговой) системе, целью которой является «повышение мотивации студентов к систематической работе в течение семестра, активизация самостоятельной работы студентов, повышение уровня организации учебного процесса в университете» [5].

За девять лет преподавания офлайн «Истории зарубежной литературы» на филологическом факультете по правилам балльно-рейтинговой системы был накоплен определённый опыт, который и в условиях обычного, очного, обучения показывал, что у БРС немало «плюсов». Одним из таких преимуществ на том этапе виделся частичный перенос процесса набора баллов в онлайн-среду. Понимание целесообразности подобного методологического изменения складывалось у автора данной статьи постепенно. Сначала был создан сайт для дополнительных материалов, куда направлялись активные, мотивированные и любознательные студенты [6, с. 2]. Затем, благодаря деятельности отдела СДО БашГУ, появилась возможность запустить дистанционный курс, на котором уже не просто собирались и «складывались» дополнительные материалы, а постепенно был создан полноценный учебный продукт, включавший в себя все необходимые с методической точки зрения компоненты. Перемещение значительного объёма «балльных» заданий в цифровую образовательную среду напрашивалось само собой, что и было довольно успешно осуществлено в 2018 году.

Одновременно с задачей набора баллов дистанционный курс позволил применить дифференцированный подход к студентам, имеющим, как известно, разную степень мотивации. Согласно исследованиям М.Е. Вайндорф-Сысоевой, Н.Ю. Фаткуллина, В.Ф. Шамшович, «каждая учебная группа представляет собой совокупность отдельных подмножеств студентов, условно разделяемых на три вида по признаку величины тенденции к повышению рейтингового балла в балльно-рейтинговой системе: 1) сильная положительная; 2) слабая положительная, либо слабая отрицательная; 3) сильная отрицательная» [2, с. 74]. Верность данной классификации подтверждалась статистикой посещения и активности студентов на сайте «ИЗЛ Рубеж веков», с чётким выделением трёх групп: 1) активные участники – для которых важны не только баллы, но и возможность узнать и научиться большему; 2) участники с умеренной активностью, чья основная цель – набрать баллы на автоматическую оценку; 3) студенты с низкой активностью, почти не появляющиеся на сайте; единственная задача для них – получить допуск к экзамену.

В сентябре 2020 года, в условиях вынужденного перехода университета на удалённый режим, курс, задуманный как элемент «смешанной системы обучения», доказал свою эффективность и востребованность в новых сложившихся обстоятельствах.

На текущий момент учебный контент авторского дистанционного курса «История Зарубежной Литературы рубежа XIX-XX веков» состоит из следующих компонентов:

1) организационный блок, включающий в себя вводный видео-ролик «Знакомство с курсом», методические указания к изучению дисциплины, критерии оценок и график обучения;

2) материалы для подготовки к экзамену: электронные учебники (в том числе, так называемый, «сборный» онлайн-учебник, составляемый из разделов разных учебных изданий самим преподавателем благодаря возможностям гибких курсов образовательной платформы Юрайт [3]), тренажёры для запоминания

теории, учебная и научно-критическая литература, интернет-ресурсы, словарик терминов и понятий;

3) презентации к лекциям; сами лекции проводятся по расписанию в Zoom; подготовленные к ним презентации выкладываются на сайте для дальнейшей работы студентов, повторения и запоминания темы;

4) самостоятельные работы студентов, включающие в себя: 1. задания интерактивной лекции по теории художественных направлений; 2. конспекты; на сайте даются ссылки на источники и методические указания, сами конспекты должны быть представлены в рукописном виде (по мнению Т. Бьюзена, запись конспекта от руки существенно помогает запоминанию); 3. таблицу периодов ИЗЛ (таблица направлена на систематизацию знаний, полученных студентами с 1 по 3 курс по предмету «ИЗЛ»; симптоматично, на наш взгляд, то, что в рефлексиях участника курса именно это задание чаще других отмечается как наиболее полезное); 4. рецензии на три экранизации романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1945, 2005 и 2009 годов) и их сравнение; 5. читательский дневник, состоящий из 10 обязательных позиций (к отзывам читательского дневника, сданным в срок, оставляются обстоятельные, развёрнутые комментарии преподавателя);

4) материалы и задания к практическим занятиям. На удалённом режиме семинары проводятся следующим образом: курс собирается по расписанию в Zoom, преподаватель, демонстрируя экран, поясняет задание, после чего студенты приступают к его выполнению на сайте дистанционного курса, преподаватель остается в Zoom в течение полутора часов и отвечает на вопросы, помогая справиться с трудностями, возникающими при выполнении задания. Затем работы отправляются на сайте на проверку;

5) контрольный блок – вопросы к экзамену;

6) дополнительные материалы – аудио, видео и др. материалы к лекциям, дополняющие услышанное и увиденное студентами на лекции;

7) форум – содержит новости и объявления, а также предоставляет возможность задать вопросы преподавателю и сокурсникам; за активную работу на форуме студенты получают поощрительные баллы;

8) творческие задания: 1. создание интеллект-карт лекций, основанных на принципах методики запоминания Т. Бьюзена (Т. Бьюзен утверждал, что «с помощью интеллект-карты можно эффективно и неординарно представить определенную концепцию, выявить новые ассоциации и взаимосвязи между идеями так, что это будет легко запомнить» [1, с. 32]; 2. отзывы на спектакли по произведениям, входящим в текущий курс «ИЗЛ»; 3. составление кроссвордов, викторин и т.д. Выполнение творческих заданий нередко приводят студентов к значительным результатам. Так, например, из дополнительного задания «Сравнение картины и пьесы» Диана Сагитова, студентка 3 курса, в 2019 году создала интересную и актуальную научную публикацию – «Слепые П. Брейгеля-Старшего и М. Метерлинка как символы смертных грехов: опыт интерпретации» [4].

Система заданий на дистанционном курсе построена с учётом выделения трёх групп студентов по уровню заинтересованности: студенты с низким уровнем мотивации смогут набрать только допуск к экзамену, вторая группа (с умеренной активностью) имеет возможность получить баллы на «удовлетворительно» и «хорошо», и только представители «сильно положительной» группы, выполнившие все обязательные и часть творческих заданий, получат оценку «отлично».

Таким образом, хотя студенты и преподаватель находятся в удалённом режиме, и все задания на курсе выполняются дистанционно, полагаем, что элементы «смешанной» системы набора рейтингов баллов удается сохранить. Оценки ставятся не только за работы, выполненные онлайн, но и за активность, устные ответы на лекциях и семинарах в Zoom при

непосредственном общении с преподавателем. Кроме того, значительно более интенсивным стал обмен сообщениями со студентами в общей группе в ВК и на сайте СДО, что частично компенсирует, на наш взгляд, отсутствие живого интеллектуального и эмоционально-познавательного контакта в аудитории, хотя, безусловно, полностью его заменить дистанционно невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бьюзен Т. Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 208 с.
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Фаткуллин Н.Ю., Шамшович В.Ф. Дифференциация студентов по признаку изменения рейтинговых достижений на основе анализа трендов прогнозных данных // Вестник ЮУрГУ. 2014. Т.6. №2. С. 74-83.
3. Гибкие курсы // Образовательная платформа Юрайт. URL: https://urait.ru/professor/courses
4. Сагитова Д.Р. Слепые П. Брейгеля-Старшего и М. Метерлинка как символы смертных грехов: опыт интерпретации // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Уфа, 2019. С. 135-140.
5. В БашГУ вводится новая система оценки знаний // Башкирский государственный университет. Официальный сайт. Режим доступа URL: https://www.bashedu.ru/ru/rnews/v-bashgu-vvoditsya-novaya-sistema-otsenki-znanii
6. Эрштейн М.О. Использование электронных ресурсов в преподавании университетской учебной дисциплины «История зарубежной литературы» // Сборник материалов конференции «VRME 2017». URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/4428/report/request_185088/64124/uid164662_report.pdf?1571050794

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. B'juzen T. Intellekt-karty. Polnoe rukovodstvo po moshhnomu instrumentu myshlenija. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 208 s.
2. Vajndorf-Sysoeva M.E., Fatkullin N.Ju., Shamshovich V.F. Differenciacija studentov po priznaku izmenenija rejtingovyh dostizhenij na osnove analiza trendov prognoznyh dannyh // Vestnik JuUrGU. 2014. T.6. №2. S. 74-83.
3. Gibkie kursy // Obrazovatel'naja platforma Jurajt. URL: https://urait.ru/professor/courses
4. Sagitova D.R. Slepye P. Brejgelja-Starshego i M. Meterlinka kak simvoly smertnyh grehov: opyt interpretacii // Sovremennye problemy literaturovedenija, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodyh uchenyh: tradicii i novatorstvo. Mezhvuzovskij sbornik. Ufa, 2019. S. 135-140.
5. V BashGU vvoditsja novaja sistema ocenki znanij // Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. Oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa URL: https://www.bashedu.ru/ru/rnews/v-bashgu-vvoditsya-novaya-sistema-otsenki-znanii
6. Jershtejn M.O. Ispol'zovanie jelektronnyh resursov v prepodavanii universitetskoj uchebnoj disciplyny «Istorija zarubezhnoj literatury» // Sbornik materialov konferencii «VRME 2017». URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/4428/report/request_185088/64124/uid164662_report.pdf?1571050794

Поступила в редакцию 25.10.2020.
Принята к публикации 28.10.2020.

Для цитирования:
Эрштейн М.О. Опыт применения балльно-рейтинговой системы по университетской дисциплине «История зарубежной литературы» в условиях дистанционного обучения // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 83-86. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Ershtein.pdf

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275822
УДК 811.112.2`36

Архипова И.В.

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет. 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Секундарный таксис в разноструктурных языках

Аннотация. В статье рассматривается вопрос актуализации семантики секундарного таксиса в высказываниях с девербативами в разноструктурных языках (немецком, нидерландском и русском). Под семантикой секундарного таксиса следует понимать таксисно-хронологические значения одновременности, осложненные различными обстоятельственными элементами логической обусловленности (уступки, причины, условия, цели, следствия и др.). Материалом для исследования послужили немецкие, нидерландские и русские высказывания с предложными девербативами, содержащие гетерогенно-таксисные предлоги *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, infolge, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от.* Автор полагает, что указанные предлоги эксплицируют и детерминируют разновидность актуализируемой секундарно-таксисной категориальной ситуации одновременности (инструментальной, кондициональной, консекутивной, концессивной, каузальной и др.).
Ключевые слова: таксис, секундарный таксис, гетерогенно-таксисные предлоги, таксисообразующие предлоги, одновременность, секундарно-таксисные значения, секундарно-таксисные категориальные ситуации.

Arkhipova I.V.

Arkhipova Irina Vicktorovna, Candidate of Philological Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University. 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Secondary taxis in different structured languages

Abstract. The article deals with the issue of actualizing the semantics of the secondary taxis in sentences with deverbatives in different-structured languages (German, Dutch and Russian). The semantics of a secondary taxis should be understood as taxis-chronological values of simultaneity, complicated by various adverbial elements of logical conditioning (concessions, causes, conditions, goals, consequences, etc.). The material for the study was German, Dutch, and Russian utterances with prepositional deverbatives containing heterogeneous taxic prepositions *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, danks, per, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per,*

wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от. The author believes that these prepositions explicate and determine a type of actualized second-taxic categorical situation of simultaneity (instrumental, conditional, consequential, concessive, causal, etc.).
Key words: taxis, secondary taxis, heterogeneous taxis prepositions, taxis-forming prepositions, simultaneity, secondary taxis valus, secondary taxis categorical situations.

В настоящем исследовании рассматривается проблема актуализации секундарно-таксисной семантики одновременности в полипропозитивных высказываниях с предложными девербативами в разноструктурных языках.

Материалом для исследования послужили немецкие, нидерландские и русские высказывания с предложными девербативами, содержащие гетерогенно-таксисные предлоги *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, infolge, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от.*

Под семантикой секундарного таксиса мы понимаем таксисно-хронологические значения одновременности, осложненные различными обстоятельственными элементами логической обусловленности (уступки, причины, условия, следствия, цели и др.) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Секундарно-таксисные значения одновременности актуализируются в высказываниях секундарного (логически обусловленного, обстоятельственного, сирконстантного) типа с гетерогенно-таксисными предлогами *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от* в каузальном, кондициональном, концессивном, консекутивном, модальном, инструментальном и финальном значениях [7, с. 15-20].

Секундарно-таксисную семантику одновременности (модально-таксисную, концессивно-таксисную, инструментально-таксисную, концессивно-таксисную и др). в немецком, нидерландском и русском языках эксплицируют таксисообразующие предлоги гетерогенной семантики *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от.*

В высказываниях немецкого языка с таксисообразующими предлогами *bei, in, unter, durch, mit, per, mittels, vor, wegen, aus, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für* актуализируются различные таксисные категориальные ситуации сферы секундарного таксиса [7, с. 15-20]:

(1) модально-таксисные таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующими предлогами модальной семантики *bei, in, unter, mit, durch*):

Den Teufel treibt man *mit Lachen* aus dem Haus. (Dwds).

Nach dem «Svenska Dagbladet» wurde der erste Akt *mit Schweigen* aufgenommen … (Dwds).

… sie wird von vielen Studenten *mit Grinsen* begrüßt, von Studentinnen- als bösartige Provokation empfunden. (Dwds).

Vor acht Monaten, vor der Reichsgrenze, in seinem mit Devisen gefütterten Rock hatte er sich *durch Zittern* verraten. (Dwds).

Auch hierfür bewarb ich mich *durch Einsendung einer Probe* und erhielt die Stellung gegen ein festes kleines Monatsgehalt. (Dwds).

(2) инструментально- и медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с гетерогенно-таксисными предлогами *durch,*

mit, mittels, per в инструментальном значении):

Schwieriger wird es allerdings, wenn *durch die Verzögerung* andere Flugzeuge am Starten oder Landen gehindert werden. (LC).

Durch das Drehen des Handgelenks erzeugt Boll, der den Ball sehr früh trifft, eine starke Rotation und Beschleunigung. (Dwds).

Dieser Umstand sollte aber nicht mittels Verbots bzw. Ermahnung, sondern *per Aufklärung* vor Ort den Menschen näher gebracht werden. (LC).

Zweifel hat er *durch Nachdenken* oder *Erkundigen* zu beseitigen. (Dwds).

Besonders in den Städten zeigen sie *durch Winken, durch Nicken und Schütteln des Kopfes*, durch heftige oder sanfte Armbewegungen an, wohin sie fahren und wohin sie nicht fahren wollen. (Dwds).

Man muss die Antwort selbst geben, wörtlich, und er bestätigt sie *durch Nicken* … (Dwds).

In Europa ist es schlimmstenfalls ein Zeichen des Protestes, obwohl ein kultivierter Mensch, wenn ihm eine Theateraufführung nicht gefallen hat, auch das nicht mit zwei Fingern im Mund, sondern *mit Schweigen* oder sogar *mit Verlassen der Vorstellung* quittiert. (Dwds).

(3) кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами кондициональной семантики *bei, unter* и кондициональными акутализаторами *näher, genauer, zärter, oberflächlich* и др.):

Beim Abendkleid im Pantherstil etwa, erkennt man erst *beim genauen Hinschauen,* das es aus tausenden kleinsten Pailetten kunstvoll zusammengesetzt wurde. (Dwds).

Aber bei näherem Kennenlernen wussten wir, dass unsere Gäste nicht nur Deutsche, sondern in gleichem Maße Chilenen sind, mit Leib und Seele. (LC).

Der Wahl wurde aber von dem Regierungspräsidenten *unter Zustimmung des Bezirksausschusses* in Potsdam die Bestätigung versagt. (Dwds).

(4) каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами каузальной семантики *durch, vor, wegen, aus, aufgrund, dank*):

Es wird ein Argument aufgestellt, das Kopernikus *aufgrund der Beobachtung* widerlegt (Dwds).

Der böhmische Josef war *durch den Anblick*, der sich ihm eben geboten hatte, sprachlos gemacht (Dwds).

Da erschoß sich der reiche Mann *aus Verzweiflung* und verfluchte die lügenhafte Fee und den lügenhaften Dichter. (Dwds).

Ich schluckte, *vor Bedauern*, nicht mitsingen zu können. (LC).

(5) концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с концессивными предлогами *trotz, ungeachtet*):

Eine verständlicherweise große Rolle spielt – *ungeachtet des Auftretens der Militanten* – das Vorgehen von Polizei und Grenzschutz, deren Führungen so ziemlich alle Fehler aus Brokdorf und Gorleben wiederholten … (Dwds).

Die IG Bau ist *trotz der Vorbereitungen* für den ersten bundesweiten Streik im Baugewerbe seit Jahrzehnten zu neuen Verhandlungen mit den Arbeitgebern bereit (Dwds).

Trotz des Schweigens der offiziellen DDR-Medien über diese kirchlichen Friedensaktivitäten wurden sie von großen Teilen der DDR-Gesellschaft wahrgenommen … (Dwds).

(6) консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогом консекутивной прототипической семантики *infolge*):

Diese Verbindungen vom Typ CuSCN·nL [143] besitzen offenbar einen polymeren Charakter *infolge des Auftretens* von SCN-Brückengruppen (Dwds).

(7) финально-таксисные категорильные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами финальной семантики *zu, für*):

Aber als ich ihm den Brief mit einigen erklärenden Worten *zum Lesen* überreichte,

ging es wie heller Sonnenschein über sein Gesicht. (Dwds).

Im Ruhrgebiet werden die Koffer gepackt *für die Abreise* Richtung Berlin. (Dwds).

В высказываниях нидерландского языка с гетерогенно-таксисными предлогами *ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor* актуализируются следующие категориальные ситуации сферы секундарного таксиса:

(1) инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующими предлогами инструментальной семантики *per, met*)*:*

Dit heugelijke feit werd versterkt *met het in ontvangst* nemen van het KOMO certificaat. (LC).

Met zintuiglijke waarneming kun je de kwaliteit vaststellen van grond die en grondwater dat vrijkomt bij boringen in het veld of bij het graven van sleuven. (LC).

De bezorgkosten worden berekend *per bestelling.* (LC).

Verdere opzet en uitwerking van draaiboeken *per afdeling.* (LC).

In de documentatiemap zitten boekjes met een uitgebreide toelichting *per wandeling*. (LC).

(2) каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующими предлогами инструментальной семантики *wegens, vanwege):*

Zo werden in juni twee baptisten veroordeeld tot een hoge boete *wegens het zingen van religieuze liederen.* (LC).

Verwarring, want het arbitrale duo lijkt het punt eerst af te keuren *wegens lopen*, maar besluit dan dat de score telt. (LC).

Vanaf die dag is het overdekte zwembad De Veluwehal gesloten *wegens een verbouwing.* (LC).

Hierop kreeg hij een bekeuring *wegens het beledigen* van een ambtenaar in functie. (LC).

(3) концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами концессивной семантики *ondanks, ongeacht, trots*):

Constructie waardoor iets *ongeacht de ligging* van het schip horizontaal wordt gehouden bestaande uit twee concentrische, om loodrecht op elkaar staande assen draaibare ringen. (LC).

De cultuur op Urk is *ondanks de inpoldering* hetzelfde gebleven. (LC).

De Astra Cabrio is, *ongeacht de motorisering of uitrusting*, uitgerust met een elektrisch bedienbare kap. (LC).

Ze vinden daarin nog genoeg etensresten, *ondanks de scheiding van het GFT-afval.* (LC).

De grove den is de enige boomsoort die nog altijd kans ziet zich te vermeerderen *ondanks de begrazing.* (LC).

De ene vrouw haalt een doek om tafel en stoel schoon te poetsen, *ondanks mijn bezwering* dat dit niet nodig is. (LC).

Steeds aanbellen en plakkaten op de ramen van het huis plakken, de man zat het allemaal *trots te vertellen.* (LC).

(4) консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующими предлогами консекутивной семантики *ingevolge и krachtens):*

Het betreft hier echter veranderingen ten opzichte van een vergunning waaromtrent reeds de uitgebreide voorbereidingsprocedure heeft plaatsgevonden en waarbij bovendien gebleven wordt binnen de milieugevolgen die *ingevolge die vergunning* zijn toegestaan. (LC).

Bij het vaststellen van een aanspraak op *schadevergoeding krachtens deze regeling* wordt alle schade die het gevolg is van gecontroleerde inundatie in aanmerking genomen. (LC).

(5) финально-таксисные категорильные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующим предлогом финальной семантики *voor):*

Bij binnenkomst ziet u op het informatiebord welke zaal of zalen *voor uw bijeenkomst* gereserveerd is/zijn. (LC).

Er is een vervolgafspraak gemaakt *voor een bijeenkomst* in januari. (LC).

Voor een vlucht van Auckland naar Melbourne kunnen passagiers de komende winter driemaal per dag met Air New Zealand vliegen. (LC).

(6) кондиционально-таксисные категорильные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами кондициональной семантики *bij* и *met*):

Bij aanschouwing van het totaal op bewakingsmonitoren, is het woord 'WATCH' te zien. (LC).

Bij oppervlakkige waarneming zijn beide mossen vaak moeilijk van elkaar te onderscheiden, omdat uiterlijk en groeiwijze weinig van elkaar verschillen. (LC).

Het resultaat is dat er een optische kleurmenging plaatsvindt *bij waarneming op afstand*. (LC).

Gesprekken mogen alleen onderschept worden *met toestemming van de rechter-commissaris.* (LC).

(7) модально-таксисные категорильные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующими предлогами модальной семантики *bij* и *met*):

Hij reageert *met een bijtende opmerking.* (LC).

De druk wordt wat verder op gevoerd *met een opmerking* over de mogelijke zwakke plekken van de benaderde, zoals stevig drankgebruik, waarvoor een zakcentje nooit weg is. (LC).

В высказываниях русского языка с политаксисными предлогами *при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от* в силу их модальной, кондициональной, каузальной, концессивной, консекутивной и финальной семантики актуализируются следующие категориальные ситуации сферы секундарного таксиса:

(1) модально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогом модальной семантики *под*):

Проснулся *под бормотание дождя*. [НКРЯ].

И докончил рассказ *под молчание аудитории.* [НКРЯ].

Виолетта, покуривая и сплетая атласные ноги, придумывала подходящий текст *под шевеление губ.* [НКРЯ].

(2) кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с таксисообразующим предлогом кондициональной семантики *при* и кондициональными актуализаторами *только, ближайший, внимательный, поверхностный, детальный, подробный* и др.):

Предположения на ваш счет уже имеются, но подтвердить или опровергнуть их можно, *только после осмотра животного.* [НКРЯ].

При ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь есть свои подводные камни. [НКРЯ].

Заранее стоит отметить, что *при внимательном изучении рекомендаций* своим военнослужащим и недостатков можно сделать вывод, что проблемы с авианаводкой у них мало отличаются от наших. [НКРЯ].

(3) каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогами каузальной семантики *благодаря, из-за, от, в силу*):

В силу уменьшения своей кинетической энергии существенно меньшее число молекул воды стремится покинуть жидкую фазу … [НКРЯ].

(4) концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с концессивными предлогами *вопреки, несмотря*):

Среди москвичей эти дни было мажорное настроение, *несмотря на ожидание зимы без дров*. [НКРЯ].

Вопреки обещаниям Дяди Тепы продолжало темнеть. [НКРЯ].

(5) консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в высказываниях с предлогом консекутивной семантики *вследствие*):

Происходит это *вследствие увеличения числа носителей*, в поверхностном слое. [НКРЯ].

(6) финально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в вы-

сказываниях с предлогами финальной семантики *для, ради*):

Это служит основанием *для применения их в реставрационных работах* [НКРЯ].

В мае 1918 г. *для рассмотрения дел особой важности* был создан Ревтрибунал при ВЦИКе. [НКРЯ].

Собственно, *ради изучения его* мы и приехали в Югославию. [НКРЯ].

Итак, в сфере секундарного таксиса в высказываниях логически обусловленного типа в немецком, нидерландском и русском языках актуализируются различные варианты секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности: модально-таксисные, инструментально-таксисные, финально-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, концессивно-таксисные, консекутивно-таксисные. Таксисообразующие предлоги гетерогенной семантики *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, wegens, vanwege, voor, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от* эксплицируют и детерминируют разновидность актуализируемой секундарно-таксисной категориальной ситуации одновременности (инструментальной, кондициональной, консекутивной, концессивной, каузальной и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова И. В. Обстоятельственные таксисные ситуации в современном немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 89-93.
2. Архипова И. В. Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Издательство: Научные технологии (Москва). 2019. № 12 (2). С. 149-154.
3. Архипова И.В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74-87.
4. Архипова И.В. Функциональная нагрузка девербативов в разноструктурных языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 4-12.
5. Архипова И.В. Предложные девербативы и их функционально-семантический потенциал // Инновационное развитие науки: возможности, проблемы, перспективы. Монография. Москва, 2020. С. 115-133.
6. Архипова И.В. Потенциал функционирования девербативов в разноструктурных языках // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2020. № 7 (63). С. 62-70.
7. Архипова И.В. Межкатегориальные связи в контексте секундарного таксиса // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2020. № 5 (61). С. 15-20.
8. LC // Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de
9. Dwds // Немецкий корпус. URL: http://www.dwds.de
10. НКРЯ // Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arhipova I. V. Obstojatel'stvennye taksisnye situacii v sovremennom nemeckom jazyke // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. № 2. S. 89-93.
2. Arhipova I. V. Sinkretizm v sfere aktualizacii taksisnyh znachenij odnovremennosti // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. Izdatel'stvo: Nauchnye tehnologii (Moskva). 2019. № 12 (2). S. 149-154.
3. Arhipova I.V. Funkcional'nyj potencial deverbativov i ego realizacija v kontekste // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. № 1. S. 74-87.
4. Arhipova I.V. Funkcional'naja nagruzka deverbativov v raznostrukturnyh jazykah // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. № 3. S. 4-12.

5. Arhipova I.V. Predlozhnye deverbativy i ih funkcional'no-semanticheskij potencial // Innovacionnoe razvitie nauki: vozmozhnosti, problemy, perspektivy. Monografija. Moskva, 2020. S. 115-133.
6. Arhipova I.V. Potencial funkcionirovanija deverbativov v raznostrukturnyh jazykah // Filologicheskij aspekt. Nizhnij Novgorod, 2020. № 7 (63). S. 62-70.
7. Arhipova I.V. Mezhkategorial'nye svjazi v kontekste sekundarnogo taksisa // Filologicheskij aspekt. Nizhnij Novgorod, 2020. № 5 (61). S. 15-20.
8. LC // Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de
9. Dwds // Nemeckij korpus. URL: http://www.dwds.de
10. NKRJa // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: http://www.ruscorpora.ru

Поступила в редакцию 04.10.2020.
Принята к публикации 14.10.2020.

Для цитирования:
Архипова И.В. Секундарный таксис в разноструктурных языках // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 87-93. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Arkhipova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275897
УДК-82.(091).

Джуманов Д.А.

Джуманов Даянат Алмазович, кандидат филологических наук, доцент, Сумгаитский Государственный Университет. AZ 5008, Азербайджан, г. Сумгаит, 43-й квартал. E-mail: cumanov73@mail.ru.

Свободное поэтическое движение в азербайджанской поэзии

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи эволюции свободного поэтического движения в азербайджанской поэзии. Дается сравнительный анализ направлений азербайджанской поэзии второй половины XX века – лирико-романтического и философско-интеллектуального. Выделяются характерные черты поэтического стиля Р. Рзы как ярчайшего представителя философско-интеллектуального литературного направления, как представителя свободной поэзии. Рассматриваются особенности развития творческих мотивов Р. Рзы в литературных работах его последователей.
Ключевые слова: литературный процесс 20-30-х годов, литературный процесс 50-60-х годов, свободная поэзия, модернистская поэзия, литературная школа, литературное направление, азербайджанская поэзия.

Jumanov D.A.

Jumanov Dayanat Almaz oglu, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sumgait State University. AZ 5008, Azerbaijan, Sumgait, 43rd quarter. E-mail: cumanov73@mail.ru.

Free poetry movement in Azerbaijan poetry

Abstract. The article discusses the main milestones in the evolution of the free poetic movement in Azerbaijani poetry. A comparative analysis of the directions of Azerbaijani poetry of the second half of the twentieth century – lyric-romantic and philosophical-intellectual-is given. The characteristic features of the poetic style of R. Rzy as the brightest representative of the philosophical and intellectual literary direction, as a representative of free poetry. The article considers the features of the development of creative motives. R. Rzy in the literary works of his followers.
Key words: literary process of the 20-30s, literary process of the 50-60s, free poetry, modernist poetry, literary school, literary direction, Azerbaijan poetry.

Азербайджанская поэзия, которая веками была неотъемлемой частью общетюркской поэзии, формировалась на основе богатых и устойчивых традиций, взаимодействуя с восточной, западной и мировой литературой в целом, и прошла определенные исторические периоды и этапы. В истории азербайджанской литературы 1960-е годы характеризуются как первое десятилетие этапа «Возвращения к национальному самосознанию и независимости (1960-90)». На этом этапе тематика и содержание литературы социалистического реализма в искусстве, прозе, драме, а также в поэзии стали меняться. Свободные поэтические движения 1920-30 и 1950-1960 годов, которые восходят к советской эпохе, к со-

циалистическому реализму, обладали с последним как сходством, так и различиями.

Во-первых, свободная поэзия 1920-30-х годов вошла в нашу страну как событие революционной поэзии в сложнейший период общественно-политической жизни Азербайджана, и была связана с новой литературной политикой. Об этом свидетельствуют статьи И. Хикмата, А. Назима, М. Рафили и др. Например, М. Рафили в своей статье «Первое слово о свободной поэзии» («Воспитатель», 1929, №1, с.71-78) сказал, что началась борьба за создание интернациональной литературы, что нет нужды во второсортной литературе (в нашем классическом наследии) заявил, что новая литература нуждается не в Физули, Насими, Вагифа, Мирзу Фатали, Нусейн Джавид, а в мировых классиках – Верхарне, Уитмане, Романе, Маяковском. Известно, что эта статья М. Рафили, опубликованная в 1929 году, вызвала полемику о свободной поэзии.

Во-вторых, новое литературное и социальное движение за свободную поэзию началось в 1950-х и 1960-х годах. Это конец эпохи сталинизма, недолговечного в Азербайджане национализационного движения (основатели: И. Мустафаев, С. Рагимов, М. Ибрагимов). Это совпало с возрождением национального самосознания (начало 1960-х годов), а в последующие годы с первым периодом руководства Азербайджаном общенационального лидера Гейдара Алиева (1969-1982 годы) – периодом масштабных реформ в соответствии с национальными интересами. Решения, принятые на XX съезде Коммунистической партии, созванном в 1956 году, не только задали новое идеологическое направление, но и вызвали новую волну в искусстве и литературе. С ослаблением господствующей позиции социалистического реализма, основного творческого метода советской литературы, в 1920-1950-е годы изменения содержания и формы в искусстве и литературе приняли новый масштаб. Влияние новых веяний и тенденций мирового литературного процесса на нашу литературу, смена представления о герое, замена советского человека на образ обычного и простого человека и т. д. привели к изменению характера литературной среды Азербайджана в целом. Академик И. Хабиббейли показал, что «пятидесятые» построили прочный литературный мост между школой Дж. Мамедгулузаде начала XX века и «шестидесятыми»: возвращение к «маленькому человеку» создало серию образов «нового человека» в литературе. «Маленький человек» нового периода представлял собой иной образ – нечто среднее между классическим «человечком» и наблюдаемым в литературе «лишним человеком», выражающим взгляды современности» [1, с. 388].

Новаторство Р. Рза и представителей этой школы проистекает из литературной школы Дж. Мамедгулузаде, Молла-насрадиньша. Отсюда возник и цикл стихов, посвященный «человечку» Дж. Мамедгулузаде. Р. Рза и представители этой литературной школы изображают обычные детали, ищут поэтическую истину в будничных событиях и рассказах, интерпретируют простые и жизненные темы и открывают путь к новому поэтическому духу, воспевая справедливость, новый ритм, интонацию и гармонию, поэтическую ассоциативность, интеллектуализм в поэзии, языковые новшества и т. д.

В-третьих, с учетом этих факторов новое движение свободной поэзии 1960-х годов, на наш взгляд, было проявлением различных литературных тенденций в мировой литературной мысли после Второй мировой войны. Это было новое время, новая литературная среда и модификация литературного формата. Несмотря на то, что в Азербайджане в 1920-1930-е годы было много удачных стихотворений в жанре вольного стиля (Н. Хикмат, М. Рафили, С. Рустам, С. Вургун, М. Мушфиг), эта поэзия не проявляла национальной формы в полную силу до 1950-х годов.

Свободная поэзия обрела национальную форму в творчестве Р. Рзы во второй половине 1950-х годов и стала национальным литературным событием в азер-

байджанской поэзии. Р. Рза, внесший в азербайджанское поэтическое пространство в 60-е годы модернистскую поэтическую традицию (поэтический цикл «Краски»), основал литературную школу. Это сказалось в изменении тематики, идей, языка и стиля азербайджанской поэзии, поэтической техники, культуры письма и чтения, концепции героя. Неоспорим вклад А. Керима, А. Салахзаде, И. Исмайилзаде, Ф. Годжи, Ф. Садика, В. Самадоглу (во главе с Р. Рза) в трансформацию образа человека в азербайджанской поэзии.

В 1960-е гг. существовало два основных литературных течения:

1. Лирико-романтическое направление, начавшееся с М.П. Вагифа и вновь ставшее ведущим направлением в творчестве С. Вургуна, М. Мушфига в 20-е годы XX века (О. Саривалли, Н. Хазри, Х. Ариф, Габиль, Н. Хасанзаде, М. Ягуб, З. Ягуб, С. Рустамханлы, Н. Касаманлы и другие).

2. Философско-интеллектуальное направление, начатое М.Фузули и являющееся приоритетным в творчестве Расула Рзы с 60-х годов XX века (Б. Вахабзаде, М. Араз, Ф. Годжа, А. Карим, А. Салахзаде, Р. Ровшан, В. Самадоглу, Ч. Алиоглу и др.).

Традиционные темы, характерные для азербайджанской поэзии, – политическая лирика, патриотическая лирика, природная лирика (природа, природа-человек, природа-общество), любовная лирика. Гимны Родины и природе, внутренний мир человека, философия нравственности и духовности, основанная на принципах национализма и национальной культуры, являются схожими чертами этих литературных направлений. Представители обеих литературных школ новаторски продолжили многовековые традиции азербайджанской поэзии, создав новые поэтические тексты. А художественные изыскания обусловили своеобразие поэтических школ С. Вургуна и Р. Рза, которые обсуловиили различие между ними. Эти различия следующие:

1. С точки зрения истории становления: литературная школа Р. Рза сформировалась несколько позже литературной школы С. Вургуна, сформировавшейся в первой половине XX века, т.е. в середине 1950-х годов, что имеет объективные культурно-исторические причины.

2. С точки зрения литературного направления: для литературной школы С. Вургуна характерна лирико-романтической традиция, а для литературной школы Р.Рза основным направлением было ассоциативное философско-интеллектуальное направление.

3. По поэтическому стилю: лирико-романтический стиль был ведущим для литературной школы С. Вургуна, лирико-метафорический стиль – 2для литературной школы Р. Рза.

4. С точки зрения поиска формы, поэтической техники и лингвопоэтических особенностей: литературная школа Р. Рза строилась на философском лиризме, поэтической ассоциативности, нетрадиционном выражении мысли. Для нее характерны новые поэтические метафоры, возникающие из этих факторов, художественная деталь, то есть изображение обычной детали, красноречие, лаконичность, повторение; внутренний ритм, гармония и интонация; философское обобщение и склонность к символизму в художественном изложении мыслей и взглядов, большая двусмысленность, двусмысленность, полифония в способах выражения идей.

В одном из стихотворений («Узость», 1967) Р. Рза сетует на тяжесть своего пути, сопротивление литературной среды, необходимость «обрамлять» свободу мысли:

«Тогда мы просто обратили на это внимание
из рамок «можно», «нельзя».
Они сказали: «Нет, нет!»
Войдите в моду, правила!
Ждите привычек, привычек!
Пишите на свободном языке!
Давили, веществами, словами ...»
[2, с. 31].

Написав, что новаторское творчество Р. Рза сформировалось в условиях жарких литературных дебатов 1920-30-х годов, проф. Н.Шамсизаде пришел к выводу, что «... он стал руководителем не только движения свободной поэзии, но и направления азербайджанской философской интеллектуальной поэзии» [5, с. 301].

Характерными чертами поэтического стиля Р. Рзы стали свободомыслие, интеллектуальность, поэтическая ассоциативность, новые поэтические метафоры, которые демонстрируют философский лиризм как основу философско-интеллектуальной поэзии. По сравнению с литературной школой С. Вургуна Р. Рза и его последователи предпочитали сравнивать один предмет с обычным, казалось бы, простым, «непригодным» для поэтической фактуры предметом и избегали «гладких» метафор. Тако, например, образ улицы в стихотворении Р. Рза «Моя улица» (1960):

«... Края как пьяные зубы
на тротуарах
ты часто
босиком
можно было почувствовать человеческое тепло.
... От тех, кто наплевал на это беззаботно
Как будто ему жаль
Ты наполнишь мои глаза
пыль, песок» [2, с. 57]

В течение 1960-70-е годов Азербайджан дал толчок формированию нового человеческого образа в национальной поэзии. Образцы поэзии, особенно «Цвета», показали человека в других оттенках. Произошел переход социального содержания образа человека к его индивидуально-интимному миру. Проф. Салманов справедливо оценил эту новую поэзию как попытку и пафос раскрыть в азербайджанской поэзии образ реального человека: «Во всей поэзии поэта его поэтическое «Я» поднимается до уровня образа человека, написанного заглавными буквами» [3, с. 17].

Продолжатель литературной школы Р. Рза А. Салахзаде появился в поэтическом пространстве Азербайджана в 1968 году с книгой стихов «Пять листьев» с нетрадиционной формой выражения мысли, с новыми поэтическими метафорами. В стихотворении «Вечер» (1968) («Ветры унесли вечер ... / Смех, шум / застыли вечером / Когда мы пожали руки / вечер как бы сжимался / трепыхался в наших руках!») поэт превращает вечер в художественный образ. Это было связано с попыткой представить себе невообразимое, осуществить в поэтическом тексте нереальное.

А. Салахзаде привносит в поэтический текст будничное, «обычное», которое каждый видит и которые превращаются в поэтические образы. Например, в стихотворении «Фонтан» (1968) поэт «рисует» процесс возврата к фонтану так, что звук воды фонтана «оживает», каждое слово рождает новый «фонтан», строка превращается в поэтическую картину. По сути, поэтические открытия А. Салахзаде были призваны изменить традиционную точку зрения на азербайджанскую поэзию, в которой стали преобладать заложенные творчество Р. Рзы, интеллектуальные мотивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабиббейли И. Азербайджанская литература: понятие периодизации, этапы развития. Б.: Ельм, 2019. 452 с.
2. Рза Р. Избранные произведения. В пяти томах, том I. Б.: Ондер, 2005. 304 с.
3. Салманов Ш. Новаторская поэзия века // Расул Рза. Избранные произведения. В пяти томах. Том I. Б.: Лидер, 2005. С. 4-24.
4. Салахзаде А. Пять листьев. Б.: Молодежь, 1968. 107 с.
5. Шамсизаде Н. Теория литературы. Б.: Прогресс, 2012. 434 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Habibbejli I. Azerbajdzhanskaja literatura: ponjatie periodizacii, jetapy razvitija. B.: El'm, 2019. 452 s.
2. Rza R. Izbrannye proizvedenija. V pjati tomah, tom I. B.: Onder, 2005. 304 s.
3. Salmanov Sh. Novatorskaja pojezija veka // Rasul Rza. Izbrannye proizvedenija. V pjati tomah. Tom I. B.: Lider, 2005. S. 4-24.
4. Salahzade A. Pjat' list'ev. B.: Molodezh', 1968. 107 s.
5. Shamsizade N. Teorija literatury. B.: Progress, 2012. 434 s.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования:
Джуманов Д.А. Свободное поэтическое движение в азербайджанской поэзии // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 94-98. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Jumanov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275905
УДК 81’2

Ibrahimov R.M.

Ibrahimov Rufat Mamedovich, post-graduate, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of Azerbaijan; Lecturer Sumgait State University. AZ5008, Azerbaijan Republic, Sumgait, 43rd quarter, E-mail:ibrahimov.r@mail.

Lexical-semantic field and concept of «black color» in cognitive linguistics (on materials of the Azerbaijan language)

Abstract. The article discusses the theory of «semantic field» and the concept of «Black color» from the point of view of cognitive linguistics. The analysis of the concept of «Black color» is also based on linguo-anthropological studies of color (B. Berlin, P. Kay). The interrelationsbetween the semantic field of color and color terms with social, extralinguistic, and historical-geographical factors are noted. A comparative analysis of color terms in Azerbaijani, Russian, and English languages is given. The article concludes that the lexical and semantic field of the concept of "Black color" contains not only color terms, but also lexical units that denote the natural world, psychological condition, social practices, etc.
Key words: cognitive linguistics, semantic field, epos, concept of «Black color», lexical units, semantic symbolism, metaphorical meaning.

What is semantic field?

Scientists have been paying attention to the existence of lexical units since the 19th century. Russian scientist M.M. Pokrovski wrote in his research work in 1895: «*Words and their meanings don’t live apart from each another but form different groups regardless of our thinking. The main reason for formation of such groups is either their similarity or dissimilarity*» [12, p. 14].

First of all, the theoretical ideas about the notion «field» were stated by German scientists Y. Trier and G. Ipsen and were called «semantic field». While studying term of «semantic field» theory was developed by Trier and that was met with great interest by linguists. According to the Trier’s ideas, it is possible to form new words and word combinations in our minds using them. Only these sets of notions, their similar and changeable inner mechanisms were called «semantic field» by German scientist. In his opinion, whole lexical content of a language is divided into semantic groups (semantic fields) and their combined elements form lexical-semantic field of a target language. Although such an approach had been criticized for its ideological nature, the typological, syntactical, stylistic and semantic investigations of lexical-semantic field were too productive. Of course, it is impossible not to mention the famous linguist G.S. Shur and his fundamental research work «Field Theory in Linguistics», when we talk about «semantic field». In his opinion, traditional combination of lexical units around different groups led to the investigation of linguistic phenomenon in close corporation with the term «field» [14, p. 11]. During the investigation of the term «field» Shur emphasized two main approaches: paradigmatic and syntagmatic. As a special language system «semantic field» has a complex structure. The structural framework of the field is constructed by the set of paradigmatic groupings. Paradigmatic relationships have a very colorful character: they can be represented by different types of lexical units and they

are often characterized with the term «hypocrisy». So, the same word can be a part of different lexical-semantic paradigms that are opposite according to their semantic features. For example, the word group that consists of *«tree, branch, leaf»* forms independent semantic field correlated by the features «body-part» and at the same time enters semantic field named *«Plants».* In this case, the lexeme «*tree*» acts as «hyperonym» for the words *oak, willow, linden* and etc.

It is possible to compare semantic field with conceptual system because both of them show the interpretation of the «digested» information. The adaptation of concepts to the «field» shows the development of elements within a system. During the adaptation of concept the emergence of new signs is considered as one of the mechanisms of their understanding. Famous linguist C. Layons emphasized that cognitivism became an essential part of linguistics both in semantics and in grammar [10, p. 113]. Apparently, when people find out the meaning of any word or a thing, the notion «cognitive model of the field» is too close to the notion «semantic field». Only this way «field» becomes one of the models and methods of information creation and process research [3, p. 67-69]. Approximately all scientists emphasize that it's impossible to form stable relationships between nations and languages without studying the structure of a target language. The obstruction on the way to effective understanding is a difference in thinking. One of the main methods of cognitive linguistics in solving target points is conceptual analysis.

The word «concept» was used for the first time in the article «Concept and a word» by S.A. Askold-Alexeyev in 1928. But it was not used as a linguistic term until the middle of the twentieth century. The author notes in the article that «concepts» or «general notions» have an ancient natural history. According to him, the mental mixture of undefined majority of homogeneous things during the thinking process is called «the concept» [1, p. 30]. This term is being widely used from the 1980-s. Russian linguist Kubryakova defines the word «concept» as «a memory unit» or «a brain language» reflected in human psyche [8, p. 8-16]. But Azerbaijani scientist A. Nazarova explains it this way – «the expressed mental image, general idea or notion» [11, p. 121].

The way of understanding the world for people living in different time periods is closely connected with the analysis of linguistic concept. M.A. Krongauz notes that different lexemes, word combinations, sentences, texts and even whole works become the subject of conceptual analysis. We can understand the structure and components of the concept with the help of lexical and functional meanings of units that form concept and its etymology and methods of use [9, p. 85].

In linguistics, the approach to the field model in the context of conceptual analysis is currently considered as the most productive. Prof. L.M. Vasiliev gives two proofs to this thesis:

1. The relationships between the lexical-semantic field and the units included in it is considered as a basic knowledge for each person. It also proves that the difference in composition and structure of language units is one of the factors influencing on the differentiation of «the linguistic picture of the world».

2. Presence of mistakes in speech proves the objectivity of the field structure: when a person mixes an element of one micro field with the units of another one, he makes a slip of the tongue [15, p. 45-83].

The cooperation of the semantic field and the conceptual system is possible, because both the semantic field and the conceptual system are the results of special assimilation of information in any society. So, conceptual field stands on the base of semantic field.

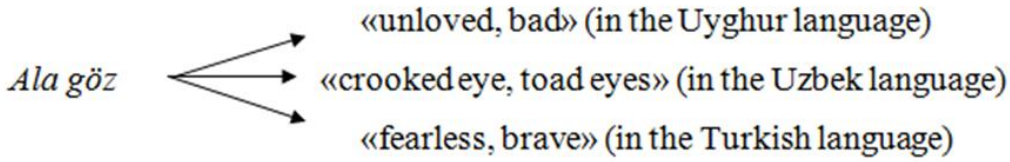
Concept of «Black color»

Colors play an important role in human perception of the world. From the linguistic point of view it is an interesting aspect that in people's mind the meaning of main colors and their shades may be sometimes the same or completely different. In 1969 anthropolo-

gist B. Berlin and linguist P. Key investigated basic colors and had a talk of the universality of colors in their book «Basic Color Terms». They compared different language groups with English and as a result stated the fact that not all the languages in the world have those eleven terms (colors) – *white, black, red, yellow, green, blue, brown, purple, pink, orange* and *grey* [2]. For example, in Bernimo tribe (New Guinea) *blue* and *green* are used interchangeably or there are no clear boundaries between *red, yellow* and *orange* in Vietnamese. The researchers attribute this shortcoming as a lag in development comparing with western languages. But in general, «the theory of basic colors» is accepted by people as universality, regardless of how color terms are developed in different languages.

Color terms have been formed in the lexical system of the Azerbaijani language in close connection with social, linguistic, extra linguistic and historical-geographical facts for a long time. That's why they can symbolize a lot of things in our mind as a concept. Color symbolism is a special language that allows you to create «picture of the world» more accurately. Even in psycholinguistics, it is believed that similar and different features of the same class objects and processes depend on color perception. For example, English sees one color – *blue*, Azeris and Russians at the same time name two colors – *mavi\göy*(Az.); синий\голубой (Rus.). However, the color «*cəhrayı*» in our language can be equated with two English terms – *pink\rosy*.

Concept «color» can be shown as a classic example of a semantic field. It consists of several color lines (*red-pink-crimson; blue-bluish* etc.). The word «color» acts as a common semantic component here. At the same time if we take a concept of a specific color as a common semantic component then the semantic field will be built around it. For example, the concept «White color» – *paint, light, snow, tidiness, wedding,* etc. Let's have a look at another example where the same color can be even used and understood differently inside one language group (Turkish) – in Azerbaijani the expression *«ala gözlər»* (light-blue eyes \ светло-голубые глаза) has a positive meaning «*big\charming*» but unfortunately, in some other Turkish languages it has different semantic symbolism:



«Black» is considered as the most mysterious color in the modern world. This color really attracts peoples' attention with its mystique. It is no coincidence that «Black Square» painted by Kazimir Malevich in 1915 is believed as a mystery not only by art critics but also by all people. From this point of view we think that it'll be very productive to turn to term «black» for explaining the features of concept «color» in Azerbaijani. Let's start with turning to our folklore first.

In our language this color has always been considered as an opposite to «white» and their joint tandem have often been compared with life – *Həyat ağ-qaradır* (Live is black and white \ Черно-белая жизнь). If we pay attention to the development of «black» in the epos «Book of Dede Gorgud», we'll see that it is used both in positive and negative semantic symbolism. For example, the expressions «*qara göz, qara saç*» (black eyed, black haired \ черноглазый, черноволосый) were widely used in describing charming appearance of Oghuz men and women. These facts allow us to distinguish the anthropological features of the Oghuz people.

If we pay attention to the usage of word «black» with proper names in the epos, we'll face to one of the main characters – «*Qaraca Çoban*» (Black shepherd \ Черный пастух). It was used in positive meaning – as *senior* or *courageous*. According to the

researchers' thoughts, interpretation of «black» in epos differs:

A.N. Kononov – «leader, senior» [7, p. 162]

A. Dzapharoglu – «fearlessness, power» [4, p. 72]

M. Kashgary– «title» for the khans [6, p. 221]

One of examples of usage of «black» in the negative meaning in the epos is a chapter where one of the leaders of the Oghuz tribe – Bayandur khan orders to build «*a black tent*» for those who have no child and «*a white tent*» for those who have a son or a daughter. Considering this fact we can say that the word «black» symbolizes «*childless, hopelessness*» here.

When we talk about colors in Azerbaijani, their semantic meanings and lexical-semantic field, it is impossible not to mention the poem «Colors» by Rasul Rza, one of the famous folk poets of Azerbaijan. This work is his individual view on the color understanding. He started his poem with the explanation of «white» and ended with «black» from the ethno-linguistic, philosophical, social and ethic points of view and did it in an extraordinary way. In his opinion «black» can be characterized this way:

A treacherous enemy.

Fear which has hidden itself from consciousness.

The pain for eternal separation.

An outrageous lie.

Spiteful words.

Hair and eyebrows [13]

The poet also compared his political views and injustices he had faced to during the Soviet period with «black» and he had masterfully hid them between the lines:

The dead that should be alive.

The alive that should be dead.

Fettered tribes and nations,

whose languages have been driven out of the highest assemblies. [13]

The figurative meanings of a word can be combined in one or more types in Azerbaijani depending on the type of semantic similarity. As metaphorical meanings of color terms express close, similar features of the notion, they gather in one metaphorical line and correlate with specific nouns independently. Metaphorical meanings of color names express either positive or negative features of the events. For example, although the word «black» denotes *color* in nominal, it means *heavy, bad, mournful, terrible* in the combination «*qarafikir*» (black thought \ черные мысли) and *hypocritical, criminal, damned* in the combination «*qaraməsləк*» (black aim \ черная цель). The listed metaphorical meanings show that the events are *bad, sad* and they are linked in one metaphorical line.

And now let's have a look at the definitionsof word «black» in the new «Explanatory Dictionary of the Azerbaijani Language»:

1. the darkest of all colors
2. race in plural – *blacks*
3. chess figures in plural – *blacks*
4. dirty, filthy
5. inscription, letter
6. draft, rough copy, sketch
7. bad, dangerous, sorrowful
8. criminal, felonious
9. mourning
10. ordinary, stupid (person)
11. illiterate, inexperienced

qara fəhlə - *black* (*illiterate \ inexperienced*) worker

12. unimportant, valueless
13. as a part of fruit and plant names

qaragavalı – plum

qara istiot – pepper

14. negativeness
15. ground
16. *sause* for the national dish «Plov» [5, p.45-47]

Besides, the word «black» can denote extra meanings in some other expressions. For example:

qara torpaq – black (prolific) ground – чернозем

qara qəpik – black (copper) coin – медная монета

qara qızıl – black gold (petrol) – черное золото (нефть)

qara su – black water (glaucoma) – глаукома

qara məktub – black letter (death notice) - похоронка

qara bazar – black (illegal) market – черныйрынок

qara yumor – black humor – черный юмор

qarabulud – dark (thunder) cloud – грозовая туча

qara yaxmaq – to denigrate – очернить

Taking into consideration facts mentioned above we can easily notice that some expressions remain unchanged in Russian and English. Once again this proves that there is something common in languages.

Summarizing all given examples and explanations we can state that not only color terms but also: a) words indicating *race, unsanitary conditions, appearance, poor quality, psychological state, sterility, weather*; b) words defining *board games, education, engineering, law*; c) names of *natural resources, dishes, diseases, plants and fruits* have been gathered in the lexical-semantic field of the concept of «Black color».

REFERENCES

1. Askoldov S.A. Concept and a word // Russian speech, 2nd edition. Leningrad, 1928. p. 28-44.
2. Berlin B., Key P. Basic color terms. University of California Press. 178 p.
3. Boldirev N.N. Cognitive semantics. Tambov, 2000. 124 p.
4. Dzapharoglu A. Anthropological investigation of Book of DedeGorgud. Ankara, 1959.
5. Explanatory Dictionary of the Azerbaijani language. I volume. Baku, 2006. 744 p.
6. Kashgary M. Divani-lugat-it-turk. III volume. Ankara, 1941-1943. 355 p.
7. Kononov A.N. Semantics of Color Terms in Turkish Languages // Turkological Collection. Moscow, 1978. P. 159-179.
8. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z. The problem of mental representations // Cognitive Linguistic Issues. Tambov, 2007. №4. P. 8-16.
9. Krongauz M.A. Semantics. Moscow: Academy, 2005. 352 p.
10. Layons Con Linguistic Semantics: An introduction. Baku, 2014. 389 p.
11. Nazarova A. Explanatory dictionary of philosophical terms. Baku, 2014. 224 p.
12. Pokrovsky M.M., Semasiological research of ancient languages. Moscow, 1895. 132 p.
13. Rza R. Boje (Colors). Beograd: Intern. business service, 2010. 174 c.
14. Shur G.S. Field theory in Linguistics. Moscow, 1974. 256 p.
15. Vasilyev L.M. Meaning and its attitude to a language system. Ufa, 1985.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования:
Ibrahimov R.M. Lexical-semantic field and concept of «black color» in cognitive linguistics (on materials of the Azerbaijan language) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 99-103. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Ibrahimov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4276976
УДК 811.111’373.421:821.111

Кузнецова А.А., Федорова И.В.

Кузнецова Александра Андреевна, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. E-mail: alxxxxxji@gmail.com.
Федорова Ирина Владимировна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. E-mail: i.v.fedorova@inbox.ru.

Художественная реализация синонимического ряда с доминантой bad в романе Дж. Д. Сэлинджера The Catcher in the Rye («Над пропастью во ржи»)

Аннотация. В статье рассматривается синонимический ряд с доминантой *bad* и его реализация в оригинальном тексте романа Дж. Д. Сэлинджера The Catcher in the Rye («Над пропастью во ржи»). Синонимический ряд сформирован на основании лексикографических данных, полученных при работе с толковыми словарями английского языка (Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Dictionary.com (Thesaurus.com)), а также контекстуальных значений ряда прилагательных, которые были использованы автором в оригинальном тексте романа. Лексические единицы, составляющие синонимический ряд, рассматриваются с точки зрения их денотативных и коннотативных значений, частотности употребления и значимости для создания образа главного героя.
Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, доминанта, bad, Дж. Д. Сэлинджер, The Catcher in the Rye, «Над пропастью во ржи».

Kuznetsova A.A., Fedorova I.V.

Kuznetsova Alexandra Andreevna, Petrozavodsk State University. 185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin st., 33. E-mail: alxxxxxji@gmail.com.
Fedorova Irina Vladimirovna, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University. 185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin st., 33. E-mail: i.v.fedorova@inbox.ru.

The synonym chain of the adjective bad in J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye

Abstract. The article deals with the synonym chain of the adjective bad and its usage in J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye. The synonym chain was formed on the basis of both the English dictionaries lexicographic data (Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Dictionary.com (Thesaurus.com)) and contextual meanings of some of the adjectives used in the English version of the novel. The lexical units that make up the synonym chain are analysed in terms of their denotative and connotative meanings, frequency and significance for creating the image of the protagonist.
Key words: synonym, synonym chain, bad, J. D. Salinger, The Catcher in the Rye.

Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» долгое время является одним из наиболее известных и почитаемых произведений американской литературы. Обретя популярность у читателей, роман оказался в фокусе внимания как учёных-литературоведов, так и лингвистов. Несмотря на значительное количество научных работ лингвистического толка (с акцентом на исследовании сниженной лексики и сленга), синонимии и вариантам её реализации (и перевода) в романе Дж. Д. Сэлинджера не уделяется должного внимания. Тем не менее, обилие синонимичной лексики в тексте романа, взаимозаменяемость лексем и предпосылки для использования синонимов представляют научный интерес и обусловливают актуальность настоящего исследования.

Анализируя лингвистическую сторону текста романа, многие исследователи единодушно подтверждают, что язык «Над пропастью во ржи» – это, по большей части, язык центрального персонажа Холдена Колфилда. По словам И.Л. Галинской, задача автора состояла «…в создании индивидуального характера героя. Правда, Холден Колфилд говорит на общем молодёжном жаргоне, но он в то же время яркая индивидуальность…» [1, с. 28]. Типический конфликт «личность / общество» приобретает в тексте яркое языковое выражение: как отмечает О.М. Липустина, «…преобладающей и самой частотной составляющей выражения чувств в языковом поведении мужчин и женщин (в романе) является враждебность. Эмотивы радости в речи персонажей практически отсутствуют» [3, с. 57]. Отторжение героем сложившегося вокруг него общественного строя передаётся с помощью негативно-окрашенной лексики и, в том числе, прилагательного *bad* («плохой») и его синонимов.

Любопытно, что само прилагательное *bad* как доминанта синонимического ряда в своём основном лексическом значении «плохой» практически не реализуется в оригинальном тексте *The Catcher in the Rye*. Наоборот, акцентируется сочетание данного прилагательного с отрицательной частицей *not* – *not bad* («неплохой»), частотность употребления которого в романе составляет 35 единиц. Приведём некоторые примеры: *'It's <u>not too bad</u> when the sun's out …' (Chapter 20); 'I <u>don't</u> mean he was a <u>bad</u> guy — he <u>wasn't</u>.' (Chapter 22); 'If somebody at least listens, it's <u>not too bad</u>.' (Chapter 22).*

В то же время, несмотря на положительную коннотацию, данное сочетание не всегда выражает одобрительное отношение главного героя к предмету речи. Наоборот, Холден Колфилд использует *not bad* в значении «не плохой, но и недостаточно хороший». Таким образом, семантически прилагательное приобретает оттенок снисходительности: *'D. B. isn't as <u>bad</u> as the rest of them' (Chapter 26).*

Представленный в романе синонимический ряд с доминантой *bad* достаточно обширен (составляет 31 лексему-синоним) и характеризуется стилистической и семантической неоднородностью входящих в его состав компонентов. В этой связи в рамках ряда выделяются идеографические и стилистические синонимы. Наиболее употребительными являются следующие лексемы: *lousy* (50 единиц), *phony* (34 единицы), *terrible* (27 единиц), *corny* (21 единица), *crumby* (21 единица), *sore* (20 единиц) и *awful* (13 единиц). В таблицах ниже (табл. 1 и табл. 2) представлен полный перечень компонентов указанного синонимического ряда, реализованный в романе *The Catcher in the Rye*.

Представленные ниже лексемы возможно отнести к разряду идеографических синонимов доминанты *bad* по двум причинам: с одной стороны, доминанта может выступать в качестве замены для каждого из этих прилагательных, а с другой стороны, каждая лексема обладает отдельным значением и может быть ограничена контекстом.

Таблица 1. Идеографические синонимы (24 единицы)

Лексема	**Количество словоупотреблений в качестве синонимов прилагательного *bad***
Terrible	27
Sore	20
Awful	13
Wrong	10
Dirty	9
Ugly	6
Stinking	5
Poor	4
Sick	3
Nasty	3
Vomity-looking	3
Horrible	3
Sharp	3
Cheap	3
Crude	2
Rotten	2
Putrid	2
Nauseating	2
Mean	2
Repulsive	1
Rude	1
Unscrupulous	1
Miserable	1
Dumpy-looking	1

Таблица 2. Стилистические синонимы (7 единиц)

Лексема	**Количество словоупотреблений в качестве синонимов прилагательного *bad***
Lousy (разг., оскорб.)	50
Phony (разг.)	34
Corny (разг.)	21
Crumby (crummy) (разг.)	21
Snotty (разг.)	5
Sick (разг.)	3
Crappy (оскорб., сленг)	1

Основными категориями употребления синонимов этой группы являются описание (чувств, внешности, характера, места и проч.) и указание на недостатки и низость моральных принципов. Проиллюстрируем это наиболее показательными примерами:

– описание внешних черт и характера: *‘very terrible posture’, ‘a terrible personality’, ‘They always looked mossy and awful’.*

– описание места: *‘a terrible school’, ‘New York’s terrible’*.

– описание чувств, эмоций и суждений: *‘I had a terrible time’, ‘It sounds terrible to say it’, ‘it made me feel so terrible’, ‘That’s awful, in my opinion’, ‘I’m awfully sorry’.*

– указание на недостатки: *‘She bought me the wrong kind of skates’.*

Как видно, одной из наиболее часто употребляемых лексем является прилагательное *terrible*. Чаще всего данная лексическая единица используется для выражения крайней степени неодобрения *(‘I’m liable to say I’m going to the opera. It’s terrible’)* и неприязни *(‘I spent a whole night necking with a terrible phony named Anne Louise Sherman.’).*

Большинство лексем представлены в романе в своём основном значении, однако есть и ряд исключений. Так, прилагательное *sore* контекстуально реализуется как в значении *‘painful because of injury or too much use’ (‘ my eyes were sore as hell’),* так и в значении ‘*angry’ (‘You know kids when they’re sore at you. They won’t laugh or anything.’).* Похожая вариативность прослеживается при употреблении лексемы *sick* (в значениях *‘not well or healthy’* и *‘feeling strong unpleasant emotions’).* Прилагательное *rotten* имеет толкование *‘very bad’* и чаще всего употребляется в переносном значении.

Прилагательные *crude, sick, nasty, stinking, putrid, ugly, vomity-looking, dirty, dumpy-looking, nauseating, mean, repulsive* и *rude* не выделяются словарями как синонимы лексемы *bad.* Одной из причин может являться то, что между значением слова и доминантой слишком большой разрыв, т.е. доминанта в большинстве контекстов не может заменить данные лексемы. Тем не менее контекстуально эти лексемы выказывают свойственные доминанте семантические черты, например, при описании внешнего облика: *ugly* («уродливый, гадкий»), *vomity-looking* («тошнотворный»), *nauseating* («тошнотворный») и *dumpy-looking* («унылый»). При этом стоит отметить, что категория «внешний вид» является одной из категорий словоупотребления во всех представленных словарях, а прилагательное *bad (bad-looking)* может выступать в качестве синонима для каждой из перечисленных лексем. При выделении прилагательных в группу стилистических синонимов во внимание принималось наличие словарных помет, указывающих на принадлежность лексемы к определённому функциональному стилю. Наиболее распространёнными словарными пометами, сопровождающими перечисленные синонимы, были ‘informal’, ‘slang’ и ‘offensive’. В отличие от идеографических синонимов, выделенная группа стилистических синонимов представлена меньшим числом единиц. В то же время, как видно из таблицы, ей присуща б***о***льшая употребительность. Указанные в таблице синонимы объединяет принадлежность к одному стилю речи (разговорному), а также присущая некоторым из них *(crappy, lousy)* стилистическая окраска. Основой для формирования таблицы послужили данные словарей Cambridge Dictionary и Thesaurus. Объясняется это тем, что указанные словари предлагают наиболее полные толкования лексических единиц.

Прилагательное *lousy*, будучи самым частотным из числа стилистических синонимов доминанты *bad,* являет собой широкий диапазон употребления, включающий в себя:

a. характеристики умений и навыков *(‘One of them played the piano — strictly lousy’, ‘I was being a lousy conversationalist’ и др.)*

b. качественные и оценочные характеристики:

– людей *(‘lousy cousins’, ‘lousy father’, ‘lousy personality’, ‘lousy manners’, ‘lousy friends’ и др.)*

– явлений и ситуаций *(‘My sex life is lousy’, ‘a lousy day’, ‘lousy vocabulary’, ‘lousy childhood’, ‘lousy movie’, ‘lousy stories’, ‘it tasted lousy’ и др.)*

– предметов *(‘lousy table’, ‘lousy book’, ‘lousy typewriter’ и др.)*

с. физическое и психологическое состояние *('lousy teeth', 'lousy knees', 'I had a headache and I felt lousy', 'He really felt pretty lousy about flunking me', 'I was feeling sort of lousy' и др.)*

Словарные толкования лексемы *lousy* содержат отсылку к прилагательному *bad*, а именно *very bad*, что денотативно сближает данную единицу с указанными выше лексемами *terrible* и *awful*. Также отметим, что прилагательные *bad* и *lousy* могут употребляться в тексте романа в пределах одного смыслового отрезка. Таким образом, лексема *lousy* конкретизирует и усиливает семантику доминанты синонимического ряда *('I'm in bad shape. I'm in lousy shape')*. Кроме того, сама семантика прилагательного *lousy* может контекстуально уточняться за счёт присутствия других прилагательных *('She was worried that it might make her legs lousy — all thick and all')*.

Обратимся к другим стилистическим синонимам, составляющим данный ряд. Менее частотной, но денотативно и коннотативно схожей с прилагательным *lousy*, является лексема *crumby (crummy)*. Как правило, аналогичными оказываются и контексты, в которых она употребляется: личностные характеристики *('ya crumby bastard', 'he was so crumby in his personal habits')*, описание внешних черт *('crumby old hairy stomach', 'crumby nails', 'crumby hand')*, местоположений *('crumby place', 'crumby room')*, предметов *('crumby old razor', 'crumby toilet articles')*, явлений *('crumby stuff')*.

Остальные прилагательные *(phony, corny, snotty, sick)*, выявленные нами в тексте романа Дж. Д. Сэлинджера, не фигурируют как компоненты синонимического ряда с доминантой *bad* в толковых словарях английского языка. Это означает, что в их дефинициях отсутствует отсылка к доминанте (исключение составляет прилагательное *crappy*). В то же время считаем целесообразным рассматривать данные лексические единицы как синонимы прилагательного *bad* ввиду их определённой семантической близости – все они так или иначе выражают негативную, осуждающую характеристику (*phony – 'not real'* – в значении «липовый», «фальшивый»; *corny – 'repeated too often to be interesting or funny'* – в значении «банальный», «избитый»; *snotty* – '*rude and behaving badly'* – в значении «грубый», «противный», «мерзкий»). Так, сравнивая семантику словосочетаний *corny jokes* («плоские шутки») и *bad jokes* («плохие шутки»), мы видим, что прилагательное *bad* в данном случае может выступать как подходящая замена, что позволяет рассматривать оба этих прилагательных как синонимы. Аналогично сравнивая словосочетания *'I felt sick'* («Я чувствовал себя больным/уставшим») и *'I felt bad'* («Я чувствовал себя плохо»), мы убеждаемся в том, что в определённом контексте они могут быть взаимозаменяемыми. Приведём несколько примеров словоупотребления этих стилистических синонимов: *'I can't sit in a corny place like this cold sober'; 'He was always saying snotty things about them, my suitcases, for instance'; ''It was on the crappy side, though.'* Стилистические синонимы прилагательного *bad* выступают, в том числе, и маркерами неприятия массовой культуры:

– *'...decided we'd take a bus into Agerstown and have a hamburger and maybe see a lousy movie.*' (Chapter 5)

– *'I can even read one of those lousy stories on a train at night, usually.'* (Chapter 8)

– *'People always clap for the wrong things.'* (Chapter 12)

Отметим, что все перечисленные компоненты синонимического ряда употребляются, как правило, в речи Холдена Колфилда, от лица которого ведётся повествование. Рассуждения героя об американском обществе, подростках, безразличии и ограниченности взрослых, отношениях между родителями и детьми высвечивают обострённое восприятие им окружающего мира. Явное и частое присутствие в репликах Холдена Колфилда сленга и синонимов с общим значением *bad* («плохой») отражает не только рече-

вую специфику подросткового возраста, но и свойственные главному герою импульсивность, хаотичные порывы, раздражённость и негодование по поводу происходящего.

Данное обстоятельство позволяет рассматривать роман «Над пропастью во ржи» как роман-протест, где на всеобщее обозрение выставляются фальшь и человеческие пороки, где осуждению подвергается то, что обычно не принято осуждать. М. Тугушева, рассуждая об обоснованности протеста в тексте романа, указывает при этом на необходимость постоянных поисков «достойной цели» [5]. И действительно, читатель наблюдает, как Холден Колфилд пытается обрести своё предназначение и индивидуальность, при этом выражая несогласие со сложившимися порядками.

А. Д. Гусева утверждает, что «у Холдена нет ценностей в жизни, кроме весьма смутных представлений о том, как всё должно быть. Его мечта — это то самое дело, которым он мог бы заниматься без отвращения к себе. Холден решает, что нужно спасать детей от пропасти взрослой жизни, где царят лицемерие, ложь, насилие, недоверие» [2]. Этим и оправдывается «достойная цель». Важно, что привычные для мира взрослых материальные ценности утрачивают свою значимость в мире главного героя. Окружённый людьми, стремящимися к успеху и стабильности, подросток одинок в своём отторжении «привычного», будучи, однако, исполнен благородных устремлений.

Таким образом, лексемы с общим значением «плохой» являются своего рода индикаторами внутреннего мира и взглядов Холдена Колфилда как протагониста романа, создавая речевой портрет персонажа. Широкая употребительность выявленных лексем-синонимов актуализирует тему-проблему одиночества, враждебности, неустроенности и порочности мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галинская И.Л. Судьба романа Дж. Д. Сэлинджера «Ловец во ржи». Лингвостилистический анализ романа «Ловец во ржи» // Культурология. 2017. № 2 (81). С. 27-49.
2. Гусева А.Д. Диалектика души главного героя повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Мировая словесность для детей и о детях, 20-ая всероссийская конференция: Москва, 29-30 января, 2015. Ярославль, 2016. С. 75-83.
3. Липустина О.М. Эмотивная лексика в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, №4. С. 55-59.
4. Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи: книга для чтения на английском языке. СПб.: Антология, 2017. 256 с.
5. Тугушева М. Предисловие // Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1968. 246 с.
6. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge University Press. URL: http://dictionary.cambridge.org
7. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus // Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com
8. Thesaurus.com // Dictionary.com. URL: http://thesaurus.com

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Galinskaja I.L. Sud'ba romana Dzh. D. Sjelindzhera «Lovec vo rzhi». Lingvostilisticheskij analiz romana «Lovec vo rzhi» // Kul'turologija. 2017. № 2 (81). S. 27-49.
2. Guseva A.D. Dialektika dushi glavnogo geroja povesti Dzh. Sjelindzhera «Nad propast'ju vo rzhi» // Mirovaja slovesnost' dlja detej i o detjah, 20-aja vserossijskaja konferencija: Moskva, 29-30 janvarja, 2015. Jaroslavl', 2016. S. 75-83.

3. Lipustina O.M. Jemotivnaja leksika v romane Dzh. D. Sjelindzhera «Nad propast'ju vo rzhi» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12, №4. S. 55-59.
4. Sjelindzher Dzh. Nad propast'ju vo rzhi: kniga dlja chtenija na anglijskom jazyke. SPb.: Antologija, 2017. 256 s.
5. Tugusheva M. Predislovie // Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1968. 246 s.
6. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge University Press. URL: http://dictionary.cambridge.org
7. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus // Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com
8. Thesaurus.com // Dictionary.com. URL: http://thesaurus.com

Поступила в редакцию 29.10.2020.
Принята к публикации 03.11.2020.

Для цитирования:
Кузнецова А.А., Федорова И.В. Художественная реализация синонимического ряда с доминантой bad в романе Дж. Д. Сэлинджера The Catcher in the Rye («Над пропастью во ржи») // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 104-110. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/KuznetsovaFedorova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277045
УДК 81.373.

Лысенкова В.Н.

Лысенкова Виолетта Николаевна, аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: viole.lysenkova@yandex.ru.

Внутренняя форма фразеологизма и его значение

Аннотация. В статье дан краткий обзор понятия внутренней формы фразеологизма, обосновывается взаимосвязь образа с актуальным значением фразеологических единиц на конкретных примерах. Рассмотрено понимание природы внутренней формы фразеологизмов с различных точек зрения ученых-лингвистов. На основе положений ключевых теорий, автором сформулировано определение внутренней формы фразеологизма. На основе утверждения о том, что взаимосвязь внутренней формы и актуального значения фразеологизма поддерживается наличием мотивированности в устойчивом обороте, описано соотношение образа внутренней формы и значения фразеологизма посредством разных видов мотивации фразеологических единиц (конкретно-образная, этимологическая, символическая).
Ключевые слова: фразеологизм, внутренняя форма, актуальное значение, мотивация значения фразеологизма, метафора.

Lysenkova V.N.

Lysenkova Violetta Nikolaevna, post-graduate, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. 241036, Russia, Bryansk, Bezhitskaya st., 14. E-mail: viole.lysenkova@yandex.ru.

Inner form of the phraseological unit and its meaning

Abstract. The article provides a brief overview of the concept of the internal form of phraseology, substantiates the relationship of the image with the actual meaning of phraseological units on specific examples. The understanding of the nature of the internal form of phraseological units from various points of view of linguists is considered. Based on the provisions of key theories, the author formulated the definition of the internal form of phraseology. Based on the assertion that the relationship of the inner form and the actual values of the idiom is supported by the presence of motivation in sustainable turnover, describes the ratio of the image of the internal form and meaning of the idiom by different types of motivation of phraseological units (specifically-shaped, etymological, symbolic).
Key words: phraseological unit, inner form, actual meaning, motivation of a meaning, metaphor.

Характер образования, развитие и функционирование фразеологических единиц представляет большой научный интерес в силу специфичности и комплексности их семантики. Большинство лингвистов рассматривает такие понятия, входящие в семантическую категорию фразеологизмов, как мотивированность, образность, внутренняя форма, сферы денотации и коннотации (Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.Н. Телия) [6, с. 71].

Среди данного ряда компонентов выделяют основополагающий элемент семантики фразеологизма – внутреннюю форму, то есть образ фразеологизма.

Во-первых, внутренняя форма мотивирует актуальное значение фразеологизма. Во-вторых, она обуславливает оценку и эмотивность значения. В-третьих, образ является носителем культурной коннотации фразеологизма [8, с. 33]. Именно поэтому можно утверждать, что фразеологические единицы не могут полноценно функционировать без внутренней формы в процессе коммуникации, так как между значением и образом фразеологизма существует тесная взаимосвязь [5, с. 29].

Понимание природы внутренней формы фразеологизмов является дискуссионным [14, с. 826]. Рассмотрим основные точки зрения ученых-лингвистов.

Ранее под внутренней формой понимали отношения слов-компонентов исходного словосочетания, то есть связь между переносным (фразеологическим) значением оборота и реальными значениями компонентов, из которых оборот состоит. Например, *сесть в лужу, взять в свои руки, взять за горло* и т.п.» [7, с. 66].

Противоположную точку зрения отстаивал А.И. Федоров: денотат называется через фразеологическое значение оборота, которое состоит из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа [10, с. 15].

А.В. Кунин утверждает, что внутренняя форма фразеологизма – это «мотивирующая образность, основанная на деривационных связях его значения со значением прототипа» [3, с. 119].

Д.О. Добровольский предполагает, что именно образная составляющая вносит вклад в значение фразеологизма и обязательно должна учитываться при описании его семантических особенностей [1, с. 11].

В.Н. Телия наиболее подробно излагает современное понимание внутренней формы фразеологизма: слова-компоненты теряют свое прямое значение, на основе которого формируется образ переосмысленного сочетания и впоследствии актуальное значение фразеологического оборота [9, с. 142-143].

На основе вышеизложенных мнений, можно сформулировать определение внутренней формы фразеологизма. *Внутренняя форма* – это компонент семантики фразеологизма, наглядно-чувственный и понятийный образ, сформированный не значениями отдельных компонентов исходного сочетания, а образом на основе исходного словосочетания и мотивирующий реальное значение фразеологизма.

Взаимосвязь внутренней формы и актуального значения фразеологизма поддерживается наличием мотивированности в устойчивом обороте. [13, с. 15]. Причем, мотивация фразеологических единиц имеет различные основания для классификации (представимый образ, этимология, звукоподражание и др.). Рассмотрим основные виды мотивации значения, характерные для большой группы фразеологизмов.

Внутренняя форма фразеологического оборота опирается на конкретно представимый образ, то есть можно говорить о *конкретно-образной мотивации* значения. Она наблюдается у фразеологизмов с яркой (прозрачной) образной основой внутренней формы. Приведем некоторые примеры.

По горячим следам (разг., экспрес.) – ‘сразу же, непосредственно после случившегося, без промедлений’ [11, с. 624]. Используется с глаголами несовершенного и совершенного вида: *идти, действовать, искать, предпринять как* (по горячим следам). По горячим следам чего *(преступления, выступления, события…)*. Внутренняя форма этого оборота связана с ситуацией охоты, когда охотник, преследуя зверя, идет по свежему (еще горячему, не остывшему) его следу, сохранивший запах животного, которого легко можно найти. Сложившийся образ предопределяет ситуации употребления переносного смысла и значение фразеологизма: какое-то дело не терпит отлагательств, необходимо действовать незамедлительно после случившегося, не терять времени даром, не откладывать на

потом для достижения положительного результата.

Существует несколько версий происхождения фразеологизма *«перегнуть палку»*. Первая пошла от ремесленников, занимавшихся изготовлением дуг для конской упряжи. При изготовлении дуги, заготовку (палку) сначала распаривали, а потом осторожно сгибали до нужного размера. При этом нужно было тщательно регулировать усилие, иначе, если согнуть палку слишком быстро (перегнуть), она сломается. Вторая связана с натягиванием тетивы лука. При натягивании тетивы лук сгибают. Если согнуть слишком сильно, то можно и сломать. Описанные варианты происхождения оборота создают один и тот же образ, мотивирующий современное значение фразеологизма: перестараться (переусердствовать) в чем-либо, проявить излишнее рвение или усердие при выполнении задания.

Остаться (оказаться, очутиться) у разбитого корыта (экспрес.) – ‘ни с чем, потеряв всё приобретённое, имевшееся’ [11, с. 316]. Источник фразеологизма – «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Героиня сказки, старуха, была не довольна дарами от волшебной золотой рыбки – нового корыта, избы, царских хором и звания дворянки, ей хотелось все больше и больше. Она пожелала повелевать морской стихией и самой золотой рыбкой. В результате жадность погубила старуху – рыбка забрала все щедрые дары, оставив старуху с тем, что у нее было – разбитым корытом. Внутреннюю форму оборота можно представить следующим образом: лицо или группа лиц (X) потеряли все, что имели, или не смогли реализовать запланированного: их расчеты и надежды не оправдались, усилия не принесли ожидаемых результатов [2, с. 320]. Сейчас так говорят о человеке, который потерял всё, что имел.

Внутренняя форма некоторых фразеологических оборотов не всегда является наглядно представимой, а скрытой (затемненной), поэтому восстановление первоначального образа, мотивирующего актуальное значение фразеологизма возможно только *этимологически*. Рассмотрим некоторые примеры.

Нередко, произнося вслух фразеологизм, формируется неверный наглядно-чувственный образ из-за незнания или непонимания истинного смысла фразеологического оборота. Например, *остаться с носом* – ‘не получить желаемого, не достичь результата, хлопотать попусту, быть обманутым’ [11, с. 420]. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X), действуя, как правило, с помощью хитрости и обмана, лишает другое лицо или другую группу лиц (Y) чего-либо ценного либо не даёт им реализовать свои планы, получить то, на что они рассчитывали [2, с. 423].

Раньше нос имел два значения: 1. орган дыхания. 2. То, что приносили с собой, дар, взятка. Носом (даром, взяткой) могли быть разного рода подарки: продукты, домотканое полотно, деревянная и глиняная посуда, деньги обычно при сватовстве или быстром решении какого-либо вопроса. Если вдруг денежный взнос или подарок «натурой» отвергался, то ожидать благополучного исхода дела взяткодателю не приходилось. И приходилось ему, *не солоно нахлебавшись*, возвращаться со своим «носом» домой.

Близкие выражения: *остаться на бобах; воду в ступе толочь; стучаться в закрытую дверь; сизифов труд*.

Этимологическое раскрытие мотивации значения некоторых фразеологизмов вызывает проблемы и трудности. Они связаны, прежде всего, с определением инварианта внутренней формы и его фиксацией в значении оборота. На примере анализа фразеологизма «дело в шляпе» предлагается проследить, как устанавливается взаимосвязь между образом и актуальным значением. *Дело в шляпе* – ‘всё в порядке, об успешном завершении дела’ [11, с. 180]. В разных источниках приводятся разные толкования происхождения, приведем две версии, наиболее точно отражающие образ фразеологизма.

1. В древности перевозку писем или «дел», как их называли ранее, осуществляли гонцы. В целях безопасности документ нередко зашивали в подкладку шляпы. Фраза «дело в шляпе» означала, что письмо доставлено благополучно.

2. Происхождение фразеологизма связывается с взяточничеством. Мзду (взятку) было принято класть в шляпу чиновника. Выражение «дело в шляпе», вероятно, звучала из уст взяточников, которые таким образом заявляли, что важный для них вопрос в скором времени будет решен.

Обе теории достаточно точно описывают образ данного фразеологизма, однако следует отдать предпочтение первой. Внутренняя форма в первом варианте мотивирует современное значение фразеологизма о благополучном завершении чего-либо, в то время как во второй версии неясно насколько хорошо закончится дело. Факт взятки еще не означает, что все улажено.

Образ подобных фразеологизмов представляют сложную структуру, над которыми говорящие обычно не задумываются. Им достаточно знания актуального значения фразеологизма, то есть той «части семантики, реализующейся в некотором типе контекстов, которая необходима для правильного понимания этих контекстов» [1, с. 2]. В любом случае можно говорить о том, что внутренняя форма предвосхищает актуальное значение фразеологизмов.

Мотивация значения фразеологической единицы раскрывается также за счет компонента с *символьным значением*. Другими словами, образ трансформируется в реальное значение фразеологизма не за счет всех своих признаков, а обычно какого-либо одного [12, с. 265]. Большинство фразеологизмов такого типа мотивации значения содержат *метафору* (перенос значения с одного денотата на другой на основании ассоциации сходства, реального или воображаемого) [4, с. 83].

Например, *длинная песня* – ‘будет тянуться продолжительное время’ [11, с. 466]. Образ фразеологизма восходит к представлению о русской песенной традиции. В основе образа лежит *метафора*, в которой длительный временной отрезок уподобляется *песне* – жанру фольклора, представляющему собой, как правило, длинное, часто печальное повествование о каких-либо событиях, жизненных ситуациях, чувствах и переживаниях человека (былины, исторические песни, народные баллады). Современное понимание фразеологизма часто подразумевает отказ в ответ на просьбу рассказать о чём-либо, то есть имеется в виду предстоящий длинный рассказ о некотором событии или дело, завершение которого предполагается не скоро.

Души не чаять – ‘безгранично любить, обожать, доверяя во всём’ [11, с. 219]. Происхождение фразеологизма связано с пониманием устаревшей формы глагола *чаять* – ‘слышать’, вероятно, связано с «*чуять*» – ‘распознавать, понимать чутьём’. *Душа* символизирует недоступную для восприятия область человеческой личности, *метафорически* подразумевая качества человека, которые не способно увидеть другое лицо из-за сильной эмоциональной симпатии. Таким образом, при употреблении данного фразеологизма каждый раз осуществляется ассоциативная связь реального значения с его образной основой, то есть фразеологизм передаёт стереотипное представление о безграничной, беззаветной любви кого-либо к кому-либо, выделяя только привлекательные черты.

Будто сонная муха – ‘вялый, расслабленный. Медленно, неторопливо, вяло, расслабленно’ [11, с. 382]. Образ фразеологизма соотносится с совокупностью стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных (насекомых), которые выступают как источник осмысления человеком мира. В данном случае образное содержание фразеологизма основано на наблюдении за поведением *мух* поздней осенью, когда снижается их активность, и они становятся *сонными*, вялы-

ми, малоподвижными. Образ фразеологизма создаётся *зооморфной метафорой*, в которой расслабленное, малоактивное состояние человека уподобляется поведению *мухи*.

Встать грудью – ‘мужественно, стойко защищать’. Имеется в виду, что лицо или социальная группа (X) намерены оборонять, ограждать от враждебных, неприязненных действий другое лицо или другую социальную группу (Y) или отстаивать свои или чьи-л. интересы, взгляды, мнение (Z). В создании образа фразеологизма участвует метафора, уподобляющая действие, направленное на защиту, отражение нападения, (вооружённого) натиска, действию, обозначающему ‘принять, занять стоячее положение и не двигаться с места', что символически осмысляется как "приготовиться к борьбе, к сражению до последнего" [2, с. 390]. Компонент *грудью* выступает в роли символа проявления высшей степени героизма и мужества. Фразеологизм отражает стереотип поведения (преимущественно мужского), выражающего готовность к решительной защите кого-либо или чего-либо подвигами, самопожертвованием себя в критической ситуации.

Сходные фразеологизмы по образу выражения: *грудью защитившие страну, стоять горой за кого-либо, за что-либо*.

Не важно, осознается ли внутренняя форма этого фразеологизма или она уже воссоздается этимологическим путем, важно, чтобы фразеологизм передавал ассоциативно-образную информацию внутренней формы фразеологизма.

Предыдущие рассуждения приводят нас к следующим выводам: 1) внутренняя форма фразеологизма, формируя в сознании некий представляемый образ, служит отправной точкой в развитии актуального фразеологического значения. 2) Между образом и современным значением устанавливается смысловое отношение, которое можно рассматривать через мотивацию фразеологического оборота (конкретно-образную, этимологическую, символическую). Изучение внутренней формы позволяет проследить формирование актуального значения фразеологизма, определить его особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. №6. С. 21.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. Е.Н. Телия. 2006. 782 с.
3. Жуйкова М.В. Роль образности и внутренней формы фразем в лингвокультурной реконструкции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 119-121.
4. Мухтаруллина А.Р. Когнитивные основы метонимий и метафор в англоязычном художественном тексте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 360. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=24123193
5. Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч. 1996. 96 с.
6. Оботнина Е.В., Иванова Е.В. Фразеологическая семантика как полиструктура // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2017. Вып. 6 (183). С. 71-75.
7. Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965.
8. Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. 200 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 346 с.
10. Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. 192 с.

11. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, 2008. 904 с.
12. Чэнь Янь Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения // Вестник ТГУ. 2011. №11. С. 262-266. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17054722
13. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity / I.S. Karabulatova, K.S. Vildanov, A.A. Zinchenko, E.N. Vasilishina, A.P. Vassilenko // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. T. 25. №7 July. P. 1-16.
14. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture / A.P. Vassilenko, I.S. Karabulatova, E.N. Vasilishina, R.A. Tukaeva, V.V. Barabash // Opcion. 2018. T. 34. № 85. P. 825-839.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baranov A.N., Dobrovol'kij D.O. Principy semanticheskogo opisanija frazeologii // Voprosy jazykoznanija. 2009. №6. S. 21.
2. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. M.: AST-Press. E.N. Telija. 2006. 782 s.
3. Zhujkova M.V. Rol' obraznosti i vnutrennej formy frazem v lingvokul'turnoj rekonstrukcii // Jetnolingvistika. Onomastika. Jetimologija: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 7-11 sentjabrja 2015 g. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. S. 119-121.
4. Muhtarullina A.R. Kognitivnye osnovy metonimij i metafor v anglojazychnom hudozhestvennom tekste // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 2. S. 360. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=24123193
5. Obdullaev A.R. Frazeologija: vnutrennjaja forma edinic. Urgench. 1996. 96 s.
6. Obotnina E.V., Ivanova E.V. Frazeologicheskaja semantika kak polistruktura // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2017. Vyp. 6 (183). S. 71-75.
7. Rojzenzon L.I. Vnutrennjaja forma slova i vnutrennjaja forma frazeologizma // Voprosy frazeologii. Tashkent, 1965.
8. Sovremennaja frazeologija: tendencii i innovacii: Monografija / N.F. Alefirenko, V.I. Zimin, A.P. Vasilenko, T.N. Fedulenkova, D.O. Dobrovol'skij, A.M. Melerovich, V.M. Mokienko; otv. red. A.P. Vasilenko. Moskva, Sankt-Peterburg, Brjansk: «Novyj proekt», 2016. 200 s.
9. Telija V.N. Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M., 1996. 346 s.
10. Fedorov A.I. Sibirskaja dialektnaja frazeologija. Novosibirsk, 1980. 192 s.
11. Fjodorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. M.: AST, 2008. 904 c.
12. Chjen' Jan' Vnutrennjaja forma frazeologizma kak predvoshishhenie ego aktual'nogo znachenija // Vestnik TGU. 2011. №11. S. 262-266. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17054722
13. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity / I.S. Karabulatova, K.S. Vildanov, A.A. Zinchenko, E.N. Vasilishina, A.P. Vassilenko // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. T. 25. №7 July. R. 1-16.
14. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture / A.P. Vassilenko, I.S. Karabulatova, E.N. Vasilishina, R.A. Tukaeva, V.V. Barabash // Opcion. 2018. T. 34. № 85. P. 825-839.

Поступила в редакцию 23.10.2020.
Принята к публикации 27.10.2020.

Для цитирования:
Лысенкова В.Н. Внутренняя форма фразеологизма и его значение // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 111-116. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Lysenkova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277108
УДК 82-822

Поплавская И.А.

Поплавская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный университет. 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Поэзия В.А. Жуковского в рукописном литературном сборнике «Мои досуги» из книжного собрания князей Голицыных в Научной библиотеке ТГУ

Аннотация. В статье предметом изучения является рукописный сборник «Мои досуги», датируемый 1819-1825 гг. и хранящийся в книжном собрании князей Голицыных в Научной библиотеке Томского университета. В сборнике имеются пять произведений Жуковского, среди них стихотворная повесть «Пери и Ангел», песня «Путешественник», баллада «Рыбак» и др. Рукописный сборник «Мои досуги» является достаточно репрезентативным в плане отражения культурных запросов, досуга и круга чтения русской аристократии первой четверти XIX века. В сборнике представлены главным образом две линии в развитии русской и мировой литературы. Одна из них – религиозно-философская, другая – сатирическая.
Ключевые слова: Томский университет, Научная библиотека, книжное собрание Голицыных, рукописный сборник, поэзия Жуковского, русская и западноевропейская литература.

Poplavskaya I.A.

Poplavskaya Irina Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University. 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Vasily Zhukovsky's poetry in the manuscript literary collection Moi Dosugi from the book collection of Princes Golitsyn in the Tomsk State University Research library

Abstract. The article analyses the manuscript collection Moi Dosugi [My Leisure] dated 1819–1825 and stored in the book collection of Princes Golitsyn in the Research Library of Tomsk State University. The collection contains five works by Zhukovsky, the poetic story «Peri and Angel», the song «Puteshestvennik» [Traveller], the ballad «Fisherman» among them. The manuscript collection Moi Dosugi is quite representative in terms of reflecting the cultural needs, leisure, and reading circle of the Russian aristocracy of the first quarter of the 19th century. The collection mainly presents two lines in the development of Russian and world literature. One of them is religious and philosophical, the other is satirical.
Key words: Tomsk University, Research Library, Golitsyn book collection, manuscript collection, Zhukovsky's poetry, Russian and Western European literature.

Статья написана в рамках проекта РФФИ № 19-012-00038
«Родовые библиотеки русской аристократии и проблема читателя»

В Научной библиотеке Томского университета хранится книжное собрание князей Голицыных, пожертвованное в 1880 г. Сергеем Михайловичем Голицыным (1843-1915), полковником, директором и попечителем Голицынской больницы в Москве. Он является представителем четвертой, младшей ветви князей Голицыных (Михайловичей). Родовая библиотека князей Голицыных, находящаяся в Томском университете, в настоящее время включает в себя 2961 название в 6435 томах [1, л. 1]. В ней находятся книги, принадлежавшие разным представителям этой ветви Голицыных. Один из них – Сергей Михайлович Голицын (1774-1859), попечитель Московского учебного округа, член Государственного совета, состоявший в переписке с императрицей Марией Федоровной (1759-1828).

Кроме книг, принадлежащих С.М. Голицыну, в библиотеке имеются книги его отца Михаила Михайловича Голицына (1731-1804), генерал-поручика, камергера; его племянника Михаила Александровича Голицына (1804-1860), дипломата, библиофила; дальних родственников Голицыных по материнской линии Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова (1758-1803), графа, генерал-адъютанта, фаворита Екатерины II и его сына Матвея Александровича (1790-1863), генерал-майора, участника Отечественной войны 1812 г., литератора [9, с. 190]. Родовая библиотека князей Голицыных, хранящаяся в Томском университете, «воспринимается как неотъемлемая часть русской дворянской культуры XVIII – XIX веков. Она отражает профессиональные интересы и круг чтения этой ветви рода Голицыных на протяжении почти ста пятидесяти лет» [11, с. 49].

В библиотеке Голицыных, помимо печатных изданий, имеются и рукописные материалы. Среди них «Месяцеслов» на 1827 г., стихотворный сборник первой половины XIX века, записная книжка дипломата М.А. Голицына на французском языке, в которой содержатся записи о внутриполитической жизни Испании и королевской семьи за 1858 г., и др. Рассмотрим одну их них. Это рукописный литературный сборник под названием «Мои досуги», хранящийся под номером В-808, который можно датировать 1819-1825 гг. Он включает в себя около 248 стихотворных, прозаических и драматургических произведений русских и западноевропейских авторов на 279 листах, записанных скорописью XIX века. На л. 250 на левом поле имеется вертикальная надпись: «Алексей Голицын», сделанная чернилами. Слева внизу под основным текстом встречается еще одна надпись тем же почерком: «22 июля 1819 года. Елабуга» [5, с. 82; 8, с. 39]. Ранее было высказано предположение, что данный сборник мог принадлежать одному из дальних родственников Голицыных – Алексею Алексеевичу Голицыну (1800-1876), с 1830 г. камер-юнкеру, титулярному советнику, знакомому А.С. Пушкина, младшему сыну русского посланника в Вене Алексея Андреевича Голицына (1767-1800), представителю третьей, самой многочисленной и состоятельной ветви князей Голицыных (Алексеевичей) [8, с. 39].

Основным источником сборника послужили отечественные журналы, газеты и альманахи 1810-1820-х гг. В их числе журналы «Вестник Европы» (1802-1830), «Сын отечества» (1812-1852), «Благонамеренный» (1818-1826), газета «Русский инвалид» (1813-1917), альманах «Северные цветы» (1824-1831) и др. На страницах этих периодических изданий были опубликованы произведения, которые составили основу данного сборника. Это сочинения В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, И.А. Крылова, К.Ф. Рылеева, Ф.Н. Глинки, В.Ф. Одоевского, И.И. Козлова и др. Сюда же можно отнести произведения Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, которые впервые появились в русской периодике конца XVIII века, а затем перепечатывались в авторских собраниях сочинений.

Другим источником данного сборника является рукописная традиция бытования литературы, включающая в себя вышедшие ранее из печати произведения, а также бесцензурные сочинения, либо сочинения, запрещенные цензурой. Среди них известная эпиграмма А.С. Пушкина на издателя «Вестника Европы» М.Т. Каченовского («Бессмертною рукой раздавленный зоил», 1818), поэма А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», сатирические стихотворения Д.П. Горчакова, А.Е. Измайлова, лицеистов пушкинского выпуска А.Д. Илличевского и М.Л. Яковлева и др. Особую группу в сборнике «Мои досуги» составляют произведения малоизвестных авторов из провинции, в их числе стихотворения П.П. Сумарокова, издававшего в Тобольске журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789-1791); поэта и историка Сибири П.А. Словцова, проживавшего в 1820-х гг. в Иркутске и Тобольске; симбирского поэта А.К. Маздорфа; сатирические сочинения А.Н. Акимова из Харькова; чиновника из Вятки Ф.А. Слуткина, печатавшегося в журнале «Благонамеренный», и др.

Произведения, входящие в данный сборник, расположены в трех разделах. Первый из них не озаглавлен, второй называется «Баллады. Басни и сказки», третий – «Мелкие стихотворения или Смесь». В конце на лл. 278-279 имеется оглавление 156 произведений, в которое не вошли тексты из раздела «Мелкие стихотворения или Смесь». Как отмечает современная исследовательница, «судя по бумаге и композиционному расположению литературного материала, составитель в течение ряда лет переписывал произведения полюбившихся ему авторов на отдельных листах бумаги, которая в данный момент имелась под рукой. Впоследствии исписанные листы были объединены, пронумерованы и отданы в переплет» [8, с. 39]. Жанровый принцип расположения материала в сборнике «Мои досуги» во многом повторяет структуру печатных сборников стихотворений ведущих русских поэтов первой четверти XIX века. Так, например, первое собрание стихотворений Жуковского, изданное в 2-х частях в 1815-1816 гг., имело следующие разделы: лирические стихотворения, послания, романсы и песни, смесь, баллады. В прижизненном издании стихотворений Пушкина, напечатанном в 1826 г., были следующие разделы: элегии, разные стихотворения, эпиграммы и надписи, подражания древним, послания, подражания Корану. В целом можно сказать, что сборник «Мои досуги» «является как бы квинтэссенцией литературных интересов своего составителя и отражает круг чтения и духовные запросы владельца, представителя одного из аристократических семейств России» [8, с. 39].

Рассмотрим сочинения Жуковского, представленные в этом сборнике. Всего в нем имеется 5 произведений поэта. Среди них стихотворная повесть «Пери и Ангел», песня «Путешественник», послание «К княгине А.Ю. Оболенской» («Княгиня! Для чего от нас»), басня «Расстройство семейственного согласия», баллада «Рыбак». Повесть «Пери и Ангел» впервые была напечатана в журнале «Сын отечества» в № 20 за 1821 г. с прозаическими примечаниями автора. Текст этой повести в сборнике «Мои досуги» расположен на лл. 13-26 и является точным списком ее первой публикации с примечаниями и подписью: «С английск<ого>. Ж<уковский>. «Пери и Ангел», как известно, представляет собой перевод одной из частей «восточной повести» ирландского романтика Томаса Мура «Лалла Рук» («Lalla Rookh. An oriental Romance»), вышедшей в 1817 г. В ней рассказывается о путешествии дочери правителя Индии Аурангзеба принцессы Лаллы Рук (Тюльпанные Щечки) к ее жениху, бухарскому принцу Алирису. Помимо обрамляющего прозаического текста, повесть включает в себя четыре вставные стихотворные части: «Покровенный пророк Хорассана», «Рай и Пери», «Огнепоклонники», «Свет гарема». «В возвышенных манерах» их рассказы-

вает индийской принцессе «певец Кашмира» поэт Фераморс, в котором в конце путешествия она узнает своего жениха Алириса, переодетого Фераморсом. В 1819 г. повесть Мура была переведена на немецкий язык. Перевод Жуковским второй части этого произведения, озаглавленной им «Пери и Ангел», осуществляется в феврале – марте 1821 г.

Центральное место в поэме занимает образ Пери, крылатого божества древнеиранской мифологии. Однако поэт наделяет этот образ христианскими чертами, что соответствует основной теме поэмы: покаяние и искупление греха как возможность обретения утраченного рая. Она заявлена уже в начале повести. Ср.:

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине; <…>
Но Ангел, страж Эдемской двери,
Ее прискорбную узрел; <…>
И он сказал ей: «Упованье!
Узнай, что небом решено:
Той Пери будет прощено,
Которая ко входу рая
Из дальнего земного края
С достойным даром прилетит» [7, с. 19, 21].

Как отмечает современная исследовательница, в переводе Жуковского сохранены три сюжетные линии поэмы: принесенные к вратам рая капля крови за родину, последний поцелуй двух любящих и, наконец, слезы раскаявшегося грешника. Но в отличие от Мура русский поэт в значительной мере психологизирует образ Пери, акцентируя внимание на пути ее постепенного духовного восхождения [6, с. 407]. Искренняя любовь и сострадание к плачущему грешнику, слезы которого возносит к небесам Пери, открывают перед ней двери рая.

Тема покаяния и милосердия Божия в этой поэме оказывается тесно связана с образом самой Лаллы Рук и поэтической «философией Лаллы Рук» в творчестве Жуковского, передающей «мгновенность и невыразимость прекрасного, предчувствие бесконечного в его земном преломлении, самосозерцание души в момент ее пребывания в «небесном отечестве» [10, с. 201]. Как известно, в русской культуре образ индийской принцессы Лалла Рук ассоциировался с именем великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича, в будущем российской императрицы, которая 15 (27) января 1821 г. в Берлине принимала участие в живых картинах на сюжет этой поэмы. Александра Федоровна выступала в роли Лалла Рук, великий князь – в роли ее жениха Алириса. Отклики на это представление в немецкой и русской литературе положили начало созданию мифологизированного образа Александры Федоровны как живого воплощения Лаллы Рук, как «гения чистой красоты». В творчестве Жуковского образ «гения чистой красоты» воспринимается как посредник между земным и небесным мирами, как идеальное воплощение духовной стороны жизни, сущности прекрасного, как понимание божественной природы поэзии и поэтического искусства. Так формируется в данном сборнике религиозно-философская линия, которая представлена в нем, кроме поэзии Жуковского, одой Державина «Бог», стихотворениями Карамзина «Соломонова мудрость, или Избранные мысли из Экклезиаста», Ф.Н. Глинки «Судьба Наполеона», Рылеева «Смерть Ермака», прозаическим сочинением Сенеки «О смерти. К другу» и др.

Другое произведение Жуковского «Путешественник» без указания имении автора записано на лл. 80-80 об. Впервые оно было опубликовано в журнале «Вестник Европы» в № 4 за 1810 г. Песня Жуковского, как известно, представляет собой вольный перевод стихотворения Шиллера «Der Piligrim» («Пилигрим»). Источником же этого произведения является роман «Путь паломника» английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628-1688), в котором автор в аллегорической форме описывает путь преображения человеческой души, обратившейся к Богу. В песне Жуковского ведущий образ – образ дороги, пути, земного

и духовного странничества лирического героя в поисках спасения. Ср.:

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой –
Вера был вожатый мой [7, I, с. 147].

Если роман Беньяна воспринимается как «аллегория души», иносказательный рассказ о духовном странствии верующего вплоть до его смерти и загробного воздаяния» [4, с. 14], то русский поэт вслед за Шиллером изображает путь пилигрима как «лирическую историю с ярко обозначенным сюжетным планом», как «своеобразную песенную хронику, историю души», которая представлена также в таких его песнях 1811-1812 гг., как «Пловец», «Желание», «Жалоба», Певец», «Элизиум» [14, с. 123]. В этом смысле песня «Путешественник» оказывается тематически созвучна стихотворной повести «Пери и Ангел» и вписывается в религиозно-философскую линию данного сборника как альтернативную его сатирической линии.

Послание Жуковского «К княгине А.Ю. О[боленской]» за подписью «Ж» расположено в сборнике на лл. 147-151. Оно было написано в период с 20 по 27 июля 1820 г. и опубликовано в журнале «Сын отечества» в № 1 за 1822 г. В нем поэт в шутливой форме раскрывает свое представление о семейном счастье, пережив глубокую внутреннюю драму после замужества М.А. Протасовой и неудачного ухаживания за графиней С.А. Самойловой [2, с. 590]. Адресатом послания является Аграфена Юрьевна Оболенская (1789-1829), старшая дочь поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого, с 1809 г. жена князя Александра Петровича Оболенского (1780-1855), участника Отечественной войны 1812 г., калужского губернатора.

Шутливое послание Жуковского А.Ю. Оболенской рождается на пересечении быта и литературы, на взаимопроникновении фактов реальной биографии автора и адресата и традиции «легкой» литературы, связанной, в частности, с мотивом поиска жены, семейного счастья:

Прошу мне спутника найти
Такого, чтоб к жилищу Бога
Была приятна с ним дорога… [7, II, с. 216].

Вместе с тем в послании значимой оказывается столь важная для поэта тема невыразимого, которая получает здесь шутливую интерпретацию и раскрывает внутренние качества будущей жены, какой она видится герою [14, с. 171].

Послание Жуковского в сборнике «Мои досуги» прочитывается в качестве своеобразного пролога к другому сатирическому стихотворению поэта: басне «Расстройка семейственного согласия», записанной на л. 152 об. без подписи. Впервые она была опубликована в журнале «Вестник Европы» в № 17 за 1808 г. Стихотворение Жуковского представляет собой перевод басни французского писателя Франсуа Бенуа Гоффмана (1760-1828) «Le ménage troublé» («Расстроенное домашнее хозяйство»). Как отмечает современный исследователь, «басня Гоффмана привлекла внимание Жуковского самой ситуацией, воссоздающей коловратность бытия, а также динамикой сюжета», что, в отличие от оригинала, сообщает ей не столько социальный, сколько общефилософский смысл [13, с. 527]. Упоминаемый в тексте образ Ноева ковчега, при общей сатирической направленности произведения, акцентирует в нем вместе с завершающей басню моралью религиозно-философский подтекст. Ср.:

Жил муж в согласии с женой,
И в доме их ничто покоя не смущало!
Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной
В таком ладу, какого не бывало
И в самом Ноевом ковчеге никогда! [7, I, с. 128].

Данная басня Жуковского так же, как и многочисленные эпиграммы и басни И.И. Дмитриева, А.Е. Измайлова, А.Н. Нахимова и др., представленные в «Моих досугах», органично вписываются

в сатирическую линию данного сборника, что свидетельствует как об интересе автора к ней, так и, возможно, об его собственном художественном опыте, в частности, находящейся здесь комедии «Старые проказники» (лл. 212-224) с подписью в конце: «Я».

Еще одно произведение Жуковского в этом сборнике – баллада «Рыбак». Она записана на лл. 196 об. – 197, в конце имеется подпись: «Жуковский». Баллада впервые была напечатана в сборнике «Fur wenige. Для немногих» (1818. № 11), а позже была перепечатана в журналах «Сын отечества» (1820. № 36) и «Невский зритель» (1821. № 1). «Рыбак» Жуковского, как известно, является переводом одноименной баллады Гёте «Der Fischer» («Рыбак», 1778). Новизна произведения Жуковского видится в его «ощутимой романтизации, в акценте не на балладном сюжете, а на балладной ситуации, в усилении многозначности и недосказанности, в особой роли песенной интонации, ритмико-синтаксической конструкции, создании сложных метафор («душа полна прохладной тишиной») [3, с. 358]. Ср.:

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак, душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих…
И влажною всплыла главой
Красавица из них [7, III, с. 136].

Центральная тема этой баллады – влияние инфернальных сил на душу человека, притягательность и губительность зла. Данная тема раскрывается через встречу «героя и героини на фоне таинства слияния земли и неба, «привольной глубины» и «знойной тишины», о которых поет русалка» [12, с. 242]. Гибель рыбака в финале стихотворения неотделима от поэтической рефлексии о жизни и смерти, о влиянии стихий на судьбу человека, об эстетической близости пения, человеческой речи и «самозвучащей» субстанции воды.

Итак, можно сказать, что рукописный сборник «Мои досуги» из родовой библиотеки Голицыных является достаточно репрезентативным в плане отражения культурных запросов, досуга и круга чтения русской аристократии первой четверти XIX века. В сборнике представлены главным образом две линии в развитии русской и мировой литературы. Одна из них – религиозно-философская, другая – сатирическая. Обе эти линии «встречаются» в произведениях Державина, Карамзина, Вяземского, Жуковского, находящихся в данном сборнике. В этом смысле можно говорить о том, что существует внутренняя связь между стихотворной повестью поэта «Пери и Ангел», песней «Путешественник», балладой «Рыбак», которые не только вписываются в эту религиозно-философскую линию, но и сообщают ей психологическую достоверность и завершенность. Связующим центром между этими произведениями и сатирическими стихотворениями сборника выступает шутливое послание Жуковского к А.Ю. Оболенской, являющееся образцом «домашней» поэзии, рожденной на пересечении литературного быта и литературы, биографии и художественного творчества. Басня «Расстройка семейственного согласия» принадлежит к сатирической линии сборника, которая заметно усложняется за счет введения в неё Жуковским философских обобщений, религиозных мотивов и образов. В этом смысле сборник «Мои досуги» воспринимается как составная часть русского литературного процесса первой трети XIX и отражает в себе важнейшие тематические, сюжетные, жанровые, повествовательные стратегии развития поэзии и прозы этого периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт внутренней проверки от 30 марта 2016 г. // Архив Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Л. 1.
2. Вётшева Н.Ж. «К княгине А. Ю. Оболенской». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. II. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 590.
3. Вётшева Н.Ж. «Рыбак». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. III. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 356-359.
4. Горбунов А.Н. Путь сквозь тесные врата // Дж. Беньян. Путь паломника (пер. Т. Поповой). М.: Грант, 2001. С. 5-15.
5. Есипова В.А. «Мои досуги» // Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: каталог. Вып. 3. XIX в., первая половина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 80-101.
6. Жилякова Э.М. Жуковский В.А. Пери и Ангел. Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. IV. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 404-414.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, Языки славянских культур, 1999-2019. Т. IV. 638 с.
8. Никитина Л.В. Рукописный литературный сборник первой четверти XIX века из книжного собрания князей Голицыных в фонде НБ ТГУ // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 38-61.
9. Никитина Л.В. Книжное собрание князей Голицыных в Научной библиотеке Томского университета // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск: ГПНТБ, 1996. С. 181-200.
10. Поплавская И.А. Текст «Лалла Рук» в мировой литературе // Антропологическая психология в XXI веке. Проблемы и перспективы: сб. материалов V Сибирского психологического форума. Томск: Издательский Дом Томского государственного ун-та, 2013. С. 200-202.
11. Поплавская И.А. Родовая библиотека князей Голицыных в фондах Научной библиотеки Томского университета и проблема читателя // Нравственные ценности и будущее человечества (1155-летию создания равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием славянской азбуки посвящается…). Материалы XXVIII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2019. С. 41-51.
12. Ходанен Л.А. Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 320 с.
13. Янушкевич А.С. «Расстройка семейственного согласия». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 526-527.
14. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akt vnutrennej proverki ot 30 marta 2016 g. // Arhiv Otdela rukopisej i knizhnyh pamjatnikov Nauchnoj biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. L. 1.
2. Vjotsheva N.Zh. «K knjagine A. Ju. Obolenskoj». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. II. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 590.
3. Vjotsheva N.Zh. «Rybak». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. III. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. S. 356-359.
4. Gorbunov A.N. Put' skvoz' tesnye vrata // Dzh. Ben'jan. Put' palomnika (per. T. Popovoj). M.: Grant, 2001. S. 5-15.
5. Esipova V.A. «Moi dosugi» // Slavjano-russkie rukopisi Nauchnoj biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: katalog. Vyp. 3. XIX v., pervaja polovina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2012. S. 80-101.
6. Zhiljakova Je.M. Zhukovskij V.A. Peri i Angel. Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. IV. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. S. 404-414.
7. Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. M.: Jazyki russkoj kul'tury, Jazyki slavjanskih kul'tur, 1999-2019. T. IV. 638 c.

8. Nikitina L.V. Rukopisnyj literaturnyj sbornik pervoj chetverti XIX veka iz knizhnogo sobranija knjazej Golicynyh v fonde NB TGU // Iz istorii knizhnyh fondov biblioteki Tomskogo universiteta. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1995. S. 38-61.
9. Nikitina L.V. Knizhnoe sobranie knjazej Golicynyh v Nauchnoj biblioteke Tomskogo universiteta // Russkaja kniga v dorevoljucionnoj Sibiri: Arheografija knizhnyh pamjatnikov. Novosibirsk: GPNTB, 1996. S. 181-200.
10. Poplavskaja I.A. Tekst «Lalla Ruk» v mirovoj literature // Antropologicheskaja psihologija v XXI veke. Problemy i perspektivy: sb. materialov V Sibirskogo psihologicheskogo foruma. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo un-ta, 2013. S. 200-202.
11. Poplavskaja I.A. Rodovaja biblioteka knjazej Golicynyh v fondah Nauchnoj biblioteki Tomskogo universiteta i problema chitatelja // Nravstvennye cennosti i budushhee chelovechestva (1155-letiju sozdanija ravnoapostol'nymi brat'jami Kirillom i Mefodiem slavjanskoj azbuki posvjashhaetsja…). Materialy XXVIII Duhovno-istoricheskih chtenij pamjati svjatyh ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodija. Tomsk: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2019. S. 41-51.
12. Hodanen L.A. Mif v tvorchestve russkih romantikov. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000. 320 s.
13. Janushkevich A.S. «Rasstrojka semejstvennogo soglasija». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. I. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 526-527.
14. Janushkevich A.S. V mire Zhukovskogo. M.: Nauka, 2006. 524 s.

Поступила в редакцию 14.10.2020.
Принята к публикации 18.10.2020.

Для цитирования:
Поплавская И.А. Поэзия В.А. Жуковского в рукописном литературном сборнике «Мои досуги» из книжного собрания князей Голицыных в Научной библиотеке ТГУ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 117-124. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/PoplavskayaP.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277217
УДК 82

Поплавская И.А.

Поплавская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный университет. 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Жуковский и Общество любителей российской словесности

Аннотация. В статье предметом изучения становится деятельность Общества любителей российской словесности и участие Жуковского в нем. Опубликованные в трудах Общества произведения поэта сказка «Красный карбункул», идиллия «Овсяный кисель», послание великой княгине Александре Федоровне рассматриваются в контексте других произведений русских авторов 1816-1818 гг. Все сочинения Жуковского, представленные в трудах Общества, рассматриваются как единый текст и отражают этапы его художественной эволюции и эстетики жизнестроительства. Раскрывается история Общества с момента его основания в 1811 г. и его общественная и издательская деятельность в начале XXI века.
Ключевые слова: Общество любителей российской словесности, Московский университет, русская поэзия, Жуковский, сказка, идиллия, стихотворное послание.

Poplavskaya I.A.

Poplavskaya Irina Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University. 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: poplavskaj@rambler.ru.

Zhukovsky and Society of Lovers of Russian Literature

Abstract. The article analyses the activities of the Society of Lovers of Russian Literature and Zhukovsky's participation in it. Zhukovsky's fairy tale «Red Carbuncle», the idyll «Oatmeal Kissel», the message to Grand Duchess Alexandra Feodorovna are examined in the context of other works by Russian authors of 1816–1818. All of Zhukovsky's works published in the proceedings of the Society are viewed as a single text; they reflect the stages of his artistic evolution and aesthetics of life-building. The history of the Society since its foundation in 1811 and its social and publishing activities at the beginning of the 21th century is revealed.
Key words: Society of Lovers of Russian Literature, Moscow University, Russian poetry, Zhukovsky, fairy tale, idyll, poetic message.

Статья написана в рамках проекта РФФИ № 18-012-00113
«В.А. Жуковский в институциональной истории русской литературы»

В истории отечественной литературы и культуры XIX-XX веков важную роль сыграло Общество любителей российской словесности (ОЛРС). Оно было основано в 1811 г. как литературно-научное общество при Императорском Московском университете и просуществовало вплоть до 1930 г. В разное время председателями Общества были поэт и философ А.С. Хомяков (1858-1860), ис-

торик М.П. Погодин (1860-1866), поэт и публицист И.С. Аксаков (1872-1834), лингвист и фольклорист Ф.И. Буслаев (1874-1877), литературовед П.Н. Сакулин (1921-1930) и др. В 1992 г. по инициативе Д.С. Лихачева Общество любителей российской словесности было возрождено. Благодаря деятельности секретаря Общества, известного историка книги Р.Н. Клейменовой под грифом ОЛРС были изданы сборники «Пушкин и ОЛРС» (1999), «Гоголь и ОЛРС» (2005), «Иван Бунин и ОЛРС» (2007), «Лев Толстой и ОЛРС» (2008), «И.С. Тургенев и ОЛРС» (2009). Кроме того, особую ценность представляет фундаментальное исследование под названием «Общество любителей российской словесности. 1811-1930» (2004). В настоящее время деятельность Общества представлена на его официальном сайте [14].

Обратимся к первому десятилетию истории Общества и участию В.А. Жуковского в нем. Первоначальный Устав Общества был утверждён министром просвещения России графом А.К. Разумовским 11 июня 1811 г., с этого времени и начинается его официальная история. В период с 1812 по 1821 гг. Обществом было выпущено 20 сборников под названием «Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете». Самым же заметным явлением в культурной жизни России стал изданный в 1863-1866 гг. при поддержке Общества «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Жуковский стал членом ОЛРС в феврале 1816 г. Об этом сохранились сведения в протоколах Общества. На 15 чрезвычайном заседании, состоявшемся 26 февраля 1816 г., поэт был избран в его действительные члены. На этом же заседании в действительные члены Общества были приняты И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, Н.Ф. Остолопов, А.Е. Измайлов, К.Н. Батюшков, П.П. Свиньин, П.А. Вяземский и др. [8, с. 33]. Среди современников поэта членами Общества были также А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Е.А. Баратынский, Д.В. Давыдов, А.А. Дельвиг, Ф.И. Тютчев, А.Ф. Воейков и др. Следует отметить, что почетными членами Общества являлись не только светские, но и духовные лица. В их числе митрополит Московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782 – 1867). В письме от 10 мая 1818 г., адресованному председателю Общества, он писал: «Да благословятся ревность соединенных любителей отечественной словесности тем вожделенным успехом, чтобы словесность Российская более и более одушевлялась и возвышалась словом истины и жизни и чтобы в цветах ее более и более зарождалось семян отечественных добродетелей» [11, с. 296].

Председателем Общества с момента его основания и до 1826 г. был А.А. Прокопович-Антонский (1762-1848), преподаватель естественной истории, с 1791 г. инспектор Московского университетского Благородного пансиона, в котором с 1797 по 1800 гг. обучался Жуковский. С 1818 по 1826 гг. Прокопович-Антонский был ректором Московского университета. О взаимоотношениях Жуковского и Прокоповича-Антонского свидетельствуют 26 писем поэта к своему пансионскому наставнику и другу, написанных в период с 1814 по 1839 гг.

Первый сборник трудов общества был издан в 1812 г. и состоял из двух частей: «Прозаические сочинения» и «Стихотворения». В первом номере сборника за 1812 г. раздел «Прозаические сочинения» предварялся известной цитатой о русском языке из «Российской грамматики» (1755) М.В. Ломоносова. Ср.: «Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным свои пространством велик пред всеми в Европе. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» [7, с. VIII].

Обратимся к рассмотрению стихотворных произведений и писем Жуковского,

относящихся к его деятельности в ОЛРС. В трудах Общества поэт опубликовал сказку «Красный карбункул» (1817. Ч. IX), идиллию «Овсяный кисель» (1818. Ч. X), послание «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Александре Федоровне на рождение В. Кн. Александра Николаевича» (1818. Ч. XI). Позднее в «Сборнике Общества любителей российской словесности» на 1891 г. были напечатаны «Законы Дружеского литературного общества», собрания которого проводились в Москве в 1801 г., 8 писем Жуковского к Гоголю и письмо поэта к графу А.П. Толстому. В связи со столетием со дня рождения поэта Общество провело 29 января 1893 г. торжественное заседание, посвященное его памяти, а в год пятидесятилетия со дня смерти Жуковского и Гоголя в 1902 г. состоялось публичное собрание с выставкой портретов, книг и вещей, связанных с именами обоих писателей. Как отмечает в этой связи современная исследовательница, «двойной» юбилей Жуковского – Гоголя позволил увидеть в их лице «два взаимодополняющих типа творчества: художественный в случае Гоголя и жизнестроительный в случае Жуковского. Неслучайно, что другим лейтмотивом юбилейных сборников стала синтезирующая роль Жуковского в литературном процессе и литературном быту XIX в.» [2, с. 69-70].

Сказка Жуковского «Красный карбункул», как известно, является переводом стихотворной повести «Der Karfunkel» («Карбункул») немецкого писателя Иоганна Петера Гебеля (1760-1826). Всего поэт перевел восемь произведений из Гебеля. Из них четыре в 1816 г. («Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тленность»), два – в 1818 г. («Утренняя звезда», «Летний вечер»), еще два – в 1831 г. («Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание»). Все эти переводы можно рассматривать как единый текст Гебеля-Жуковского, отражающий не только этапы освоения русским поэтом наследия немецкого поэта, но и характерные моменты его собственной творческой эволюции. Обращение к переводу данного стихотворения Гебеля было во многом связано с двумя эстетическими проблемами: с поэтизацией бытового, обыденного в литературе и использованием для этой цели не героического (гомеровского), а разговорного, сказового гекзаметра [6, с. 402].

Сюжетную основу сказки «Красный карбункул» составляет изображение двух типов семьи – благочестивой, счастливой (дедушка, бабушка, их внуки Луиза, Маргарета, Лотта, Фриц и Энни) и неблагочестивой (Вальтер, Мина). История жизни Вальтера и Мины, о которой рассказывает внукам дедушка, воспринимается как история постепенного нравственного и духовного падения человека. Также эта история может быть прочитана и как сбывающийся наяву страшный сон, увиденный Миной накануне свадьбы, и как трагическая философия судьбы, неотделимая от выбора человека, и как расплата за неспособность его противостоять силам зла. Фольклорно-мифологические основы произведения позволяют говорить об его близости к немецким народным балладам, к поэзии миннезингеров, к распространенному в средневековой литературе жанру шпруха, включающему в себя моральные сентенции и религиозные поучения [6, с. 403]. Не случайно стихотворение оканчивается диалогом бабушки и внучки, в котором ребёнок на метасюжетном уровне раскрывает аллегорический смысл сказки. Ср.:

Тут Луиза промолвила: «Бабушка, кто же боится?

Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?

Я добралася: Бука есть искушение злое.

Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы

Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?

Мальчик в окошечке… кто он? Верный учитель наш, *совесть*.

О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли» [4, IV, с. 19].

Особенностью данного произведения является обращение к образу вымышленного рассказчика-дедушки, который впервые появляется в этом переводе-переложении Жуковского. В дальнейшем в книге «Баллад и повестей» (1831) поэта он приобретает уже структурный характер и вместе с рассказчиками из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя открывает один из трех путей формирования русского эпоса [12, с. 219].

В нарративной структуре этой сказки представлены два типа слова: слово дедушки-рассказчика и слово повествователя, обрамляющее все произведение. При этом слово дедушки не только рассказывает о судьбе Вальтера и Мины, но и само становится предметом изображения со стороны повествователя, то есть воспринимается как слово повествующее и повествуемое одновременно. То же можно сказать и о слове повествователя сказки, которое, если рассматривать его в контексте авторского предисловия об использовании сказового гекзаметра в бытовой поэзии, прочитывается как слово изображающее и изображаемое одновременно. Эта структурная симметрия раскрывает близость точек зрения рассказчика, повествователя и автора в сказке «Красный карбункул», формирует единую систему ценностей, основанную на признании внутренней свободы человека и ответственности за совершаемый им выбор.

В том же номере трудов Общества, где была напечатана сказка Жуковского, были опубликованы такие произведения, как «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» («Утихла брань племен; в пределах отдаленных») [9, с. 25-28] А.С. Пушкина, «Песнь Деворы и Варака» [9, с. 29-41] Мерзлякова, представляющая собой стихотворное переложение 1-31 стихов из пятой главы Книги Судей; басня «Доведь» [9, с. 80] Вяземского; басни «Волк больной и лисица» [9, с. 83-84], «Богач и бедняк» [9, с. 86], «Молодая вдова» [9, с. 86-88] В.Л. Пушкина и др.

В письме к Вяземскому от конца сентября 1817 г. Жуковский сообщает о своем скором приезде из Петербурга в Москву и отправляет ему второй перевод из Гебеля – идиллию «Овсяный кисель». Поэт сообщает: «Я буду в Москве около *десятого октября*. <…> Посылаю тебе *Кисель*» [4, XV, с. 548]. «Овсяный кисель» был прочитан на заседании ОЛРС 29 ноября 1817 г. и опубликован в 1818 г. «Овсяный кисель» является переводом стихотворения «Das Habermus» Гебеля. Идиллия была переведена поэтом в период с сентября до начала ноября 1816 г. и напечатана в 1818 г. одновременно в трех изданиях: в журнале «Fur Wenige. Для немногих» (1818. № 2), в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1818. Ч. X) и в журнале «Сын отечества» (1818. № 11).

Оценивая в целом творчество Гебеля, его новаторство в жанре идиллии и свои переводческие стратегии, Жуковский в письме к А.И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. отмечает: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пиесу под титулом «Овсяный кисель». <…> это перевод из Гебеля <…> Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» [4, XV, с. 499]. В процессе работы над этой идиллией поэт, вслед за Гебелем, сумел «передать характерную для народной концепции мира патриархальность, соотносимость жизни людей и жизни природы, осознание их органического единства». В ней произошло осмысление «символического образа бытия: в обыкновенном и будничном открывалась поэзия жизни» [1, с. 454].

В идиллии «Овсяный кисель» мотив еды, вкушения пищи получает и реальный, и символический, и сакральный смысл. Событие, описывающее быт деревенской семьи, через историю овсяного зерна от его посева до созревания «размыкает» границы природного календарного времени и сливается со временем

сакральным. Словесными центрами воссоединения этих двух миров выступают повторяющиеся обращения бабушки к внукам: «Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй». Благодать Божия, которая становится, по словам поэта, «всеоживляющим чувством», пронизывает не только видимые и невидимые миры, каждого человека, но и «тленную былинку». Ср.:

В поле отец посеял овес и весной заскородил.

Вот Господь Бог сказал: поди домой, не заботься;

Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет. [4, II, с. 34, 35].

Символический план данного произведения связан с семантикой зерна и с присутствием особого «вегетативного» кода. Здесь зерно как самый общий и глубокий из всех растительных символов передает идею непрерывности развития жизни и плодородия [5, с. 369]. Как отмечает современный исследователь, «история растущего колоса как бы фокусирует возможные интерпретации стихотворения» [3, с. 60]. Используя герменевтический подход, идиллию «Овсяный кисель» можно осмыслить в различных контекстах: социальных, исторических, эстетических, религиозных. Так, например, «в эстетическом плане «Овсяный кисель» представляет собой автометаописательное стихотворение: оно о том, как творится, вырастает и преподносится читателям новая поэтическая форма. Образ овсяного киселя может быть истолкован здесь как метафора поэтического слова» [3, с. 61]. На религиозно-символическом уровне прочтения «растущий колос – это и слово Божие, которое проникает в души детей, и Царство Божие, которое наследуют, по словам Христа, дети, и душа человека, созревающая для смертижатвы и другой жизни» [3, с. 66].

В этом смысле «Овсяный кисель» созвучен таким произведениям, опубликованным на страницах данного сборника, как «Песнь Моисея, пред его кончиною, к собранному Израилю» [10, с. 5-14] Мерзлякова, являющаяся стихотворным переложением 1-44 стихов 32 главы из книги Второзаконие; «Подражание псалму 32» [10, с. 15-19] Н.М. Шатрова; отрывок из «Илиады». Поединок Парида и Менелая [10, с. 20-41] Гнедича; отрывок из поэмы «Искусства и наука» [10, с. 54-57] Воейкова, «Безверие» [10, с. 58-61] и «Гробница Анакреона» [10, с. 78-80] А.С. Пушкина, «Утешение добродетели» [10, с. 71-72] и «Гимн красоте» [10, с. 73-74] Шаликова, «Подражание Горацию» [10, с. 75-76], басни «Попугай» [10, с. 87-88], «Гнев Зевеса» [10, с. 89-90] и восточная сказка «Кабуд-путешественник» [10, с. 96-106] В.Л. Пушкина и др.

В этом же сборнике в разделе «Стихотворения» было опубликовано послание Жуковского «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Александре Федоровне на рождение В. Кн. Александра Николаевича». Послание написано в связи с рождением 17 апреля 1818 г. великого князя, впоследствии императора Александра II. Откликом на это событие и стало данное стихотворение, которое создавалось в период с 17 по 20 апреля.

Стихотворение начинается с психологического описания души матери, услышавшей «милый первый крик» новорожденного. Далее центром изображения оказывается «священная младенца колыбель», которая мысленно возникает под «животворящим взглядом» лирического героя и воспринимается как «божественный спасения залог» «воскреснувшей Москвы» и всей России. Затем образ царственного младенца соотносится в сознании лирического героя с героической историей России, с именами Димитрия Донского, князя Пожарского, Михаила Романова, Петра I, Екатерины II, с событиями недавнего прошлого – Отечественной войной 1812 г. Так раскрываются принципы романтического историзма автора, пропущенные сквозь рефлексию лирического героя. И завершается послание вновь обращением к обра-

зу матери-великой княгини, воспитательницы души сына. Ср.:

Теперь, едва проснувшийся душой,
Пред матерью, как будто пред Судьбой,
Беспечно он играет в колыбели <…>
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь – всевидящее око;
В твоей любви – святая благодать [4, II, с. 98].

Архетип матери и младенца, лежащий в основе данного послания, актуализирует семантику святости и мессианского предназначения ребенка. Отсюда закономерно, что в конце произведения лирический герой как будто провидит будущую высокую судьбу новорожденного и предлагает ему соответствующую «программу» деятельности. Ср.:

Да встретит он обильный честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек* [4, II, с. 97-98].

Религиозно-философская проблематика этого послания перекликается с такими произведениями, опубликованными в данном выпуске, как «Глас Божий в громе. Псалом 28. Подражание» [10, с. 10-13] Мерзлякова; подражание 14 [10, с. 14-16] и 81 [10, с. 17-21] псалмам Н.М. Шатрова, «Описание страшного зноя» [10, с. 22-33] из XIII песни «Освобожденного Иерусалима» без указания имени автора; «Пир» [10, с. 63-65] Шаликова, народная сказка «Бедность и труд» [10, с. 78-85] Ф.Н. Глинки и др.

Итак, можно сказать, что активное участие поэта в деятельности ОЛРС пришлось на 1816 по 1818 гг. В частности, о присутствии Жуковского 18 мая 1818 г. на собрании Общества говорится в записке к К.Я. Булгакову от 17 мая 1818 г. Поэт уточняет: «К Пушкиным завтра на вечер мне нельзя. И вот тому причина в печатном документе: завтра собрание той Бесиады, которой я член» [4, XVII, с. 18]. В письме упоминаются писатель и переводчик Алексей Михайлович Пушкин и его жена Елена Григорьевна, с которыми Жуковский был в дружеских отношениях. Шутливое же название Общества «Бесиада» представляет собой, как известно, аллюзию на петербургское литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811-1816).

Как следует из проанализированного материала, ОЛРС не оказало заметного влияния на творчество поэта. Практически в это же время он активно участвует в другом литературном объединении – «Арзамассское общество безвестных людей» (1815-1818). В арзамасской смеховой атмосфере и в его серьезных проектах, в его творческих замыслах, в реформаторских общественно-политических деяниях и в поведенческом тексте его участников «Арзамас выступил как катализатор новой культуры. В его деятельности было заложено будущее. Ведь не случайно молодой Пушкин – дитя «Арзамаса» и его высшее оправдание [13, с. 38-39]. Использование Жуковским сказового гекзаметра в переводах из Гебеля, опубликованных в трудах Общества, шутливого гекзаметра в арзамасских протоколах раскрывали прежде всего эволюцию его жанровой системы: движение от лирики (элегия, песня) и малых лиро-эпических форм (баллада, послание, идиллия) к большим эпическим формам (поэма, стихотворная повесть, быль), формировали особенности его нарративных и переводческих стратегий в период 1810-1830-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзикова И.А. «Овсяный кисель». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 452-457.

2. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XIX века. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016. 468 с.
3. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, Языки славянских культур, 1999-2019. Т. IV. 638 с.
5. Мифы народов мира: в 2 т. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1997. С. 369-371.
6. Поплавская И.А. «Красный карбункул». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 401-404.
7. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1812. Ч. I. 204 с.
8. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Летописи общества. Год II. М.: В университетской типографии, 1817. Ч. VIII. 245 с.
9. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1817. Ч. IX. 224 с.
10. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: В Университетской типографии, 1818. Ч. X. 211 с.
11. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. 346 с.
12. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 524 с.
13. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2015. 752 с.
14. Общество любителей русской словесности // Официальный сайт. URL: http://olrs.ru/.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ajzikova I.A. «Ovsjanyj kisel'». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T.2. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 452-457.
2. Anisimova E.E. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v receptivnom soznanii russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj un-t, 2016. 468 s.
3. Vinickij I.Ju. Dom tolkovatelja: Pojeticheskaja semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 328 s.
4. Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. M.: Jazyki russkoj kul'tury, Jazyki slavjanskih kul'tur, 1999-2019. T. IV. 638 s.
5. Mify narodov mira: v 2 t. M.: «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1997. S. 369-371.
6. Poplavskaja I.A. «Krasnyj karbunkul». Kommentarij // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T. 4. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. S. 401-404.
7. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1812. Ch. I. 204 s.
8. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Letopisi obshhestva. God II. M.: V universitetskoj tipografii, 1817. Ch. VIII. 245 s.
9. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1817. Ch. IH. 224 s.
10. Trudy Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M.: V Universitetskoj tipografii, 1818. Ch. H. 211 s.
11. Slovar' chlenov Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti pri Moskovskom universitete. M.: Pechatnja A. Snegirevoj, 1911. 346 s.
12. Janushkevich A.S. V mire Zhukovskogo. M.: Nauka, 2006. 524 s.

13. Janushkevich A.S. Istorija russkoj literatury pervoj treti XIX veka: uchebnoe posobie. M.: Flinta, Nauka, 2015. 752 s.
14. Obshhestvo ljubitelej russkoj slovesnosti // Oficial'nyj sajt. URL: http://olrs.ru/.

Поступила в редакцию 14.10.2020.
Принята к публикации 18.10.2020.

Для цитирования:
Поплавская И.А. Жуковский и Общество любителей российской словесности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 125-132. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/PoplavskayaJ.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277221
УДК: 811.11

Чубарова Н.А.

Чубарова Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет. 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15. E-mail: natalja.wologda@mail.ru.

Глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева как средство выражения эмоций в немецком языке. Отбор глаголов осуществляется на основе анализа словарных дефиниций. Все глаголы в своем лексикографическом описании имеют конкретную качественно-оценочную характеристику действия, процесса или состояния, т.е. обладают включенным (инкорпорированным) актантом-атрибутом. Глаголы изучаются при помощи семантико-валентностного анализа. В зависимости от валентных свойств они подразделяются на субъектные и объектные. Субъектные глаголы имеют в качестве содержательно и структурно обязательного актанта субъект. Объектные глаголы обладают двумя обязательными актантами – субъектом и объектом. Помимо актантов в статье описываются распространители данных глаголов, имеющие различную семантику.
Ключевые слова: немецкий язык, глагол, валентность, актант, распространитель, атрибут, эмоции, гнев.

Chubarova N.A.

Chubarova Natalia Andreevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vologda State University. 160000, Russia, Vologda, Lenin st., 15. E-mail: natalja.wologda@mail.ru.

The verbs with attribute valence with the meaning of anger

Abstract. The article considers some verbs with attributive valence with the meaning of anger as a means of expressing emotions in the German language. The selection of verbs is based on the analysis of dictionary definitions. All verbs have a specific qualitative and evaluative characteristic of an action, process or state in their lexicographic description: they have an included (incorporated) actant attribute. The verbs are studied using semantic-valence analysis. Depending on the valence properties, they are divided into subject and object types. The subject verbs have a subject as a content and structurally required actant. The object verbs have two required actants – subject and object. In addition to actants, the article describes the circonstants of these verbs that have different semantics.
Key words: the German language, verb, valence, actant, circonstant, attribute, emotions, anger.

В настоящее время эмоции, эмоциональное состояние человека являются объектом изучения многих научных работ. Исследованием в данной сфере первоначально занимались ученые-психологи. Эмоции, согласно известному психологу и философу С.Л. Рубинштейну, являются одной из форм отражения объективной действительности: в эмоциях заключается переживание человеком его отношения к окружающему миру, а также к самому себе [9]. Эмоции, по мнению психолога, автора дифференциальной теории эмоций К.Э. Изарда, мотивируют,

организуют и направляют восприятие, мышление и действие. Эмоция мобилизует энергию, ощущаемую субъектом как тенденцию к действию, руководит, соответственно, его активностью, направляя ее в определенное русло [6, с. 32-33].

Последующие исследования в сфере эмоций стали проводиться не только учеными психологами, но и лингвистами. Лингвистика, по мнению В.И. Шаховского, позже всех признала эмоции предметом своего изучения и из-за отсутствия необходимых знаний долго не могла сформулировать основных исследовательских подходов в данной сфере [11, с. 7]. Изучение эмоций в лингвистике получило широкое распространение. Эмотивностью языковых единиц занимались такие известные ученые-лингвисты как И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев и др. [1-5]. Одной из широко известных лингвистических теорий эмоций является концепция В.И. Шаховского, описывающая категоризацию эмоций в лексико-семантической системе языка. В своих исследованиях автор разграничивает понятие эмоции, относящееся к сфере психологии, и понятие эмотивности, представляющее собой эмоцию, трансформируемую на уровне языка. Соответственно, эмотивность ученый трактует как свойство языка выражать при помощи своих средств эмоциональность как факт психики [10, с. 24].

Выделяют базовые эмоциональные состояния у человека, к которым относят эмоции интереса, радости, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения и страха, а также стыда, смущения (застенчивости) и вины [6, с. 63]. Существует также традиционное деление эмоций на положительные и отрицательные, на позитивные и негативные [6, с. 46-47]. Эмоции гнева, страха и стыда, относят, как правило, к категории отрицательных или негативных. Однако следует отметить, что гнев в некоторых случаях способствует, например, защите личного достоинства и исправлению социальной несправедливости, а страх и стыд являются регуляторами агрессивности, способствующими утверждению социального порядка (там же), поэтому отнесение данных эмоций к разряду отрицательных можно считать достаточно условным.

Одним из средств выражения эмоций в современном немецком языке можно считать некоторые *глаголы с атрибутивной валентностью*, имеющие актант с семантикой признака – атрибут. К таким глаголам можно отнести группу *глаголов внешнего выражения негативных эмоций* со значением гнева: *(sich ärgern, sich empören, sich entrüsten, sich erbosen, sich fuchsen, ärgern, verärgern, erzürnen, erbosen, verdrießen, hochbringen, verschnupfen, vergrätzen, grollen, zürnen, wurmen).*

Эмоция гнева представляется интересной для анализа. Гнев мобилизует силы человека, повышает его чувство уверенности и соответственно усиливает его способность к самозащите [6, с. 254]. В гневе человек ощущает каждый удар сердца, кровь приливает к лицу, все мышцы напряжены и готовы к действию – броситься на обидчика с кулаками, чтобы дать выход этому напряжению [6, с. 50]. К признакам выражения гнева в физическом плане можно также отнести сжимание зубов и губ, расширение и сжимание крыльев носа, затрудненное дыхание, сбивчивость или блокада речи, ритмическое постукивание рукой или ногой, угроза кулаком, плач и т.д. [8, с. 84]. Интересно отметить, что врожденным механизмом проявления гнева является оскал, некоторый показатель готовности броситься на противника и укусить, но достаточно часто люди в гневе, напротив, стискивают зубы и поджимают губы, как будто маскируют данную эмоцию [6, с. 42].

Рассматриваемые глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева отбирались путем анализа словарных дефиниций. Особенностью данных глаголов является наличие в описании конкретной качественно-оценочной характеристики (böse, zornig, wütend, ärgerlich и т.д.) действия, процесса или состояния,

т.е. все рассматриваемые глаголы имеют включенный (инкорпорированный) актант-атрибут, например:

sich erbosen (geh.) – *böse, zornig, wütend werden* [12]*;*

ärgern – *dauernd ärgerlich machen, heftig verstimmen, aufbringen* [12]*;*

sich ärgern – *ärgerlich, verstimmt, aufgebracht sein, werden* [12].

В ходе изучения данных глаголов были проанализированы более 10 произведений художественный литературы, общий объем которых составил примерно 3400 страниц. Изучение данных глаголов осуществлялось при помощи семантико-валентностного анализа. Материалом для исследования послужили более ста пятидесяти примеров, зафиксированных в текстах.

В зависимости от валентных свойств глаголы были разделены на *субъектные*, имеющие субъект в качестве содержательно и структурно обязательного актанта, *и объектные,* обладающие двумя обязательными актантами – субъектом и объектом. Субъектные глаголы представлены глаголами *sich ärgern, sich empören, sich entrüsten, sich erbosen* и *sich fuchsen*. К объектным глаголам относятся глаголы *ärgern, verärgern, erzürnen, erbosen, verdrießen, hochbringen, verschnupfen, vergrätzen, grollen, zürnen* и *wurmen*. Помимо актантов, в статье описываются распространители данных глаголов – необязательные (факультативные) участники ситуации. В зависимости от семантики они подразделяются на распространители времени, места, направления, длительности, причины, цели, условия, следствия, количества, модальности, атрибута, сопутствующий предмета, инструмента или ограничения [7, с. 124].

Субъектные глаголы *sich ärgern* и *sich empören* наиболее часто встречаются в художественной литературе. Глагол *sich ärgern* в значении «злиться, сердиться, раздражаться» употребляется достаточно редко без распространителей, например:

Kurze Zeit darauf spürte ich Stiche in der Herzgegend. Schon in meiner Kindheit waren solche Schmerzen gelegentlich aufgetreten, wenn ich ***mich geärgert*** *oder aufgeregt* ***hatte****, aber ich hatte sie nicht weiter beachtet* [13, с. 40].

Для данного глагола характерно употребление с распространителем причины предметной или абстрактной семантики, например:

Glaser ließ daraufhin auch an jener Tür die Spuren sichern und den Schlüssel konfiszieren. Er ***ärgerte sich über*** *die Eigenmächtigkeit des Kastellans. Die Eichentür blieb unverschlossen, wie gehabt* [14, с. 68-69].

Christa Schanz-Haberberger ***ärgerte sich über*** *den schlafenden Kollegen Peter Meister, weil er ihr damit zwangsläufig seine Aufmerksamkeit entzog* [14, с.173].

Распространитель причины иногда выражен местоименными наречиями (*darüber/worüber)*, связанными с предшествующими высказываниями, например:

Ein Vierteljahr später fand in der Stadt ein Schwimmwettbewerb anlässlich der Eröffnung eines neuen Sportbades statt. Puu konnte schon ausgezeichnet schwimmen, ohne dass er groß dazu angeleitet worden wäre. Da er jedoch zu jung war, durfte er nicht teilnehmen. Wie Mai und Jun im Nachhinein von Puu erfuhren, ***ärgerte*** *er* ***sich*** *darüber* [15, с. 65].

Am Samstag half ich Vater beim Erneuern von Schieferplatten am Haus. Wie üblich durfte ich nur Handlangerarbeiten verrichten, worüber ***ich mich*** *ganz schön* ***ärgerte*** [16, с.108]**.**

Распространитель может быть также выражен придаточным дополнительным предложением или придаточным предложением причины, например:

Nach diesem Ereignis betrat Michael den Festsaal… Die meisten Stühle waren bereits besetzt. Michael nahm in der hintersten Reihe Platz; er ***ärgerte sich****, dass er keinen früheren Zug genommen hatte* [16, с. 19].

Ein Schüler des Meisters hatte hierzu folgende Geschichte erzählt: Er ***ärgerte sich****, weil er durch äußere Umstände wie*

Straßenlärm so leicht in seiner Meditation gestört wurde [16, с. 97].

Глагол *sich empören* в значении «возмущаться» употребляется в большинстве случаев как слова автора для оформления прямой речи, например:

«Von welcher Behauptung sprecht Ihr?», ***empörte sich*** *Martin Waldseemüller* [17, с. 311-312].

«Und dann noch wie der Evangelist Markus», ***empörte sich*** *die Mutter. «Du hast doch nicht mal vor, Priester zu werden?»* [18, с. 70].

Реже употребляется в повествовательных предложениях без прямой речи с распространителями различной семантики, например:

Der lauschende Freund empörte sich *leise* (атрибутивный распространитель) *und kitzelte sie zur Strafe* [18, с. 238].

Konrad hätte dies zu einem anderen Zeitpunkt als anmaßend erachtet und ***sich*** *darüber* (распространитель причины) ***empört****; diesmal schwieg er, weil er froh war, dass sie, ein Nicken andeutend, das Zimmer verließ* [18, с. 98-99].

Субъектный глагол *sich entrüsten*, реже встречаемый в художественной литературе, в значении «возмущаться» аналогично глаголу *sich empören* употребляется как слова автора, например:

«Welch Verlust! Jesus und Maria, wenn du jetzt schon so kämpfst, wie soll das erst mal in zehn Jahren sein, so jung wie du bist!»

«So jung bin ich auch wieder nicht!», ***entrüstete sich*** *Arnac. «Ich werde nächste Woche einundzwanzig!»* [19, с. 312].

Употребление данного глагола с распространителем причины (например, *sich über jemanden, jemandes Verhalten entrüsten*) встречается достаточно редко.

Субъектные глаголы *sich erbosen* и *sich fuchsen* стилистически окрашены, случаи их употребления в художественной литературе не зафиксированы. Согласно примерам, указанным в словаре, для данных глаголов характерно употребление с распространителями причины, например:

sich fuchsen (umg.) *– sich über eine Niederlage fuchsen* [12].

sich erbosen (geh.) *– ich habe mich über dein Verhalten erbost* [12].

Объектные глаголы *ärgern* и *verärgern* встречаются в художественной литературе чаще, чем все остальные рассматриваемые объектные глаголы.

Глагол *ärgern* в значении «злить, раздражать» употребляется достаточно редко без распространителей, например:

Seine Anwesenheit ***ärgerte*** *mich* [12].

Для данного глагола характерно употребление с распространителем, например:

Sie ***hat*** *mich mit ihrer Bemerkung, mit ihrem Verhalten* (распространитель причины) *sehr, bis aufs Blut* (атрибутивный распространитель) ***geärgert*** [12].

Частотны случаи употребления данного глагола с местоимением es в функции коррелята – заместителя подлежащего, указывающего на следующее за основным придаточное предложение, например:

Es ***ärgerte*** *ihn, dass er alles nur so undeutlich sehen konnte. Und es* ***ärgerte*** *ihn, dass er immer noch Zweifel hatte, ob alles nicht nur Einbildung war* [18, с. 180].

Es ***ärgerte*** *mich, dass er nicht kam* [12].

Объектный глагол *verärgern* в значении «сердить, злить, вызывать раздражение» употребляется в большинстве случаев без распространителей, например:

Wir ***dürfen*** *die Kundschaft nicht* ***verärgern*** [12].

Реже встречаются случаи функционирования данного глагола с распространителями, например:

Wollte Lürmann ihn absichtlich (атрибутивный распространитель) ***verärgern****, fragte sich Glaser; vielleicht weil er ihm vorhin die Schuld an seinem unfreiwilligen Bad gegeben hatte? ‹Dabei hat's ihn doch gefreut, dass ich eingesunken bin.›* [14, с. 204]

Mit deiner Unnachgiebigkeit (распространитель причины) ***hast*** *du ihn* ***verärgert*** [12].

Объектные глаголы *erzürnen* в значении «разгневать, вызвать гнев, разозлить» и *erbosen* в значении «злить, сердить» стилистически окрашены (возвышенный стиль), зафиксированы в текстах художественной литературы гораздо реже, чем описанные выше глаголы *ärgern* и *verärgern*. Для данных глаголов характерно употребление как с распространителями, так и без них:

« ... was meinst du, ***haben*** *die Fremden die Andacht gestört und die Ahnen* ***erzürnt****? Wie können die Eltern und mein Bruder dann Frieden finden?»* [20, с.46]

Der Cavalié besaß genug Feingefühl, zu warten, bis der Viguié gegangen war, bevor sich sein Donnerwetter über Fabiou entlud. Dieses fiel dafür umso heftiger aus. Zu Fabious Überraschung war es gar nicht einmal die Tatsache, dass er in ein fremdes Haus eingedrungen war, die seinen Stiefvater so (атрибутивный распространитель) ***erzürnte*** [19, с. 424].

Объектный глагол *verdrießen* возвышенного стиля, имеющий не только значение «сердить, раздражать», но и «огорчать», является редко употребляемым глаголом, например:

Das tat dem Kommissar wohl, einen dieser Akademiker, zudem einen eingebildeten Gecken mit geziertem Gehabe, der Lüge zu überführen. Allein schon der aufgebauschte gelbe Krawattenschal im blütenweißen Hemd stach Glaser ins Auge. Und dass sich sein Gegenüber einen Oberlippenbart stehen ließ, ***verdrießte*** *ihn erst recht, weil sein eigener nicht so gepflegt wirkte* [14, с.106].

Примеры со стилистически окрашенными глаголами *hochbringen, verschnupfen, vergrätzen, grollen, zürnen и wurmen* не зафиксированы в текстах художественной литературы. По данным словаря глаголы *hochbringen (umg.)* и *wurmen (umg.)* употребляются без распространителей, например:

Solche Äußerungen ***bringen*** *ihn* ***hoch*** [12].

Die Niederlage ***wurmt*** *sie* [12].

Для глаголов *verschnupfen (umg.), vergrätzen (landsch. umg.), grollen (geh.) и zürnen (geh.)* характерно функционирование с распространителями, например:

Sie ***hat*** *ihn mit dieser Bemerkung (распространитель причины)* ***vergrätzt*** [12].

Er ***grollt*** *mit seinem Vater (распространитель причины)* [12].

Tagelang (распространитель времени) ***hat*** *sie ihm* ***gezürnt*** [12].

Субъекты (S) изученных глаголов (субъектных и объектных) выражены в большинстве случаев личными местоимениями (58,3% из 100% зафиксированных примеров) и именами собственными (21,6%), например:

„Und wie sieht das Mädchen aus?“ Wollte ich (S) Moni etwa ***ärgern****?* [15, с. 18].

Josef Maria (S) ***empörte sich****: «Was habe ich zu gestehen?»* [18, с.246]

Частотны случаи употребления с существительными предметной семантики (16, 8%). Указательные, относительные и вопросительные местоимения встречаются редко (3,3%).

Объект (O) у объектных глаголов в большинстве случаев выражен также личными местоимениями (65,3%), например:

Tränen stiegen ihr in die Augen, sie kämpfte sie zurück. Es ziemte sich nicht, vor dem Herrn zu weinen, eine Frau hatte die Aufgabe zu gefallen. «Erst ergab es sich nicht, und dann hatte ich Euch (O) ***erzürnt****. Verzeiht dieser Unwürdigen»* [20, с.103].

Объект может быть также выражен существительными предметной семантики (19,4%) и именами собственными (15,3%).

Согласно проведенному исследованию некоторые глаголы с атрибутивной валентностью, а именно глаголы со значением гнева, можно считать средством выражения эмоций в немецком языке. Субъектные глаголы *sich ärgern, sich empören* и объектные глаголы *ärgern, verärgern* наиболее часто встречаются в текстах художественной литературы. Субъектный глагол *sich entrüsten* и объ-

ектные глаголы *erzürnen, erbosen* функционируют значительно реже. Субъектные глаголы *sich erbosen, sich fuchsen* и объектные глаголы *hochbringen, verschnupfen, vergrätzen, grollen, zürnen, wurmen* редко употребляемы. Субъект рассмотренных глаголов выражен в большинстве случаев личными местоимениями и существительными предметной семантики. Объект (у объектных глаголов) – преимущественно личными местоимениями. Среди распространителей данных глаголов чаще встречается распространитель причины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-65.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 383 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 182 с.
5. Васильев Л.М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики // Семантические классы русских глаголов: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 11-14.
6. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
7. Кибардина С.М. Валентность немецкого глагола: дис. … д-ра филол. наук. Вологда, 1988. 580 с.
8. Летягова Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т.В. Летягова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. М.: Флинта; Наука, 2006. 424 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Москва: Питер, 2012. 705 с.
10. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис. 2008. 414 с.
12. Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 5 Aufl. Mannheim, 2003.
13. Kamp C. Farbige Steine. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2002. 139 s.
14. Fröhling S. Bärenzwinger. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 286 s.
15. Kamp C. Paradision. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2004. 173 s.
16. Kamp C. Parkgespräche. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2002. 191 s.
17. Gabriel P. Der Kartograph. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 368 s.
18. Fröhling S. Der zerrissene Rosenkranz. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2005. 317 s.
19. Klink K. Die Kinder des Ketzers. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 1103 s.
20. Gabriel P. Die Konkubine. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2008. 365 s.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 1. S. 37-65.
2. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Flinta: Nauka, 2006. 383 s.
3. Arutjunova N.D. Predlozhenie i ego smysl. M.: Jeditorial URSS, 2000. 352 s.
4. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznachenija jemocij v russkom jazyke. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1989. 182 s.
5. Vasil'ev L.M. Principy semanticheskoj identifikacii glagol'noj leksiki // Semanticheskie klassy russkih glagolov: mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk: UrGU, 1982. S. 11-14.
6. Izard K. Psihologija jemocij. SPb.: Piter, 2002. 464 s.
7. Kibardina S.M. Valentnost' nemeckogo glagola: dis. … d-ra filol. nauk. Vologda, 1988. 580 s.
8. Letjagova T.V. Tysjacha sostojanij dushi: kratkij psihologo-filologicheskij slovar' / T.V. Letjagova, N.N. Romanova, A.V. Filippov. M.: Flinta; Nauka, 2006. 424 s.
9. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. Moskva: Piter, 2012. 705 s.

10. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1987. 190 s.
11. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij: Monografija. M.: Gnozis. 2008. 414 s.
12. Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 5 Aufl. Mannheim, 2003.
13. Kamp C. Farbige Steine. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2002. 139 s.
14. Fröhling S. Bärenzwinger. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 286 s.
15. Kamp C. Paradision. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2004. 173 s.
16. Kamp C. Parkgespräche. Düsseldorf: Books on Demand Gmbh, 2002. 191 s.
17. Gabriel P. Der Kartograph. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 368 s.
18. Fröhling S. Der zerrissene Rosenkranz. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2005. 317 s.
19. Klink K. Die Kinder des Ketzers. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006. 1103 s.
20. Gabriel P. Die Konkubine. Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2008. 365 s.

Поступила в редакцию 15.10.2020.
Принята к публикации 19.10.2020.

Для цитирования:
Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 133-139. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Chubarova.pdf

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4275452
УДК 070

Образцова О.Ю.

Образцова Оксана Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Россия, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17. E-mail: o.obrazcova@narfu.ru.

Феномен русской педагогической журналистики в педагогической культуре и общественно-педагогическом движении России конца XIX – начала XX вв.

Аннотация. В статье анализируется феномен русской педагогической журналистики конца XIX – начала XX в.в. Педагогическая журналистика была своеобразным зеркалом общественно-педагогической жизни, пропагандистом новых идей и подходов. Прогрессивную линию развития педагогической журналистики в этот период определяли несколько неведомственных изданий, в том числе общепедагогические журналы для широкой учительской аудитории «Вестник воспитания» и «Русская школа», выходившие с 1890 по 1917 гг. На основе изучения источников и контент-анализа содержания журналов дана характеристика их публикационной активности, выделены особенности тематики в разные годы и ведущие авторы. Исследованные журналы имели демократический характер, комплексно подходили к анализу проблем воспитания и образования, рассматривали педагогику в контексте других наук о человеке, чутко реагировали на инновационные педагогические идеи, критически подходили к их анализу.
Ключевые слова: педагогическая журналистика, педагогическая мысль в России, история педагогики, общественно-педагогическое движение конец XIX – начало XX вв., реформаторская педагогика.

Obraztsova O.Y.

Obraztsova Oksana Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. 163002, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina Emb. 17. E-mail: o.obrazcova@narfu.ru.

The phenomenon of pedagogical journalism in pedagogical culture and social pedagogical movement in Russia in the end of the XIX – the beginning of the XX century

Abstract. The paper analyzes the Russian pedagogical journalism phenomenon of the late XIX – early XX centuries. Pedagogical journals were a kind of mirror of the social and pedagogical life, a promoter of new ideas and approaches. The progressive line in the pedagogical journalism development during this period was determined by several non-official periodicals, including pedagogical journals for a wide teaching audience, VestnikVospitanya and Russkaya Shkola, published from 1890 to 1917. Based on the study of sources and content analysis of the contents of these periodicals, a characteristic of their publication activity is given, features of the subject matter in different years and leading authors are highlighted. The journals studied had a democratic nature, comprehensively approached the analysis of educational problems, considered pedagogy in the context of other human sciences, reacted sensitively to innovative pedagogical ideas, and critically analyzed them.
Key words: pedagogical journalism, pedagogical ideas in Russia, history of pedagogy, social and pedagogical movement in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, progressive education.

2020 год – юбилейный в истории русской педагогической журналистики. 130 лет назад, в 1890 году, в России начали издаваться два новых педагогических журнала, «Вестник воспитания» и «Русская школа», которые вошли в пятерку неведомственных журналов, задавших прогрессивную линию развития педагогической публицистики конца XIX – начала XX вв.

Педагогическая журналистика стала одним из наиболее значимых и интересных явлений общественно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв. Педагогическая журналистика – не только зеркало общественно-педагогической жизни, но и пропагандист новых идей и подходов, «возмутитель общественного спокойствия», в хорошем смысле. С начала XIX века журнальная публицистика в России была формой существования и движения философских, социальных и педагогических идей; она всегда чутко реагировала на изменения в духовной жизни общества, достаточно полно отражая процесс формирования новых этических, социальных, педагогических ценностей и ориентаций.

В 1916 году в стране выходило 304 педагогических издания (из них 158 в Москве и Петербурге). Ведущую роль в распространении и развитии новых педагогических идей играли неофициальные журналы, не пользовавшиеся материальной, а часто и моральной поддержкой властей («Русская школа», «Вестник воспитания», «Свободное воспитание», «Русский начальный учитель», «Для народного учителя»). Из этой пятерки наибольший интерес для нас представляли журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа»: они имели наиболее продолжительную историю деятельности (1890-1917 гг.), ориентировались не на отдельные категории педагогов, а на все учительство и педагогическую общественность, не придерживались какого-либо одного педагогического течения, имели распространение в различных регионах России.

В нашем исследовании мы опирались на собственные материалы указанных журналов (редакционные и юбилейные статьи, статистика) и архивные источники. Среди них основными стали «Дело об издании в Москве журнала «Вестник воспитания». 1889-1903» (РГИА., Ф. 776., Оп. 8., Д. 586.) и «Дело об издании в Петербурге журнала «Русская школа». 1889-1904» (РГИА., Ф. 776., Оп. 8., Д. 570.).

«Вестник воспитания» (Москва) и «Русская школа» (Санкт-Петербург) бы-

ли основаны в 1890 году, в сложное для общественности России время, когда ничто еще не указывало на возможный всплеск активности либерально-демократического движения. В 1915 году «Русская школа» писал: «Выступать в такое время с новым педагогическим журналом было довольно рискованно, и нужен был достаточный запас веры в важность педагогической работы и твердой надежды на то, что заинтересуются же когда-нибудь господа педагоги педагогическими вопросами, чтобы решиться на это дело» [2]. Тем не менее, уверенность основателей журналов в необходимости своего дела, их широкая культура и образованность, преданность науке способствовали утверждению обоих изданий в общественно-педагогическом движении конца XIX века. Сотрудниками и постоянными авторами журналов стали виднейшие педагоги страны: В. П. Острогорский, Л. Д. Синицкий, К. Н. Вентцель, В. И. Чарнолуский, В. П. Вахтеров, П. Ф. Каптерев, П. Г. Мижуев, А. Я. Острогорский, К. К. Сент-Илер, С. Ф. Знаменский, а также врачи, психологи, писатели и искусствоведы.

Можно выделить два этапа в деятельности «Русской школы» и «Вестника воспитания»: 1890 – 1905(06) гг. и 1905(06) – 1917 гг. Граница двух периодов появляется не только и не столько в связи с началом революционного движения, повлиявшего и на характер деятельности журналов. В 1905 году была отменена предварительная цензура педагогических изданий, публикации стали более открытыми и острыми. Кроме того, «Вестник воспитания» за несколько лет до этого начал переориентацию своей деятельности с родителей и воспитателей на педагогов средней школы и к 1905-1906 гг. существенно расширил программу издания.

Имея много общего в ориентации, отношении к проблемам школы и педагогики, даже в структуре, «Вестник воспитания» и «Русская школа» имели и свои особенности, «свое лицо». Для первого больше подходит определение научно-популярный, для второго – общепедагогический. Оба редактора «Вестника воспитания» были медиками, «Русской школы» – педагогами-практиками. Публикации «Вестника воспитания» затрагивали, в основном, многочисленные аспекты воспитания, а также проблемы наук, близких к педагогике, носили больше теоретический характер, были более острыми. Злободневные материалы журнала неоднократно вызывали недовольство Цензурного комитета: с 1890 по 1904 год между журналом и Московским Цензурным комитетом было зарегистрировано 10 конфликтов (между «Русской школой» и столичным Цензурным комитетом – только 3). Материалы «Русской школы» имели, в основном, практический характер, ведущей была проблема современной школы и ее реформирования. Этот журнал активнее интересовался проблемами обучения и воспитания в зарубежных странах, новинками зарубежной педагогической литературы.

Основателем «Вестника воспитания» был известный врач-гигиенист Егор Арсеньевич Покровский (1834-1895). Сын священника, Покровский отказался от духовной карьеры и окончил медицинский факультет Московского университета. С 1860 года служил ординатором, а затем главным врачом Московской городской детской больницы, являлся членом различных научных обществ, был автором нескольких трудов по физическому развитию и гигиене детей.

Хотя только с 1901 года журнал получил право издаваться по расширенной программе, с самого начала он задумывался как издание, рассматривающее педагогику только в связи с другими науками о человеке. В программном заявлении говорилось, что воспитание должно опираться на знание природы человека, законов ее развития и цели развития, а это возможно при взаимодействии педагогики с психологией, физиологией, этикой, эстетикой и естественно-историческими знаниями. «Вестник вос-

питания» поставил задачу способствовать развитию содружества медицины и педагогики «для блага детского организма» и распространению среди русского общества «разумных сведений о возможно правильном установлении вопросов воспитания в семье и школе, при различных условиях их существования, быта и положения» [5, с. 13]. Журнал поддерживал идею народности воспитания, но все же, наиболее рациональной считал английскую систему воспитания.

В октябре 1895 года скончался Е. А. Покровский, издательство перешло к его детям, но фактически редактировал журнал Н. Ф. Михайлов. Николай Федорович Михайлов имел юридическое и медицинское образование, до 1879 года служил военным врачом. В 1880-е годы был старшим врачом санитарного надзора за городскими училищами Москвы, и получил известность как организатор летних колоний для бедных детей. В 1897 году Михайлов купил издание у семьи Покровских, и в январе 1898 года был официально назначен издателем-редактором. Хотя в Главном Управлении по делам печати нового редактора считали более осторожным, именно он начал преобразование журнала.

В 1900 году Н. Ф. Михайлов подал в Главное Управление прошение о расширении программы журнала. Считая, что «Вестнику воспитания» необходимы статьи не только по педагогике, но и по философии, филологии, истории, искусству и естествознанию, он писал: «...связь педагогики с другими отделами знания, действительно, не подлежит сомнению и многие научные положения не могут быть поэтому выяснены с достаточной полнотой и обстоятельностью в статьях чисто педагогического характера» [6, л.л. 60-61]. Здесь же Михайлов просил о снятии предварительной цензуры с журнала. Последнее прошение не было удовлетворено, но расширить программу журнала было дозволено.

Изменение программы журнала, обращение его к более широкому кругу проблем, привело к формированию нового контингента читателей. Если в первые годы существования «Вестника воспитания» на 48% его подписчиками были родители, то к 1913 году они составляли лишь 10%, а 67% – учителя средних школ и народные учителя. В XX веке издание стало активнее распространяться в регионах – доля провинциальных подписчиков поднялась с 60% в 1890 году до 87% в 1913 году [3, с. 17, 56-57].

В 1915 году, подводя итоги 25-летней деятельности издания, редакция отмечала, что принципами воспитания, которые журнал отстаивал все эти годы, были бесплатность и единство школы на всех ступенях, общеобразовательный, светский характер школы, обучение на родном языке, развитие внешкольного образования для народа [3, с. 37]. Эта позиция соответствовала программе школьных преобразований большинства либеральных и демократических движений и объединений России в начале XX века. Главными темами публикаций в журнале были вопросы социальной и экспериментальной педагогики, передовой школьный опыт, нравственное, эстетическое и половое воспитание, проблемы женского и совместного обучения, высшей школы.

Как было отмечено выше, до 1905 года «Вестник воспитания» работал в условиях предварительной цензуры. Запрещение со стороны Московского Цензурного комитета получали статьи, затрагивавшие проблемы церковно-приходских и земских школ, национальный и религиозный вопросы в школе. В 1902 году была запрещена даже публикация правительственных распоряжений по школе. Запрещалось употреблять имена Дарвина, Уоллеса, Фурье, Оуэна, Маркса, поэтому, как вспоминали позднее сотрудники журнала, «если требовалось, например, привести какую-нибудь выдержку из Маркса, то вместо того, чтобы назвать его по имени, приходилось говорить «один известный немецкий экономист» или что-либо похожее на это» [3, с. 51]. Злободневные материалы «Вестника воспитания»

неоднократно вызывали недовольство Цензурного комитета. Цензор Ю. П. Бартенев отмечал в одном из посланий в Главное Управление по делам печати, что «издание это упорно пытается быть представителем мнений радикальных прогрессистов». А однажды тот же цензор заметил, что он «утомлен упорным желанием г. Михайлова вести свой журнал под прикрытием цензуры в духе прогрессивного радикализма...» [6, л.л. 85, 95-96].

Всего более 700 человек печаталось в «Вестнике воспитания» с 1890 по 1917 гг., причем такие авторы как Н. В. Чехов, Ф. Ф. Эрисман, К. Н. Вентцель, Е. А. Звягинцев, Л. Д. Синицкий, В. П. Вахтеров сотрудничали в журнале практически все годы его деятельности. Интересно отметить, что просветительство и распространение педагогических знаний для «Вестника воспитания» стояли выше доходности издания. Так, еще при Е. А. Покровском было принято решение о скидке на годовую подписку для студентов и малоимущих, с уплатой в два этапа. В 1902 году Н. Ф. Михайлов писал в Главное Управление по делам печати, что деньги подписчиков не перекрывают расходов издания.

Журнал «Русская школа» был основан в Санкт-Петербурге Я. Г. Гуревичем. Яков Григорьевич Гуревич (1842-1906) начинал как учитель истории и географии в гимназии Новгорода. В 1870 году переехал с семьей в Петербург, где вскоре открыл «Гимназию и реальное училища Гуревича». В августе 1889 года он получил разрешение на издание общепедагогического журнала для школы и семьи «Русская школа» по следующей программе: теория и история педагогики, психология и гигиена, училищеведение, биографии педагогических деятелей, школьные воспоминания, критика и библиография, педагогическая хроника и объявления [7]. С 1898 года издание выходило ежемесячно. Я. Г. Гуревич руководил журналом, оставаясь в то же время директором гимназии и реального училища, поэтому с 1900 года его сын Яков взял на себя часть редакторской работы, а после смерти отца в 1906 г. стал редактором журнала.

Центральной темой журнала была проблема обновления российской школы и ее реформы. Здесь в бóльшем количестве, чем в «Вестнике воспитания», публиковались материалы по вопросам организации народного образования, профессионального, дополнительного и внешкольного образования, подготовки и деятельности учителей, дидактике и методике преподавания.

Проблема ребенка, ученика, его взаимоотношений с окружающим миром, в том числе и со школьной средой, была одной из самых важных для «Русской школы». Журнал с особым интересом относился к идеям свободного воспитания, деятельности новаторских школ, внимательно следил за всем новым в области детской психологии. В 1908 году был открыт отдел «Экспериментальная педагогика», который знакомил педагогов с идеями и практическими разработками ведущих представителей экспериментальной педагогики и психологии России и стран Запада. В 1903 году на выставке «Детский мир» в Париже журнал был удостоен золотой медали.

«Русская школа» ставила пред собой не только просветительские цели, свою задачу основатели журнала видели в том, чтобы сформировать в русском обществе положительное и заинтересованное отношение к педагогической науке и образованию. «Педагогика успела сделаться у нас синонимом скуки, чего-то крайне одностороннего, тяжелого, педантичного», – писал в 1890 году Я. Г. Гуревич. Главную причину этого он видел в том, что в России начальная и средняя школа «не носят на себе печати национального характера, не представляют самобытных, органически выросших из народной жизни учреждений, а являются, напротив, сколком немецкой школы... Понятно, что школа наша, как всякая копия, оказывается гораздо слабее и несостоятельнее того образца, по которому она создана, и

что русское общество перенесло свое несочувствие к неприглядным сторонам современной русской школы на педагогику, которая таким образом является как бы прямою виновницей недостатков нашей школы» [1, с. 12-13]. Свою позицию сотрудники журнала сформулировали следующим образом: не разрушая существующей школьной системы (ибо неустойчивость и непоследовательность – худшее бедствие школы), развивать самобытную национальную русскую школу.

Отстаивая национальное начало в воспитании детей, журнал с интересом относился к передовому зарубежному опыту в области школьного дела. За 28 лет деятельности было опубликовано более 180 материалов, посвященных школе и педагогике других стран. В своей деятельности журнал руководствовался принципом творческого восприятия и применения в жизни идей отечественной и зарубежной педагогики, «без догматизма, доктринерства и вещания непререкаемых истин». Главное, считала редакция, это возбудить в педагогах «охоту к личному исканию лучших приемов, если они в этом нуждаются, вселить в них веру в плодотворность подобных исканий, подтверждаемую опытом жизни и деятельности различных людей и учреждений...» [2, с. III].

Именно «Русская школа» и «Вестник воспитания» в начале XX века активно знакомили российского читателя с реформаторским движением в западноевропейской педагогике, анализировали опыт «новых школ» и экспериментальных учебных заведений, рецензировали книги наиболее интересных представителей новой педагогики, критически осмысливая новаторские идеи. Интересно отметить, что наибольший интерес и искреннюю симпатию вызвали две действительно великие педагогические фигуры XX века – Георг Кершенштейнер и Мария Монтессори. В период с 1909 по 1917 гг. каждый их них удостоился нескольких обзорных и аналитических материалов.

На наш взгляд, закономерным результатом интереса педагогических журналов к зарубежному новаторскому опыту стало создание специального отдела. Такой отдел под названием «Новейшие педагогические течения на Западе» был создан в журнале «Русская школа». За четыре года его деятельности здесь было опубликовано 20 статей 14 зарубежных авторов (Л. Гурлитта, Р. Зейделя, А. Герлаха, Ф. Гансберга, Г. Стэнли Холла, Г. Кершенштейнера, А. Ферьера, М. Монтессори и др.) [4].

Редакции и многие сотрудники «Русской школы» и «Вестника воспитания» не приняли Октябрьскую революцию, и в ноябре-декабре 1917 года журналы прекратили существование. Тем не менее, многие их бывшие авторы продолжали публиковаться в 1920-х г.г. – М. М. Рубинштейн, С. А. Левитин, Л. Д. Синицкий, А. Г. Готалов-Готлиб, П. Г. Мижуев, И. И. Скворцов и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич Я.Г. Задачи журнала «Русская школа» // Русская школа. 1890. №1. С. 11-20.
2. Гуревич Я.Я. По поводу 25-летия журнала «Русская школа» // Русская школа. 1915. № 1. С. II-IV.
3. Из истории «Вестника воспитания». (1890-1915): Редакц. ст. // Вестник воспитания. 1915. № 1. С. 8-57.
4. Новейшие педагогические течения на Западе. От редакции // Русская школа. 1914. № 1. С. 119-120.
5. От редакции // Вестник воспитания. 1890. № 1. С. 1-14.
6. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 586.
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 570.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gurevich Ja.G. Zadachi zhurnala «Russkaja shkola» // Russkaja shkola. 1890. №1. S. 11-20.
2. Gurevich Ja.Ja. Po povodu 25-letija zhurnala «Russkaja shkola» // Russkaja shkola. 1915. № 1. S. II-IV.
3. Iz istorii «Vestnika vospitanija». (1890-1915): Redakc. st. // Vestnik vospitanija. 1915. № 1. S. 8-57.
4. Novejshie pedagogicheskie techenija na Zapade. Ot redakcii // Russkaja shkola. 1914. № 1. S. 119-120.
5. Ot redakcii // Vestnik vospitanija. 1890. № 1. S. 1-14.
6. RGIA. F. 776. Op. 8. D. 586.
7. RGIA. F. 776. Op. 8. D. 570.

Поступила в редакцию 18.10.2020.
Принята к публикации 22.10.2020.

Для цитирования:
Образцова О.Ю. Феномен русской педагогической журналистики в педагогической культуре и общественно-педагогическом движении России конца XIX – начала XX вв. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 140-146. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Obraztsova.pdf

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277333
УДК 340.15

Наджафли Г.Д., Эйвазова Н.В.

Наджафли Гюнтекин Джамиль кызы, доктор философии по истории, заведующий отделом «История Карабаха», Национальная академия наук им. А.А. Бакиханова. AZ1073, Азербайджан, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115. E-mail: guntekin.cemil@gmail.com.
Эйвазова Нигяр Вагиф кызы, доктор философии по истории, Национальная академия наук им. А.А. Бакиханова. AZ1073, Азербайджан, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115. E-mail: melissa_99@mail.ru.

Взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики с Кавказскими республиками (в свете немецких архивных документов)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях Кавказских республик. При написании использованы архивные документы, хранящиеся в различных фондах Политического архива Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германии («Politisches Archiv des Auswätrigen Amts»). Опираясь на установленные факты, авторы доказывают, что Кавказские республики стремились сблизиться друг с другом, старались установить политические, экономические и культурные связи, договаривались о взаимопомощи. Особый интерес представляют взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики с Кавказскими республиками. Отношения между этими государствами были скреплены договорами о взаимном сотрудничестве и взаимопомощи. Защищая свою территориальную целостность, идя к сближению друг с другом, они стремились создать общее государство.
Ключевые слова: Азербайджанская Демократическая Республика, Кавказские республики, международная обстановка, дипломатическая борьба, новые архивные документы.

Najafli G.J., Eyvazova N.V.

Najafli Gyuntekin Jamil, Doctor of Historical Sciences, head of the department «History of the Karabakh», National Academy of Sciences named after A.A. Bakikhanov. AZ1073, Azerbaijan, Baku, H. Javid av., 115. E-mail: guntekin.cemil@gmail.com.
Eyvazova Nigar Vagif, Doctor of Historical Sciences, National Academy of Sciences named after A.A. Bakikhanov. AZ1073, Azerbaijan, Baku, H. Javid av., 115. E-mail: melissa_99@mail.ru

The relationship of the Azerbaijan Demokratic Republic with the Caucasian republics (in the light of German archival documents)

Abstract. The article deals with the question of the relationship between the Caucasian republics. When writing, the archival documents were used, stored in various funds of the Political Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Germany («Politisches Archiv des Auswätrigen Amts»). Based on the established facts, the authors prove that the Caucasian republics sought to get closer to each other, to establish political, economic and cultural ties, and to agree on mutual assistance. The relationship of the Azerbaijan Democratic Republic with the Caucasian republics is of particular interest. The relations between these states were sealed by agreements on mutual cooperation and mutual assistance. Defending their territorial integrity, moving towards rapprochement with each other, they strove to create a common state.
Key words: Azerbaijan Democratic Republic, Caucasian republics, international situation, diplomatic struggle, new archival documents.

28 мая 1918 года в тюрко-мусульманском мире в условиях напряженных международных отношений и усиливающихся противоречий была создана Первая республика – Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Азербайджанская Демократическая Республика и другие новообразованные государства на Кавказе, такие как Демократическая республика Грузия, республика Армения (Арарат) и Союз Горцев Северного Кавказа (Горская Республика), сразу же после обретения независимости весной 1918 года, столкнулись с необходимостью установления политических, военных, дипломатических, экономических, финансовых, транспортных, коммуникационных связей, а также неизбежностью урегулирования и углубления взаимовыгодного сотрудничества.

Изучение взаимоотношений Азербайджана с его соседями, сложившихся в 1918-1920 годах, имеет не только научное, но и большое практическое значение. Важен и тот факт, что руководители молодых республик путем переговоров и взаимных уступок решали очень сложные и противоречивые проблемы в интересах своего народа [1, с. 27].

В данной статье представлены документы, хранящиеся в Политическом архиве Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия («Politisches Archiv des Auswärtigen Amts»), в фонде «Russland 97a» в папках: R /11045, R / 11050, R / 11054 R / 11064. Включенные в статью документы охватывают историю не только Азербайджана, но и важный новый этап истории всего Кавказа – международное положение накануне образования государств Кавказа, дипломатические отношения новообразованной Азербайджанской Демократической Республики с соседними государствами, кавказскую политику великих держав, борьбу правительства Азербайджана за государственную независимость. Все это, в свою очередь, имеет беспрецедентное значение для передачи реальной картины нынешнему и будущему поколениям. 12 мая 1918 года генералом Лерснером в Министерство Иностранных дел Германии была отправлена телеграмма, в которой обсуждаются переговоры между Османским государством и Южнокавказским Сеймом. В документе говорится, что «железные дороги Ахалсик и Александрополь-Джульфа были переданы Османскому государству, а Александрополь, Аштарак и Ереван остались в ведении правительства Южного Кавказа» и оккупированная Турцией (Османская армия – Г.Н., Н.Э.) территория Северного Батуми была передана

правительству Южного Кавказа. Наряду с этим, в документе отмечается, что «правительства Турции и Южного Кавказа стремятся к скорейшему заключению мира, надеясь защитить друг друга от большевистской угрозы в этом регионе» [6]. К каждому из созданных в 1918-1920 годах новым государствам на Кавказе, требовался особый подход (modus vivendi). И несмотря на этот нюанс, правительство Азербайджана доказало свою способность устанавливать добрососедские отношения и быть сторонником урегулирования спорных вопросов путем переговоров [4, с. 182]. Когда Азербайджанская Республика была провозглашена независимой, на ее севере уже было создано независимое государство, отделенное от России. Горская республика провозгласила свою независимость 11 мая 1918 года. Ее независимость признали Азербайджан, Грузия и Османская империя. В телеграмме, отправленной главе правительства Горской республики в ноябре 1918 г., генерал Томсон писал, что независимость Горской республики гарантируется до решения Парижской мирной конференции [5, с. 97; 4, с. 121].

Поскольку создание Горской республики считается очень важным фактором безопасности Азербайджана, правительство Азербайджана с первых же дней взяло курс на расширение отношений с этой республикой. Ответное письмо от 26 июня М.Х. Гаджинского из Гянджи Председателю Правительства Горской Республики Абдулу Маджиду Чермоеву о решении текущих вопросов свидетельствовало о желании установить благоприятные отношения с этим государством [4, с. 121]. Азербайджанская Демократическая Республика с момента создания стремилась установить благоприятные отношения со своим северным соседом, Горской республикой, а также оказывать материальную, моральную и политическую помощь народам Северного Кавказа. В этой связи вызывает интерес радиограмма, отправленная 4 июля 1918 г. из Тбилиси (Грузия) адвокатом Корковой в МИД Германии. В документе говорится:

Арслан Герай, принимавший участие в переговорах на Северном Кавказе, поделился со мной следующим:

a) Гейдар Бамматов получил из Стамбула следующие инструкции: Северный Кавказ без иностранной помощи не может защищать свои границы. Если центральному правительству не удастся сберечь целостность Северного Кавказа, они обратятся к Турции, так вооруженная помощь уже была оказана ранее.

b) Между Северным Кавказом и Азербайджаном было подписано соглашение, согласно которому армия и финансы (а также внешняя политика, из за Паши) должны были быть объединены.

c) Азербайджан и Турция подписали соглашение о военной и внешней политике. Это означало официальную турецкую опеку над Азербайджаном и Северным Кавказом, и тем самым Турция имела право вмешиваться в любой конфликт этих государств и с Россией [9].

В документе от 4 декабря 1918 г. содержались сведения германских представительств в Тбилиси (Грузия) Министерству иностранных дел Германии. В них сообщалось о конференции, организованной совместно представителями Азербайджана, Грузии и Горской республики, и отмечалось, что придя к соглашению, они смогли принять важные постановления. Одно из них: «Всестороннее признание независимости друг друга всеми тремя республиками; Всяческая помощь друг другу в защите независимости трех республик; В случае, если эти республики не придут к согласию по вопросу о своих границах, то они должны будут урегулировать вопрос о границе мирным путем посредством предварительно избранных комиссий. Представители этих республик также обещают, что «не подпишут никаких соглашений с четвертым государством, которое могло бы им навредить». Кроме того, эти государства «решили урегулировать экономические отношения, создать специальные

комиссии по таможенным и другим вопросам, установить общую денежную систему и создать одинаковые дорожные, телеграфные и почтовые тарифы» [11]. Правительство республики стремилось установить двусторонние отношения со своим северным соседом, Горской республикой, а также оказать материальную, моральную и политическую помощь народам Северного Кавказа. Другой В документе от 17 июня 1919 года освещены события на Южном Кавказе., отражены вопросы касательно подписания новых таможенных и валютных соглашений между Азербайджаном и Грузией, большой заинтересованности Закаталами и Абхазией – территориями Горской республики, решения представителей Азербайджана, Грузии и Горских республик о создании Новой Кавказской Конфедерации, длительного недопуска представителя Горской Республики Гейдара Баммата в Париж и старания армян найти поддержку со стороны России [12].

Стремясь к признанию своей независимости великими державами, Азербайджанская Демократическая Республика стремилась установить с ними дипломатические отношения. Однако у каждого из этих государств были свои интересы. По этому вопросу вызывает особый интерес документ от 30 марта 1919 года в материалах «Политического архива». В документе говорится, что французы и англичане хотят разделить Ближний Восток согласно своим интересам. Французское главнокомандование пытается захватить территории до Батуми, а англичане овладеть территориями Южного Кавказа, Хамадана и Ирана. И поэтому необходимо решить вопрос мирным путем, установив хорошие отношения с новыми республиками Южного Кавказа [13].

К примеру, после освобождения Баку отношение Германии к Азербайджанской Демократической Республике изменилось в положительную сторону. Правительство Германии уже пыталось установить отношения с Азербайджанской Демократической Республикой. Согласно информации МИД Германии от 22 октября 1918 года, немецкий представитель на Южном Кавказе генерал фон Кресс получил от лейтенанта фон дер Кольца указание защищать интересы немцев в Баку [14; 2, с. 978]. В телеграмме, отправленной генералом фон Крессом в министерство иностранных дел Германии 1 октября 1918 года, содержался список оружия и боеприпасов, запрошенных правительством Азербайджана у Германии, и говорилось, что их цена будет оплачена за счет нефти [13; 3, с. 541]. В телеграмме, отправленной из Тбилиси (Грузия) в Министерство Иностранных Дел Германии 22 октября 1918 года, генерал фон Кресс предложил немецкому командованию, в связи с его возвращением с Кавказа, продать свою военную технику Азербайджану и Грузии.

В ответной телеграмме, отправленной из Берлина 26 октября старшим советником МИД Германии Буше, говорилось, что военный арсенал может быть продан только Грузии. В случае продажи военного арсенала Азербайджану, немцев обвинили бы в том, что они «вооружили татар против армян, а армянам оружие не выдали». Так как, «предоставленное армянам оружие, скорее всего, будет использовано против турецко-мусульманского населения» [16; 3, с. 542]. Среди документов «Политического архива» особый интерес вызывают, составленные представителями МИД Германии на Южном Кавказе, две карты 1918 года, свидетельствующие о фальсификации нашей истории [10]. На этих картах изображена территория Южного Кавказа начала XIX века. И показано, что эти земли принадлежат только татарам (азербайджанские тюрки – Г.Н., Н.Э.) и грузинам. Территория же под названием «Армения» заключенная в скобки, отмечена на территории, принадлежащей Османской империи. Иначе говоря, даже карты, составленные в 1918 году в Германии, одной из ведущих стран Европы, подтверждают отсутствие армянской земли на Южном Кавказе. Судя по всему, из-за совпадения геостратегических интересов, отношения

между Азербайджаном и Грузией, Азербайджаном и Горской республикой успешно развивались. Однако, в отличие от них, отношения с Арменией было установить очень сложно, претензии армян на земли в Азербайджане, их жажда владеть еще большей территорией препятствовали установлению нормальных добрососедских отношений. Документы «Политического архива» свидетельствуют о намерении армянского государства, созданного на азербайджанской земле, и дальше расширять свои границы.

В телеграмме, отправленной в Министерство Иностранных Дел Германии 25 июля 1918 года, говорится, что представители Армении Ахарунян и Хатисов выступали с инициативой о возрождении Свободной Армении и обратились с просьбой, чтобы границы их государства позволили им нормально существовать они отмечают, что в созданную для них республику будут приняты 600 тысяч армянских беженцев. Ахарунян и Хатисов попытались использовать метод, принятый среди наших друзей, который заключался в заселении армян в каждом регионе и на Кавказе. И эти места должны быть отмечены как территории, населенные армянами [7].

Среди документов, выявленных в Политическом архиве, немалый интерес вызывает телеграмма, отправленная из Стамбула 17 июня.1918 года, в которой содержится сообщения Бернсторфа Министерству Иностранных дел Германии. В нем представлена информация о проходящей встрече представителей Османского государства Халил-бека и Насими-бека и о подготовке к Кавказской конференции. В документе отмечено, что: «Тюрки, конечно же, определят границы отдельных стран на этой конференции, и при нашем взаимодействии рассмотреть новый подход к их границам и принять новые государства Кавказа. Я уверяю, что я ничего не знаю по поводу этой конференции, и все вопросы, интересующие вас, вы можете задать Его Величеству, но турецкие господа сослались на предыдущие переговоры. Тем не менее, я подчеркнул важность формирования этнографических границ на основе Брест-Литовского мира. Я считаю, что для достижения мира на Кавказе необходимо разделить христианское и мусульманское население. Турецкие господа вроде бы согласны, но грузины отвергнут это, потому что не хотят попадать под власть армян. Наконец-то, этот неприятный вопрос был решен. Однако господа надеются, что мы не должны соглашаться с русскими, потому что они не хотят создавать союза с Кавказом (имеется в виду новые государства – Г.Н., Н.Э.) и не желают брать на себя никаких обязательств» [8].

Ценность документов «Политического архива» МИД Германии для истории Азербайджана и всего Кавказа в целом заключается в том, что материалы этих документов были предоставлены официальными представителями правительств Германии на Южном Кавказе и в Османской империи и являются достоверными источниками данной проблемы. Эти документы открывают широкие возможности для полноценного изучения различных проблем Азербайджанской Демократической Республики, в том числе политики великих держав на Кавказе. Факты и материалы большинства документов являются важными для исторической науки и требуют нового взгляда на многие проблемы Азербайджанской Демократической Республики, включая историю Кавказа, политику великих держав в отношении Азербайджана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Г.А. Взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики с другими республиками Кавказа // Шелковый путь. №1. Баку, 2018. С. 26-35.

2. Наджафли Г.Д. «Борьба Кавказской исламской армии за спасение Баку» в немецких архивных документах // 100, Первая мировая война, Международный симпозиум. 03-05 ноября 2014 г. Будапешт, Материалы Международной научной конференции. Спец. выпуск. Анкара, 2015. С. 977-994.
3. Наджафли Г.Д., Эйвазова Н.В. Геноцид тюрко-мусульманского населения в Азербайджане и Восточной Анатолии (1914-1920) // Материалы научных работ Института истории Академии наук Азербайджана: III Международная научная конференция N: 56, 57, 58. Спец. выпуск. Баку, 2016. С. 540-546.
4. Насиб-заде Н. Внешняя политика Азербайджана (1918-1920). Баку, 1996.
5. Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. К истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.
6. Politischen Archiv den Auswärtigen Amt. (PAAA), R.11045, Nr: A 20153.
7. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 27038.
8. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 27039.
9. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 28660.
10. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 28660.
11. PAAA, Rußland N:97a, R.11064, Nr: A 2136.
12. PAAA, Rußland N:97a, R. 11064, Nr: A 17623
13. PAAA, Rußland N:97a, R. 11064, Nr: A 10320.
14. PAAA, Rußland N:97a, Sig.11064, Nr. A 44458.
15. PAAA, Rußland №97a, R.11064, Telegramm Tiflis den 25. Oktober 1918. General von Kreß an Auswärtiges Amt.
16. PAAA, Rußland №97a, R.11064, Telegramm Tiflis den 26. Oktober 1918. General von Busshe an Auswärtiges Amt.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aliev G.A. Vzaimootnoshenija Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki s drugimi respublikami Kavkaza // Shelkovyj put'. №1. Baku, 2018. S. 26-35.
2. Nadzhafli G.D. «Bor'ba Kavkazskoj islamskoj armii za spasenie Baku» v nemeckih arhivnyh dokumentah // 100, Pervaja mirovaja vojna, Mezhdunarodnyj simpozium. 03-05 nojabrja 2014 g. Budapesht, Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Spec. vypusk. Ankara, 2015. S. 977-994.
3. Nadzhafli G.D., Jejvazova N.V. Genocid tjurko-musul'manskogo naselenija v Azerbajdzhane i Vostochnoj Anatolii (1914-1920) // Materialy nauchnyh rabot Instituta istorii Akademii nauk Azerbajdzhana: III Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija N: 56, 57, 58. Spec. vypusk. Baku, 2016. S. 540-546.
4. Nasib-zade N. Vneshnjaja politika Azerbajdzhana (1918-1920). Baku, 1996.
5. Raevskij A. Anglijskaja intervencija i musavatskoe pravitel'stvo. K istorii intervencii i kontrrevoljucii v Zakavkaz'e. Baku, 1927.
6. Politischen Archiv den Auswärtigen Amt. (PAAA), R.11045, Nr: A 20153.
7. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 27038.
8. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 27039.
9. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 28660.
10. PAAA, Rußland N:97a, R.11050, Nr: A 28660.
11. PAAA, Rußland N:97a, R.11064, Nr: A 2136.
12. PAAA, Rußland N:97a, R. 11064, Nr: A 17623
13. PAAA, Rußland N:97a, R. 11064, Nr: A 10320.
14. PAAA, Rußland N:97a, Sig.11064, Nr. A 44458.

15. PAAA, Rußland №97a, R.11064, Telegramm Tiflis den 25. Oktober 1918. General von Kreß an Auswärtiges Amt.
16. PAAA, Rußland №97a, R.11064, Telegramm Tiflis den 26. Oktober 1918. General von Busshe an Auswärtiges Amt.

Поступила в редакцию 29.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Наджафли Г.Д., Эйвазова Н.В. Взаимоотношения Азербайджанской Демократической Республики с Кавказскими республиками (в свете немецких архивных документов) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 147-153. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/NajafliEyvazova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277406
УДК 930.2:004.9

Салимгареев М.В.

Салимгареев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет. 420015, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, 68. E-mail: msalimga.dis@mail.ru.

Методологические казусы квантитативного подхода в историческом познании

Аннотация. В статье делается попытка обозначить некоторые аспекты методологических трудностей связанных с междисциплинарным синтезом математических методов и исторического знания. Автор полагает, что раскрытие возникающих связей между различными социальными явлениями и интерпретация исторических фактов производится исследователями не на основе математического моделирования, но по итогу творческой обработки всей совокупности данных в контексте конкретного исторического исследования, а так же от методологических, философских, политических установок, которые разделяет конкретный исследователь. Автор приходит к выводу, что любое использование вычислительных мощностей цифровых технологий задаётся самим исследователем, за ним остается право интерпретации, трактовки, которая составляет важную антропологическую компоненту социо-гуманитарного знания.
Ключевые слова: методология, историческое познание, археология, математические методы, математическое моделирование.

Salimgareev M.V.

Salimgareev Maksim Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan national research technological university. 420015, Russia, Kazan, K. Marksa st., 68. E-mail: msalimga.dis@mail.ru.

Methodological incidents of the quantitative approach in historical knowledge

Abstract. The article attempts to identify some aspects of methodological difficulties associated with the interdisciplinary synthesis of mathematical methods and historical knowledge. The author believes that the disclosure of emerging links between various social phenomena and the interpretation of historical facts is made by researchers not on the basis of mathematical modeling, but as a result of creative processing of the entire set of data in the context of a specific historical study, as well as from methodological, philosophical, and political attitudes shared by a particular researcher. The author comes to the conclusion that any use of the computing power of digital technologies is set by the researcher himself, and he has the right to interpret, interpret, which is an important anthropological component of socio-humanitarian knowledge.
Key words: methodology, historical knowledge, archeology, mathematical methods, mathematical modeling.

На протяжении нескольких последних десятилетий историческое познание переживает фазы интеллектуальной трансформации, обусловленные поиском выхода из кризиса постигшего гуманитарное знание во второй половине XX века. Как отечественная, так и зарубежная историческая мысль стала активно расширять свои методологические горизонты. Одним из актуальных направлений в развитии исторического познания стало обращение последнего к методам математики и информатики [1].

Очевидно, что фундаментальной особенностью исторических знаний является использование сложных форм презентации информации в виде текста, речи, изображения и иных комбинаций как в статике так, и в динамике. Семантическое измерение знаний отражает тот или иной образ-значение, который транслирует обозначаемое в виде разнообразной интегрированной информации. Всякое восприятие, передача, получение, обработка, информации без ее членения на элементарные неделимые части, без измерения строго количественными средствами и приемами возможно лишь посредством неформализованного представления. Поэтому для использования в исторических исследованиях квантитативных методов необходимо осознавать, что всякое гуманитарное знание в своей форме наполнено разными компонентами. В нём много букв, знаков препинания, сокращений. Интеллектуальное пространство истории имеет много непроявленных смысловых значений, их оттенков, нелинейных ассоциативных связей. Кроме того, историческая наука и ее отрасли проявляют себя как сферы казуального, единичного, индивидуализированного как в отношении субъекта действия, так и субъекта понимания, как в любом социальном познании субъект и объект здесь могут совпадать, что вносит в исследование непреодолимые ограничения. К примеру, обнаружение и тем более интерпретация факта обладает известной степенью партийности [2]. Всякий актор исторического познания обусловлен своим личным опытом, образованием, мировоззрением, социальным статусом и другими ограниченностями, и расширениями субъектности. Поэтому, принято считать, что гуманитарные истины носят, как правило, относительный характер, то есть они неполны, изменчивы, требуют своего уточнения, а также особых отличных от естественнонаучных, технических отраслей процедур верификации.

Историческое сознание обладает специфическими свойствами, которые накладывают на применение математических методов определенные ограничения. Не секрет, что объект исторических исследований отличается исключительной специфичностью [4]. В силу комплексности и многосторонности возникающих социальных взаимосвязей найти идеально одинаковые исторические явления большая редкость. Их сопоставление и выравнивание по отношению друг к другу возможно только в результате выделения существенных, общих значений, которые обуславливают их социальную однородность при отбрасывании возникающих несущественных различий. Однако, отсюда возникает необходимость весьма скрупулезной индивидуализированной характеристики всякого анализируемого феномена, каждого объекта возможных математических подсчетов. Максимализация имеющихся данных о любом из объектов начинает противоречить необходимости учета лишь строго определенного перечня имеющихся признаков. Внедрение в исследовании формального описания требует максимального абстрагирования от ряда индивидуальных и неповторимых черт объекта. Соответственно увеличение уникальных объектов исследования, для которых математическая модель не может дать описание приводит к отсеиванию исследовательского материала, что в результате может привести к схематизации и упрощению исторической действительности.

В тоже время среди гуманитарных отраслей имеется такая отрасль как археология, в которой применение математических методов допустимо, поскольку облегчает обработку большого количества эмпирического материала. Эта историческая отрасль рассматривает много данных включающих в себя информацию о разнообразных событиях материальной жизни людей, как сравнительно недавнего прошлого, так и обстоятельств в глубокой древности, до возникновения письменности и письменных источников. Исследователи осуществляют постоянное пополнение и обновление археологического материала. Системная, комплексная обработка последнего дает возможность более точно и детально рассмотреть нюансы истории древних культур и цивилизаций [3]. В этой связи актуальным представляется совершенствование технологии получения археологических данных, что предусматривает более полное извлечение информации из имеющихся источников.

Важным аспектом представляется характеристика археологических объектов в контексте теории информации, где последние представляют собой сложную систему к которой могут быть применимы следующие характеристики: неповторимость, незначительная структурированность, компонентный характер, неоднородность компонентов системы, неопределенность факторов функционирующих в системе, многоуровневая система оценок протекающих процессов, макроразмерность системы.

Использование средств и методов современных информационных технологий облегчает археологам решения сложных научных задач. Это не исключает использование традиционных методов обработки данных, например такие как наблюдение, описание, измерение датировки археологического материала. Часть возникающих научных задач археологической науки решается за счет разнообразных по содержанию, формализованных способов анализа, приводящих к использованию, тех или иных математических, количественных методов. В этом случае необходимо выделять в имеющемся объеме данных те составные элементы, которые можно подвергнуть формализации и интерпретировать в математической форме в виде разнообразных формул, геометрических фигур, чисел. Если взять за методологическую основу количественный анализ для использования формализации в процессе обработки археологического материала, то чтобы обеспечить формам, свойствам и характеристикам археологических объектов качественную определенность, необходимо построить такую базу количественного измерения, которая позволит сопоставлять их различные признаки.

Нам сложно согласиться с мнением, что применение квантитативного подхода в различных отраслях гуманитарного знания непременно должно подводить исследователей к пониманию, что всякие теоретические положения и их практические результаты только тогда могут приобретать наиболее высокую научную значимость, когда полученные на их основе достижения проявляют необходимое единство качества и количества в форме математической модели. В процессе применения формализованных способов работы с археологическими объектами замечена их продуктивность. Однако, всякая математическая модель характеризуется ограниченностью, не гарантирующей полного учета всей массы накопленных археологических данных и не может служить основой для полноценного знания о жизни людей в далёком прошлом. В процессе математического моделирования для анализа имеющейся совокупности археологических объектов имеющиеся данные подвергают оптимизации, упрощению. Из этого следует, что для эффективного анализа материала из всего многообразия признаков и свойств присущих археологическим объектам или процессам используются лишь существенные.

Итогом работы в рамках описываемого междисциплинарного подхода может быть создание определенной упрощенной схемы объекта, которую принято называть математической моделью, именно она в конечном итоге будет фигурировать дальнейшей работе над эмпирическим материалом. Для анализа на основе возникшей модели свойств исследуемых археологических данных в рассмотрение вводятся определенные математические сущности, которые будут в той или иной степени выражать имеющиеся свойства объектов, явлений или процессов. Дабы по своей сути возникшие модели были математическими, им придают числовую или иную количественную форму, называя их параметрами, последними могут быть функции, векторы, матрицы, числа и т.д. [5].

И все же, трудно не принимать во внимание тот факт, что применение квантитативного подхода не ведет к однозначному математическому решению исторических проблем. Раскрытие возникающих связей между различными социальными явлениями, а также интерпретация исторических фактов, как правило, производится исследователями не на основе математического моделирования и анализа, но по итогу творческой обработки всей возможной совокупности данных в контексте конкретного исторического исследования и в зависимости от методологических, философских, политических установок, которые разделяет конкретный исследователь. Любой применяемый математический метод – это не универсальный инструмент, он имеет свои ограниченный диапазон действия. Любое использование вычислительных мощностей цифровых технологий задаётся самим исследователем, за ним остается право интерпретации, трактовки, которая, в конечном счете, составляет важную антропологическую компоненту социо-гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарскова И.М. Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие // Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. С. 63-64.
2. Пичугин А.Б. Судьбы советской археологии как результат «пересмотра» отечественной истории // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2015. № 5. С. 5-10.
3. Пичугин А.Б. Бортничество и земледелие Волжской Булгарии: к истории заимствований в материальной культуре // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 65-67.
4. Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук. 2013. Т. 15. №1. С. 184-195.
5. Натан А.А., Горбачев О.Г., Гуз С.А Математическая статистика: Учебное пособие. М.: МФТИ, 2004. 156 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Garskova I.M. Istoricheskaja informatika i kvantitativnaja istorija: preemstvennost' i vzaimodejstvie // Analiz i modelirovanie social'no-istoricheskih processov. M.: Izdatel'skij dom «Vil'jams», 2006. S. 63-64.
2. Pichugin A.B. Sud'by sovetskoj arheologii kak rezul'tat «peresmotra» otechestvennoj istorii // Gumanitarnye nauki v XXI veke: nauchnyj Internet-zhurnal. 2015. № 5. S. 5-10.
3. Pichugin A.B. Bortnichestvo i zemledelie Volzhskoj Bulgarii: k istorii zaimstvovanij v material'noj kul'ture // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 22. № 3. S. 65-67.

4. Ippolitov G.M. Istoriograficheskij fakt i istoriograficheskij istochnik kak kategorii istoricheskoj nauki: neprostaja dialektika // Izv. Samarskogo nauch. centra Ros. akad. nauk. 2013. T. 15. №1. S. 184-195.
5. Natan A.A., Gorbachev O.G., Guz S.A Matematicheskaja statistika: Uchebnoe posobie. M.: MFTI, 2004. 156 s.

Поступила в редакцию 22.10.2020.
Принята к публикации 26.10.2020.

Для цитирования:
Салимгареев М.В. Методологические казусы квантитативного подхода в историческом познании // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 154-158. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Salimgareev.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277422
УДК 94(47+57)

Сидорчук И.В.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, ассоциированный научный сотрудник, Институт социологии РАН. 190005, Россия, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14. E-mail: chubber@yandex.ru.

Досуг в пространстве городской повседневности Санкт-Петербурга позднеимперского периода (основные характеристики и особенности развития)

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности трансформации досуговых практик населения Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX в. Сделан вывод о том, что столица Российской империи была местом развития и распространения культуры досуга во всех ее многообразных формах. Индустриализация и промышленный рост привели как к появлению большего числа потребителей досуга, так и созданию условий для его коммерциализации. Повседневность заполняли не только привычные формы отдыха и развлечений, но и новые, обязанные своему появлению техническому прогрессу. Заботу власти и гражданского общества вызывали вопросы организации культурных форм досуга, что было связано с устойчивостью популярности девиантных практик. Несмотря на социальные контрасты, связанные как с экономическим, так и с культурным уровнем жителей, можно утверждать, что досуг постепенно все больше демократизировался, становился доступным и массовым.
Ключевые слова: история досуга, история Санкт-Петербурга, история повседневности, историческая урбанистика, общество и власть.

Sidorchuk I.V.

Sidorchuk Ilya Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. Russia, 170026, St. Petersburg, 7-ya Krasnoarmeiskaya st., 25/14. E-mail: chubber@yandex.ru.

Leisure in the space of urban everyday life in St. Petersburg of the late Imperial period (main characteristics and features of development)

Abstract. The article discusses the main features of the transformation of leisure practices of the population of St. Petersburg in the late XIX-early XX centuries. It is concluded that the capital of the Russian Empire was a place of development and dissemination of leisure culture in all its various forms. Industrialization and industrial growth have led both to the emergence of more leisure consumers and to the creation of conditions for its commercialization. Everyday life was filled not only with the usual forms of recreation and entertainment, but also with new ones that owed their appearance to technological progress. The authorities and civil society were concerned about the organization of cultural forms of leisure, which was associated with the steady popularity of deviant practices. Despite the social contrasts associated with both the economic and cultural level of residents, it can be argued that leisure gradually became more and more democratized.

Key words: history of leisure, history of Saint Petersburg, history of everyday life, historical urbanism, society and power.

В настоящее время история досуга является одним из наиболее быстро набирающих популярность направлений в отечественной исторической науке. Причины этого стоит искать в обращении ученого сообщества к неклассическим направлениям в изучении истории – новой культурной истории, истории повседневности, исторической антропологии, микроистории, истории спорта и т.д., которые позволяют по-новому взглянуть на многие привычные сюжеты и скорректировать привычные историографические оценки. Одним из перспективных в этом отношении объектов изучения является городская история.

Начиная с Великих реформ Александра Второго, в Российской империи происходит резкий рост досуговых практик. Это напрямую было связано не только с резким капиталистическим ростом, но и с зарождением гражданского общества в нашей стране. Рассматриваемый в настоящей работе период является переходным, для него были характерны кардинальные социально-политические изменения, ломка традиционных моральных устоев и традиций, смена культурных императивов. Важную роль в этом сыграл переход к индустриальному обществу, технизация повседневности, появление четко разграниченного времени работы и досуга, урбанистический стиль жизни. В связи с вышесказанным, обращение к изучению досуга может способствовать более полному изучению портрета предреволюционного городского российского общества, выявлению его жизненных ориентиров.

Главным центром развития досуговой культуры являлся столичный Санкт-Петербург. Во многом эта роль была уготована ему уже Петром I, уделявшем развлечениям и празднествам не меньшее внимание, нежели государственным делам. Устремленный на Запад, город быстро заимствовал европейские культурные ценности, одновременно не теряя связь с национальными традициями и ценностями. Кроме этого, Петербург был политическим и экономическим центром, что обеспечивало постоянный приток денег, мигрантов (как из-за границы, так и из регионов империи) и востребованность рынка досуговых услуг, начиная от ресторанов и аттракционов и заканчивая элитными клубами и спортивными кружками. Существенную роль в развитии досуга играли различные технические новинки (кино, фотография, электричество, средства транспорта и пр.), и именно Петербург стоял в авангарде этих изменений.

Как и во многих российских городах, в Петербурге рубежа XIX – XX вв. наблюдался бурный рост населения. С 1897 по 1911 г. оно выросло в 1,5 раза. Перспективы более высокого заработка привлекали в него сотни тысяч крестьян, и в 1897 г. в городе было больше 67% пришлого населения, большинство из которых составляли мужчины трудоспособного возраста [2, с. 118, 122]. Городское пространство не было однородным – если рабочие окраины больше напоминали деревни, то центр блистал роскошью и великолепием. Пока вчерашние крестьяне ютились в душных и грязных рабочих общежитиях или съемных комнатах, привилегированные слои в начале XX в. уже имели квартиры в современных домах с электрическим светом и водопроводом. Соответственно и возможности реализации своего свободного времени, а главное его качество, были различны. Социальная многоликость дореволюционного Петербурга определяла практическое отсутствие универсальных форм досуга, охватывавших все городское население. На это влияла и разница в бюджетах времени: например значительному числу рабочих его хватало только на удовлетворение естественных потребностей

(еда, сон и пр.), что лишало их возможности стать активными потребителями различных досуговых практик.

Эти социальные контрасты напрямую отражались на специфике развития как культурных, так и девиантных форм досуга. Так, условия жизни и труда несовершеннолетних рабочих просто-напросто лишали их доступа к культурно-досуговым мероприятиям: владельцы фабрик не уделяли этому вопросу никакого внимания, а у организаторов общественных инициатив обычно не хватало денег [9, с. 177-178]. Это приводило к быстрому распространению пьянства. По воспоминаниям одного петербургского рабочего, с 10-летнего возраста они дежурили у казенки, когда их туда посылали взрослые за водкой, а когда парни подрастали и начинали зарабатывать деньги, то вместе с товарищами покупали водку уже для себя [7, с. 45]. Впрочем, было бы неверным воспринимать пьянство как порок исключительно низших сословий. Об этом, в частности, писал известный журналист и публицист, бытописатель 1860-1870-х гг. В.О. Михневич в своей известной книге «Язвы Петербурга» – одном из лучших источников по истории «темной стороны» жизни Петербурга. Описывая «пьяные» закоулки города, он отмечал: «Все пьяно, и главное, без стеснения и церемоний лезет на глаза, галдит, шумит и дебоширствует, дико бравируя своей хмельной срамотой, от степени искусного сокрытия которой зависит в сущности разница репутации в данном случае высших и низших классов» [4, с. 450].

С пьянством было связано хулиганство, получившее широкое развитие именно среди низших слоев населения. Его рост в предреволюционных городах был непосредственно связан с постоянным притоком неквалифицированной рабочей силы из деревни [10, p. 232; 11]. Для молодых мужчин, неспособных быстро адаптироваться к условиям жизни в большом индустриальном городе, хулиганство становилось как частью процесса классовой самоидентификации, так и следствием сохранения деревенских досуговых практик (кулачные бои и пр.).

Кроме юных рабочих, одним из самых незащищенных слоев столичного общества были женщины работницы. Так же, как и у мужчин, среди них достаточно долго сохранялись крестьянские устои. В досуге это находило отражение в важной роли отмечания праздников, обычно большой дружной компанией. Как подчеркивает О.В. Северцева, культурный уровень петербуржских работниц был весьма низок: большинство из них оставались неграмотными, а умевшие читать предпочитали тратить время на низкопробную бульварную литературу [5, с. 50]. Существенно отличался досуг образованных молодых барышень. Даже в условиях часто скромных финансовых возможностей, практически все курсистки посещали театры и концерты, а также ходили в музеи и картинные галереи [1, с. 33].

Несмотря на подобные контрасты, связанные как и экономическим, так и с культурным уровнем жителей, можно утверждать, что досуг постепенно все больше демократизировался, становился доступным и массовым. По справедливому замечанию И.Б. Хмельницкой, именно на рубеже столетий в России начала зарождаться массовая городская развлекательная культура [6, с. 303]. Кинематограф, танцевальные залы, катки, спорт и многие другие формы досуга подразумевали или, по крайней мере, допускали отход от жестких классовых или статусных границ. Такая массовость привела складыванию индустрии развлечений, тому, что досуг стал «ассоциироваться с потреблением, с потребительским поведением» [3, с. 148]. Росло число увеселительных мест, и на место разорившихся (что случалось часто) быстро приходили другие, не давая возможности заскучать жителю столицы. Появлялось все больше магазинов, чье посещение само по себе было своеобразной формой досуга. Большую роль стала приобретать реклама – витрины магазинов Гостиного двора

освещались с использованием световых эффектов, а знаменитый магазин колониальных товаров торгового товарищества «Братья Елисеевы» привлекал великолепием как фасада, так и интерьеров. При этом коммерция шла навстречу и людям со скромными заработками. Даже ювелиры, включая всемирно известного Карла Фаберже, изготовляли не только элитарные, но и вполне доступные украшения и сувениры.

В рассматриваемый период наблюдался существенный рост культурных форм досуга, которые должны были не только развлекать, но и просвещать, образовывать и воспитывать публику. Например, действовали различные просветительские учреждения: Петербургское общество народных университетов, Фребелевское общество, Общество для распространения коммерческих знаний и др., а также бесплатные библиотеки и читальни. Научно-техническому образованию способствовали многочисленные промышленные выставки, где горожане могли увидеть чудеса технической мысли, которые уже вскоре начнут менять их повседневность. Стал широко популяризироваться спорт, превратившись в весьма модную форму времяпрепровождения с целью сохранения здоровья и поддержания себя в прекрасной форме.

Отличительной чертой Петербурга был его столичный статус. Именно здесь, наряду с Москвой, устраивались наиболее массовые и дорогие празднования важных дат и событий в жизни страны. Учитывая традиционно высокую роль государства в регулировании различных сторон жизни общества в России, развитие досуга невозможно изучать без обращения к вопросу о попытках власти его модерации, упорядочивания и регламентации. В связи с этим, нельзя игнорировать место власти в развитии досуговой культуры, роли досуговых практик в контексте продвижения государственной идеологии. Массовые праздники, приуроченные к юбилейным датам (например, 200-летие основания Санкт-Петербурга, 300-летие Дома Романовых) организовывались не с целью развлечь горожан, а утвердить легитимность действующей власти, повысить ее престиж в глазах подданных, сплотив их вокруг трона [8, с. 101-102; 12]. Одновременно через досуг могли находить выражение и антиправительственные настроения: чтение запрещенной литературы, участие в демонстрациях и сходках и пр.

Таким образом, позднеимперский Санкт-Петербург был местом развития и распространения культуры досуга во всех ее многообразных формах. Индустриализация и промышленный рост привели как к появлению большего числа потребителей досуга, так и созданию условий для его коммерциализации. Повседневность заполняли не только привычные формы отдыха и развлечений, такие как чтение, театр, народные гуляния, игры, но и новые, обязанные своему появлению техническому прогрессу: кино, выставки, слушание граммофонных записей и пр. Заботу власти и гражданского общества вызывали вопросы организации культурных форм досуга, что обычно являлось ответом на устойчивость популярности девиантных практик (пьянство, хулиганство, проституция и пр.). Стоит также отметить сохранявшиеся попытки участия государства в модерации досуга горожан, целью которых было повышение лояльности населения и утверждение верноподданнических настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова А.И. Досуг столичной курсистки в России конца XIX – начала XX веков // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4(30). С. 30-36.
2. Иванова Н.А. Города России // Россия в начале XX века / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. С. 111-136.

3. Малышева С. «Реабилитация праздности»: производство новых значений и смыслов досуга во второй половине XIX – начале XX века // Логос. 2019. Т. 29. № 1(128). С. 147-158.
4. Михневич В.В. Язвы Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб.: Лимбус Пресс, 2003. 779 с.
5. Северцева О.В. Досуг в повседневной жизни работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX - начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 8. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 46-51.
6. Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011. 336 с.
7. Хулиганство и преступление. Сборник статей. Л.: Рабочий суд, 1927. 177 с.
8. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.
9. Шитова О.С. Повседневная жизнь несовершеннолетних рабочих в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Т. 2. СПб., 2018. С. 174-178.
10. Neil B. Weissman Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905-1914 // Slavic Review. 1978. Vol. 37. No. 2. P. 228-240.
11. Neuberger, J. Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press // Slavic Review. 1989. Vol. 48. No. 2. P. 177-194.
12. Wortman R.S. «Invisible threads»: The historical imagery of the Romanov tercentenary // Russian History. 1989. Vol. 16. No. 2/4. P. 389-408.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gromova A.I. Dosug stolichnoj kursistki v Rossii konca XIX – nachala XX vekov // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4(30). S. 30-36.
2. Ivanova N.A. Goroda Rossii // Rossija v nachale XX veka / Pod red. akad. A.N. Jakovleva. M.: Novyj hronograf, 2002. S. 111-136.
3. Malysheva S. «Reabilitacija prazdnosti»: proizvodstvo novyh znachenij i smyslov dosuga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Logos. 2019. T. 29. № 1(128). S. 147-158.
4. Mihnevich V.V. Jazvy Peterburga: opyt istoriko-statisticheskogo issledovanija nravstvennosti stolichnogo naselenija. SPb.: Limbus Press, 2003. 779 s.
5. Severceva O.V. Dosug v povsednevnoj zhizni rabotnic promyshlennyh predprijatij Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. // Stolica i provincii: vzaimootnoshenija centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / Otv. red. V.V. Karpova. Vyp. 8. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. S. 46-51.
6. Hmel'nickaja I.B. Sportivnye obshhestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva. M.: Novyj hronograf, 2011. 336 s.
7. Huliganstvo i prestuplenie. Sbornik statej. L.: Rabochij sud, 1927. 177 s.
8. Cimbaev K.N. Fenomen jubileemanii v rossijskoj obshhestvennoj zhizni konca XIX – nachala XX veka // Voprosy istorii. 2005. № 11. S. 98-108.
9. Shitova O.S. Povsednevnaja zhizn' nesovershennoletnih rabochih v Sankt-Peterburge v konce XIX – nachale XX v. // Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. T. 2. SPb., 2018. S. 174-178.
10. Neil B. Weissman Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905-1914 // Slavic Review. 1978. Vol. 37. No. 2. P. 228-240.
11. Neuberger, J. Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press // Slavic Review. 1989. Vol. 48. No. 2. P. 177-194.

12. Wortman R.S. «Invisible threads»: The historical imagery of the Romanov tercentenary // Russian History. 1989. Vol. 16. No. 2/4. P. 389-408.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Сидорчук И.В. Досуг в пространстве городской повседневности Санкт-Петербурга позднеимперского периода (основные характеристики и особенности развития) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 159-164. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Sidorchuk.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277487
УДК 94+322+ 323.1

Якупов Р.А. Якупова Д.В.

Якупов Роман Александрович, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет. 440026, Россия, Пенза, Красная ул., 40. E-mail: penza.pr58@mail.ru.
Якупова Дарья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет. 440026, Россия, Пенза, Красная ул., 40. E-mail: bubnova90@mail.ru.

Этноконфессиональный вопрос в СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в оценках ЦРУ

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступает поиск причинно-следственной связи между религиозной активностью населения Советского Союза и мобилизацией этнических меньшинств за самоопределение и независимость, состоявшейся на фоне глобальных социально-политических изменений и старта информационной революции. Теоретико-методологические основы исследования базируются на междисциплинарном синтезе в рамках парадигмы системных исследований. Авторы приходят к заключению, что этнополитические просчеты власти на территориях с компактным проживанием мусульманского населения и католиков активизировали рост антисоветских настроений, а к концу 1980-х гг. послужили мобилизационной основой революций за суверенитет.
Ключевые слова: этничность, ислам, модернизация, СССР, христианство, информационная революция, конфессиональная политика, нация, национализм, этническая мобилизация.

Yakupov R.A., Yakupova D.V.

Yakupov Roman Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Penza State University. 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: penza.pr58@mail.ru.
Yakupova Daria Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Penza State University. 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: bubnova90@mail.ru.

Ethno-confessional issue in the Soviet Union in the second half of the 1970s – early 1980s in estimates CIA

Abstract. The subject of this research is the search for a cause-and-effect relationship between the religious activity of the population of the Soviet Union and the mobilization of ethnic minorities for self-determination and independence, which took place against the background of global socio-political changes and the start of the information revolution. The theoretical and methodological foundations of the research are based on an interdisciplinary synthesis within the paradigm of systems research. The authors conclude that the ethnopolitical miscalculations of the authorities in territories with a compact population of Muslims and Catholics intensified the growth of anti-Soviet sentiment, and by the end of the 1980s served as a mobilization basis for revolutions for sovereignty.
Key words: ethicality, Islam, modernization, Soviet Union, Christianity, information revolution, denominational politics, nation, nationalism, ethnic mobilization

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00261 «Социально-политическое развитие СССР в конце 1970-х–1991 г. в аналитических обзорах Центрального разведывательного управления».

Одним из важных аспектов социально-политического развития СССР и России выступает этноконфессиональный фактор. Взаимосвязи процессов модернизации и этнополитического развития постсоветской России посвящено солидное количество статей (Р.Г. Абдулатипов, В.Ю. Зорин, В.В. Амелин, К.В. Калинина, В.Н. Лысенко, В.А. Михайлов, Л.В. Хоперская, А.А. Чичановский и др.). С методологических позиций предмет исследования освещали зарубежные (W.K. Deutsch, T. Eriksen, W. Schnee, J. Armstrong, A. Беннигсен и др.) и отечественные ученые (Г.П. Федотов, С.В. Соколовский, А. Миллер, Л. Перепелкин, О. Шкаратау, Г.И. Марченко, Э. Геллнер и др.) [1, 4, 6, 7, 10, 27, 28, 31, 33, 36, 42]. Вместе с тем отметим, что контент данных работ ориентирован на сопереживании распада СССР и кризиса идентичности. Периодизация работ концентрируется на конце 1980-х – начале 1990-х, хотя очевидно, что очаги этнической напряженности возникли значительно раньше и по целому ряду причин. Деконструирование этнической части от религиозной вообще стало обществоведческим мейнстримом [38]. Вместе с тем, попытки объективизации изучения этноконфессионального вопроса в единстве, в том числе через сопоставление взглядов зарубежных политических оппонентов с реакцией советского руководства на данные события практически не предпринимались.

В советской конституции 1977 года институты атеистической пропаганды и свободы совести закреплялись одновременно, что само по себе не отвечало вызовам времени, обостряло неоднозначно решенный в советском обществе национальный вопрос в развитии народностей и территорий СССР. Зарубежные аналитики считали, что для большинства советских верующих граждан «религия не считалась инакомыслием, а во многом выступала альтернативным источником инакомыслия» [34]. В разведдокладах ЦРУ религия в СССР описывалась как «наиболее распространенное проявление неприятия официальных ценностей атеистического советского режима, не представлявшее угрозы режиму» [34]. Из-за большого количества запретов, большинство верующих в СССР были членами зарегистрированных и «официальных» церквей. Именно поэтому государственная политика СССР в отношении религиозных объединений основывалась в первую очередь на упорядочивании и фиксации действующих и вновь выявленных организаций, недопущения проникновения экстремистских идей в религиозные культы.

В целом, к 1 января 1983 года в СССР действовали 15,5 тыс. религиозных объединений, из которых только 12243 были зарегистрированы. По стране сеть действующих религиозных объединений за год (1981–1982) сократилась на 162 единицы. Определенные изменения произошли и в религиозной обрядности. В 1982 г. было совершено 791 683 крещения, что на 4,9% меньше по сравнению с 1981 годом.

Особое внимание уделялось упорядочению сети религиозных объединений, состоящих из верующих немецкой национальности. В 1982 году только в Казахской и Таджикской ССР и РСФСР были выявлены более 150 таких обществ и групп. Во многих местах была «парализована» активная деятельность так называемых «сектантских экстремистов», особенно из числа сторонников Союза церквей евангельских христиан-баптистов, крайних меннонитов (протестантская деноминация), пятидесятников и «Свидетели Иеговы» [11, л. 30].

В то же время советский режим активно сохранял господствующий статус Русской православной церкви. По мнению ЦРУ, советские власти предоставляли ей «привилегии (больше литературы и церковных зданий), стремясь отвлечь верующих от церквей, связанных с антисоветским национализмом» [34]. К тому же использование института православной церкви для пропаганды свободы совести

в стране и на международной арене стало ко второй половине 1970-х годов новым направлением публичной дипломатии СССР на волне разрядки. Православные институты выступили основой движения за мир и снижение геополитической напряженности, одновременно позиционируя положительный образ религиозной политики СССР.

В ЦК КПСС докладывалось, что православное духовенство, за некоторым исключением, являлось лояльным, активно поддерживало внутреннюю и внешнюю политику СССР. Вместе с тем фиксировались экстремистские проявления со стороны отдельных лиц, особенно из числа сторонников прекратившего свою деятельность так называемого «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР», руководители которого были привлечены к ответственности» [11, л. 31].

Сокращение последователей православной религии, вызванное снижением доли славянского населения, приводило к тому, что в сфере православной церкви только за 1982 год были сняты с регистрации 24 объединения, главным образом в сельской местности, как распавшиеся. Прекращена деятельность 11 церквей, функционировавших без регистрации. С 1976 по 1982 годы сеть действующих зарегистрированных церквей уменьшилась на 67 единиц. К 1983 году Московская патриархия располагала 6870 храмами и молитвенными домами. Без регистрации продолжали действовать 105 православных обществ, в основном на Украине. Параллельно шло, хотя и незначительное, снижение основной религиозной обрядности. За пять лет к 1982 году крещения снизились с 15,9% до 14,61% по отношению к новорожденным, венчания с 1,59 до 1,52% к числу браков; отпевания очные с 10,54% до 9,66% и заочные – с 29,69% до 29,1% по отношению к количеству смертей [11, л. 31].

Встраивание православной церкви во внешнюю политику получило для руководства СССР и обратный эффект. Возможности симметричного ответа на советскую церковную пропаганду были только у католической церкви, давно ставшей предметом мониторинга конфессиональной ситуации в Советском Союзе. К 1 января 1983 года Римско-католическая церковь насчитывала 1053 объединения. Большинство (39,8%) католических приходов были сосредоточены в Литовской ССР, более 15% – в Латвийской ССР, 9,7% – в Белорусской, 9,3% – в Украинской ССР [11, л. 34].

Отчеты, сохранившиеся в российских архивах, указывают на то, что несмотря на стабилизацию в деятельности католической конфессии, религиозная обрядность с 1978 по 1983 годы несколько сократилась. Попытки «выталкивания» католической религии из обихода советского режима привели к росту числа «неофициальных» служений. В итоге на 1 января 1983 года в РКЦ насчитывалось всего 926 служителей культа, а почти половина ксендзов (Ksiądz) были старше 60 лет. В Литве, например, постоянных ксендзов не имели 139 костелов из 630. Из-за нехватки кадров служителей культа возрастала роль «апостолата мирян», имела место подпольная подготовка ксёндзов из числа экстремистки настроенных лиц в Литве [11, л. 35].

Религиозная активность католической церкви традиционно настораживала советский режим по нескольким причинам. Во-первых, во многих западных областях СССР католическая религия усиливала антисоветский национализм, выступала моментом единства ряда этносов, пропагандировала католическую социальную доктрину [24, л. 101-105]. Во-вторых, католицизм открывал двери для инструментов внешнего влияния [35]. Нельзя забывать и тот факт, что в западной традиции присутствует принцип построения политических партий по религиозному признаку. Требования о создании «своих» партий неоднократно встречались у различных течений за самоопределение национальных республик [34].

Религиозные объединения католиков зачастую перерастали в общественные

движения. Так, 13 ноября 1978 года в Литве пятью католическими ксендзами был создан Католический комитет защиты прав верующих, который направил ряд писем с конкретными требованиями в советские государственные органы, а также высоко оценил избрание кардинала Войтылы на папский престол и приветствовал его слова из речи 5 ноября 1978 в Ассизи: «молчащая церковь» более не молчит: она говорит устами папы» [34]. Кроме того, накануне выборов в Верховный Совет в СССР 4 марта 1979 года в Литве организовалась группа аналогичная московской «Выборы-79», которая выдвинула своим кандидатом в депутаты органиста собора св. Петра и Павла в Вильнюсе Эгмонтаса Мешкаускаса.

Коммуникации в форме радиовещания способствовали тому, что Римско-католическая церковь в Советском Союзе стала испытывать влияние идеологической и политической деятельности Ватикана, которым предпринимались меры по укреплению организационного единства католической церкви в СССР, внутрицерковной дисциплины и активизации религиозной жизни. Об этом свидетельствовала проведенная в 1982 году реорганизация Коллегии ординариев в Литве в Национальную епископскую конференцию, возведение в сан кардинала латвийского епископа Вайводса и стремление внести элементы иерархичности в жизнь католических обществ Белоруссии и Украины. Без согласия советских органов власти несколько ксёндзов были назначены деканами генерального викария в Белорусской ССР [11, л. 34]. К этому времени уже явно обозначилась активная реакционная деятельность католической церкви и использование ее ресурсов для собраний и работы с молодежью, о чем часто информировало КГБ [12].

ЦРУ так же докладывало об активизации католических общин в СССР. Отмечалось, что «в Украине полусекретная и нелегальная католическая церковная организация имела до 250 священников, проводящих службы в подполье» [34]. Именно в западных областях СССР отмечался рост числа самиздатовской литературы, которую издавали религиозные объединения. Так, «Хроника Литовской Католической Церкви», впервые появившаяся в 1972 году, оставалась в то время одним из самых энергичных самиздатовских журналов в стране [34].

Отечественные архивные сведения подтверждают обстановку в этой части Советского Союза в изучаемый период. Советское руководство было обеспокоено тем, что в западных областях Украины проживали около 900 униатов (священников и монахов), которые действовали в нарушение законодательства о культах, совершая богослужения в «домашних церквях», при этом захватывали снятые с регистрации церкви [11, л. 31-32].

Идейно-политический аспект католической церкви был предметом постоянного мониторинга советских властей. Так, в Литве и западной Украине, где большинство населения были католиками, церковь исторически была связана со стремлением к независимости. Избрание славянского Папы Римского послужило стимулом к религиозной деятельности на западных окраинах СССР, а визит Иоанна Павла II в Польшу в 1983 году стал настоящим испытанием для государственных органов СССР, ответственных за поддержание общественного порядка и мониторинг религиозной деятельности. Широкое освещение поездки по зарубежному радио и телевидению, вещание которых охватывало западные территории СССР, способствовало активизации религиозной деятельности католических общин на местах [14, л. 47]. Органами госбезопасности сообщалось, что отдельными лицами предпринимались попытки использовать визит Папы Римского для разжигания религиозного фанатизма среди католиков, организуя соответствующую миссионерскую работу [14, л. 48].

Ситуацию отягчало и то, что религиозный экстремизм наиболее ярко проявлялся именно в Литовской ССР, где определенные круги провоцировали ве-

рующих и служителей культа на борьбу за отмену законодательства о культах, предоставление церкви ничем не ограниченной свободы действий, возможности обучения детей религии, издания массовыми тиражами религиозной литературы, допуска к средствам массовой информации для пропаганды религии [11, л. 35]. Национально-конфессиональный вопрос в Литовской ССР перманентно выносился на рассмотрение в ЦК КПСС.

Американская разведка сообщала о попытках политической борьбы в католической Литве на фоне религиозных запретов советского режима. В частности докладывалось о том, что «в Литве Комитет по защите прав верующих католиков активно ходатайствовал о прекращении репрессивного законодательства против религии» [34]. В отчете Совета по делам религий СССР упоминается письменное обращение в органы советской власти в ноябре 1982 года от «многочисленной группы служителей культа – последователей так называемого Комитета защиты прав верующих католиков – с требованием равноправного партнерства церкви с государством, прекращения атеистической пропаганды и изменения законодательства о культах в пользу церкви» [11, л. 35]. Данные обращения стали частью борьбы литовского этноса за самоопределение. ЦРУ докладывало, что аналогичное обращение состоялось и в 1983 году, когда «99 литовских священников направили генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову письмо в защиту двух арестованных священников-диссидентов». За этим письмом последовала петиция с призывом освободить священников, которую подписали 123 тыс. литовцев [34].

Выявлялось органами КГБ и влияние соседней Польши на деятельность реакционного католического клира в Чехословакии [15, л. 12-14]. Один из первых таких эпизодов был зафиксирован еще в 1967 году – накануне событий Пражской весны [16].

Религиозная обрядность во многих нетрадиционных для СССР конфессиях в изучаемый период также несколько сокращалась, а в некоторых – оставалась на прежнем уровне. Так, за год число крещений в обществах христиан-баптистов снизилось с 7422 до 7273, Адвентистов седьмого дня – с 1057 до 1016, евангельско-лютеранской церкви – с 4241 до 4139, меннонитов – с 220 до 174. В протестантской церкви без регистрации действовали около 2500 групп. Уклонялись от регистрации большинство объединений пятидесятников (652), сторонники Совета церквей (около 500), группы «Свидетели Иеговы» (около 400) [19, л. 33-34].

Американские аналитики отмечали, что «многие незарегистрированные протестантские «секты» (баптисты и пятидесятники) привлекали в СССР большое количество населения по всей стране, а тысячи пятидесятников продолжали обращаться за эмиграционными визами, несмотря на абсолютный отказ режима предоставить их. При содействии некоторых зарегистрированных баптистских конгрегаций неофициальные баптисты издавали три самиздатовских журнала, один из которых выходил тиражом в тысячу экземпляров ежемесячно» [35]. Отметим, что часть самиздатовской литературы, публикуемой неофициальными церквями, носила чисто религиозный характер, другая более политизирована и была посвящена правам человека, жертвам войны в Афганистане и т.д.

Сдерживание в СССР приверженности населения к католическим и нетрадиционным культам ко второй половине 1970-х годов сменилось новым направлением госполитики – необходимостью упорядочивания сети исламских религиозных объединений. Если повсеместный госконтроль христианских течений находился в русле «торможения» развития католицизма идущего с запада, то исламская религия в поле зрения государства стала попадать после того как завершилась реальная оценка ситуации на местах по итогам всесоюзной переписи населе-

ния. В период с 1970 по 1979 год средний прирост населения среди мусульманских районов СССР составил 22%, а среди русских – 6,5% [44]. При этом родным русский язык назвали лишь 16,3 млн человек, проживающих в национальных регионах, что в целом разрушало иллюзию полувековой языковой ассимиляции [8, с. 26-27]. Только в Северо-Кавказском регионе за 10 лет к 1979 году население увеличилось более чем на 1 млн человек [9, с. 253].

По итогам изучения переписи населения 1979 года в Советском Союзе ученые насчитывали 43,4 млн мусульман [38, p. 3]. В докладах ЦРУ 1984 года фигурирует цифра уже о «47 миллионах мусульман Советского Союза (около 18% населения)» [44]. Аналитики из Лэнгли в своих выводах отмечали, что «СССР была многонациональной империей с вечной проблемой отношений между доминирующей этнической группой (славянами), которые составляли только 52% всего населения, и народами, находящимися под советским господством. При этом он был решен не лучше, чем в Австро-Венгерской или в Османской империях» [44].

Подсчеты духовных ресурсов в среде мусульманского населения показывали колоссальное расхождение между официальной статистикой и реальной ситуацией. К примеру, в Курган-Тюбинской области Таджикской ССР, где на бумаге числились две зарегистрированные мечети, в ходе мониторинга были выявлены 70 культовых зданий, «построенных верующими под видом чайхан путем захвата колхозных и совхозных земель» [11, л. 39]. Постановлением ЦК КПСС поручалось узаконить построенные мечети, однако на местах в политике были перегибы. Так, вместо регистрации местные власти, ссылаясь на постановление Совета по делам религий, попросту отнимали мечети, что порождало негативные настроения к власти среди верующих. В итоге за 5 лет (1979–1983) удалось зарегистрировать лишь 57 мусульманских религиозных объединений. Это давало повод части духовенства широко распространять слухи об «ущемлении прав» народов Советского Востока [11, л. 40].

Рост числа незаконного строительства мечетей и численности неславянского населении на азиатских территориях СССР вкупе с началом войны в Афганистане способствовали расширению мониторинга активности исламских религиозных объединений. Отметим, что по признанию Совета по делам религий СССР, деятельность мусульманского культа была наименее исследована и упорядочена советскими госструктурами. В Союзе на законных основаниях к 1982 году действовали всего 374 мусульманских религиозных объединения и около 1000 служителей культа. В десятках тысяч населенных пунктах вся религиозно-обрядовая практика находилась в руках незарегистрированных мулл [11, л. 37]. Выявление ячеек салафизма и суфизма стали новым вызовом советскому режиму в деле этноконфессиональной политики конца 1970-х – 1980-х гг., а вместе с тем, послужили дополнительной основой в решении вопроса о сроках пребывания контингента советских войск в Афганистане [5; 30]. Отметим, что ни салафизм, ни суфизм в изучаемый период не получили широкую поддержку в Татарской и Башкирской АССР, вступая в противоречие с местными этнокультурными обычаями и нормами традиционного для Поволжья ханафитского мазхаба суннитской канонической правовой школы.

В СССР начали осознавать потенциальную опасность, которую мог в себе нести ислам, после того как в 1978-1979 годах, были проведены первые исследования по религиозной социологии в Средней Азии и на Кавказе. В ЦРУ отмечали, что «после 60 лет антирелигиозных усилий 80% этнического населения Центральной Азии и Кавказа причисляли себя к «мусульманам», от 10 до 15% из них являлись ортодоксальными верующими и менее 20% – атеистами [44].

В 1979 году на фоне свершившейся Иранской революции западные академи-

ческие круги начали массивно заниматься мусульманской темой. На конференции, организованной исследовательской службой Конгресса США 8 февраля 1980 г., эксперты обсуждали текущее состояние дел не только в Иране, но и в мусульманских регионах СССР [39]. «Возрождение исламского фундаментализма на Ближнем Востоке и война в Афганистане несколько подняли мусульманское сознание в советской Центральной Азии, где ислам исторически служил объединяющим фактором сопротивления российскому господству», – сообщалось в разведсведениях ЦРУ [35]. В Лэнгли докладывали, что «полностью развитая подпольная религиозная структура существовала в мусульманских районах Центральной Азии и Кавказа, где были организованы незаконные семинарии по обучению мулл» [35]. Сообщалось также, что незначительное возрождение, особенно на Северном Кавказе, получили адепты суфийских братств (тарикаты) признаваемые в СССР за их «фанатизм и национализм» нелегальными. Однако отметим, что до 50% верующих мусульман Чечено-Ингушской ССР считались суфитами [38, p. 64].

Действительно, КГБ в марте 1979 года докладывало о том, что иранские базы подготовки вооруженных отрядов исламистов рассматриваются как плацдарм для совершения подрывной работы против СССР и Афганистана [20]. Позиция силового блока СССР в отношении использования исламского фактора в политических целях неоднократно находят отражение в постановлениях Политбюро ЦК КПСС.

Апогеем наблюдений за деятельностью мусульманских общин в СССР стало то, что представители наиболее реакционной части незарегистрированного духовенства (200 потомков ишанов, действующих в Средней Азии, по данным КГБ были экстремистки настроенными муллами) не только вели религиозную деятельность, но и подстрекали население к отказу от службы в Афганистане, запрещали своим детям вступать в пионеры и комсомол, создавали подпольные религиозные школы по обучению детей и взрослых, размножали и распространяли материалы зарубежных радиостанций, разжигали националистические настроения, пропагандировали религиозный фанатизм.

Отметим, что в СССР с запозданием осознали роль коммуникаций, что определило нехватку ресурсов для контрпропаганды. Так, к 1970-м годам единственным ведающим делами печати среди муфтиятов СССР было Духовное управление Средней Азии и Казахстана, издававшее на пяти языках ежеквартальник «Мусульмане Советского Востока». В советской интернациональной прессе широко освещалась возможность советских мусульман использовать свои обычаи и традиции, строить мечети и молиться, хотя в местных газетах сохранялась риторика того, что «прогресс социалистических наций постоянно устранял религиозное влияние из народных традиций и обычаев» [43]. Но эффективность советской «агитационной машины» в этой части была низкой: в шести мусульманских республиках СССР теле- и радиопередачи велись на русском, хотя западные оппоненты поставили себе задачу вещания на этнотерриториальном диалекте. Так, на фоне революции в Иране 1978-1979 годов советское мусульманское сообщество первым попало в объектив деятельности зарубежных органов пропаганды, выступая реперной точкой начала информационной войны. Сегодня в рассекреченных сведениях сообщается, что все их действия были объединены понятием «программы эксплуатации инакомыслия в Восточной Европе и СССР». Перечень такого рода мероприятий подготовило, например, Информационное коммуникационное агентство США – USICA (United States Information Communication Agency). На конференции в январе 1980 года, под символичным названием «Коммуникации с советским мусульманским миром», эксперты аген-

ства заключили, что «ислам служит культурной традицией и объединяющим фактором против посторонних, а советская мусульманская элита, хотя и принимает преимущества современности и концепцию социализма, но не приемлет господства как русских, так и других европейских народностей» [32].

Свою программу «Мусульманский мир» предложила и «Информационная служба зарубежного вещания» FBIS (Foreign Broadcast Information Service), которая включала так называемые меры по расширению «поддержки аналитических усилий»: расширение местных трансляций до 11 советских центрально-азиатских станций, включая 7 радиостанций регионального уровня; обеспечение оптимального приема средневолновых и коротковолновых передач, исходящих из арабских стран, Турции, Ирана и СССР; расширение охвата советской среднеазиатской местной национальной прессы с 11 до 35 публикаций; улучшение анализа средств массовой информации в целях включения выходных данных из источников радио и прессы в мусульманских районах Советского Союза [37].

Кроме того, США в 1979 году в рамках «афганских санкционных мер» в отношении СССР настоятельно призывали «Великобританию, ФРГ и Францию к увеличению вещания в мусульманских странах и советской Центральной Азии» [40, p. 721-722].

Не удивительно, что при таких усилиях зарубежных оппонентов регистрировались факты организации нелегальным мусульманским духовенством коллективных прослушиваний передач зарубежных радиостанций, что в то время не поощрялось [17, л. 1-25]. По сведениям ЦРУ, мусульмане в Советской Азии слушали радиопередачи из Турции, Египта и других исламских стран [32]. Именно поэтому, «учитывая роль мусульманских районов и народов в будущем Советского Союза и их стратегическое местоположение», было заявлено «о необходимости немедленного пересмотра программ USICA – расширить эфирное время и языковой охват трансляций «Голос Америки» (VOA), включив азербайджанский язык и увеличив узбекский и фарси» [32].

Органы КГБ все чаще стали фиксировать случаи насаждения антирусских и антисоветских настроений среди верующих. В Кулябской области Таджикской ССР был задержан незарегистрированный служитель культа, который с группой других верующих распространял фетву, что «советских солдат, погибших в Афганистане, нельзя хоронить по шариату, так как они воевали против истинных мусульман Афганистана» [11, л. 41]. С конца 1970-х – начала 1980-х годов мусульмане-шииты Азербайджанской СССР стали получать широкий доступ к богословским трудам иранского имама Хомейни [2, с. 81].

Вместе с тем, не стоит преувеличивать вклад зарубежной пропаганды в раздрай и рост антисоветизма на Советском Востоке. Западный агитпроп хотя и муссировал в духе подстрекательства тезис о том, что в США и Европе поддерживается этническое и конфессиональное разнообразие, но куда больше вносили вклад в ненависть к советскому режиму неумелые движения как союзной власти, так и властей азиатских союзных республик. Так, реакция коммунистической партии на очевидный процесс исламизации общественно-политической жизни в азиатских регионах была в очередной раз скорректирована на борьбу [3, л. 40-45]. Проведенный партийным руководством анализ ситуации в сфере работы с мусульманским населением в связи с обострением религиозной ситуации в регионах традиционного распространения ислама лег в основу очередного постановления ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама» [25, л. 1-2]. После назначения Ю.В. Андропова, ЦРУ констатировали «полный отказ руководства СССР от сотрудничества с духовными управлениями мусульман» [44]. Более того, усилилась советская агитационно-пропагандистская работа, причем не про-

тив «официального» ислама, а ислама вообще. В 1983 году в СССР были выпущены 49 «антимусульманских» произведений тиражом более 500 тыс. экземпляров по сравнению с 37 тыс. в 1982 году и всего лишь около 20 тыс. в 1981 году [44]. Это, в свою очередь, только обострило вопрос защиты этнокультурных ценностей местным населением. Под рупор зарубежных СМИ в религиозной обстановке Средней Азии у населения стали созревать новые «нездоровые» тенденции, выразившиеся в массированном распространении ортодоксальных течений ислама [18, л. 58-62].

Рост доли неславянского населения, сокращение объема ресурсов, выделяемых конкурирующим региональным группам, и влияние, в том числе с помощью коммуникаций, событий в Польше и Афганистане на некоторые советские национальности и конфессии, привели к возникновению новых источников трений между этническими группами. Победа исламского фундаментализма в Иране преподносилась как угроза для СССР не только в идеологическом плане, но и в геополитическом. По мнению госструктур США, «южные границы Союза вполне могли быть восприняты советским руководством как катализатор для пробуждения националистических настроений и стремления к независимости шести советских среднеазиатских республик с мусульманским населением» [45, p. 342].

Национализм также поднимал волну эмиграционных кампаний среди ряда религиозных и этнических меньшинств – немцев, пятидесятников, армян, 25 тыс. этнических греков, а также евреев [41]. Несмотря на то, что в 1980 г. эмиграция сократилась, но вместе с тем за 1979 год из СССР только по визам в Израиль эмигрировало 50461 чел. и еще 345 человек – в США.

В Прибалтике, возросли шансы на сближение диссидентства и народного протеста на фоне темы «экономических лишений и российского господства» [34]. Так, еще с конца 1960-х гг. в Литве действовали антисоветские националистические группы «Восстановители независимости Литвы». С 1972 года литовский Каунас негласно стал еще одним центром антиобщественных и националистических проявлений в СССР после Праги [18, л. 62-65]. В 1972 году беспорядки после самоубийства в форме самосожжения учащегося в Литве закончились массовыми беспорядками с участием 2 тыс. человек под лозунгами «Дайте свободу!», «Свободу Литве!» [21, л. 16-17]. О выявлении антисоветских националистических групп сообщалось из Львовской и Ивано-Франковской областей Украинской ССР.

По информации Политбюро ЦК КПСС в русскоязычной среде широко распространялись переселенческие настроения, резко возрос поток коллективных и индивидуальных писем с просьбой «защитить некоренное население или предоставить возможность выехать на место жительства в РСФСР». По вышеобозначенным причинам к середине 1980-х годов резко обострились отношения между литовским и инонациональным населением. В районах Литвы, где поляки составляли большинство, стихийно создавались автономные национальные Советы. Нарастала решимость инонационального населения отстаивать свои права путем стачечной и других крайних форм политической борьбы [26, л. 6]. На государственном уровне последовательно предпринимались шаги, направленные на разрыв федеративных связей с СССР: размежевание по национальному признаку, переход в 1986 году значительной части членов партии коренной национальности на платформу Литовского движения за перестройку «Саюдис», стремившегося к восстановлению «довоенной Литовской республики» [26, л. 2].

Продолжали активно бороться за демиграцию группы крымских татар. Телеграммы, в которых вновь ставился вопрос о возвращении их на прежнее место жи-

тельства в Крым, поступали из Самарканда и Ташкента [22, л. 135]. Зачастую организовывались протестные мероприятия. Так, 27 апреля 1968 года в совхозе Халкабад Янгиюльского района Ташкентской области тюрки-переселенцы из Грузии организовали массовое выступление совместно с представителями Узбекской, Казахской и Киргизской областей с требованием о распространении на тюрок Указа Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации крымских татар [23, л. 29-30].

Еще в 1968 году КГБ Армянской ССР были задержаны группа молодежи, у которой изъяты 1025 листовок с призывом к армянской молодежи, интеллигенции и народу добиваться признания даты «24 апреля» днем официального траура, бороться за чистоту армянского языка, сохраняя от ассимиляции армянскую нацию [23, л. 26]. В этот же год Комитетом госбезопасности Армении ликвидирована антисоветская националистическая организация «Национальная объединенная партия», которая ставила своей задачей борьбу за выход Армении из состава СССР и создание независимого армянского государства [23, л. 111]. Участниками данной организации, по версии следствия, были организованы теракты в московском метро.

Стала особенно чувствительной языковая политика. Республиканские элиты были возмущены тем, что восходящая мобильность во многих областях зависела от владения русским языком и русскими культурными нормами. Сдвиги в государственной языковой политике, призванные придать дополнительный импульс изучению русского языка и угрожающие статусу местных языков, вызвали серьезное сопротивление. В Грузии, например, в 1978, 1980 и 1981 годах прошел ряд масштабных демонстраций и протестов по поводу языковой русификации. И если в 1978 году в Грузии прошли протесты против конституционного закрепления русского как единственного республиканского языка, то, например, в 1981 году – с требованием расширенного изучения в школе и ВУЗах грузинской истории и более действенной реализации ст.75 Конституции ГССР об использовании и развитии грузинского языка. Но в самой Грузии существовали и внутренние противоречия. Так, в Сухуми абхазское население активно проводило работу по самоопределению от Грузинской АССР. Одним из политических требований этнической группы было переименование ряда населенных пунктов, разъездов с грузинских на абхазские названия [22, л. 71].

В Прибалтийских республиках прошли аналогичные публичные протесты. В 1980 году таллиннские студенты протестовали против принуждения к чтению по-русски в школе и против назначения русского министра образования Эстонской республики. Крупные волнения в Эстонии начались и 22 сентября 1980 в Таллине, когда было отменено запланированное после футбольного матча на стадионе «Динамо» выступление поп-оркестра «Пропеллер» из-за выявленных «националистических элементов в текстах песен». Демонстрация молодежи (не менее 1000 человек) была разогнана милицией, произошли столкновения. После этого ряд школьников-старшеклассников был исключен из школы. Это и явилось непосредственной причиной пятитысячной демонстрации школьников 1 и 3 октября 1980 в Таллине. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги: «Свобода Эстонии!», «Русские – вон из Эстонии!», «Правда и справедливость!» и др.

По всей видимости, модернизационые вызовы, с которыми пришлось столкнуться советскому руководству в сфере национальных и религиозных тенденций, застали врасплох соответствующие социальные институты. Централизация, пропагандируемая партией во второй половине 1970-х годов, в отношении управления религиозными массами, национальными группами, перестала отвечать этнической реальности. Выход на

первое место этнических проблем на фоне изменений социально-политической ситуации в СССР стал фактором лояльности населения национальных регионов к союзной и республиканской власти. У масс, долгое время бывших меньшинствами, постепенно открывались окна возможностей выбора этнических идентификаций. Эти процессы, подкрепленные перегибами в сфере конфессиональной политики в СССР, обусловили вектор развития самоопределения народностей, выразившегося в этнонациональном сопротивлении советской власти. Очевидно и то, что конструкт формы надвигающегося многополярного мира в социальной динамике непременно накладывался и на внутреннюю структуру социальных отношений в Советском Союзе. Это явление, которое мы сегодня вкладываем во все более емкое понятие «глобализация» обусловило транзит побочных эффектов в сфере сознания и интеграции различных национальных групп. На примере распада СССР отчетливо можно проследить, что глобализация далеко не способствует в ближайшем будущем интеграционным процессам в сфере национальной идентичности, а наоборот – полувековая попытка ассимиляции советских народностей обернулась борьбой на самоопределение. В конце концов, либерализация внутренней политики на волне перестройки раскрыла сепаратистские устремления советских республик, нарушив тот самый консенсус общественного содержимого «союзного договора».

Этнический фрейм действительно выступил инерционным двигателем политического кризиса в СССР, объявив легитимной демаркацию населения на «своих» и «чужих». Эскалация национальных требований, вытеснение умеренных лидеров из руководящего состава многих национальных движений стали основой национального сепаратизма. Модернизация способствовала этнической мобилизации элит, а вместе с ними и местного населения Советской Азии на борьбу за сохранение своих обычаев, традиций и культурного своеобразия. Растущее население мусульманского мира не принимало ассимиляцию.

Поведенное исследование позволяет заключить, что советскому режиму удавалось долгое время сдержать, но не уменьшить национализм среди этнических групп «меньшинств», которые в целом к 1980 году составляли уже более половины советского населения. Антироссийский национализм выражался как в явном инакомыслии, так и в попытках национальных элит продвигать свои интересы, работая внутри системы. На популярном уровне национализм подпитывал широкий спектр других социальных проблем. К ним можно отнести и недовольство потребительским снабжением, экономическая дискриминация союзного центра, уязвимость к внешним воздействиям и отчуждение молодежи на общем фоне резкого падения доверия к власти и активизации эмиграции.

Советизация режима, в том числе в сфере этноконфессиональной динамики, несмотря на «железный занавес», все более двигалась в меэйнстриме начавшейся глобализации. На государственном уровне социальные изменения выразились в обострении противоречий в азиатских регионах СССР, а также росте активности католических и протестантских общин на западных территориях, деятельности внешней поддержки со стороны зарубежных масс-медиа, в том числе через финансирование религиозного самиздата, изменение языков вещания на аутентичные азиатские, запуск программ международного обмена, а также акцентирование внимания на русификации советского общества. Это подогревало волну этномобилизационных процессов в «сложных» приграничных территориях Советского Союза. В информационном плане на регионы Советской Азии обрушились потоки «поддержки» национального и этнокультурного многообразия со стороны западных демократий». Поддержка центробежных тенденций и политических выступлений против советского

режима стало основной стрима зарубежных органов пропаганды на волне трансглобального процесса «взрыва этничности».

Этническая мобилизация, поддержанная коммуникациями, формировала базу для дальнейшего парада суверенитетов. Сегодня очевидно, что истоки этих процессов были заложены в неосторожной запретительной политике, которая сознательно не учитывала национально-религиозный фактор, а также вековой опыт реальной борьбы ряда народов СССР за суверенитет. Дискриминация ряда конфессий вылилась в рост эмигрантских настроений, подпольному функционированию ряда культов. Это в условиях идеологического кризиса советского режима открывало возможности для расширения опасной тактики «партизанской борьбы» за этническое самоопределение. Казалось, власть не замечала того, что советские этносоциальные проблемы – это не просто пережитки прошлого, а результат фундаментальных условий глобализации, которые режим не мог изменить. Новые механизмы идентификации, требования политического равенства – обстоятельства, которые сформировали новый принцип, при котором культурная общность и политический конструкт должны иметь из общего этнического происхождения.

Колоссальные просчеты власти на территории с компактным проживанием мусульманского населения, а также низкая информированность руководства страны о происходящих в мусульманских регионах процессах радикализации ислама и роста национальных амбиций, дополнили процессы активизации роста антисоветских настроений, а к концу 1980-х гг. – началу 1990-х послужили мобилизационной основой революций за независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Paris: YMCA-press, 1983. 86 с.
2. Балджи Б. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 75-86.
3. Государственный архив Российской федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 4. Д. 741.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
5. Гусева Ю.Н. Отечественное и зарубежное исламоведение 1980-х гг. и советско-афганская война // Российская история. 2019. Выпуск 6. С. 39-46. URL: https://russian-history.ru/s086956870007391-1-1/
6. Марченко Г.И. Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 5-15.
7. Миллер А. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность». 1992. № 1. С. 124-132.
8. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Политиздат, 1980. 32 с.
9. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.
10. Перепелкин Л., Шкаратан О. Экономическая модернизация и национальное возрождение // Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 87-95.
11. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 81.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 490
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 223
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 82
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 786
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 289
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 12.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 257

19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 81
20. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 1. Л. 1-2.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 26
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 476
23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 24
24. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 33.
25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 5
26. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 28
27. Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3-17.
28. Федотов Г.П. Национализм (Конспективная запись доклада) // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 117-125.
29. Христофоров В.С. Афганские события 1979-1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. Выпуск 6. С. 3-21. URL: https://russian-history.ru/s086956870007464-1-1/
30. Якупова Д.В., Якупов Р.А. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (50). С. 84-99.
31. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
32. Communication with the Soviet muslim world // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act (CIA FOIA). URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100060072-0
33. Deutsch W.K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry Into the Foundations of Nationality Cambridge, Mass: M. I. T. Press, 1966. 345 p.
34. Domestic stresses in the USSR // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp87t00787r000200180006-0
35. Dissent and religion in the USSR // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000518388
36. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, Pluto Press, 1993. 199 p.
37. FBIS coverage of the Muslim world // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100070049-5
38. Gorski Ph., Kim D., Torpey J., VanAntwerpen J. (eds). The Postsecular in Question: Religion in Contemporary Society. NY.: NYU Press, 2012. 375 p.
39. Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a Conference sponsored by the congressional research service, 8 February 1980 // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000400130004-3
40. Memorandum From the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). Washington, December 31, 1979 // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.
41. Problems and programs of the Russian emigres // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-03362a002200040002-9
42. Schnee W. Nationalism: A review of the literature // J. of polit. a. milit. sociology. New Brunswick. 2001. Vol. 29. № 1. P. 1-18.
43. Soviet exploitation of religious leaders and organizations for propaganda and intelligence purposes // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp89t01451r000200230001-8
44. Soviet Islam // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp88b00443r001500050019-0

45. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Moscow, December 31, 1979, 1826Z28134. USSALTTWO. Subject: Afghanistan: Assessment of Soviet Motives // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bennigsen A. Musul'mane v SSSR. Paris: YMCA-press, 1983. 86 s.
2. Baldzhi B. Sud'by shiizma v postsovetskom Azerbajdzhane // Jetnograficheskoe obozrenie. 2006. № 2. S. 75-86.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (GA RF). F. 10026. Op. 4. D. 741.
4. Gellner Je. Nacii i nacionalizm. M.: Progress, 1991. 319 s.
5. Guseva Ju.N. Otechestvennoe i zarubezhnoe islamovedenie 1980-h gg. i sovetsko-afganskaja vojna // Rossijskaja istorija. 2019. Vypusk 6. C. 39-46. URL: https://russian-history.ru/s086956870007391-1-1/
6. Marchenko G.I. Metodologicheskie podhody k issledovaniju jetnopoliticheskih javlenij // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1995. № 1. S. 5-15.
7. Miller A. Nacionalizm kak faktor razvitija // Obshhestvennye nauki i sovremennost'». 1992. № 1. S. 124-132.
8. Naselenie SSSR po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1979 goda. M.: Politizdat, 1980. 32 s.
9. Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3-h t. T. 3. Kn. 1. 1960–1979. M.: ROSSPJeN, 2005. 304 s.
10. Perepelkin L., Shkaratan O. Jekonomicheskaja modernizacija i nacional'noe vozrozhdenie // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1991. № 2. C. 87-95.
11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 5. Op. 89. D. 81.
12. RGANI. F. 5. Op. 64. D. 490
13. RGANI. F. 5. Op. 58. D. 223
14. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 82
15. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 786
16. RGANI. F. 5. Op. 59. D. 289
17. RGANI. F. 5. Op. 66. D. 12.
18. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 257
19. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 81
20. RGANI. F. 89. Op. 25. D. 1. L. 1-2.
21. RGANI. F. 5. Op. 64. D. 26
22. RGANI. F. 5. Op. 59. D. 476
23. RGANI. F. 5. Op. 60. D. 24
24. RGANI. F. 89. Op. 9. D. 33.
25. RGANI. F. 89. Op. 11. D. 5
26. RGANI. F. 89. Op. 9. D. 28
27. Sokolovskij S.V. Paradigmy jetnologicheskogo znanija // Jetnograficheskoe obozrenie. 1994. № 2. S. 3-17.
28. Fedotov G.P. Nacionalizm (Konspektivnaja zapis' doklada) // Voprosy filosofii. 2011. № 10. S. 117-125.
29. Hristoforov V.S. Afganskie sobytija 1979-1989 gg.: ot poznanija k osmysleniju i priznaniju // Rossijskaja istorija. 2019. Vypusk 6. C. 3-21. URL: https://russian-history.ru/s086956870007464-1-1/
30. Jakupova D.V., Jakupov R.A. Sovetskoe obshhestvo i vojna v Afganistane v ocenkah Central'nogo razvedyvatel'nogo upravlenija // Izvestija VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2019. № 2 (50). S. 84-99.
31. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.

32. Sommunication with the Soviet muslim world // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act (CIA FOIA). URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100060072-0
33. Deutssh W.K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry Into the Foundations of Nationality Cambridge, Mass: M. I. T. Press, 1966. 345 p.
34. Domestic stresses in the USSR // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp87t00787r000200180006-0
35. Dissent and religion in the USSR // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000518388
36. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, Pluto Press, 1993. 199 p.
37. FBIS coverage of the Muslim world // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100070049-5
38. Gorski Ph., Kim D., Torpey J., VanAntwerpen J. (eds). The Postsecular in Question: Religion in Contemporary Society. NY.: NYU Press, 2012. 375 p.
39. Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a Conference sponsored by the congressional research service, 8 February 1980 // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000400130004-3
40. Memorandum From the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). Washington, December 31, 1979 // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.
41. Problems and programs of the Russian emigres // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-03362a002200040002-9
42. Schnee W. Nationalism: A review of the literature // J. of polit. a. milit. sociology. New Brunswick. 2001. Vol. 29. № 1. P. 1-18.
43. Soviet exploitation of religious leaders and organizations for propaganda and intelligence purposes // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp89t01451r000200230001-8
44. Soviet Islam // CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp88b00443r001500050019-0
45. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Moscow, December 31, 1979, 1826Z28134. USSALTTWO. Subject: Afghanistan: Assessment of Soviet Motives // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.

Поступила в редакцию 18.10.2020.
Принята к публикации 22.10.2020.

Для цитирования:
Якупов Р.А. Якупова Д.В. Этноконфессиональный вопрос в СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в оценках ЦРУ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 165-179. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Yakupov.pdf

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277540
УДК: 008:37:027.1

Гончарова Н.В.

Гончарова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий сектором Научной библиотеки, Томский государственный университет. 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: Nauchka@mail.ru.

«Из любви к Отечеству»: издание И.И. Бецкого по организации Московского воспитательного дома в личной библиотеке почетного опекуна С.М. Голицына

Аннотация. В статье рассматривается личное книжное собрание русского аристократа, князя С.М. Голицына. Прослеживается связь его деятельности в качестве опекуна Московского воспитательного дома с изданием И.И. Бецкого о воспитании (1789), представляющим собой программу нравственного воспитания и первой ступени обучения в России, начиная с эпохи Екатерины до середины XIX в. Содержание книги, установки по воспитанию и образованию детей оказали влияние на С.М. Голицына и нашли отражение в его деятельности, в его восприятии опекунства как способе формирования нравственного и умственного облика будущего поколения.
Ключевые слова: личная библиотека, Московский воспитательный дом, И.И. Бецкой, С.М. Голицын, воспитание.

Goncharova N.V.

Goncharova Natalia Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department at the Research Library, Tomsk State University. 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: Nauchka@mail.ru.

«For the sake of love to Motherland»: I.I. Betsky's publication on the establishment of the Moscow educational house in the personal library of the honorary guardian S.M. Golitsyn

Abstract. The article deals with the personal book collection of the Russian aristocrat, Prince S. M. Golitsyn. The author traces the connection of his activity as a guardian of the Moscow educational home with the publication of I. I. Betsky on education (1789), which is a program of moral education and the first stage of education in Russia, from the era of Catherine to the middle of the XIX century. The content

of the book, the guidelines for the upbringing and education of children influenced Sm. Golitsyn and found reflection in his activities, in his perception of guardianship as a way of forming the moral and mental image of the future generation.
Key words: personal library, Moscow educational house, I. I. Betskoy, S. M. Golitsyn, education.

Статья опубликована при поддержке РФФИ №19-012-00038.

Изучение личных библиотек в контексте проблемы образа читателя с историко-функциональной точки зрения имеет в своей основе идею о том, что чтение человека отражается в его жизни. Применение понятия «образ читателя» к изучению личных библиотек расширяет узкие границы книговедческого подхода и дает возможность его приближению к рецептивной теории коммуникативной природы текста. Как прочитанные и воспринятые книги соотносятся с действиями и событиями жизни человека? В статье делается попытка проследить эту связь на примере жизни русского аристократа XIX в.

В фонде Научной библиотеки Томского государственного университета хранится книжное собрание князей Голицыных, принадлежавшее ранее нескольким представителям этого славного рода. В ней был выявлен массив книг из личной библиотеки одного из самых представительных членов семейства, князя Сергея Михайловича Голицына (1774-1859) [7, с. 181-200]. Книги из библиотеки князя были выбраны сотрудником Отдела рукописей и книжных памятников Л.В. Никитиной из общего собрания Голицыных на основании наличия печатного экслибриса с подписью «Prince Serge Galitzin» и рукописных владельческих и дарственных надписей. Выделенный таким образом массив книг составляет около 500 томов преимущественно на русском языке периода XVIII – первой половины XIX вв.

В библиотеке Голицына оказались книги учебно-образовательного характера: словари, учебные и научно-познавательные пособия 1770-1790-х гг., приобретенные для обучения молодого князя; книги по военному делу, доставшиеся ему от отца М.М. Голицына, а также часть библиотеки, отражающая интересы самого С.М. Голицына. В ней находятся произведения художественной литературы – произведения М.В. Ломоносова, А.Ф. Мерзлякова, литературные альманахи и журналы, исторические сочинения, например «Деяния Екатерины II» П. Колотова в 6 томах (1811), а также религиозная, проповедническая литература и книги по истории церкви. Обращает на себя внимание небольшой, но значимый массив книг по педагогике: Бецкой И.И. «Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России» (СПб., 1789); Лахман И.Я. Полезные наставления для образа жизни (СПб., 1808); Журнал «Друг юности» (М., 1821); Лучи мудрости, или Нравоучительные и полезнейшие рассуждения Сенеки и Плутарха и прочих славнейших в древности мужей (М., 1765) и другие издания.

Книги по воспитанию и образованию детей, казалось бы, не были для князя актуальными, потому что он не имел собственных детей. Сын генерал-поручика Михаила Михайловича от брака с баронессой Анной Александровной Строгановой, князь Сергей Михайлович Голицын был определен в юности на военную службу. В 23 года он стал камергером при дворе Павла I, но вскоре оставил службу и переехал в Москву, чтобы посвятить себя благотворительности. Князь был несчастлив в браке с Авдотьей Измайловой, которая разъехалась с ним, вела свободный образ жизни и была хозяйкой модного петербургского салона. Дальнейшие попытки князя наладить семейную жизнь, жениться вторично, были неудачны.

Главный директор голицынской больницы в Москве, он состоял во множестве общественных организаций и возглавлял различные благотворительные общества и комитеты. За свои заслуги он был удостоен чином действительного тайного советника 1-го класса, получил все высшие российские ордена, его называли «последним московским вельможей». Близкий к императорской семье, он был восприемником при крещении наследника престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Также князь активно принимал участие в делах церкви, жертвовал на церковные нужды.

В 33-летнем возрасте князь С.М. Голицын был назначен почетным опекуном Московского воспитательного дома, и на этом поприще у него появилась возможность реализовать педагогический потенциал, поддерживать будущее поколение в процессе нравственного воспитания и образования.

История организации и открытия Московского воспитательного дома императрицей Екатериной Великой стала частью большого и сложного процесса создания целостной системы воспитания и образования в XVIII веке – от Навигацкой школы до Московского университета и от Московского Воспитательного дома до ряда училищ и ремесленных школ. Этот процесс создавался волей и трудами Петра I, Екатерины Великой, И.И. Бецкого, М.В. Ломоносова и других представителей просветительского мировоззрения в России под влиянием западных прогрессивных идей Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро и др. В концепции создания Московского Воспитательного дома было заложено стремление к благотворительности по примеру европейских домов для призрения бедных. По примеру императрицы в число жертвователей вошли виднейшие сановники. Однако масштабность и поистине государственную значимость придала этой идее амбициозная мысль о воспитании нового «среднего» класса в российском обществе. И.И. Бецкой видел, как на Западе утверждалось нравственное, политическое и экономическое значение третьего сословия, и сожалел, что в России существовали только два чина: дворяне и крестьяне; а купцы, мещане, ремесленники и связанные с этими званиями отрасли государственной жизни не развивались. Он стремился «…преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и так сказать, новое порождение» [4, с. 2-5]. Решение виделось в том, чтобы «… произвести сперва способом Воспитания, так сказать, новую породу [людей], или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные правила воспитания в сердце вселить, какие получили они сами, и от них дети передали бы своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие веки» [4, с. 5]. Идея нравственного воспитания и образования сознательных граждан с полезными для общества знаниями и умениями оказалась актуальной. Воспринявшие нормы и идеалы своих воспитателей, прошедшие обучение в системе государственных образовательных учреждений, мальчики и девочки становились полноценными членами общества – врачами, учителями, художниками, профессорами.

С 1797 г. Московский воспитательный дом входил в систему благотворительности Ведомства учреждений императрицы Марии. Правление же самим домом входило в обязанности Опекунского совета еще со времен Бецкого. Опекунский Совет изначально составлялся из почетных опекунов - лиц, пользующихся особым доверием императрицы Екатерины, которым «… как отцам сирот, поручено было главное наблюдение за ними и совокупное обсуждение нужд их в Опекунском Совете» [6, с. 29].

С.М. Голицын стал почетным опекуном воспитательного дома в 1807 г., и этот год явился решающим для развития целой образовательной программы, в итоге ставшей классической. Были открыты латинские классы (позже гимна-

зии), в которых дети готовились поступлению в Медико-хирургическую академию. Для тех детей, кто не поступал в нее, либо в Московский университет или Академию художеств, были предусмотрены земледельческая школа и ремесленное училище. Некоторые воспитанники становились садовниками в Никитском ботаническом саду. При самом доме были созданы ремесленные мастерские для обучения воспитанников различным ремеслам.

Отечественная война 1812 года и события пребывания в Москве армии Наполеона стали большим испытанием для воспитательного дома. По указаниям Императрицы Марии Опекунский Совет с его экспедициями был эвакуирован в Казань вместе со старшими воспитанниками, их приставниками и учителями [1, с. 401-403]. Князю С.М. Голицыну предстояло вместе с председателем Опекунского совета А.М. Луниным заниматься делами Сохранной и Ссудной Казны – перевести все акты и документы по займам и продолжить работу в Казани, а также организовать финансовое обеспечение переезда [3, с. 165]. В Москве остались младшие воспитанники со служащими и приставниками под руководством главного надзирателя Ивана Акинфиевича Тутолмина. Благодаря его неустанным трудам и активности воспитательный дом был сохранен от пожара и разграбления. По возвращении из Казани С.М. Голицын принял главное управление воспитательным домом от И.А. Тутолмина, который был отправлен в почетную отставку по состоянию здоровья. Приняв руководство, князь приводил все учреждения дома в надлежащий вид после военных событий, а также по распоряжению императрицы выдавал пособия разоренным жителям города и награждения крестьянам, сохранившим у себя питомцев воспитательного дома [3, с. 193].

В свете опекунства князя Голицына становится понятно наличие в его личной библиотеке издания Ивана Ивановича Бецкого «Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. С прочими в пользу общества установлениями» (СПб., 1789). Сборник представляет собой собрание документов, относящихся к созданию и организации Московского воспитательного дома. Указ и Манифест Екатерины II, полный Генеральный план Императорского воспитательного дома и госпиталя, а также сопутствующие объяснения, наставления и другие документы, определяющие необходимость не только сохранять жизни оставленных «без призрения» детей, но и воспитать их полезными для государства.

В основу сборника положен документ, определивший идеологию законодательства Российской империи в области образования и воспитания в период правления Екатерины II, он называется «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1764). Данный текст является плодом совместных рассуждений императрицы Екатерины и Ивана Бецкого на основании новейших для того времени европейских педагогических и философских идей Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других просветителей. В этом документе была определена общая формула новой системы – «образование человека и гражданина» как проблема нравственного воспитания [10, с. 70-75]. По словам Бецкого, необходимо «приучать их [детей] к основательным и приличествующим их состоянию правилам», «утверждать сердце в похвальных склонностях», «возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтобы страшились праздности как источника всякого зла и заблуждения», обучать всем добродетелям и качествам, которые «принадлежат к доброму воспитанию, и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными членами общества» [4, с. 7-8].

Центральное место в сборнике занимает обширный «Генеральный план Императорского Воспитательного дома и госпиталя», состоящий из 3-х частей. Созданный И.И. Бецким и утвержденный императрицей в 1763 – 1767 гг., план со-

держит подробную программу воспитания и обучения детей со множеством правил, указаний и рассуждений. Целью плана было воспитание и подготовка «таких подданных, кои Отечеству бы полезны были упражнением в художествах и ремеслах». Но при этом «должно великое употреблять внимание, не найдутся ли между детьми обоего пола имеющие проницательный разум, отменное понятие, и не предъявляют ли себя способными к искусствам отличным от того звания, к которому назначаются. … Способствовать таким особенным дарованиям, дабы произвести и превосходных людей по превосходству разума их и качества» [5, с. 279-280].

В первой части Генерального плана находятся общие указания об опекунах, начальниках и служителях воспитательного дома, об их должности и необходимых характеристиках людей, принимаемых на эти звания. К примеру, о должности Главная надзирательница сказано: «Честная и разумная женщина, летами не моложе как от 35 до 40, имеет главное смотрение за всем женским полом во всем доме, также за бельем и за платьем детским, к чему она все потребное получает от эконома с распиской. … Должна знать силу во всех женских работах для надлежащего показания их детям» [5, с. 105]. В этой же главе находятся указания о госпитале для бедных родильниц, о принимаемых младенцах, о необходимых суммах и привилегиях воспитательного дома.

Вторая часть Генерального плана посвящена Опекунскому совету, она содержит указания о том, как нужно исполнять эту должность: «признавать себя отцами многих тысяч детей, в сей Дом входящих, коим для пользы Отечеству надо быть воспитанными» [5, с. 162]. Здесь же даются указания о собраниях Опекунского совета, о приставниках в доме. Особое внимание Бецкой призывал обращать на подбор приставников: «Дети … подражают тому, что видят. Мы, следовательно, должны преподавать хорошие примеры, при этом, сколько возможно, стараться, чтобы не ошибиться в выборе для них приставников, учителей и самих служителей сего Дома, избирать таких людей, которые к званию сему способны» [5, с. 163].

Третья часть Генерального плана посвящена собственно идее воспитания и способам обучения детей разного возраста. В главе о физическом содержании детей находятся основные принципы в обеспечении детей питанием и одеждой. Неожиданно прогрессивные для того времени требования к чистоте, к постели, комнатам для сна и в целом особое внимание к содержанию детей объясняются отсылками автора к рекомендациям «Господина Саншеса», а именно португальского доктора и ученого Антонио Нуньес Рибейро Санчеса (1699–1783), последователя лейденской медицинской школы, который состоял на службе императрицы Анны Иоановны. Говоря о физических упражнениях детей, Бецкой рекомендует «не только позволять им быть в невинных забавах по своей воле, но и всеми способами побуждать к оным» [5, с. 212].

В главах об образовании Бецкой определяет предметы для изучения соответственно возрасту, начиная от 5 лет. На первоначальном этапе это познание веры, рисование, чтение, письмо, арифметика, география, искусство вести счетные книги и «правила гражданской жизни, управляемой законами Отечества». На втором этапе названы мануфактуры, фабрики, коммерции, экономия (в частности садовничество). Мальчиков знакомили с башмачным, красильным, перчаточным, текстильным делом, огородной и дворовой работой. Девочки обучались домоводству, рукоделию, шитью, изготовлению кружев и пр. Изящные художества показаны тем, кто к ним способны.

Отдельное внимание в Генеральном плане уделено теме обучения женского пола. Этому посвящена целая глава, которая начинается вопросом: «Надобно ли в сем заведении девочкам учиться тому, что для мальчиков сказано?» [5, с. 225]. Бецкой очень глубоко и серьёзно подходит к этому вопросу, напоминая, что именно женщинам обязаны мы «за первое

предводительство, оказанное нам, как на свет вышли, за первую помощь и сбережение, за первое пропитание, за первые наставления и первую дружбу» [5, с. 225]. Мужское тщеславие и гордость «превосходством в крепости своих сил», презрение к женщинам и крепостным, служащим в домах помещиков и знатных особ, по мнению Бецкого, имели худые последствия для детей, растущих в такой среде. «Дети твои, которых ты любишь, напитаются с первым молоком в первые годы всеми пороками, всей грубостью, худыми разговорами от сих рабов, которых ты столь гордо и столь надменно пренебрегаешь… они будут им первыми учителями, сверстниками и друзьями» [5, с. 226-227]. Бецкой выражает желание, чтобы «все девушки не только обучились читать и писать, но имели бы и разум просвещенный различными знаниями для гражданской жизни полезными. Будучи матерями, лучше и рассудительнее воспитают своих и чужих вверенных им детей, … разговоры их будут подражания достойны, страсти обузданы, обхождение приятно и человеколюбия исполнено» [5, с. 228].

Таким образом, Генеральный план представляет некую программу нравственного воспитания и дифференцированного обучения. Учитывая внимание правительства и лучших представителей общества, программа обучения питомцев воспитательного дома, по сути, становилась примерным планом образования всех слоев населения страны. «Предназначенная для детей обоего пола, эта программа включала в себя элементарное образование, а также обучение ремеслам, мастерству, и предусматривала возможность, в конечном итоге, связать ее с высшим образованием» [9, с. 35].

По этому плану И.И. Бецкому было поручено организовать новые и преобразовать имеющиеся учебные заведения. По разработанным Бецким докладам и уставам были открыты: Воспитательный дом в Петербурге, Училище при Академии художеств для мальчиков всякого звания, исключая крепостных (1764 г.), училище при Академии наук (1765 г.), Воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре (1764 г.) и Мещанское отделение при нем (1765 г.), Коммерческое училище (1772 г.), а также преобразован Сухопутный шляхетский корпус (1766 г.). Стоит отметить, что при открытии учебных заведений строго проводился сословный принцип. Для дворянских детей предназначались привилегированные кадетские корпуса, училища для благородных девиц, а для разночинцев - училище при Академии художеств, воспитательные дома при всех губерниях. Об образовании крестьянских детей ничего не сказано, кроме того, что рожденным от крепостных императрицей дарована свобода. Подводя итог, Бецкой отмечает главный смысл своего плана: «…стараться такое произвести воспитание, чтобы полезные от учителей примеры назидали разум и сердце питомцам, нежели предпринимать просвещение их больше того, чего требует звание, к которому назначаются» [5, с. 269]. Таким образом, идеи Бецкого не были революционными для своего времени, потому что степени образования по возможности привязывались к среде рождения детей.

Наличие книг по педагогике в библиотеке князя Голицына показывает, что Сергей Михайлович воспринимал свое опекунство со всей серьёзностью, как повод формировать нравственный и умственный облик будущего поколения. Известно, с каким вниманием князь занимался организацией образования детей Московского воспитательного дома. По воспоминаниям И.А. Арсеньева, «князь [С.М. Голицын] особенно любовно заботился о детях, призреваемых в этом заведении, и по выходе их оттуда зорко следил за их дальнейшей судьбой. Многие из воспитанников Воспитательного дома окончили, по милости князя, курс в университете, благодаря нравственной и материальной его поддержке. По выходе их из университета, по его теплому, неотступному ходатайству, они были определяемы на службу» [2, с. 82]. Участие кня-

зя в дальнейшей судьбе выпускников приобретает особенное значение при упоминании мемуариста, что «…некоторые из них, как воспитывавшиеся на средства князя, носили фамилию «Голицынских» и почти все избирали себе, по выходе из университета, педагогическую карьеру, что более или менее доказывает, что образованием их занимались серьезно» [2, с. 82].

Среди выпускников воспитательного дома были известные музыканты и артисты, окончившие Академию художеств и мещанское отделение Смольного института, многочисленные ремесленники, учителя и служащие воспитательных домов различных губерний. Сведения о двух людях с фамилией Голицынский были внесены в современную редакцию Российского биографического словаря, что говорит об их значимой роли в обществе. Один из таких воспитанников – Александр Петрович Голицынский (1816-1874), незаконнорожденный сын помещика Епишева, ставший впоследствии врачом и писателем. Он учился в Московском университете и в Медико-хирургической академии. Работал врачом в разных больницах, в том числе, в имении князя Голицына. После выхода в отставку он занялся литературным трудом, к которому имел большое влечение. Его многочисленные рассказы и повести, в основном развлекательного, анекдотического характера, были списаны из случаев врачебной практики и личных наблюдений над московской и провинциальной жизнью: «Смех и слёзы. Рассказы доктора», «Уличные типы». Иногда автор изображал печальные факты тяжелой жизни рабочих на фабрике – как например «Очерки из фабричной жизни». Произведения А.П. Голицынского печатались в журналах и выходили отдельными изданиями.

Второй воспитанник, Голицынский Василий Александрович (1825-1890), обучался стипендиатом воспитательного дома на медицинском факультете Московского университета. Он работал врачом в Воспитательном доме, получил степень доктора медицины, был членом-учредителем московского Общества русских врачей, сотрудничал с «Московской медицинской газетой», где публиковал свои статьи и рецензии. По характеристике Общества русских врачей, Голицынский был «… врач – философ и бессребренник. Он вел скромный, замкнутый образ жизни и лечил преимущественно бедный класс населения» [8, с. 226]. Помня, что именно нравственное воспитание ставилось в первую задачу в Московском воспитательном доме, можно констатировать, что в большой степени эта задача была выполнена.

Судьбы, оставившие след в общественной жизни России, были поддержаны воспитательным домом и получили путевку в жизнь в виде стипендии князя С.М. Голицына. Конечно, их было гораздо больше, новых граждан своей страны, новых «отцов и матерей», которые несли нравственные устои и понятия, стремление к образованию, и в конечном итоге, частично сформировали тот пласт населения, который мы называем интеллигенция. И князь С.М. Голицын сыграл не последнюю роль в этом большом деле. Можно с определенной уверенностью предположить, что некоторые идеи просвещения и нравственного воспитания детей применительно к реалиям Московского воспитательного дома были восприняты С.М. Голицыным из книги И.И. Бецкого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбицкий В.Ю., Шер С.А. Об эвакуации в Казань Московского воспитательного дома во время Отечественной войны 1812 года // Казанский медицинский журнал. Том 93, №2. Казань, 2012. С. 401-403.
2. Арсеньев И.А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1887. Т.27, № 4 (апрель). С. 68-86.

3. Багдадов И. Докладная записка «Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году» // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL http://feb-web.ru/feb/rosarc/raj/raj-159-.htm#
4. Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества // Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. СПб., 1789. С. 1-12.
5. Бецкой И.И. Генеральный план Московского воспитательного дома для приносимых младенцев и госпиталя // Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. СПб., 1789. С. 81-288.
6. Миллер Н.Ф. Из прошлого Московского Воспитательного дома. М., 1893. 75 с.
7. Никитина Л.В. Книжное собрание князей Голицыных в Научной библиотеке Томского университета // Археография книжных памятников. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1996. С. 181-200.
8. Русский биографический словарь. Гоголь–Гюне. М., 2001. 605 с.
9. Титков Е.П. Государственная политика Российской империи в сфере образования во второй половине XVIII века. Автореферат. Нижний Новгород, 1999. 54 с.
10. Фруменкова Т.Г. Екатерина II и И.И. Бецкой (1762-1763 ГГ.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 4 (66). С. 70-75.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Al'bickij V.Ju., Sher S.A. Ob jevakuacii v Kazan' Moskovskogo vospitatel'nogo doma vo vremja Otechestvennoj vojny 1812 goda // Kazanskij medicinskij zhurnal. Tom 93, №2. Kazan', 2012. C. 401-403.
2. Arsen'ev I.A. Slovo zhivoe o nezhivyh (Iz moih vospominanij) // Istoricheskij vestnik. 1887. T.27, № 4 (aprel'). S. 68-86.
3. Bagdadov I. Dokladnaja zapiska «Moskovskij vospitatel'nyj dom i uchrezhdenija imperatricy Marii v 1812 godu» // Fundamental'naja jelektronnaja biblioteka «Russkaja literatura i fol'klor». URL http://feb-web.ru/feb/rosarc/raj/raj-159-.htm#
4. Beckoj I.I. General'noe uchrezhdenie o vospitanii oboego pola junoshestva // Sobranie uchrezhdenij i predpisanij, kasatel'no vospitanija v Rossii oboego pola blagorodnogo i meshhanskogo junoshestva. SPb., 1789. S. 1-12.
5. Beckoj I.I. General'nyj plan Moskovskogo vospitatel'nogo doma dlja prinosimyh mladencev i gospitalja // Sobranie uchrezhdenij i predpisanij, kasatel'no vospitanija v Rossii oboego pola blagorodnogo i meshhanskogo junoshestva. SPb., 1789. S. 81-288.
6. Miller N.F. Iz proshlogo Moskovskogo Vospitatel'nogo doma. M., 1893. 75 c.
7. Nikitina L.V. Knizhnoe sobranie knjazej Golicynyh v Nauchnoj biblioteke Tomskogo universiteta // Arheografija knizhnyh pamjatnikov. Sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, 1996. C. 181-200.
8. Russkij biograficheskij slovar'. Gogol'–Gjune. M., 2001. 605 s.
9. Titkov E.P. Gosudarstvennaja politika Rossijskoj imperii v sfere obrazovanija vo vtoroj polovine XVIII veka. Avtoreferat. Nizhnij Novgorod, 1999. 54 s.
10. Frumenkova T.G. Ekaterina II i I.I. Beckoj (1762-1763 GG.) // Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2009. № 4 (66). S. 70-75.

Поступила в редакцию 19.10.2020.
Принята к публикации 23.10.2020.

Для цитирования:
Гончарова Н.В. «Из любви к Отечеству»: издание И.И. Бецкого по организации Московского воспитательного дома в личной библиотеке почетного опекуна С.М. Голицына // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 180-187. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Goncharova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4026944
УДК 7.046.1

Ефремова Л.В.

Ефремова Любовь Владимировна, Санкт-Петербургский государственный институт культуры. 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2. E-mail: lavefr@ya.ru.

Научный подход к мифологии: «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинского

Аннотация. В статье делается попытка проанализировать особенности научного подхода к анализу мифа, предложенного Е. М. Мелетинским. Дается общая характеристика работы Е.М. Мелетинского, его оценка различных подходов к анализу мифа (функционализм, ритуализм, структурализм). Рассматривается проблема мифологического сознания и теории мифа в целом, где эмоционально-чувственный феномен представляется через призму логики и научного мышления. Отмечается, что специфика подхода Е.М. Мелетинского к анализу мифа заключается в попытке взглянуть на миф как на синтетическое явление, чувственно-языковое, экзистенциальное, что выгодно отличает его работу от других исследовательских школ и направлений.
Ключевые слова: мифология, мифологическое мышление, мифологема, антропология, ритуал, структурализм, поэтика мифа, Е.М. Мелетинский.

Efremova L.V.

Efremova Liubov Vladimirovna, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. 191186, Russia, Saint Petersburg, Palace emb., 2. E-mail: lavefr@ya.ru.

Scientific approach to mythology: «Poetics of myth» by E.M. Meletinsky

Abstract. The article attempts to analyze the features of the scientific approach to the analysis of the myth proposed by E.M. Meletinsky. A General description of the work of E.M. Meletinsky and his assessment of various approaches to the analysis of myth (functionalism, ritualism, structuralism) are given. The article deals with the problem of mythological consciousness and the theory of myth in General, where the emotional-sensory phenomenon is presented through the prism of logic and scientific thinking. It is noted that the specifics of the approach of E.M. Meletinsky's approach to the analysis of myth consists in an attempt to look at myth as a synthetic phenomenon, sensory-linguistic, existential, which distinguishes his work from other research schools and directions.
Key words: mythology, mythological thinking, mythology, anthropology, ritual, structuralism, poetics of myth, E.M. Meletinsky.

Актуальность обращения к творческому наследию Е.М. Мелетинского обусловлена тенденциями ремифологизации современной культуры. Массовая культура сегодня является одним из творцов мифов, которые моделируют социокультурную реальность, программируют поведение индивидов. Эти тенденции происходят на фоне кризиса рациональности мышления, в определенной степени архаизации современной культуры. В связи с этим возникает необходимость критического, научного осмысления феномена мифа. Однако в

науке существует определенный плюрализм в отношении того, как понимать природу мифа, его функции, особенности его существования в культуре.

На наш взгляд, осмысление научного наследия такого ученого, как Е.М. Мелетинский, в частности, его работы «Поэтика мифа» является важным шагом на пути поддержания научной рациональности в условиях распространения моделей мышления, свойственных наивному восприятию действительности.

Книга Е. Мелетинского «Поэтика мифа» была издана в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока», опубликованной издательством «Наука» в 1970-х годах. Это фундаментальное теоретико-эмпирическое исследование, которое состоит из трех частей и раскрывает проблемы теории мифа и мифологии XX в., историю направлений и школ, разрабатывающих ритуально-мифологический подход к изучению культуры народов мира. В книге описаны формы мифа и их проявление в фольклоре, специфика мифологического времени, пространства, героя, архетипа; дается переосмысление «мифологизации» литературы XX в. Исследование основывается на серьезной источниковедческой базе, представленной в том числе работами таких ученых, как как А.Ф. Лосев, М. Мюллер, К. Леви-Стросс, М. Элиаде и др.

В относительно небольшом по объему исследовании автор смог поставить важные вопросы о сущности мифа и его влияния на культуру и искусство. Однако понимая, что человечество занималось исследованием этой темы с древних времен, в частности, с тех пор, как в античном мире зародилась философия, которая дистанцировала себя от мифологии, Е.М. Мелетинский пишет об ее обязательной связи с унаследованными архаичными истоками. Это необходимое «выяснение отношений» можно охарактеризовать как движение специфического маятника между полюсами мифологизации и демифологизации культуры. Пик демифологизации приходится на период Просвещения и позитивизма XIX века. Кардинальная ремифологизация началась в эпоху романтизма и расцвела во время неклассической и постнеклассической философии [1, с. 10].

Анализ природы мифа и мифологического мышления включает его сравнение с детским мышлением. По выражению Е.М. Мелетинского, речь идет речь о «чувственной телесности и конкретности, эмоциональности и богатстве воображения при отсутствии рациональности, перенесении на предметы окружающего мира своих собственных качеств (вплоть до отождествления космоса с телом человека), персонификации родовых категорий, неумения абстрагировать атрибуты и форму от субъекта, заменить суть «эпизодами»» [1, с. 15].

Человечество, погруженное в мифологическое мышление, еще не созрело до рационального, и именно поэтому способно создавать мощные поэтические образы. Эти образы настолько чисты в плане эмоций и аффектов, что не представляется возможным, что когда-либо человечество вернется к ним вновь. С развитием логического мышления, диалектики коллективный разум постепенно теряет непосредственный доступ к архаичному фантазированию и творению мифологических миров. Это означает, что в условиях господства рациональности мифология становится резервом символической креативности и глубокой эмоциональной чувственности.

В эпоху романтизма «культурный маятник», по мнению Е. Мелетинского, изменил направление и начал двигаться от рационального полюса к мифологическому. И хотя при этом акценты были смещены в сторону эстетического измерения мифологии как феномена художественного творчества, все же в это время появился ряд глубоких идей относительно природы, структуры и функций мифологического дискурса.

Далее автор предлагает читателю сравнительный анализ вклада в исследование мифа разных «мифологических»

школ. Так, он выделяет функционализм, социологические, психологические школы, структурализм и др. Остановимся на характеристиках некоторых школ. Недостатком антропологической школы М. Мюллера, Е.М. Мелетинский считал определенное оценку мифологии как пережитка, то есть как феномена, присущего лишь архаичным сообществам.

Представители же школы ритуализма считали все мифы ритуальными текстами, а мифы, оторванные от ритуала, – сказками и легендами [1, с. 34]. В контексте данного направления впоследствии оформилась мысль о том, что ритуал и миф – это две обязательных части одного целого, которое имеет драматичную основу. Так, Е.М. Мелетинский отмечает: «Для Хаймана мифолого-ритуальный образец является не только источником происхождения поэтической и, частично, научной традиции, но и синонимом структуры» [1, с. 35]. Эта мысль является достаточно близкой к взглядам английского этнографа Б. Малиновского – основоположника другой школы исследования мифологии в XX веке – функционализма.

Еще одним подходом к исследованию мифологии в XX веке стал структурализм, представленный трудами К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, Р. Барта и др. К. Леви-Стросс указывал на тесную связь между мифологией и языком [2]. Поскольку мифологическое мышление всегда находится на границе между чувственным образом и понятием, то необходимое средство, которое бы устраняло это противоречие путем синтеза, – это язык, лингвистический знак (по Ф. де Соссюру). Е.М. Мелетинский также отмечает, что К. Леви-Стросс «реабилитирует» примитивную логику мифологии, поскольку, «при всей своей конкретности и связи с непосредственными ощущениями, она способна к обобщениям, классификациям и анализу» [1, с. 83].

Мифологический дискурс, будучи достаточно схематическим, апеллирует к ассоциативному процессу у носителей и реципиентов мифа. Следовательно, последние воспринимают миф через призму собственных ассоциаций, как индивидуально детерминированных, так и архетипических. Посредством ассоциативного процесса, который разворачивается в плоскости эмоций и/или интеллекта, человек приближается к обозначаемому в мифологии – аффективному ядру мифологемы. Поэтому понять язык мифов можно лишь с помощью внутренней активности, порождения ассоциаций, которые заполняют пустоты мифических схем.

Е.М. Мелетинский не считает, что миф является сугубо языковым феноменом, системой лингвистических конструктов, которые функционируют в поле культуры. Миф – явление синтетическое, и чувственно-языковое, и экзистенциональное, социальное. «Миф глубоко социален и даже социоцентричен, поскольку ценностная шкала определяется интересами рода и племени, города, государства» [1, с. 170]. Миф существует только в измерении индивидуального или коллективного бытия. Лишь прочитывая мифологические истории и чувствуя его реальное присутствие в своей жизни, можно притронуться к настоящему мифу. Полноценное функционирование мифа возможно, если оно захватывает достаточно длительные периоды жизни, забирает много времени, требует большого психического напряжения (психологические кризисы, «духовные кризисы»). Целые жизненные «эпохи» могут структурироваться вокруг одной мифологемы. Современный образ жизни не способствует погружению во внутренний опыт, не способствует рефлексии. Поэтому миф может «ожить» в современных условиях, но он приходит в реальность индивида, малой или большой группы на длительное время, при этом иногда только через длительный срок возникает возможность осознания того, что это был миф.

Во второй главе Е.М. Мелетинский обращается к традиционным концептам мифологии: осевое время, космос, герой, и др. Ученый делает важное замечание,

что ключом к пониманию мифа являются не повторяющиеся мотивы (структуралистское видение), а архаичное мышление [1, с. 230].

В завершение Е. Мелетинский раздумывает о двух типах взаимодействия литературы XIX – XX веков и мифологии: 1. Сознательный отказ от традиционного сюжета и «топика», окончательный переход от средневекового «символизма» к «наследованию природе», к отражению действительности в адекватных жизненных формах. 2. Попытки сознательного, неформального, нетрадиционного использования мифа (не его формы, а духа), что порой приобретают характер самостоятельного поэтического мифотворчества [1, с. 58].

Работа Е. Мелетинского содержит сопоставительный анализ мифа, его природы, культуры, традиции, искусства, психологии человека и социологии масс, истории народов в целом. Работа показывает принципы владения и использования техники научно-аналитического познания мифа и мифотворчества. В ней впервые в отечественной истории науки оценивается вклад в исследование мифа Э. Кассирера, Д. Кэмпбелла, Р. Барта, К. Юнга и др. в связи с этим можно полагать, что данная книга может рассматриваться в том числе и как учебник по теории мифа XX в., содержащий не только анализ, но и критику различных концепций.

Характерная особенность исследований Е.М. Мелетинского – это попытка уйти от односторонности того или иного подхода к анализу мифа. Стремление совместить элементы структурного, исторического, компаративистского подходов, углубление в изучение семантики мифопоэтических произведений, анализ архаических традиций, мифологических архетипов – все это позволило ученому избежать ограниченности и одноплановости в изучении происхождения и бытия мифа в культуре, перейти к идее о литературно-мифологических архетипах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Meletinsky E.M. Poetics of myth. M.: Science, 1976. 407 p.
2. Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija. M.: Izd-vo JeKSMO-Press, 2001. 512 s.

Поступила в редакцию 08.09.2020.
Принята к публикации 12.09.2020.

Для цитирования:
Ефремова Л.В. Научный подход к мифологии: «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинского // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 188-191. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Efremova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277607
УДК 025.171:027.1

Колосова Г.И.

Колосова Галина Иосифовна, главный библиотекарь Научной библиотеки, заслуженный работник культуры РФ, Томский государственный университет. 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ork_2003@mail.ru

Авторские инскрипты в книгах из личной библиотеки графа П.А. Валуева

Аннотация. С 1885 г. в Научной библиотеке Томского университета хранится книжное собрание известного в России государственного деятеля – графа П.А. Валуева. В статье предметом изучения являются дарственные надписи (инскрипты) в книгах, подаренных графу самими авторами. Среди них писатели, публицисты, историки, ученые разных отраслей науки, общественные и государственные деятели XIX столетия. Тексты инскриптов в рассматриваемых книгах вводятся в научный оборот впервые и воспроизводятся полностью. Они являются документальными подтверждениями взаимоотношений Валуева с известными людьми своего времени, а также своеобразными репрезентантами книжной культуры, литературного этикета и научно-культурного общения в России XIX столетия.
Ключевые слова: П.А. Валуев, личные книжные собрания, инскрипты, русские издания XIX века, Научная библиотека Томского государственного университета.

Kolosova G.I.

Kolosova Galina Iosifovna, Chief Librarian of the Scientific Library, Honoured Cultural Worker of Russian Federation, Tomsk State University. 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: ork_2003@mail.ru

Author's inscriptions in books from the personal library of Count P.A. Valuev

Abstract. Since 1885 a book collection of the famous Russian statesman, Count P.A. Valuev is kept in the Scientific Library of Tomsk University. The article examines dedicatory inscriptions in books donated to the count by the authors themselves. Among those are writers, publicists, historians, scientists of various branches of science, public figures and statesmen of the 19th century. The texts of the inscriptions in the considered books are introduced into scientific circulation for the first time and are reproduced in full. They are documentary evidence of Valuev's relationship with famous people of his time, as well as peculiar representatives of book culture, literary etiquette and scientific and cultural communication in Russia in the 19th century.
Key words: P.A. Valuev, personal book collections, dedicatory inscriptions, Russian publications of the 19th century, Scientific Library of Tomsk State University.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Родовые библиотеки русской аристократии и проблема читателя», грант № 19-012-00038.

Данная статья посвящена дальнейшему изучению состава личной библиотеки Петра Александровича Валуева (1815–1890), члена Государственного совета, министра внутренних дел и государственных имуществ, председателя Комитета министров [8, 9]. В его книжном собрании, которое находится в фонде Научной библиотеки Томского университета, сохранилось около 50 книг с дарственными надписями. Предметом изучения являются дарственные надписи – инскрипты – в книгах, подаренных Валуеву их авторами. Среди них писатели, публицисты, историки, ученые разных отраслей науки, общественные и государственные деятели XIX столетия. Основная задача – раскрыть личный контакт и взаимоотношения Валуева со своими современниками в контексте дарения книги с инскриптом.

Дарственные надписи в книгах давно являются предметом внимания исследователей. Библиографический список относящихся к проблеме изучения книжного инскрипта публикаций с 1934 по 2006 г. представлен в работе О.Н. Ильиной «Изучение личных библиотек в России» [7, с. 128-139]. В последнее время наблюдается повышенный интерес к данной теме, здесь можно отметить работы А.И. Рейтблата, А.С. Янушкевича, Н.В. Гончаровой и др. [3, 13, 16]. Так, например, А.С. Янушкевич считает: «Инскрипт – своеобразный репрезентант книжной культуры определенной эпохи и литературного этикета той или иной страны. Принципиально важен контекст надписи: ее следы в дневнике, эпистолярии, мемуарах, поэзии, ассоциативный фон и т.д.» [16, с. 103].

Самый ранний инскрипт в библиотеке Валуева имеется на сочинении Д.Н. Дубенского и датируется 14 апреля 1827 г. Петр Александрович получил прекрасное домашнее образование, в числе его учителей были некоторые преподаватели Московского университетского благородного пансиона. Так, например, Дмитрий Никитич Дубенский (?–умер в 1863 г.), который преподавал Петру Валуеву русский и латинский языки, подарил своему ученику два своих сочинения. Первое из них – «Рассуждение о водяных сообщениях в России, сочиненное кандидатом словесных наук Дмитрием Дубенским для степени магистра» (М., 1825). На шмуцтитуле он сделал такую надпись: *«Петру Александровичу Валуеву в знак истинного моего уважения и благодарности за успехи и прилежание. Сочинитель. 1827 апреля 14-го».* Как видим, учитель обращается к своему двенадцатилетнему ученику с уважением – по имени и отчеству, благодарит за успехи в учебе и прилежании. В предисловии же к своему сочинению автор отметил: «История искусственных путей водяного сообщения может служить уроком для потомства, постепенного образования и славы народа, их совершившего» [4, с. 3].

Показательна дарственная надпись Дубенского на втором его сочинении «Опыт о народном русском стихосложении» (М., 1828), где он написал: *«Петру Александровичу Валуеву, Юному любителю русского слова в воспоминание старых уроков. Сочинитель. 1828. Октяб. 2».* Дмитрий Никитич не просто хвалит Петра Александровича за успехи в изучении русского языка, но называет его «Юным любителем русского слова». Обе надписи весьма интересны, так как видно, насколько высоко оценивал педагог своего ученика. Как отмечает А.И. Рейтблат, инскрипты, написанные в позиции «сверху вниз», встречаются очень редко [13, с. 165].

В опубликованном дневнике Валуева сохранились сведения о многих русских писателях, среди которых чаще всего упоминается имя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) [1, 2]. Известно, что Валуев первым браком был женат на его старшей дочери Марии. В доме Вяземских он встречался со многими известными литераторами, в том числе с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским. Хотя в 1849 г. Мария Петровна умерла, общение с Вяземскими не прекратилось, о чем

свидетельствуют многочисленные записи в дневнике Валуева. Так, например, в записи от 20 января 1861 г. он отмечает: «Утром в комитете. Потом в Министерстве. Вечером у Вяземских на литературном вечере, где познакомился с Гончаровым» [1, с. 61]. Запись от 5 декабря 1866 г.: «Читал кн. Вяземскому отрывки из моих записок и мою всеподданнейшую записку 13 апреля 1863» [2. с. 174]. Одна из последних записей от 25 марта 1874 г.: «Кн. Вяземскому за 80? Печально» [2, с. 307].

Среди книг на русском языке в библиотеке Валуева есть два сочинения П.А. Вяземского. В одном из них – «Фон-Визин. Биография» (1848) – автор впервые полностью раскрывает биографию русского писателя и публикует некоторые архивные документы. В 1864 г. Вяземский издает свои воспоминания, написанные по поводу кончины графа А.А. Бобринского. В верхней части обложки этой книги он написал: *«Петру Александровичу Валуеву от автора».* Такая предельно краткая надпись отражает специфику отношений Вяземского со своим зятем и в то же время является подтверждением их долгой дружбы.

Многие исследователи считают, что инскрипты, написанные в позиции «по горизонтали» (т.е. когда даритель и адресат равны по статусу), были достаточно частым явлением в то время. Так, например, в дневнике Валуева имеются записи о встречах с Павлом Александровичем Мухановым (1797–1871), членом Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел. Муханов был известен также как историк и издатель материалов по отечественной истории, долгие годы он был председателем Археографической комиссии. В библиотеке Валуева сохранилось несколько его исторических трудов. Несомненный интерес представляет «Сборник Муханова», изданный им в 1836 г. в Москве. В предисловии к сборнику автор поясняет: «Собрав много любопытных документов, относящихся до отечественной истории, я решился их напечатать, в надежде принести пользу занимающимся историческими изысканиями» [13, с. 3]. В «Сборник» вошли 154 акта: грамоты, записки, письма и другие документы исторического, юридического и политического содержания, относящиеся к периоду со времени княжения Василия Дмитриевича до Петра I. Сказать сложно, когда Муханов подарил Валуеву свой сборник, поскольку на титульном листе книги он оставил такую лаконичную надпись: *«Петру Александровичу Валуеву от издателя».* Можно считать, что надпись свидетельствует о положительном отношении Муханова к адресату.

Одна из первых записей об Александре Ивановиче Кошелеве (1806-1883), известном публицисте и общественном деятеле, сделана в дневнике Валуева 13 февраля 1861 г.: «Утром в Комитете. Вечером был у меня Кошелев» [1, с. 68]. В 1864-1866 гг. Кошелев был членом учредительного комитета в Царстве Польском, где на него было возложено управление финансами. В 1871-1872 гг. он издавал журнал «Беседа», критиковавший финансово-экономическую и внутриполитическую деятельность правительства. Но многие его публицистические работы этого периода не могли быть изданы в России, поэтому он вынужден был печатать их в Германии. Так, в своих записках Кошелев пишет: «И вновь изданная мною в Берлине книжка «Об общинном землевладении» подверглась запрещению! Это за что?» [10, с. 145]. В библиотеке Валуева хранится только одна небольшая его брошюра под названием «О нашем денежном кризисе» (М., 1864). На верхней издательской обложке сохранилась надпись: *«Петру Александровичу Валуеву от автора».*

Большинство книг с дарственными надписями были подарены Валуеву в 1860–1870-е гг. Его высокое положение в обществе отразилось и в текстах книжных инскриптов. Не надо забывать, что для многих дарителей Валуев был официальным лицом, поэтому в большинстве своем они писались в позиции «снизу

вверх»: от низшего к высшему по статусу руководителю – так было принято в то время в той среде. А.И. Рейтблат объясняет такую позицию тем, что «дарение книги – акт этикетный, в каком-то смысле обязательный. Столь этикетный характер носит инскрипт» [13, с. 163]. Самым распространенным обращением авторов к Валуеву являлась форма «Его Высокопревосходительству», а сами дарители подписывались просто: «сочинитель», «автор» или «издатель». Только некоторые инскрипты содержали оригинальную подпись дарителя и дату дарения. Рассмотрим отдельные примеры таких дарственных надписей в контексте взаимоотношений дарителей с адресатом.

В библиотеке Валуева имеется несколько сочинений по античной литературе и истории, переводы которых были выполнены Александром Семеновичем Клевановым (1826-1889). Ещё в 1850-е гг. он серьезно начал заниматься переводами сочинений древних классиков, которыми и снискал известность. Уже в 1858-1861 гг. он издал сочинение древнеримского историка Тита Ливия Падуанского «История народа римского» в трех томах. В предисловии к первому тому он пишет: «Сочту себя счастливым, если перевод мой даст хоть слабое понятие Русским читателям о достоинстве подлинника. Мне же он доставляет не только удовольствие, но и отраду» [11, с. X].

В 1861 г. в Москве вышло его сочинение «Обозрение философской деятельности Платона и Сократа», составленное на основе истории древней философии Квинта Метелла Целера. В том же году в его переводе было издано сочинение французского историка Амедея Тьерри «Рассказы Римской истории пятого века: Последнее время Западной империи». Интересно, что все пять своих книг он подарил Валуеву 29 января 1863 г., причем текст надписи во всех экземплярах один и тот же: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву с чувством глубочайшего почтения подносит А. Клеванов. 1863. Янв. 29».* Как видим, обращение к адресату весьма этикетарно, это объясняется тем, что с 1863 г. Клеванов стал работать в Министерстве внутренних дел, возглавляемом в то время Валуевым.

Интерес представляет наличие в библиотеке Валуева книг медицинского характера. Среди них выделяется «Курс практического акушерства» (СПб., 1865), подаренный ему академиком Антоном Яковлевичем Крассовским (1821-1898), которого считают основоположником акушерства в России. В экземпляре сохранилась надпись: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву в знак глубокого уважения и беспредельной преданности от автора».*

В 1850-1857 гг. литератор Григорий Петрович Данилевский (1829-1890) служил чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения, его неоднократно направляли в командировки для сбора материала в архивах южных монастырей. На основе собранного материала в 1866 г. Данилевский издал в Харькове сборник исторических и биографических очерков «Украинская старина, для истории украинской литературы и народного образования». Через два года сборник был удостоен Академией наук малой премии графа Уварова. На экземпляре своего сочинения автор написал: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву от глубоко преданного сочинителя. Г. Данилевский. 3 января, 1871 г.».*

Надо отметить, что проблемы организации образования в стране также интересовали Валуева. В его библиотеке среди книг по педагогике находятся несколько учебных пособий с дарственными надписями Петра Васильевича Евстафиева (1831-1914). В 1870–1880-е гг. он преподавал русскую словесность в Николаевском сиротском институте в Петербурге. В 1877 г. вторым значительно дополненным изданием вышел его учебник «Новая русская литература (от Петра до настоящего времени)» (СПб., 1877), предназначенный для мужских и женских

институтов, гимназий и учительских семинарий. Евстафиев посчитал необходимым преподнести один экземпляр Валуеву, сделав следующую надпись: *«Его Высокопревосходительству Господину Почетному Опекуну, управляющему С.П.Б. Николаевским Институтом Петру Александровичу Валуеву. С глубочайшим уважением имеет честь почтительнейше представить свой труд П.В. Евстафиев. 1877».* Как видим, надпись раскрывает причину дарения книги: поскольку Валуев являлся почетным опекуном Николаевского сиротского института, этикет обязывал автора преподнести свой учебник.

Дарственная надпись сохранилась и на другом учебнике Евстафиева «Начальные основания педагогики, методики и дидактики: учебник для институтов, гимназий и учительских семинарий. Настольная книга для родителей и воспитателей» (СПб., 1879). В предисловии к первому выпуску он пишет: «Педагогика, со временем, конечно, получит в составе общеобразовательного курса то место и значение, какие принадлежат ей, как предмету учебному и воспитательному» [5, с. I]. Второй выпуск посвящен раскрытию начальных оснований дидактики и методики, где дан и исторический очерк воспитания и обучения у древних и новых народов. В подаренном экземпляре автор написал: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву с глубочайшим почтением и признательностью имеет честь представить этот труд. П.В. Евстафиев. 17.XI. 1879».*

В числе знакомых Валуева был и Федор Павлович Еленев (1827-1902), который в 1860 г. исполнял обязанности секретаря у Я.И. Ростовцева, председателя Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах. Затем Еленев долгие годы работал в Санкт-Петербургском цензурном комитете и в Совете Главного управления по делам печати. В дневнике Валуева, бывшего в то время министром внутренних дел, есть интересная запись от 30 января 1863 г.: «Собирал у себя цензоров для программатического с ними объяснения. Г. Цеэ неловко, но он вынужден терпеть. Некоторым цензорам, например, г. Еленеву, не по сердцу, но скрепить сердце приходится» [1, с. 206].

Как публицист Ф.П. Еленев сотрудничал в некоторых периодических изданиях. Среди его сочинений интерес представляет сборник очерков «В захолустье и в столице». В 1867–1869 гг. Еленев опубликовал ряд своих статей под псевдонимом «Скалдин» в журнале «Отечественные записки», а в 1870 г. издал их отдельным сборником, но также под псевдонимом. В предисловии он пишет: «С недавнего времени в наше образованное общество стало проникать сознание, что центр тяжести русской жизни находится не в столице, а в провинциях. Появление этого сознания занимает не последнее место в числе тех перемен, которые совершались на наших глазах в умственной и гражданской жизни России» [6, с. 8]. Вскоре в журнале «Отечественные записки» появилась рецензия, в которой анонимный автор дал сборнику высокую оценку: «Тем более большего внимания и благодарности заслуживает труд г. Скалдина, который представляет нам полную картину провинциальной жизни, преображающейся под влиянием в ней реформ. Труд этот в нашей литературе едва ли не единственный в своем роде – по своей полноте и солидарности» [14, с. 212]. На подаренном экземпляре Еленев написал: *«Его Превосходительству Петру Александровичу Валуеву, в знак высокого и неизменного уважения, от сочинителя. 13-го апреля 1871 г.».*

Как уже упоминалось, в период с 1872 по 1879 гг. Валуев возглавлял министерство государственных имуществ, заведовавшее государственными землями и иным государственным имуществом в России. Поэтому в его библиотеке находятся издания трудов многих известных ученых по горному делу, геологии и гео-

графии, причем многие из них с дарственными надписями.

Почти пятьдесят лет жизни и творчества горного инженера Илиодора Фёдоровича Фелькнера (1829–1895) были связаны с Донецким краем, где он с 1865 по 1871 г. работал Горным начальником Луганского завода. В 1874 г. он издал один из своих капитальных трудов «Каменный уголь и железо в России» (1874), посвященный не только техническим вопросам о каменном угле и железной руде, но и об истории Донецкого края и открытых месторождениях Донецкого бассейна. На экземпляре своей книги он оставил официальную надпись: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву. Усердное приношение автора».*

Знаменитый русский геолог, географ и исследователь Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902) проводил геологические изыскания на Урале, в Восточной Сибири и Средней Азии. В 1876 г. он опубликовал «Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году». На экземпляре, подаренном Валуеву, он написал: *«Его Высокопревосходительству господину Министру Государственных имуществ, Статс–Секретарю Петру Александровичу Валуеву почтительнейше от автора».* Как видим, надпись также носит официальный характер и отражает социальную иерархию.

На экземпляре книги «Русские железные дороги относительно доходов и расходов эксплуатации» (СПб., 1875) имеется очень интересный по содержанию инскрипт: *«Его Высокопревосходительству Петру Александровичу Валуеву. В засвидетельствование глубочайшего уважения свой посильный труд для разъяснения железнодорожного дела имеет честь поднести Автор».* Даритель книги Иван Станиславович Блиох (1836-1901) – русский учёный-экономист, банкир, концессионер железных дорог в Российской империи, меценат.

Настольная книга русского крестьянина под названием «Бог, царь и народ» (СПб., 1880) была составлена редактором и издателем народного журнала «Сельская беседа» Василием Владимировичем Кардо-Сысоевым. На правом форзаце экземпляра он написал: *«Его Сиятельству Графу Петру Александровичу Валуеву с чувством глубокого уважения, от автора. 11 марта 1880 г. С. Петербург».* Как известно, 19 февраля 1880 г. Валуев был возведен в графское достоинство, поэтому автор, называя его графом, обязан был так обращаться к нему «Ваше сиятельство» и указывать титул.

Поскольку в 1870-х гг. Валуев, будучи министром государственного имущества, также возглавлял комиссию для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности, то закономерно наличие в его библиотеке трудов многих известных специалистов в области сельского хозяйства, лесоводства и агрономии. Внимание привлекает книга известного в то время специалиста сельского и лесного хозяйства Василия Иеремиевича Гомилевского (1846-1918). Его руководство для землевладельцев «Основание лесоразведения в степях южной России» было издано в Одессе в 1880 г. По желанию автора экземпляр был переплетен в бордовый бархат, на верхней крышке золотом вытиснены имя автора и название. На отдельном листке, вставленном перед титульным листом, надпись: *«От автора В. Гомилевского 1880. 19. III. Его Сиятельству Графу Петру Александровичу Валуеву, Господину Председателю Комитета Министров».*

Сохранились в библиотеке графа две работы главы Московского главного архива Федора Андреевича Бюлера (1821-1896): «Очерк деятельности комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел» (М., 1877) и «Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божией Матери, принесенной в Россию в 1848 году» (М., 1879). Оба своих труда он подарил Валуеву, сделав в каждом из них одинаковую надпись: *«Его*

Сиятельству Графу Петру Александровичу Валуеву почтительное приношение. Бар. Ф. Бюлер. Москва. 25 ноября 1880 г.».

Итак, последняя дарственная надпись на книге, подаренной Валуеву, датирована 25 ноября 1880 г. Как известно, в октябре 1881 г., при вступлении императора Александра III на престол, Валуев ушел в отставку, сохранив только членство в Государственном совете.

Хронологически дарственные надписи на книгах в библиотеке Валуева охватывают достаточно большой период с 1827 по 1880 год. Как считает Л.А. Озеров, «по надписям на книгах, сделанным одному адресату разными авторами, можно судить об этом адресате. Надписи такого рода сочетаются в общую характеристику человека» [12, с. 232]. Пророческими оказались надписи 1827 и 1829 гг. педагога Д.Н. Дубенского своему ученику – он вполне оправдал оценки своего учителя и стал крупным государственным деятелем. Последующие дарственные надписи фиксируют продвижение Валуева на государственной службе. Небольшие по содержанию тексты инскриптов в книгах его библиотеки являются документальным подтверждением, с одной стороны, разносторонних способностей владельца и продвижения его на государственной службе, с другой стороны, они отражают его взаимоотношения с известными людьми своего времени. Можно констатировать, что впервые вводимые в научный оборот тексты авторских книжных инскриптов из библиотеки графа Валуева имеют свою историю и свою судьбу, являясь своеобразным репрезентантом книжной культуры, литературного этикета и научно-культурного общения в России XIX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х тт. Т. 1. 1861-1864. М., 1961. 422 с.
2. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х тт. Т. 2. 1865-1876. М., 1961. 588 с.
3. Гончарова Н.В. Книги с дарственными надписями в книжном собрании князя С.М. Голицына // Нравственные ценности и будущее человечества. Материалы XXVIII-х Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2019. С. 52-59.
4. Дубенский Д.Н. Рассуждение о водяных сообщениях в России. М.,1825. 118 с.
5. Евстафиев П.В. Начальные основания педагогики, методики и дидактики: учебник для институтов, гимназий и учительских семинарий. Настольная книга для родителей и воспитателей. Вып.1. СПб., 1879. 543 с.
6. Еленев Ф.П. В захолустье и в столице. СПб., 1870. 451 с.
7. Ильина О.Н. Изучение личных библиотек в России. Материалы к указателю литературы на русском языке за 1934-2006 гг. СПб., 2008. 502 с.
8. Колосова Г.И. Запрещенные цензурой русские издания второй половины XIX века в книжном собрании графа П.А. Валуева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. №37. С. 246-257.
9. Колосова Г.И. Русские издания в книжном собрании графа П.А. Валуева, хранящемся в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 241-251.
10. Кошелев А. И. Записки (1812-1883 годы). М., 2002. 476 с.
11. Ливий Тит История народа римского. Пер. А. Клеванова. Т.1. М., 1858. 488 с.
12. Озеров Л.А. Надпись на книге // Встречи с книгой. М., 1979. С. 228-243.
13. Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.
14. Рецензия на «В захолустье и столице». Соч. Скалдина. СПб., 1870. // Отечественные записки. 1871. № 2. С. 211-213.

15. Сборник Муханова. М., 1856. 318 с.
16. Янушкевич А.С. Инскрипт в творческой системе В.А. Жуковского и в книгах его библиотеки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. №1 (13). С. 103-120.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Valuev P.A. Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del. V 2-h tt. T. 1. 1861-1864. M., 1961. 422 s.
2. Valuev P.A. Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del. V 2-h tt. T. 2. 1865-1876. M., 1961. 588 s.
3. Goncharova N.V. Knigi s darstvennymi nadpisjami v knizhnom sobranii knjazja S.M. Golicyna // Nravstvennye cennosti i budushhee chelovechestva. Materialy XXVIII-h Duhovno-istoricheskih chtenij pamjati svjatyh ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodija. Tomsk, 2019. S. 52-59.
4. Dubenskij D.N. Rassuzhdenie o vodjanyh soobshhenijah v Rossii. M.,1825. 118 s.
5. Evstafiev P.V. Nachal'nye osnovanija pedagogiki, metodiki i didaktiki: uchebnik dlja institutov, gimnazij i uchitel'skih seminarij. Nastol'naja kniga dlja roditelej i vospitatelej. Vyp.1. SPb., 1879. 543 s.
6. Elenev F.P. V zaholust'e i v stolice. SPb., 1870. 451 s.
7. Il'ina O.N. Izuchenie lichnyh bibliotek v Rossii. Materialy k ukazatelju literatury na russkom jazyke za 1934-2006 gg. SPb., 2008. 502 c.
8. Kolosova G.I. Zapreshhennye cenzuroj russkie izdanija vtoroj poloviny XIX veka v knizhnom sobranii grafa P.A. Valueva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. 2020. №37. S. 246-257.
9. Kolosova G.I. Russkie izdanija v knizhnom sobranii grafa P.A. Valueva, hranjashhemsja v Nauchnoj biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. 2019. № 34. S. 241-251.
10. Koshelev A. I. Zapiski (1812-1883 gody). M., 2002. 476 s.
11. Livij Tit Istorija naroda rimskogo. Per. A. Klevanova. T.1. M., 1858. 488 s.
12. Ozerov L.A. Nadpis' na knige // Vstrechi s knigoj. M., 1979. S. 228-243.
13. Rejtblat A.I. Pisat' poperek: stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 415 s.
14. Recenzija na «V zaholust'e i stolice». Soch. Skaldina. SPb., 1870. // Otechestvennye zapiski. 1871. № 2. S. 211-213.
15. Sbornik Muhanova. M., 1856. 318 s.
16. Janushkevich A.S. Inskript v tvorcheskoj sisteme V.A. Zhukovskogo i v knigah ego biblioteki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2011. №1 (13). S. 103-120.

Поступила в редакцию 17.10.2020.
Принята к публикации 21.10.2020.

Для цитирования:
Колосова Г.И. Авторские инскрипты в книгах из личной библиотеки графа П.А. Валуева // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 192-199. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Kolosova.pdf

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277834
УДК 1(091)+141.821

Ngo Thi Phuong, Nguyen Thi Lan

Ngo Thi Phuong, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University. Hanoi, Vietnam. E-mail: ngothiphuong.khxhnv@gmail.com.
Nguyen Thi Lan, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University. Hanoi, Vietnam. E-mail: nguyenthilandhqg@gmail.com

Maintaining the working-class nature of the CPV in the current period following Ho Chi Minh's thought

Abstract. Regarding the Communist Party of Vietnam (CPV), President Ho Chi Minh always affirmed that the CPV is the true revolutionary party of the working class. With its social basis from the working class, the Party represents the interests of the working people and the whole nation while performing a leading role. This has formulated the strength and will of the CPV over its 90 years of development. According to Ho Chi Minh's Thought on the CPV, in the current period, such strength and will are to be further strengthened by maintaining the Party's working-class nature. The key for this is the proper regard for organizing and operating principles of the CPV.
Key words: Working class, the CPV, working-class nature of the Communist Party, Marxism-Leninism in Vietnam.

Ho Chi Minh's thought on the working-class nature of the CPV

The CPV – the highest political organization of the working class, the working people and the Vietnamese nation, was born in the early years of the twentieth century as to meet the urgent needs of the Vietnamese's movements against foreign invaders for reclaiming independence and freedom. Since its foundation, the Party has led the working class and the entire Vietnamese nation to glorious victories during its struggle for national liberation and the progress on the socialist path. These achievements result from the Party's efforts in mobilizing the enormous support from the working class, the people, and the entire nation in those revolutionary movements. In return, the working class and the whole nation agree that the Party has represented and fought for their benefits in all circumstances. The very fundamental factor that generates the compatibility between the Party and the working people as well as the entire nation is the working-class nature of the Party.

It is in the working-class nature of the CPV that President Ho Chi Minh – its founder, always required absolute loyalty from all members of the CPV. Under any

circumstances, the CPV has always seen the interests and goals of the working class as the top priority. Therefore, included in writings and speeches of President Ho Chi Minh regarding the organization, construction and leadership of the Party with simple and condensed language, the issue of working-class nature of the CPV is always addressed in multiple aspects.

1.1 The basis defining the working-class nature of the CPV

The birth of the CPV stems from the needs of the struggle for the national liberation and class liberation in Vietnam in the late nineteenth and early twentieth centuries. At that time, the movements fighting for national liberation while complying with feudal and bourgeois ideologies failed to bring true independence to the Vietnamese working people and the entire nation. President Ho Chi Minh, after nearly ten years exploring abroad, even in the dens of imperialism and colonialism, realized: «The only way to save the country and liberate the nation is to follow the pathway of proletarian revolution», and the national interests are strictly tied to that of the working class. The proletariat revolution is the revolution led by the working class through its top political organization, the Communist Party, to achieve the ultimate goal of liberating the working people from all oppression and injustice. The Vietnamese working class, newly born as it was, was small in number and existed as a political force in Vietnamese society and concurrently a part of the international working class with an independent political ideology closely following Marxism-Leninism. The working class was the most advanced and revolutionary class among political forces in Vietnam in the late nineteenth and early twentieth centuries. Therefore, the revolution of the national liberation and class liberation in Vietnam must «… be led by the working class because it is the most advanced, the most enlightened, determined, disciplined and organized class» [6, p. 283]. There is no other way to lead the revolution but through its highest political organization – the Communist Party.

Such are the practical social bases which leads to the foundation of the CPV and defines its working-class nature. Accordingly, the immutable principle is that the Party must always bear the working-class nature. However, this does not mean the CPV only safeguard and pursue the interests of the class. The Vietnamese working class represents the interests of the Vietnamese working people and the whole nation; therefore, the working-class nature of the Party is absolutely not in opposition, but in agreement with the national nature and the entire-people nature. Such is also a distinct characteristic of the CPV.

1.2 Features of the working-class nature of the CPV

The ideological foundation of the CPV is the working-class ideology

Without a revolutionary theory, there cannot be a revolutionary movement. That is the principle, the rule especially emphasized by V.I.Lenin in the process of building a genuine revolutionary Party of the working class as a new model. According to V.I. Lenin, «The role of vanguard fighter can be fulfilled only by a party that is guided by the most advanced theory» [9, p. 32]. The advanced theory, or the revolutionary theory of the working-class movement was nothing but Marxism-Leninism. This is the only theory that has thoroughly discussed the interests of the working class and working people, and how to achieve them. Hence, in the book «Đường Cách Mệnh» (Revolutionary Path) written in 1927, with the view to spreading Marxism-Leninism to the Vietnamese revolutionaries and preparing for the establishment of the CPV, President Ho Chi Minh affirmed, «A revolution cannot be successful without a powerful Party, just like the boat cannot navigate without an experienced captain. If the Party wants to be powerful, it must consider the doctrine as its root. Every party member must comprehend and follow the doctrine. A party without the doctrine is like a person without wisdom, a ship without compass. There might be many ideologies, and doctrines but the truest, most certain and revolutionary is Leninism» [2, p. 268].

Leninism led the working class and the people with communist ideals. The reason is, «Only communism can save humanity, bring freedom, equality, charity, solidarity, prosperity and work to every individual regardless of their race and backgrounds, and be for people, joy, peace, happiness...» [1, p. 461].

The interests and purposes of the CPV are the interests and purposes of the working class.

In the «Sách lược vắn tắt» (Brief Strategy of the CPV) in 1930, implementing the strategy of great national unity to liberate the country, President Ho Chi Minh called on the CPV to unite all forces in the society and adopted the zero-tolerance policy against the opportunism which means no compromises with opportunism. Thus, President Ho Chi Minh advocated «The Party would never sacrifice the interests of the working and peasant class for another class» [3, p. 3]. This means that the interests of the working class and the working people are always at the forefront in every decision of the CPV as well as in all situations of the revolution. The highest principle of the Party, according to President Ho Chi Minh, is each Party member «… must prioritize the interests of the Party above all for the sake of the Party, the interests of the people and the Fatherland» [4, p. 251].

The Party's interests are those of the working class, the working people, the whole nation and the Fatherland. Therefore, the Party's highest goal is to liberate the nation, the working class and working people from all chains of exploitation. This goal is also the legitimate, fundamental, and long-term needs and interests of the working people and the entire people of Vietnam. This objective is also the foundation for the Party to receive constant consensus and support from the entire working people of Vietnam throughout the process of leading the national liberation revolution and building socialism. The Party's strength comes from the strength of Vietnam’s working people. The Party would lose itself whenever it diverts from the goal or disregards it. Thence, the first thing in his Will when mentioning the Party, President Ho Chi Minh affirmed: «Thanks to the close solidarity, and wholehearted service to the class, to the people, and to the Fatherland since its establishment, our Party has united, organized and led the people to one victory to another» [7, p. 510]. The last words in the Will, also President’s last wish as a member of the CPV were: «The whole Party, and our entire people unite to strive, build a peaceful, unified, independent, democratic and prosperous Vietnam, and make a worthy contribution to the cause of the world revolution» [7, p. 510]. In alignment with Ho Chi Minh's will and as the social basis of the CPV, national independence associated with socialism, a wealthy people, a strong country, and a civilized, equitable and democratic society is the general goal in the new social model that the Communist Party and the Vietnamese working people are determined to achieve.

The CPV is the vanguard of the Vietnamese working class.

When the CPV was first founded, President Ho Chi Minh, while compiling Brief political platform of the Party, Brief Party program, emphasized: «The Party is the vanguard of the proletariat and has to win the hearts of the majority of proletariat and make the class capable of leading the people» [3, p. 3]. In accordance with the spirit, the Party not only leads the working class abut also performs the leading role of the working class towards the working masses during the struggle for national liberation and class liberation. The Party must always be at the forefront, and act as an example of revolution awareness and actions. This is what distinguishes the Party from other organizations of the working class and the working people. According to the President, one duty of the party members is «Trying to be a exemplary model for the masses in everything» [4, p. 266]. For the masses to implement the policies of the Party and the Government, party members must volunteer to act as an example for them to follow, and to earn the trust, respect and love of the people.

As the vanguard position of the working class and working people, the CPV includes no other than «the most patriotic, enthusiastic, and revolutionary workers, peasants and intellectual workers. It consists of those who are determined to serve the Fatherland, the people, the labor and those who are public-spirited and selfless, and be a role model in the resistance war» [5, p. 188]. This ideology has always been maintained by the CPV for 90 years of construction and growth executing the country's revolutionary mission. The Party reaffirmed that at the XI National Congress: «The CPV - the vanguard of the working class, the working people, and the Vietnamese nation, is the faithful representative of the interests of the working class, working people and the nation» [8, p. 88].

2. Factors affecting the working-class nature of the Party and some issues related to the working-class nature maintenance of the Party in the current period according to Ho Chi Minh's Thought.

In the current period, the socio-economic development of Vietnam as well as other countries in the region and the world has witnessed many factors with both positive and negative impacts on the CPV and the working-class nature of the Party. Such processes as the accelerating industrialization and modernization associated with the development of the knowledge economy and socialist-oriented market economy and building a rule-of-law government have been facilitating the development and regulation of the Party. In addition, many new challenges and threats have risked fading not only the Party's ideology among the working class and working people but also the working-class nature in a number of members of the Party. Such shifts are evident in the political, ideological, moral, lifestyle, degradation or «self-transformation» among some party member. The Party frankly admitted at the 4th Plenum of Term XII, October 2016: Many cadres and party members and even some leaders have not been exemplary models as their behaviors have even been bureaucratic, authoritarian, and impractical. Such degradation has not been effectively controlled, and even exacerbated in a more subtle and sophisticated way.

In fact, despite certain advantages, some fundamental factors have exerted direct and indirect adverse impacts on the organization and the working-class nature of the Party:

Firstly, the development of socialist-oriented market economy process under the state management has certain shortcomings. In addition to the lack of strictness and synchronicity in the state's mechanisms for economic management, the Party's examination, supervision, inspection, investigation and adjudication are also neither strict and nor timely, creating gaps and opportunities for individualism. As a consequence, a number of Party members, even some with important responsibilities in the Party, have diverted from the Party's objectives and violated interests of the people and nation for personal gains.

Secondly, the globalization and advantages coming with the Fourth Industrial Revolution are the effective means for the rapid socialization of scientific and technological achievements. A wide range of ideas and ideologies have been disseminated into Vietnam as well as to all countries in the world. This is an opportunity for everyone, every nation to have early access to the greatest advances of mankind. However, as the people's intellectual standard has yet to be highly and equally developed among populations in society, the ability to access and apply knowledge among such will yield different levels of effectiveness. As the inevitable consequences, certain disturbances in psychology, thoughts and ideology of masses, officials and party members have emerged.

Thirdly, the opposing forces both inside and outside of Vietnam are increasingly undermining the CPV and its cause of socialist construction in Vietnam with many sophisticated, modern plots and means. Those opposing forces would aim at a number of the Party's members to cause turmoil within their own organization. Besides undermining the leading role of the Party, some other plots involve causing suspicions, or even

rebellious acts of the masses towards the CPV.

Under the circumstances, preserving the working-class nature of the Party is not only a regular but also highly necessary, urgent act and must be implemented synchronously with many other solutions related to enhancing political education, fostering virtuous and talented party members, reinforcing the relationship between the Party and other political organizations of the people. This article only mentions a number of issues regarding the Party's organizing and operating principles for preserving the working-class nature of the CPV, which include maintaining the goal and ideal of constructing socialism for the good of the Vietnamese people and nation.

2.1. Implementing seriously and effectively democratic centralism in the CPV

In the Brief charter of the CPV, President Ho Chi Minh mentioned democratic centralism as a practice of discipline that any party member must adhere to. Accordingly, «The Party members must discuss and express their best opinions about any issue and when the majority has decided, all party members must obey and execute» [3, p. 7]. In the article published in The Truth (1948), democratic centralism was not only a practice of discipline but also the operating and working principle of the CPV: «The collective leadership makes it «democratic». Individual accountability makes centralism. Collective leadership, and individual accountability make democratic centralism. Working without that is against democratic centralism» [4, p. 505]. If this principle is not obeyed, serious consequences are inevitable. Some other implications are the habits of excusism, arbitrary decisions, and unorganized working manner, eventually leading to failures.

In consistence with President Ho Chi Minh's Thought on the democratic centralism of the Party, the Charter of the CPV, through different periods, always states: The CPV is organized under democratic centralism. Such principle has been concretized through functions, duties and powers of each Party committees and party members. It is the basis for ensuring the working-class nature of the CPV.

However, democratic centralism in the organization and operation of the Party has not yet been highly effective and still superficial in practice. Therefore, in the construction and rectification of the Party, the principle should be implemented seriously and effectively. From the lower to the higher party committee level, it is necessary to specify the duties and authority of each individual and larger groups to avoid gaps and overlaps in the Party’s operation. It is also important to hold regular briefings at all levels of party committees to track the performance of individual and groups. Such specifications are the basis for the evaluation and timely discipline in cases of low performance or discipline violations. Democracy is associated with rules and discipline of the Party. Extending democracy is inseparable from tightening rules and discipline. With those, the CPV can effectively mobilize the human resources and simultaneously, improve the sense of responsibility, and prevent sectarian or extreme behaviors of party members.

2.2. Improving the effectiveness of the principle of criticism and self-criticism among members of the CPV

Criticism and self-criticism are vital to the survival of the Party. President Ho Chi Minh stated that «practicing criticism is to highlight the strengths and weaknesses of your comrades. Practicing self-criticism is to highlight your own strengths and weaknesses. Criticism and self-criticism must go hand in hand. They aim for everyone to learn from each other's strengths and together support each other to rectify our weaknesses» [4, p. 267]. This is the means to educate and train the contingent of party members, which in turn improves the party construction. However, criticism and self-criticism work only if the drive are to develop the party members themselves and the Party as a whole. «The purpose of criticism is to help each other improve. In essence, criticism and self-criticism must be practiced to adjust

the working manner for the better, and to preserve and uphold the solidarity and unity within the party» [4, p. 232]. President Ho Chi Minh once stated. Criticism should not be practiced for causing harms to each other nor for self-interests.

For the CPV, criticism and self-criticism are considered regular duties of party members (Article 22, Charter of the CPV). However, criticism and self-criticism within the Party, in some cases, are not practiced honestly and resolutely. Junior members avoid criticizing the seniors, younger members avoid criticizing the elderly, and people of acquaintance avoid criticizing each other, thus precluding highlighting serious shortcomings, or even covering them up. Reprisal and revenge against party members when they come under criticism are disincentives to honest criticism and self-criticism practices. In that event, criticism and self-criticism are not practiced «honestly, «resolutely» and «radically».

To overcome the above-mentioned situations, it is necessary to renew methods of criticism and self-criticism within the Party. The principle should be practiced both directly and indirectly, both hierarchically and nonhierarchically. Impartiality and proper actions are to be included in the when addressing the strengths, weaknesses and oversights of party members and the Party. Cadres and party members as individuals and the Party as a whole must adhere to the Platform and Charter of the Party, State laws and policies, the responsibility of party members for criticism and self-criticism. President Ho Chi Minh's teachings must be strictly executed: «Each cadre and party member must practice daily criticism and self-criticism, regularly improving ourselves. This should be done regularly in the same way as we wash our face every day. If well implemented, it will serve as the «panacea» for negative practices within the Party, keeping the Party immensely strong» [4, p. 239].

2.3. Promoting the role of the masses in supervising cadres and members of the CPV

Supervision within the CPV includes the supervision of party committees at all levels towards party members, and vice versa, in the execution and implementation of the Political Platform, Party Charter, resolutions and directives. This practice demonstrates the leadership role of the CPV while strengthening and preserving the working-class nature of the Party. In the current context, however, despite the aim to improve the efficiency of the Party's activities and preserve its working-class nature, the supervision solely conducted within the Party have failed to ensure the impartiality, and comprehensiveness. Apart from intra-party supervision, the supervisory role of the people is indispensable in monitoring party members and the Party’s organization. The reason is the masses of the people are not only to be led by the Party, but also who it serves. Therefore, more than anyone else, the masses of the people should be the ones who objectively and closely evaluate the leadership of the Party, and is members’ ethics and competence.

The masses of the people act as an essential channel in the surveillance of the CPV. As President Ho Chi Minh wrote: «the masses gather, criticize, articulate their thoughts, elect committees and councils, etc. as the ways to put the leadership under the people's supervision» [4, p. 288]. Currently, promoting the such role of the masses over the Communist Party would require the involvement of Fatherland Front, socio-political organizations of the working class and working people, mass media agencies and social media. These organizations and agencies, on behalf of the people, should voice critical opinions as well as make a contribution to building the Party.

Therefore, strengthening the Fatherland Front and focusing on building socio-political associations of the masses are necessary to not only protect the interests of the masses but also safeguard and build the Party. Among those organizations, particular concern and attention should be given to ones such as the Trade Union, Ho Chi Minh Communist Youth Union, and Women's Union. Regarding private enterprises, and enterprises with foreign direct investment,

business owners may not be members of the CPV. As a result, the Trade Union, the Ho Chi Minh Communist Youth Union, or Women's Union in these establishments may encounter certain problems in their operation and in promoting the masses' roles, thus significantly affecting the workers' interests. The limited roles of the Trade Union, Ho Chi Minh Communist Youth Union and Women's Union also means the supervisory role of the masses in monitoring the ministries and party members is not guaranteed.

In order to consolidate the socio-political mass organizations of the working class, especially in private enterprises and enterprises with foreign direct investment, it is vital to develop a specific operating mechanism to settle issues arising between business owners and the organizations while ensuring the interests of the workers and enterprises. Besides, it is of great importance to diversify channels for information and feedback exchange among workers, enterprises, and organizations. Additionally, improving the efficiency of Party's organizations within enterprises should also be implemented. It is necessary to create an environment in which business owners, the Party's organizations, and socio-political organizations of the working class achieve the highest level of consensus.

REFERENCES

1. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 1. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
2. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 2. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
3. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 3. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
4. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 5. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
5. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 6. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
6. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 9. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
7. Ho Chi Minh. Completed works. Vol. 12. Hanoi: National Political Publishing House, 2009.
8. The Communist Party of Vietnam. XI National Party Congress Document. Hanoi: National Political Publishing House, 2011.
9. Lenin V.I. Completed works. Vol. 6. Hanoi: Progress Publishing House, 1975.

Поступила в редакцию 26.10.2020.
Принята к публикации 29.10.2020.

Для цитирования:

Ngo Thi Phuong, Nguyen Thi Lan Maintaining the working-class nature of the CPV in the current period following Ho Chi Minh's thought // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 200-206. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/NgoNguyen.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277886
УДК 323.2

Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б.

Гончаренко Лев Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21. E-mail: lngksp@rambler.ru.
Авакова Элина Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет). 190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, 26. E-mail: elina_avakova@mail.ru.

Государственная идеология для России: исторический опыт и цивилизационные особенности

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия идеология и ее тесная связь с осуществляемой государством политикой, требующей своего идейного обоснования и сопровождения. На конкретных примерах проиллюстрирован тот факт, что российское государство всегда использовало мощное идеологическое сопровождение своей деятельности. Современный период существования российской государственности при этом актуализирует вопрос о необходимости всеобъемлющей, привлекательной для населения страны и действенной государственной идеологии. Авторы обосновывают свою позицию в отношении формирования новой российской государственной идеологии, которую они называют «интегральной идеологией социального консерватизма», приводят ее общее содержание и основные черты.
Ключевые слова: идеология; государственная идеология; Россия; российское общество; ценности.

Goncharenko L.N., Avakova E.B.

Goncharenko Lev Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University of Economics. 191023, Russia, Saint Petersburg, Sadovaya st., 21. E-mail: lngksp@rambler.ru.
Avakova Elina Borisovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Technology. 190013, Russia, Saint Petersburg, Moskovsky av., 26. E-mail: elina_avakova@mail.ru.

State ideology for Russia: historical experience and civilizational features

Abstract. The article considers the content of the concept of ideology and its close connection with the state policy, which requires its own ideological justification and support. Examples illustrate the fact that the Russian state has always used powerful ideological support for its activities. At the same time, the modern period of existence of the Russian state actualizes the question of the need for a comprehensive, attractive and effective state ideology for the population of the country. The authors justify their position on the formation of a new Russian state ideology, which they call «the integral ideology of social conservatism», and give its general content and main features.
Key words: ideology; state ideology; Russia; Russian society; values.

Существуют разные трактовки термина «идеология». В настоящее время под этим термином чаще всего понимается совокупность идей и взглядов, которые защищают и обосновывают определенные интересы, дают оценку прошлой и настоящей действительности, формулируют представления о будущем.

Идеология не тождественна науке. Наука, в отличие от идеологии, стремится выявить причинно-следственные связи, тенденции, закономерности, понять сущности и смыслы. Интересы науки не корыстны, они нацелены на получение объективных знаний. Идеология выполняет защитные, апологетические, комплементарные функции, добиваясь этих результатов всеми доступными для идейной аргументации средствами. При этом следует понимать, чем ближе та или иная идеология к науке, чем в большей степени она на нее опирается, тем выше у нее шансы добиться необходимого результата и обеспечить интересы объекта своей защиты.

Обычно считается, что идеологии обеспечивают и защищают интересы конкретных социальных групп, будь то классы, страты, группы. Фактически вопрос стоит еще шире. Свою идеологию, или, по крайней мере, определенные идейные защитные и апологетические принципы используют структуры, обладающие общественно значимыми функциями, задачами и интересами: административными, производственными, военными, учебными и иными, такие принципы разрабатываются и реализовываются в жизни отдельных корпоративных объединений, родственных кланов, отдельных семей и даже личностей со своими интересами, потребностями и свойствами характера. Идеология может носить отрывочный, не систематизированный характер, а может приобретать стройный вид и всеобъемлющие масштабы, охватывая сферы экономики, политики, социальных отношений и искусства. В этой связи было бы странно предполагать, что государство, возникшее как машина по управлению общественными делами, может обходиться без идеологии. В развитой форме государство является «политической организацией общества, объединяющей все население страны, представляющей и выражающей его интересы и волю, основным органом власти, управляющим обществом и обеспечивающим его целостность, организованность и определенный порядок в нем» [21]. Идеология тесно связана с осуществляемой государством политикой, которая требует своего идейного обоснования, сопровождения и защиты от критики оппонентов, явных и скрытых противников и врагов, как внутри страны, так и за ее пределами, как в настоящем, так и в будущем.

Разноплановые интересы государства, каждодневная его деятельность в самых разных областях, необходимость мобилизации населения на достижение поставленных целей, поддержание обороноспособности и общественного порядка, требуют не только конкретных действий, но и целенаправленного, планомерного внедрения в общественное сознание определенных, совершенно конкретных идей и представлений, то есть идеологического обеспечения проводимой деятельности.

Стержнем любой государственной идеологии всегда являются интересы, политические притязания, ценности элитарных групп населения, то есть таких групп, которые обладают властью и влиянием в данном государстве. Вместе с тем, государственная идеология не может игнорировать интересы всего государственного социума. Она должна защищать м интересы страны и народа в целом, в противном случае государство не сможет существовать, по крайней мере существовать долго. Как показывает история, государственная идеология имеет тенденцию эволюционировать от интересов избранных к интересам большинства, а затем и интересам всего общества, в противном случае данное государство прекращает свое существование.

Российское государство, как, впрочем, и большинство других государств, никогда не существовало без мощного идеологического сопровождения своей деятельности. Это сопровождение носило уникальный, своеобразный, и, как показала история, действенный характер, отвечая на политические и цивилизационные вызовы на каждом конкретном этапе развития российской государственности.

В Древней Руси мощный идеологический заряд несли летописные сказания, сочинения церковных деятелей, среди которых особо следует выделить «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, разного рода жития святых, исторические повести и сказания. Важнейшими идеологическими документами эпохи Московской Руси выступали «Сказание о князьях Владимирских», Теория старца Филофея: «Москва третий Рим», Идеи патриарха Никона о Святой Руси, как новой Палестине, воплощенные в монументальном церковном строительстве храмового комплекса и монастыря под Москвой под названием «Новый Иерусалим». Обычно обращается внимание на архаику, сказочный характер и научную несостоятельность такого рода сочинений и идей, однако с идеологической точки зрения они были безупречны для своего времени и прекрасно выполняли стоящие перед ними задачи, способствуя формированию единого национального самосознания российского народа и духовному укреплению российской государственности.

В Петровский период государственной идеологией впервые становится идея «общего блага»; Эта идея в разных ее интерпретациях и контекстах просуществует в идеологическом арсенале Российской империи до самого конца ее существования и будет подорвана начавшейся Первой мировой войной. Наряду с этим в Российской империи XIX–XX вв. в качестве официальной государственной идеологии рассматривалась так называемая теория «Самодержавие. Православие. Народность», сформулированная Н.М. Карамзиным и графом С.С. Уваровым. Данная триада явилась своеобразной идеологической альтернативой либеральному лозунгу Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство!». Был положен своеобразный идейный водораздел между сутью и смыслом существования российской и западной цивилизаций.

В СССР была абсолютизирована и внедрена в общественное сознание концепция «диктатуры пролетариата», мировой пролетарской революции и построения коммунизма, сначала в СССР, а затем и во всем мире. Интересы государства и общества оказались неразрывно связанными с идеей революционного переустройства мира и пролетарской глобализации. Высшими ценностями были объявлены свобода как осознанная необходимость подчинения личности интересам коллектива, а также ликвидация частной собственности как основы угнетения человека человеком. В Сталинский период советская идеология была определенным образом трансформирована и дополнена идеями о советском патриотизме, общенародном государстве и объединяющей роли русского народа как «старшего брата» всех народов России. Важнейшим ее положением стала концепция новой исторической общности под названием Советский народ. Была воскрешена и старая идея «общего блага», наполняемая новым, коммунистическим содержанием. Триумфом советской идеологии в ее сталинской интерпретации стала победа Советского народа в Великой Отечественной войне. С гитлеровской Германией и ее союзниками была повержена и их идеология, основанная на воинствующем национализме и проповеди расового превосходства одних народов над другими.

Вступление человечества и, в частности, Российского государства и общества, в новый этап своего развития позволяет сделать целый ряд важных выводов. Конца идеологии, о которой так много говорили адепты деидеологизации, не наступило [1, 3, 14, 22, 23, 27]. Напротив, правильно было бы говорить о редеидео-

логизации жизни на планете [24, 25, 26, 28]. Отсутствие обязательной, единой для всех идеологии в странах с демократическим устройством отнюдь не означает отсутствие государственной идеологии как фактора общественной жизни в этих государствах. Такие идеологические конструкты как «американский образ жизни» или «американская мечта» фактически закрепляют в США общенациональный идеологический консенсус, на страже которого последовательно и достаточно строго стоит само американское государство. Об «американской мечте» снимаются фильмы и пишутся книги [2, 9], нормы американского образа жизни пропагандируются, часто весьма бесцеремонно, и навязываются другим странам и народам. Вполне конкретных принципов общественной жизни придерживаются страны Евросоюза, и они жестко, часто на законодательном уровне, и идеологически – посредством культурной политики, деятельности СМИ закрепляются в практике повседневной жизни стран этого сообщества. Еще в большей степени это характерно для стран Юго-Восточной Азии, не говоря уже о Китае или Вьетнаме.

Современный период существования российской государственности очень остро ставит на повестку дня вопрос о необходимости всеобъемлющей, привлекательной для населения страны и действенной государственной идеологии [7, 16, 17, 18, 19, 20]. Это тем более важно, поскольку западное либеральное общество переживает серьезный кризис, а его лидер – США утратили возможность глобального доминирования и уже не представляет собой образцовую модель общественного устройства [13]. Западные либеральные ценности теряют свою привлекательность и вырождаются в либеральный фундаментализм, ведущий к уничтожению семьи, национальных культур, языков, а, в конечном счете, и вырождению человечества [10]. Особую актуальность и остроту этому вопросу придает острое идеологическое противоборство и культивирование рядом стран Запада, прежде всего входящих в военно-политический блок НАТО идеологии агрессивной русофобии [8, 15]. Идеологическая борьба стала неотъемлемой частью гибридных войн, развернувшихся на планете. Серьезные опасения вызывает контроль транснациональных, прежде всего американских, монополий над всемирной сетью Интернет и прежде всего над социальными и информационными ресурсами, а также банками информационных данных [6, 12]. Постоянного внимания и противодействия со стороны государства требуют различного рода агенты и центры иностранного влияния и представители русофобствующей интеллигенции внутри страны.

Все большую роль в идеологических построениях приобретает так называемая историческая политика, то есть сознательное искажение исторической правды и трактовка прошедших событий в интересах определенных держав и олигархических группировок [11]. При этом следует иметь в виду, что исторические факты, сами по себе, не несут идеологической нагрузки, а вот их выборочное использование, группировка, оценка и тем более сознательное замалчивание неугодных событий и исторических персонажей, определенная интерпретация исторического материала, носят идеологический характер. Особенно ярко это проявляется в трактовке на Западе событий Второй Мировой и Великой Отечественной войны Советского народа 1941-1945 гг. И в этих вопросах ясная и планомерно проводимая государственная идеологическая позиция просто необходима.

Опыт трех десятилетий российской демократии свидетельствует, что идеологическое многообразие в демократическом обществе не исключает существование вполне определенной государственной идеологии, которая выступает в качестве идейного компромисса и формируется в процессе постоянно ведущейся в обществе свободной полемики с носителями самых разных идеологических взглядов и концепций. Основные поло-

жения государственной идеологии, ее ценности получают закрепление в Конституции РФ, поправках к ней, ежегодных посланиях Президента страны, различного рода общегосударственных стратегиях и программах.

Важнейшим приобретением российского государства и социума стало формирование новой российской государственной идеологии новейшего времени, которую можно было бы назвать «интегральной идеологией социального консерватизма» [4, 5]. Ее основными чертами выступают:

1. Использование общецивилизационного опыта развития в контексте с национальными интересами и приоритетами российского государства и общества.

2. Упор на базовые консервативные ценности, связь с духовно-нравствен-ными традициями народа и другими генетическими кодами российской цивилизации.

3. Абсолютный приоритет идеи единой, неделимой, суверенной и территориально целостной России, признание российской государственности в ее исторических границах главной ценностью российской нации, унаследованной от предков.

4. Признание необходимости сохранения в России сильной центральной власти, опирающейся на эффективную властную вертикаль, систему выборных представительных органов и развитую систему местного самоуправления.

5. Единство многонационального российского народа, составляющего единую российскую нацию.

6. Прагматизм и способность к необходимым трансформациям в условиях меняющегося мира в интересах роста благосостояния, национального согласия народа и могущества страны.

7. Открытость миру и способность учитывать интересы своих друзей и партнеров.

Новая государственная идеология позволяет воплотить в практику повседневной жизни, осуществить интегративную, солидаристскую, по самой своей сути, национальную идею России, дискуссия о необходимости которой вот уже много десятилетий ведется в российском обществе. Можно говорить о том, что в России создана и продолжает развиваться, обогащаясь новым содержанием, идеология нового типа, привлекательная для граждан всего постсоветского пространства, органически вписывающаяся в многообразие национальных идеологий живого и развивающегося многополярного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен: Центр. об-ние полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. 234 с.
2. Баранова К.М. XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина). М.: Изд-во МГОУ. 2010. 250 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
4. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Исторические концепции и аксиологические трансформации государственной идеологии в России / Межвузовский сборник научных трудов «Актуальные проблемы современного общества. Социология. Управление. Политика». СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 5-37.
5. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. 2020. Том 31. С. 6-20.
6. Зиновьева Е.С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 43-47.
7. Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В.Е. Идеология для России: пути и препятствия // Свободная мысль. 2016. № 1 (1655). С. 115-122.

8. Иванов А.Г. Россия и Запад: конфликт интересов или новая Холодная война? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5-2. С. 63-67.
9. Коршунова Е.С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 4. С. 22-27.
10. Лавров: Россия не приемлет абсолютизацию либеральных ценностей Запада // Большая пресс-конференция Сергея Лаврова – 2017. ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/3946306
11. Латухина К. Путин: Россия будет отвечать на попытки исказить историю // Российская газета. 11.12.2019. URL: https://rg.ru/2019/12/11/putin-rossiia-budet-otvechat-na-popytki-iskazit-istoriiu.html
12. Лебедева М.М., Харкевич М.В. Роль бизнеса в трансформации политической организации мира // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 1. № 1. С. 34-51.
13. Неймарк М.А. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. 2018. №1 (80). С. 26-35.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 976 с.
15. Путин: причины русофобии на Западе связаны с тем, что утверждается многополярный мир // ТАСС. URL: https://tass.ru/pmef-2017/articles/4300813
16. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
17. Савельева О.О. Формирование новой российской идеологии // Свободная мысль. 2000. № 3. С. 28-41.
18. Славин Б.Ф. Правда и ложь идеологии марксизма и постмодернизма // Свободная мысль. 2016. № 1 (1655). С. 105-114.
19. Славин Б.Ф. Россия в поисках идеологии // Свободная мысль. 2008. № 5 (1588). С. 21-34.
20. Славин Б.Ф. Россия в поисках идеологии и модели развития // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 4. С. 3-29.
21. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
22. Aron R. The Opium of the Intellectuals. N.Y.: Secker & Warburg, 1957. 325 p.
23. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1976. 616 p.
24. Feuer L.S. Ideology and the ideologists. Oxford: Blackwell, Cop. 1975. 220 p.
25. Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft, Stuttg.: Kolhammer, 1971. 350 p.
26. Lodge G.C. The new American ideology, N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1975. 384 p.
27. Popper K.R. A World of Propensities. Bristol: Thoemmes. 1990. 51 p.
28. Wiener A.J. The prospect for mankind and a year 2000 ideology, N.Y.: Hudson Institute, 1972. 57 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aron R. Opium dlja intelligencii. Mjunhen: Centr. ob-nie polit. jemigrantov iz SSSR (COPJe), 1960. 234 s.
2. Baranova K.M. XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty (tvorchestvo Dzh. Jedvardsa i B. Franklina). M.: Izd-vo MGOU. 2010. 250 s.
3. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovanija / per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M.: Academia, 2004. 783 s.
4. Goncharenko L.N., Avakova Je.B. Istoricheskie koncepcii i aksiologicheskie transformacii gosudarstvennoj ideologii v Rossii / Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov «Aktual'nye problemy sovremennogo obshhestva. Sociologija. Upravlenie. Politika». SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2019. S. 5-37.
5. Goncharenko L.N., Avakova Je.B. K voprosu o gosudarstvennoj ideologii sovremennoj Rossii // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Tom 31. S. 6-20.

6. Zinov'eva E.S. Vozdejstvie kompanij internet-industrii na mirovuju politiku // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 1 (28). S. 43-47.
7. Zolotuhina-Abolina E.V., Zolotuhin V.E. Ideologija dlja Rossii: puti i prepjatstvija // Svobodnaja mysl'. 2016. № 1 (1655). S. 115-122.
8. Ivanov A.G. Rossija i Zapad: konflikt interesov ili novaja Holodnaja vojna? // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2017. T. 9. № 5-2. S. 63-67.
9. Korshunova E.S. «Amerikanskaja mechta» v amerikanskoj hudozhestvennoj literature // Omskij nauchnyj vestnik. Serija «Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'». 2017. № 4. S. 22-27.
10. Lavrov: Rossija ne priemlet absoljutizaciju liberal'nyh cennostej Zapada // Bol'shaja press-konferencija Sergeja Lavrova – 2017. TASS. URL: https://tass.ru/politika/3946306
11. Latuhina K. Putin: Rossija budet otvechat' na popytki iskazit' istoriju // Rossijskaja gazeta. 11.12.2019. URL: https://rg.ru/2019/12/11/putin-rossiia-budet-otvechat-na-popytki-iskazit-istoriiu.html
12. Lebedeva M.M., Harkevich M.V. Rol' biznesa v transformacii politicheskoj organizacii mira // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. T. 1. № 1. S. 34-51.
13. Nejmark M.A. Krizis liberal'noj modeli miroporjadka i budushhee Evrosojuza // Sovremennaja Evropa. 2018. №1 (80). S. 26-35.
14. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi: v 2 t. M.: Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 976 s.
15. Putin: prichiny rusofobii na Zapade svjazany s tem, chto utverzhdaetsja mnogopoljarnyj mir // TASS. URL: https://tass.ru/pmef-2017/articles/4300813
16. Rossija v poiskah ideologij: transformacija cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshhestv / pod red. V.S. Mart'janova, L.G. Fishmana. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2016. 334 s.
17. Savel'eva O.O. Formirovanie novoj rossijskoj ideologii // Svobodnaja mysl'. 2000. № 3. S. 28-41.
18. Slavin B.F. Pravda i lozh' ideologii marksizma i postmodernizma // Svobodnaja mysl'. 2016. № 1 (1655). S. 105-114.
19. Slavin B.F. Rossija v poiskah ideologii // Svobodnaja mysl'. 2008. № 5 (1588). S. 21-34.
20. Slavin B.F. Rossija v poiskah ideologii i modeli razvitija // Social'no-gumanitarnye znanija. 2010. № 4. S. 3-29.
21. Sociologija: Jenciklopedija / Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. 1312 s.
22. Aron R. The Opium of the Intellectuals. N.Y.: Secker & Warburg, 1957. 325 p.
23. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1976. 616 p.
24. Feuer L.S. Ideology and the ideologists. Oxford: Blackwell, Cop. 1975. 220 p.
25. Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft, Stuttg.: Kolhammer, 1971. 350 p.
26. Lodge G.C. The new American ideology, N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1975. 384 p.
27. Popper K.R. A World of Propensities. Bristol: Thoemmes. 1990. 51 p.
28. Wiener A.J. The prospect for mankind and a year 2000 ideology, N.Y.: Hudson Institute, 1972. 57 p.

Поступила в редакцию 17.10.2020.
Принята к публикации 21.10.2020.

Для цитирования:
Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Государственная идеология для России: исторический опыт и цивилизационные особенности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 207-213. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/GoncharenkoAvakova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277914
УДК 321.01

Koptelov A.O.

Koptelov Artyom Olegovich, University of Liberal Arts, 620049, Russia, Ekaterinburg, Studencheskaya st., 19. E-mail: kopartol30@yandex.ru.

The political control: problem statement

Abstract. Political control as a special phenomenon is deeply hidden in complex social life. However, its influence is noticeable in many countries of the world. In this regard, there is a need for a more detailed study of this phenomenon from the point of view of setting limits to the permissible impact of the state through political control on society. At present, the influence of the masses on socio-political processes is significantly increasing. Consequently, this is the reason for the growing interest in ways of political control. As social life becomes more complex, a new direction in science is emerging that synthesizes the results of historical, legal, political science, and sociological research. This new direction becomes the subject of this research.
Key words: political control, supervision on population, political loyalty, political investigation, repression.

Political control is a phenomenon that lies on the surface and is deeply veiled in multi-layered social life. It is impossible to ignore its coverage in history, since historical experience must be taken into account when building a rule-of-law state and civil society.

We believe that the main purpose of political control is to provide the current government with objective information about the political moods of the subordinate population in order to make the necessary adjustments to the current political course.

The dramatic increase in the control functions of the modern state gives relevance to the scientific analysis of the problem under consideration and determines the selection of new aspects in its study. It is important to study the historical experience of political control from the point of view of determining the limits of permissible state influence by means of political control on society.

Another characteristic that determined the relevance of the study of this problem is the international feature. Throughout the world, in the twentieth century, the influence of the masses on the sociopolitical processes increased significantly. In this regard, interest in methods of political control has increased significantly, the use of which in a short period allows us to bring the value system of the overwhelming majority of people closer to the norms desired or directly determined by the authorities. In connection with the rapid development of mass communication and the creation of the information society, favorable conditions were created for the implementation of political control by manipulating ideas and images, both rooted in the distant past and newly created by the authorities. These methods are used both domestically and internationally.

Politics, the state, the authorities traditionally play a leading role in the development of Russian society due to its historical, cultural, territorial, geographical features. The existence of a traditionally strong power in Russia contributes to the mobilization of the population and its organizations to carry out large-scale economic work, to protect the borders, to colonize new lands. This requires the maintenance of high authority of the state power and its carriers in the public realization.

The attitude to the control system and the mechanism of its functioning was differ-

ent at one or another stage of statehood development, changes in economic, and, therefore, political life, however, the desire of the ruling regimes to receive timely information about the state of affairs in the country remained unchanged.

Attempts to introduce political control were made by Peter I, who forced the priests to violate the secrets of confession and forced their members to attend church services without fail. In the 20th century, we have a much more complicated phenomenon - the introduction of ideology is added to the actual control, i.e. mass indoctrination of the population, formation, modeling of mass consciousness, stereotypes of the desired behavior. If in the first half of the XX century this phenomenon was mainly inherent in the totalitarian regimes, then in the second half of the century practically all developed states began to engage in the modeling of mass consciousness.

In the modern state, the function of political control (supervision) is preserved, only its content, forms, methods and intensity change.

It is the key role of political control (supervision) in ensuring public and state security that determines the relevance of the research topic.

The practice of controlling the mood of the population and the desire to constructively influence them is perceived as specific to Russia. However, in reality, it is of a wider, general European or even global character. Thus, in the period between the two world wars, totalitarian measures in essence were carried out by both Nazi Germany and the stronghold of liberalism - England.

Supervision over the mood of the population, therefore, should be understood not only as a «Russian phenomenon», but as an auxiliary function of the Politics of the modern era, one of the variants of which is totalitarianism.

Such a Policy is a tool for the formation of society, as well as a tool to influence the population in order to make its ideal a reality.

Control (supervision) of the population in any of the states is not passive observation. It serves the purposes of effective management, and therefore is constructive. Political power imposes a certain «discourse» in society, certain forms of self-expression and self-identification, and, thus, power control is introduced into the consciousness of every person.

Political control (supervision) involves the cooperation of several state structures, including, of course, political special services, and is an integral part of social control, like organizing a person's mastering of a certain culture, introducing a certain lifestyle, applying sanctions to individuals or groups of individuals them of one or another social norm.

The supervision of the population is not only intended to identify the opinions and attitudes of the population, as it is not reduced to simply controlling this population. Its main purpose is to influence people in order to change their consciousness and behavior. That is, surveillance activities include attempts to gather information about the mood of the population, and measures aimed at transforming these sentiments.

The concept of population surveillance means a special type of collection and processing of information about the entire population of public sentiment for various political purposes. That is, population surveillance is a collection of information, not for the sake of simply describing the state of people's minds, but in order to manage this state and give it a certain form. The state begins to strive to control the population subject to it, not so much in accordance with the principles of law and justice, as in accordance with the principles of efficiency and economy.

Supervision (control) of the mood of the population is not intended primarily to study public opinion, nor is it a preventive, protective measure aimed at preventing any opposition speeches (although, of course, it was used in these purposes too). Supervision was a set of practical measures needed to accomplish the task of redesigning society and transforming each of its individual members.

Thus, political control is understood by us not only as direct control over the behavior and political loyalty of individuals, but

also as a way for the authorities to influence the mass consciousness of people. Political control is an inherent characteristic of absolutely any state. Only scales, forms and methods of its realization are crucial.

At the same time, any system of political control (supervision) exploits a person's natural psychological needs: for security; in belonging to a community; in respect, in recognition; in self-realization; in positive emotions. Using political control and without resorting to significant material costs, the authorities can solve a few problems facing it: to mobilize the population of the country to achieve certain goals; to distance themselves from almost any negative phenomena, and, thus, to smooth out the intrastate conflict between the government and society, etc. At the same time, the authorities, eliminating a possible conflict, at the same time receive a kind of authority to apply emergency measures, including terror, arguing that they must be applied by the presence of a threat (real or imaginary) to society.

Political control is one of the inalienable functions of the state, it originates with the emergence of the state and develops as social life becomes more complex. For many centuries, political control was carried out primarily in the form of political investigation, using repression against extremist antigovernment groups.

Gradually, its functions are becoming increasingly diverse. In the twentieth century, real participation in the daily political life of millions of people in an increasing number of countries, the growing dependence of political regimes on the sentiments of the broadest masses, manifested either through an election mechanism or methods of extraparliamentary opposition, presented new demands for political control.

Now individuals and social groups under social control, while they themselves are involved in its implementation and form the ways in which it is carried out. That is, being under social control, his «passive victims" at the same time participate in the process of its implementation and create forms of control, under which they themselves.

That is, there is a link between population surveillance and social control over society.

Therefore political control should provide the country's leadership not only with information about terrorist and opposition groups, etc., but also provide the government with objective information about political sympathies and antipathies of the population, its reaction to certain actions of the authorities, constantly monitor changes in attitudes regions and social strata, thus creating the opportunity for the necessary adjustment of the political course produced by the authorities.

Since for absolutely any state, the task of protecting the foundations of a sociopolitical system from the encroachments of extremist anti-government groups is topical, society is forced to sanction the use of hidden, secret forms of political control by the state to ensure the harmony and stability of its development. However, their implementation involves the possibility of invasion into the sphere of the declared and guaranteed by the state personal rights and freedoms of a person and citizen (secret correspondence, telephone conversations, inviolability of the home, etc.). Therefore, such an invasion should be legally restricted.

The author believes that political control is a system of regular collection and analysis of information by various branches of the state apparatus about attitudes in society, its various attitudes to the actions of the authorities, about the behavior and intentions of extremist and antigovernment groups and organizations, which includes the following main elements: information gathering, assessment, decision-making, taking into account relevant sentiments, political investigation and repression.

Specifically, political control is a complex of government measures aimed not only at controlling the behavior of an individual, of all social groups, but also at shaping the worldview and behavior of most of the population based on the given ideological canons and practical needs of the regime to create a mass pillar of power.

Political control means analytic-preventive activities of the state, carried out by special units of the state apparatus, with the assistance of other bodies of state power and administration, with the participation of public structures and individual citizens, in order to fulfill the function of preserving the foundations of the existing socio-political system.

Political control is a system of regular collection, evaluation and analysis of information coordinated by political intelligence bodies (political police) by various branches of the state apparatus and specialized public structures about attitudes in society, making decisions that take into account the attitudes of public groups and are designed to influence attitudes of various sectors of society to the actions of the authorities and the intentions of extremist and antigovernment groups and organizations. Political control smoothly flows directly into the political search (spying) with the further use of repression when a threat is detected (real or imaginary) to the state and society.

When social control of the population depends on the media, and not only on intelligence data, the tasks of the political investigation are shifted towards monitoring public opinion and attitudes in society, and especially towards radical groups, who are often deprived of such a tribune as the media, therefore they have to declare about yourself aggressive memorable actions and even terrorist acts.

Unquestionably, without abolishing repression, modern political control implies a definite bias towards analyzing the public reaction to decisions taken by the country's leadership from the standpoint of ensuring the country's security, as well as the participation of political intelligence bodies in developing the main directions of national policy in terms of its impact on social stability and sustainability of the state and society.

Political control is an integral element of state power, one of the important elements of its functioning due to the desire of the government to obtain objective and reliable information about various aspects of society.

In a conclusion, we can note the following:

First, control in its broad sense is an integral attribute of the state under any type of political regime. Moreover, it is one of the most important elements of its functioning due to the desire of the ruling elite to obtain accurate, objective and reliable information about various aspects of the life of society and the activities of the state bureaucracy.

This striving, in turn, is determined by the striving to preserve and hold political power from any kind of encroachment, including from opposition groups and dissenters. In this regard, the state creates an appropriate apparatus of political control, which should have sufficient forces and means to ensure state and public security, to minimize all possible types of probable threats.

Secondly, the forms, methods and scope, the scale of political control, as the goals and objectives of political investigation, are determined by the ruling elite, depending on the type of political regime. Totalitarian, authoritarian and democratic regimes are building the corresponding control system. At the same time, one of the fundamental criteria of distinction is the attitude to legality in the functioning of the system of control and political intelligence.

The violation of rights and freedoms by established regimes of power, for all its unethicality, is a consequence of the state’s attitudes, and it almost always sanctions and carries out the actions that are necessary, from his point of view, to ensure their own security.

Thirdly, the bodies of political investigation are the direct main instrument for exercising political control. The quality of their activities is determined and depends on the state, the ruling elite, defining the goals, objectives and principles of its activities.

The theoretical foundations of the implementation of control are closely related to the trends in the economic, social, and cultural development of the state, which must adequately evaluate them. Otherwise, there may be a drop in the effectiveness of political control and activity of political intelligence in its implementation due to the di-

vergence of its theoretical and methodological basis with the realities of the country's development.

The development of political control shows that at certain stages their quality of functioning may fall. But almost always, due to the understanding by the state authorities of the tasks facing it, these institutions find new forms and methods of control, corresponding to reality.

In general, the theoretical basis of political control may have multivariate schemes with the dominance of the goal of protecting the state system. Activities for its implementation largely depends on obtaining reliable information about the mood of the population, the activities of opposition groups, trends in dissent.

Allocate the so-called police oversight of the population, that is, the collection of individual information about the opponents of the existing system as a preventive measure with the possibility of using against dissident repression, as well as government supervision - the collection of information to familiarize with the mood of the population and manage them.

Methods and forms of obtaining information and ensuring state security are correlated by the state, the ruling elite, depending on the ideas about the objectives of this activity. The main trend in the development of political control and bodies of political investigation can be called all the increased specialization of their activities using advanced methods and technologies.

In this regard, the effectiveness of the political control bodies, the functioning of the entire system is closely related to the quality of the ruling elite, its desire and ability to react in a timely and effective manner to certain situations, thereby setting the parameters for the political control system.

This aspect is manifested in the practical actions of the state security agencies, their daily work to curb the activities of anti-government groups, opposition movements, or other forms of dissent.

In general, the system of political control and bodies of political investigation, being derived from the political regime, the internal political course pursued by the government, are a necessary element of the state mechanism.

REFERENCES

1. Allen W. Hannah Arendt and the ideological structure of totalitarianism // Man and World. April 1993.Volume 26. Issue 2. Pp. 115-129.
2. Holquist P.Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillancein Its Pan-European Context // The Journal of Modern History. Volume 69. Number 3. (Sep., 1997). Pp. 415-427.
3. Kaes A. The Cold Gaze. Notes on Mobilization and Modernity // New German Critique. Volume 59 (Special Issue on Ernst Junger), 1993. P. 116.
4. Social Control in Europe. 1500-1800 / Roodenburg H., Spierenburg P. and Spierenburg C. ed. Volume 1. Columbus: Ohio State University Press, 2004. 381 p.
5. Social Control in Europe. 1800-2000 / Emsley C., Johnson E. and Spierenburg P. ed. Volume 2. Columbus: Ohio State University Press, 2005. 445 P.
6. The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture: The Political Culture of the Old Regime / Bekker K.M. ed. Vol. I. Oxford-New York: Pergamon Press, 1987. 559 p.

Поступила в редакцию 17.10.2020.
Принята к публикации 22.10.2020.

Для цитирования:
Koptelov A.O. The political control: problem statement // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 214-218. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Koptelov.pdf

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277953
УДК 502/504

Ly Cam Tu

Ly Cam Tu, Master, Institute of Anthropology, Vietnam Academy of Social Sciences. Hanoi, Vietnam. E-mail: jirachi.lee.2712@gmail.com.

Gold or fish: behavior towards Nang river's natural resources of the Yao ethnic people in northern upland Vietnam

Abstract. This study examines both material and spiritual values of Nang River to Yao people in the Banh Trach community, Ba Be district, Bac Kan province as well as their behavior towards that natural resource. Study results showed that the Nang River runs through Banh Trach commune which has played an important role in the livelihoods of the Yao. However, the river's ecological environment has been severely degraded due to illegal gold mining. Local people after a long time «forgot» the river and destroyed it for economic benefit, now returned to protect it, especially when local government implemented a project called the Nang River hydropower. It is an interesting example of the human-nature relationship as well as the «awakening» of cultural values associated with environmental protection, stemming from tradition and followed the moral economy point of view. These intangible values are a legacy that can be applied as a basis for policy formulation, to aim at sustainable upland development and environmental protection for their ethnics.
Key words: Nang river, Yao people, Banh Trach commune, moral economy, political anthropology.

Bac Kan is a province located in the North eastern of upland Vietnam. It also a residence of 7 ethnic minorities (Tay, Nung, Kinh, Dao, Mong, Hoa and San Chay) in which the Yao account for 17.6% of the total population. There is also a dense network of rivers and streams in Bac Kan province, which includes the Nang river with a total length of 117km; 87km passes through the Bac Kan province and 25km through the Banh Trach commune [4]. The Nang River has played an important role in the Yao's traditions, from water sources, aquatic resources, cultivated land to entertainment and spirituality. However, that ecosystem is severely changed under the impact of environmental degradation at present, due to illegal gold and mineral mining activities for many years.

This research results show that the Yao in Banh Trach community has been involved in gold mining for a long time, especially during the 1986 - 2010periods. However, more than 10 years later, in 2013, when the hydroelectric project of the Nang River running through the Banh Trach community, the Ba Be district, the Bac Kan province was approved, local people especially the Tay and Yao resisted strongly. This study stems from the question «why do people back to

protect a river that has been polluted by themselves?». It aims to compare the historical context and behavior of Yao people toward the Nang river through history. From that, the reasons behind their behavior are highlighted: the return of Nang river cultural, spiritual, recreational, and historical values in the appropriate policy context.

1. Research Approach and Methodology

The river is not a new topic in Anthropology in particular and in Social Sciences in general. Most of these research access rivers from the perspective of political ecology, considers the natural environment and local populations are being affected by policies, but has rarely mentioned the opposite. So, in this article, the ethnic community is placed in the period of market economic transition, using two different theory approaches: moral economy and rational choice to highlight their decisive role: protect or destroy their natural resources.

The rational choice approach is that farmers are risk takers. Rationalism anthropologist argue that human behavior always has its purpose is to maximize self-benefits, minimize costs and take into account the probability of success. Applying this approach, Samuel Popkin in his book *The Rational Peasant* (1979) argued that peasants «are self-interested individuals» [6, p. 29], «often willing to bet on improvements» [6, p. 31]. Thus, when natural resources such as forest, fish and land have high prices, they are willing to sell them all regardless of future risks.

The moral economy approach argues that the foundation of economics is based on cultural, social, and religious values such as kindness, fairness... Itis directly opposite to the rationalism argument as mentioned above. James Scott (1976) showed that the ethical principle of survival makes them more inclined to maintain their pre-capitalist economic model «as an institution to mitigate risks in a limited technical context and nature is erratic» [3, p. 9]. Accordingly, farmers always tend to avoid any behavior that could create risks in the future, pushing their economic status of below the threshold of survival. For example, exhausting exploitation of resources can leave the next generation with nothing to survive, so long-term resource management and protection measures are followed by the community laws, rules and spiritual beliefs.

Applying both of these theoretical approaches in parallel, the article examines the relationship between the Nang River and livelihoods of the Yao in Banh Trach community, to find out their reasons behind the changes, from protect to destroy, then back to protect it. To answer this research purpose, I used ethnographic methodology, taking ethnographic fieldwork with participant observation as a base. My research was conducted for 2 years, from 2018 to 2020, which 3 times fieldwork each lasting for 2 months, a total of 6 months in the living with the Yao Na Coi village, Banh Trach commune, Ba Be district, Bac Kan province. Not just to observe the actions of Yao people, I also aimed to immerse in, work with, eat with, live with, and experience their life. Secondary documents at the local government level including reports of the Bac Kan Department of Natural Resources and Environment, annual statistical books, reports on socio-economic development… from 2010 to 2020 were also collected. Also, 40 recorded in-depth interviews with local people and hydropower project workers,10 in-depth interviews with government officials in Bac Kan, Banh Trach People's Committee, and village manager were conducted. From the perspective of a Yao person that lives far from home, I tried to describe the picture in as realistically as possible.

2. Fish – a river of everything

The story begins in late 2011 when I returned to my hometown Bac Kan, after 17 years studying in the city. My family had moved to Hanoi since 1998, so there were few opportunities for me to visit the country side. My father was born in Na Coi village, which located at an altitude of 700m above sea level. It is also the northern most top of Bac Kan, bordering Nguyen Binh commune in the Cao Bang province. The residents there are mostly indigenous Coin Yao peo-

ple with 63 households. In addition to Na Coi village, down to the south of Banh Trach commune is a market and one more old Coin Yao villages: Pan Han (51 households). Ban Lap village (49 households), Vang Khinh village (44 households), and a half of Na Noc village (23 households) are the Red Dao people who used to live in Cao Bang province, then emigrated to Banh Trach for over 40 years due to Vietnam-China border war. If the Yao are 9th in terms of population in Vietnam, then in Banh Trach they are second only after the Tay.

Road to Banh Trach, from the Ba Be coach station is about 30km, spreads from south to north, from plain to middle of the mountain, crossing the Nang River. Mr. P - my father's brother-in-law drove me on an old motorbike, crawled across a bamboo bridge. I looked down, surprised because of red-colored water, then asked him: «Why is the Nang River so dirty?» He said: «Because of gold mining. People here did it a lot, also our Yao. Now they were chased by police and ran to An Thang commune nearby». Then my uncle talked about how the Yao in Banh Trach came back and protected Nang river from the gold diggers. I felt very surprised: «You said they were gold miners before. Why did they change?» My uncle cheerfully told me: «It is illegal to dig for gold now».

Following the Yao, especially the old people, I collected their stories. Before 1986, the Nang River used to play a very important role in their life, especially the main source of fish in meals. Having a long time lived near a rich natural resource, the Yao in Banh Trach had built up their traditional knowledge of hunting and fish gathering. «The Nang river used to be very clean, we were able to bath and drink its water. There was also a lot of fish. Each time, we could get more than 10kg of big fish.» (Mr. H). Big and rare fish up to half of a meter long of king carps (*Spinibarbus denticulatus*) and spiny eels (*Mastacembelidae*) were regularly caught. If other ethnic groups have water ponds and rice fields to use as an alternative fish source then the Yao people, especially Coin Yao in Na Coi used to do shifting cultivation with no water inside, so they are almost entirely dependent on the Nang river fish source. River fish took a central role in their daily meals. Nowadays, people in Banh Trach still answer that they prefer the Nang river fish even no though it no longer exists.

Depending on the species of fish, they had different methods such as using earthworm bait, cast net, luffa flower to catch frogs, or rice bran to lure shrimp into the cage... Besides, they also poisoned the fish by mixing chili, *Derris trifoliata* leaf and many other forest poison herbs then dropped into the water. Killed fish were floating all over the river, very easy to harvest. It is important to mention here that, the fishing time and scale were very sustainable with reproduction, development cycle of fish in the Nang River, was restricted by customary folklore like laws and rituals. Traditional laws are passed down from generations through verbal instruction without documentation, managed by village chiefs, clan chiefs, and shaman. For example, fish poisoning could not happen very often but only 3 times a year, in a certain period: from the second rain in summer to July lunar full moon; could not poison twice on the same river part. After the fishing season, from September to November is the reproduction period of many fish species, so these laws mean to keep the Nang River environment clean just in time for that.

Festivals and rituals related to the Nang River are also maintained by the Yao from generation to generation. For them, the most important annual festival was the Spring ceremony (*Tchau sun* in Yao language) - a start of cultivation season. Each house in Na Coi village prepared an offering tray of pork, *Chung* cake, colored paper, corn wine... and brought to the oldest stepped rice field. In that ritual, the shaman had to call the God of the Nang River, thank him for the supplement of water for the rice fields, fish for their meals, protect them from the flood. Old people in Na Coi village told: a

long time ago, their area was surrounded by dense mountains, forests, and hungry wild animals. The Nang River was their only transportation route. Therefore, the Nang river God became their protector of each boat trip, in addition to his supporting role of crops and fish productivity.

The sanctification of the Nang River is based on two basic concepts: gratitude to nature and the punishment of the supernatural if humans cause harm to the Nang River. Like the sustainable fishing mentioned above, Nang river sanctification helps to limit the exploitation of the Yao people's in a balanced and adequate level. In other words, it is a manifestation of the «safety» mindset. They fear that the loss of these resources will affect their future lives, pushing them into shortages of food, water and land... especially in a self-sufficient economy which highly dependent on nature. In terms of long-term food security, community laws and worship of Nang River could be said that always bring a guarantee of resources for the Yao in Banh Trach from generation to generation. Thus, no matter what form is organized, the traditional livelihood of the Yao are built and developed according to the principles of a moral economy.

3. Gold – a river of nothing

In 1986, Vietnam entered the Doi Moi period, by shifting from a centralized, cooperative economy to a new market economy. Free migration and hot economic development according to the market mechanism lead to many serious environmental problems like pollution, resources overexploitation, especially forests and rivers. In the general loss of natural resources all over the country, the Nang River was no exception. Yao people's thoughts changed to follow the political economy perspective, made the sacredness of the Nang River reduced, paving the way for environmental degradation acts.

According to a report of the Center for Environmental Monitoring - Bac Kan Department of Natural Resources and Environment, the current Nang river water quality is low and could not be used for eating, drinking, showering, just only irrigation, and transportation. Water index at some observation points shows a high concentration of heavy metals such as mercury (Hg), lead (Pb), arsenic (As)... because of long time gold mining. Through in-depth interviews, the picture of the early Doi Moi period was told very clearly: a flow of Kinh people from lowland to upland due to reclamation policies then stopped at the Nang River, Banh Trach commune because of the high gold density. Since Doi Moi, trading activities had been strengthened so local people could easily sell their agriculture products to these «gold thieves». The 1993 Land Law allows the Yao to own and trade land as a commodity good, then some fertile cultivation land across the riverbank had been sold to the thieves: «like an extra source of money with much higher price than selling agriculture products…» (Mr. P) The mining process is carried out with rudimentary tools like wooden cones, discarded pots, even mercury can only be stored in plastic bottles, bowls, glass cups… Miners directly mix mercury with raw gold by their hands without caring about the toxicity and without any labor protection gear. The waste after gold separation, including many heavy metals, was dumped directly into the river and causing serious environmental damage.

According to Nang river biodiversity statistics report, Bac Kan Department of Natural Resources and Environment, most of the fish there originated from the Ba Be lake downstream, which are hygienic and sensitive to water quality such as *Mastacembelus Armatus, Spinibarbichthys Denticulatus, C. Multitaeniatus* and species of mackerel (*Bagridae*) family... Therefore, when river water is polluted by gold mining, especially in the 1990-2010 period when gold mining activities in the upstream area took place continuously, the Nang River almost had no fish left. Along with the pollution of water flow due to gold mining, the Nang river fish source had declined sharply.

The population increase put more pressure on productive land, causing watershed

forest decline. Traditionally, a shifting rice field could be produced for 3-4 years, then fallow for 5-7 years, and then return for a crop rotation. However, with new hybrid crops like cassava and maize, one land piece could only be cultivated for 2 years. It means the need for land increased more than ever before, lead to watershed forests damage. Without them, flash floods occurred frequently and the Nang River water level could rise to 2.8m, causing inundation of some cultivated land and swept away many areas of crops [2]. The indiscriminate daily waste directly discharges into the Nang river, along with over exploitation of fish to sell to gold miners, made this abundant resource become depleted quickly.

Cultivation land is also seriously affected. Survey result showed that 46% of the Yao households in Na Coi and Na Noc village from 1986 to 2010 have sold their Nang riverbank land to gold thieves. The average sales of the land area are 200m2 up to 1,000m2; mostly the fertile land along the river bank. Let’s do a calculation that given each household sells at least 200m2, these two villages alone have lost 4,600m2, equivalent to 0.46 ha of agricultural land. Meanwhile, the total area of usable paddy fields in Banh Trach commune is only 119.39 ha [1]. So, the area of land degraded by gold exploitation in 2 villages only is significantly large compared to the total. Seriously dammed mining land takes decades to recover while land resources are not infinite and high population growth rate context. Some fallow gold mine squared 2 to 3 ha was fertile soil land along the river, now became barren and will take up to 20 years to recover.

To summary, livelihoods of the Yao in the study area, under the general development programs of Vietnam have completely transformed from self-sufficiency for consumption to market-oriented. Selling land, river fish, and agricultural products... in exchange for gold are clearly shows their rational thinking which not originated from the community, but from the outside context of marketisation and migration. Clearly, the transition from moral to rational economy shows a profound transition of upland society, whereby the environmental sustainability are gradually broken.

4. «The war» to restore invisible values From returned gold miners…

The 1993 Law on Environmental Protection marked a shift in Vietnam Party and State awareness on environmental issues, but it did not have an impact on mountainous and remote ethnic areas. After 4 years, the Bac Kan People's Committee issued Decision 170/QD-UB/1997 on security and order management in mining areas - the first law to minimize the impact of gold mining activities there. Since then, the police of the Banh Trach commune have repeatedly searched for gold thieves but showed no results. The progress of illegal gold exploitation has even increased in the years 2000-2005 due to the construction of commune roads and Cho Ra coach station. In other words, although local authorities have introduced policies to limit environmental degradation, due to unfavorable natural conditions and lack of human resources, it was difficult to fully implement.

On a national scale, the 2005 - 2013 period was considered a deeply concerned time of environmental and resource issues. National Law on Environmental Protection 2005 issued by the National Assembly replaces the 1993 Law on Biodiversity. On that momentum, Bac Kan Provincial People's Committee also issued many regulations on environmental protection such as Directive 05/2006/CT-UBND on the implementation of Environmental Protection Law; Decision No.2693/2010/QD-UBND about the confiscation of special-use motorcycles and handling material shreds of evidence in illegal mining activities and administrative management in these land area; Decision No. 279/2013/QD-UBND regulating the responsibilities of local agencies, organizations, and units for violations of the Environmental protection law. Based on that, local government officials will have to be sanctioned along if the illegal exploitation of minerals and forest products occurs. Official

staff members of all government levels and functional agencies have to perform their mission of coordinating with local people to strictly protect the river environment. That is seen as a push to strongly promote the participation of grassroots government classes such as village head, youth union, farmer union...

However, real awareness and transformation began within communities where the old people were motivators. Mr. LVT, an elderly village official, retired when being interviewed told me that: «... Nang river is our symbol of the past. If the Nang river exists in our memory, they will know how to protect, and if not, they will destroy everything...» For them, the Nang River fish are not only food but also plays an important cultural and spiritual role, which is leisure in their free time after a long working day. Then, old people make use of every time of the day to tell stories and advise their children. Mr. B, a gold miner recalled that: «every time I come home, my mother would tell me to stop going out for gold. She complains about the lack of fish in the Nang River and she isn't strong enough to take fish out of our pond. At that time, it sounded so bad to me…» The elders even create a story of some person dying from drinking mercury poisoned river water in other gold mines like the An Thang commune (Pac Nam district, which borders Banh Trach commune) to «scare» their children and gold miners.

The culture practicing class such as shamans also plays an important role. Mr. LVT, a high-ranking monk in Khuoi Cha village, Phu Loc commune, Ba Be district was very often invited to Na Coi. Along with leading the ceremony, he often tells stories of spirits, ghosts of dead people, and God in the Nang River during these occasions. According to him, «ceremonies will be lost if people do not believe in it anymore» and the act of gold mining is «committing a serious sin» that makes God's angry. Thanks to his special role in the village, most of the advised people agreed to return home, including a shaman trainee who later became monk like him. Together with the old people, the monks' stories have affected the perception of local youth, bringing about a remarkable effect.

On that momentum, in 2010-2013 periods, continuous annual activities such as celebrating the National Week of Water and Sanitation, World Environment Day, Campaign to make the world cleaner... were organized. Thus, the role of local people in protecting natural resources and the Nang River environment has been significantly promoted. In 2012, after a raid lasted more than two months and many drastic measures such as clearing, expelling the «gold thieves», burning all their camps, destroying all exploitation tools... mining activities in the Nang River area of Banh Trach commune was re-established. Many Yao gold miners in the past then became the leading nucleus in the anti-illegal gold mining movement, including Mr. S. He said: «Sometimes I have to run to the riverbank right after finishing my meal to check and caught a group of miners. Nobody knows them better than me, because I have done it before....» In 2014, Mr. S helped local officials detect a large illegal exploitation, handling many residual chemicals, seized 3 motorbikes, and fined 7 million VND thus he was awarded a certificate of merit from the Banh Trach commune Police Department.

Along with the efforts of local authorities and Yao people, illegal gold mining has been controlled. Obviously, in the complicated terrain geographical conditions and lack of human resources, local people's support is extremely important to thoroughly and effectively implement the proposed policies. Since 2013, when «gold thieves» were swept away from Banh Trach commune, the Nang river entered its stage of recovery. Each natural ecosystem is an open, self-balancing system, contains a great resistance to adverse conditions. In my last visit, the water was clean enough for people to bathe and wash, small fish and shrimp came back from the Ba Be lake to the Banh Trach commune.

To Nang River hydropower dam

In 2009, the Bac Kan People's Committee approved the Nang river hydropower

project with a capacity of 5 MW and 27meters high dam located in the Na Noc village, Banh Trach commune, Ba Be district. Until 2017, this project has passed through the hands of three investors; the most recent is the Nang river Hydropower Limited Liability Company. Although the shortage of electricity for the Banh Trach commune could be solved, hydroelectric dam will damage the entire ecosystem of Nang river, including water flow and coastal areas, even lice affect Ba Be Lake - a famous tourist attraction place upstream.

Facing these shortcomings and ambiguity, local Yao people have shown an intense protest. From 2014 to 2016, many petitions to the People's Committees of Banh Trach and Ba Be districts were written, especially from the Na Coi, Vang Khinh, and Na Noc villages. Not only through the official route, but Yao people also expressed their resistance through traditional verbal instruction methods. In-depth interview results show that most of the workers from other provinces said they were intimidated by the people, and even the nearby households chased them out of the construction site. In contrast, young Yao people often gossiped about cheating stories in hydropower construction projects. Meanwhile, old people continued to use their way: telling the story of spirits and ghosts in the Nang River to scare workers, warning them not to touch their sacred land.

Whether these stories are true or false, with their determination, the Bac Kan People's Committee finally issued a decision to suspend the construction of the Nang River hydropower project in April 2017. By June 2019, from the capital of Program 134, a concrete bridge across the Nang River crossing Na Noc village point was started to be built. People’s need of a safe transportation routine now was solved. The bridge face width is 2,6 meters, enough for trucks to reach the remotest villages in the north of the Banh Trach commune [5]. It is a clear demonstration of the local ethnic’s role, not only helping to implement policies but also adjusting and orienting this policy orientation. The Nang River is reviving, both in the tangible and the intangible.

5. Conclusion

Since the marketisation, Vietnam's highland economy in general, Bac Kan province and Banh Trach commune in particular have achieved many remarkable achievements. The commodity market has become a key source of benefits for Yao people, brought in a much higher source of income than traditional commerce. However, agrarian transition in the uplands has not been without its problems. Gold mining on Nang River causes serious environmental pollution, threatening aquatic species and many gold mining fields after many years cannot restore their original state. The sacredness of the river, traditional culture and beliefs is lost. This is a clear demonstration of the market economy’s two-sided effects on environment and culture in the uplands Vietnam.

On the opposite, although influenced by policy and historical context, local ethnic communities are the subjects who decide to protect or destroy their natural resources. The Nang river in this story has not only been an essential natural resource but also a spiritual symbol of the Yao in Banh Trach commune for generations. That long-lasting relationship rooted through moral, emotional and cultural connection, will «hold back» and recall people, make them realize what is more important than money. Once again, the Yao in Banh Trach returned to a moral economy, with principles based on cultural, social, and belief values. It’s like a «line» sets limits for their life. When that «line» is not completely lost, when the voices of old people, chiefs and shamans are still valid, the gold mine who leave their village will still return. I call this the «balance», or «endurance» of a local custom against external factors that disrupt the internal system.

The moral principles are always there, but invisible and will be faded away if we forget to protect. This indigenous culture depends a lot on local leaders, gatekeepers such as the elderly, chiefs, shamans... because they are who maintain and transmit beliefs to the next generation. Therefore, to

call upon people to join hands and protect the environment, it is important to keep and restore these traditional moral «lines». This, finally, is a problem for our anthropologists to find out which are these «lines» are and how to protect them from modernity.

REFERENCES

1. Banh Trach Commune People's Committee. Report on the Implementation of economic, social, and security tasks in the years 2013 to 2020.
2. Department of Natural Resources and Environment of Bac Kan province. Annual report, in the years 2010 to 2020.
3. James Scott. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence. Yale University Press. U.S, 1976.
4. Le Hung Anh. Diversity of aquatic organisms and water topology in Bac Kan province // Bac Kan Department of Natural Resources and Environment, in collaboration with Hanoi Institute of Ecology and Biological Resources, 2015.
5. Party Committee of Banh Trach Commune. Report on the results of the implementation of socio-economic and Party tasks in 2015, 2016, 2017, and 2018.
6. Samuel L. Popkin. The Rational Peasant: The Political Economy of Rural Society in Vietnam. California, US: University of California Press, 1979.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования:
Ly Cam Tu Gold or Fish: behavior towards Nang river’s natural resources of the Yao ethnic people in northern upland Vietnam // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 219-226. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/LyCamTu.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277935
УДК 316.6

Беспалова Т.М.

Беспалова Татьяна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. 390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46. E-mail: t.bespalova@365.rsu.edu.ru.

Актуальность изучения сформированности гражданской идентичности личности в контексте подрывов традиционных устоев современного российского общества

Аннотация. В статье обсуждается проблема формирования гражданской идентичности личности, включающей в себя, согласно авторской модели, компоненты «гражданская самоидентичность», «морально-нравственные установки», «социальная дистанция», «субъектность», которые раскрывают такие личностные характеристики, как патриотизм, суверенность личности, ответственность, сознательную гражданственность, ценности, жизненные цели, тождественность родной культуре и родному языку и др. Показано, что лица подросткового и юношеского возраста обладают неустойчивой «Я-концепцией», которая была бы способна противостоять разрушительному внешнему воздействию на сознание молодых людей, нацеленному на нивелирование морально-нравственных аспектов, традиционных семейных и ценностей высшего порядка – долга, чести, совести.
Ключевые слова: гражданская идентичность личности, гражданское самосознание, патриотизм, лица юношеского возраста, субъектность личности, ответственность, морально-нравственные установки.

Bespalova T.M.

Bespalova Tatyana Mikhailovna, Candidateof Psychological Sciences, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 390000, Russia, Ryazan, Svobody st., 46. E-mail: t.bespalova@365.rsu.edu.ru.

The relevance of studying the formation of a person's civil identity in the context of undermining the traditional foundations of modern Russian society

Abstract. The article discusses the problem of forming a civil identity of an individual, which, according to the author's model, includes the components «civil self-identity», «moral attitudes», «social distance», «subjectivity», which reveal such personal characteristics as patriotism, personal sovereignty, responsibility, conscious citizenship, values, life goals, identity of native culture and native language, etc. It is shown that persons of adolescent and adolescent age have an unstable «I-concept» that would be able to resist the destructive external influence on the consciousness of young people, aimed at leveling the moral aspects, traditional family and higher-order values – duty, honor, conscience.
Key words: civic identity of the individual, civic consciousness, patriotism, adolescents, subjectivity of the individual, responsibility, moral and ethical attitudes.

Модернизация современного российского общества привела к обострению ряда проблем, игнорирование которых может обернуться катастрофой для продолжения будущего цивилизационного развития России, основой которого является приверженность традиционным устоям, исторической памяти, моральная и идеологическая наполняемость личности каждого гражданина.

В последние годы российскому обществу, и в особенности молодежи, активно навязываются «ценности», никогда ранее не являвшиеся для нашей страны истинными – пропаганда потребления, толерантность к сексуальным меньшинствам, свобода самовыражения во всех формах, монетизация идеалов, ценность которых не определяется в денежном выражении, а относится к разряду духовно-нравственных.

Целенаправленно и планомерно в сознании молодых людей происходит подмена понятий, когда свобода, мораль и нравственность приобретают негативный оттенок, перестают считаться необходимым условием зрелой сознательной личности и начинают считаться «немодными» и «несовременными».

Все это формирует оппозиционные настроения, подрыв авторитета власти, семьи, брака, религиозных организаций и других базовых социальных институтов, отрицание своей истории, взращивание чувства вины за свое прошлое, обесценивание роли родителей, учителей, наставников.

Моральная деградация или, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение морали» современного российского общества, свидетелями чего мы являемся, закономерно наносит непоправимый ущерб не только личности подрастающего поколения, но и подрывает суверенитет страны в целом. При этом, падение нравов, согласно результатам социологических опросов, воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России [4].

Очевидно, что сложившаяся ситуация требует глубокой научной проработки, общественного обсуждения, определение путей ухода от примитивного потребительского отношения к себе и окружающему миру и переход на путь осмысленного перспективного планирования, в основе которого лежит созидательность и социоцентричность.

Содержательное оформление личности немыслимо без гражданской идентичности, которая является индикатором связанных с восприятием явлений окружающей действительности изменений в самосознания [2].

Особое место в структуре личности отводится морали, нравственности, патриотизму. Последний, как отмечает Рубинштейн С.Л., состоит из двух взаимосвязанных уровней: идеологического (формирование патриотического сознания, взглядов, идей и убеждений) и психологического (формирование представлений, чувств, привычек, настроений и стремлений) [3]. Именно такая тесная взаимосвязь способствует укреплению сознания человека, выход его на более высокий, ментальный план, на котором восприятие окружающего мира неизменно будет просеиваться через сформированное самим индивидом идеологическое сито, формируя внутреннюю неразрывную связь со своей семьей, малой родиной, государством.

Проводимые среди учащихся старших классов и студентов исследования с помощью авторских методик (Методика самооценки гражданской идентичности личности (МСГИЛ) (Беспалова Т.М.) и Дифференциального опросника диагностики статуса гражданской идентичности личности (ДОДСГИЛ) (Беспалова Т.М.)) позволили оценить сформированность гражданской идентичности личности и выраженность статусов: гражданская самоидентичность, морально-нравственные установки, социальная дистанция, субъектность.

Выраженность шкал методик позволяет оценить сформированность показателей самооценки, самореферентности и самосознания, входящих в компонент

«Гражданская самоидентичность»; патриотизма и образа Родины, входящих в компонент «Морально-нравственные установки; национального самоопределения, принятия языка и толерантности, входящих в компонент «Социальная дистанция»; ответственности, интернальности и активности, входящих в компонент «Субъектность». Кроме того, была оценена сформированность статусов гражданской идентичности личности - достигнутая, мораторий, псевдоидентичность, навязанная, диффузная. Применение авторских диагностических методик дает возможность увидеть психологическую структуру гражданской идентичности личности, предвосхитить дальнейшее развитие личностных свойств, обеспечивающих ее сформированность, а также разработать рекомендации по ее гармонизации [1].

Результаты исследования показывают, что старшие школьники и студенты младших курсов, как правило, имеют недостаточно сформированный уровень статуса «Достигнутая гражданская идентичность», то есть они обладают невысокой критичностью и гибкостью мышления, проявляющейся в непонимании истинности и ложности доступной и используемой ими информации, неспобности вычленять главное и определять контекстность сообщений, невозможности в большинстве случаев распознать мотивацию информатора, скрытую за маской добродетели, неумении сопоставлять факты и выстраивать причинно-следственные закономерности событий и явлений. Все это приводит к коммуникативной неэффективности, личностной стагнации. Причины таких характерологических проявлений и особенностей кроятся в отсутствии осмысленности и сформированности внутренней мотивации деятельности, ценностной сферы, а также необходимости духовного развития.

Статус «Мораторий», выраженный на среднем уровне, демонстрирует неопределенность эмоционального отношения к феномену гражданской идентичности. Молодые люди, до конца не понимая своего отношения к феномену гражданственности, нечасто проявляют свою социальную и гражданскую позицию, что мешает заводить новые знакомства с представителями значимых для них сообществ и групп, а следовательно, приводит к неэффективности в коммуникативной сфере. Размышления, пусть нечастые, об основных жизненных канонах и смыслах, самосовершенствовании и самореализации, побуждают к формированию картины мира, пока еще неустойчивой, но уже тяготеющей к обретению содержания и смыслов. Возникающий в ходе этого процесса когнитивный диссонанс может обернуться кризисом, способным повлечь за собой изменение стиля жизни и ценностей, поиск информации, способной дать ответы на вопрос о необходимости выступать в полноправного члена общества.

Повышенный уровень статуса «Псевдоидентичность» указывает на низкую рефлексивность и самокритичность, ригидность Я-концепции. Молодым людям свойственно демонстративно декларировать ценности, не являющиеся их внутренней интериоризированной сущностью, не отражающие их состояние, а только лишь относящиеся к общественно одобряемым. При этом декларативные общественные ценностям смогут со временем приобретать статус устойчивой единицы, глубоко проникнутой в сознание как жизненно необходимая. Нежелание обращаться к собственным личностным конструктам, лежащим в основе формирования ценностно-смысловой сферы, может в конечном итоге обеспечить навязанные стереотипы поведения и мышления.

Средний уровень статуса «Навязанная» идентичность указывает на то, что начало формирования гражданской идентичности начинается именно сейчас и обусловлено, в первую очередь, подражанию родительскому поведению и приверженности родительскому мировоззре-

нию. Проявляемые и обсуждаемые молодыми людьми смысловые выборы – отражение ожидания взрослых. Нежелание конфликтовать с родителями на идеологической почве, а также инфантильность собственных взглядом приводят к обострению конформизма, превращающегося в устойчивую стратегию поведения. При этом необходимо отметить, что молодые люди потенциально способны демонстрировать сопротивление, если навязываемые идеалы и ценности конфронтируют с их, возможно, до конца не осознаваемым, но проявляющимся на эмоциональном и интуитивном уровне, представлением о смысловых конструктах. Дихотомия сознания может быть снята только путем рационализации когнитивной и эмоционально-волевой сфер, при которой формирующийся внутренний мир пусть и не одобряется другими, но и не вступает в противоречие с пропагандируемыми в значимой социальной среде ценностями.

Средний уровень статуса «Диффузная идентичность» означает, что молодым людям свойственна ориентация на спонтанные или текущие желания и потребности. Плохо осознаваемая роль и место в обществе, отсутствие перспективных жизненных планов и целей препятствуют трансформации личности в активного гражданина, имеющего свои взгляды и способного их отстаивать. Гражданское самовыражение на этапе формирования ценностного уклада жизни становится краеугольным камнем, лежащим в основании дальнейшего полноценного развития личности и полноправного гражданина страны.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что самооценка собственных сил закрывает окно возможностей для молодых людей, чьи интересы, смысложизненные ориентации и ценности находятся на стадии формирования. Самосознание личности еще пока еще не способно обеспечить ее субьектность, а инфантильность зачастую препятствует становлению ее суверенности. Отсутствие стремления интересоваться не только основными историческими вехами развития страны, но и ее современного политического, экономического и социального статуса, определяющего внешний контур актуальных проблем, блокирует развитие патриотизма, истинной любви к родине, родному языку и своему народу. Несформированность вследствие этого ответственности как одного из ключевых личностных образований преграждает путь к становлению гармонично развитой личности, способной ставить перед собой высокие цели. Решение возникшей проблемы на государственном и общественном уровне могло бы способствовать ликвидации политической безграмотности молодежи, воспрепятствовать дерусификации, развить самостоятельность суждений и критичность мышления для противостояния агрессивно навязываемым извне «либеральным» ценностям, укрепить незыблемость веры в себя и свою страну, повысить личную ответственность, инициировать и развить формирование гражданской идентичности личности, предполагающей воспитание в личности гражданина, наделенного гражданским самосознанием и самоидентификацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Личность. Сознание. Идентичность: Учебно-методическое пособие / сост. Т.М. Беспалова, О.В. Теняева. Рязань: Из-во ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2020. 82 с.
2. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Гражданская идентичность и формирование гражданственности // Ученые записки. 2010. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 4 (12). С. 15.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2007. 720 с.
4. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. 2015. № 1. С. 70-86.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Lichnost'. Soznanie. Identichnost': Uchebno-metodicheskoe posobie / sost. T.M. Bespalova, O.V. Tenjaeva. Rjazan': Iz-vo IP Konjahin A.V. (Book Jet), 2020. 82 s.
2. Ivanova N.L., Mazilova G.B. Grazhdanskaja identichnost' i formirovanie grazhdanstvennosti // Uchenye zapiski. 2010. T. 3. Ser. Psihologija. Pedagogika. № 4 (12). S. 15.
3. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb.: Piter. 2007. 720 s.
4. Jurevich A.V., Ushakov D.V. Nravstvennost' v sovremennoj Rossii // Sociologicheskij zhurnal. 2015. № 1. S. 70-86.

Поступила в редакцию 31.10.2020.
Принята к публикации 04.11.2020.

Для цитирования:
Беспалова Т.М. Актуальность изучения сформированности гражданской идентичности личности в контексте подрывов традиционных устоев современного российского общества // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 227-231. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Bespalova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277975
УДК 330:001: 330.341.1

Векилов К.Ш.

Векилов Кянан Шохрат оглу, доктор философии по экономике, Бакинский Государственный Университет. AZ1148, Азербайджан, г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23. E-mail: kanan.vakilov@gmail.com.

Пути расширения инновационной деятельности в университетах и научных организациях в Азербайджане

Аннотация. В статье рассматриваются пути расширения инновационной деятельности в университетах и научных организациях Азербайджана. С этой целью раскрыта основная сущность инновационной деятельности и создание инновационной среды в стране. Обоснована важность расширения инновационной деятельности путем активного вовлечения ведущих университетов и научно-исследовательских организаций в этот процесс. Рассмотрена необходимость создания соответствующей инновационной инфраструктуры по освоению и применению инновационных идей и функций. Отмечены положительные сдвиги в создании парков высоких технологий и проведении институциональных мероприятий, структурных преобразований в сфере инновационной деятельности в Азербайджане. Анализировано состояние и финансирование научно-исследовательской деятельности в Азербайджане. Подготовлены рекомендации и даны предложения по расширению инновационной деятельности в вузах и научно-исследовательских организациях страны в ближайшей перспективе.
Ключевые слова: Азербайджан, инновационная деятельность, инновации в университетах, инновационная деятельность в научных организациях, национальная инновационная система, перспективы инновационного развития, проблемы инновационной деятельности, инновационные предприятия.

Vekilov K.Sh.

Vekilov Kanan Shohrat, Doctor of Economical Sciences, Baku State University. AZ1148, Azerbaijan, Baku, Zahid Khalilov st., 23. E-mail: kanan.vakilov@gmail.com

Ways to expand innovation activities in universities and scientific organizations in Azerbaijan

Abstract. The ways to expand innovation activities in universities and scientific organizations of Azerbaijan are investigated in the article. The main essence of innovation activity and the creation of an innovative environment in the country are analized for this purpose. The importance of expanding innovation through the active involvement of leading universities and research organizations in this process is considered. The necessity of creation of appropriate innovative infrastructure for application of innovative ideas and functions is given then. Positive development in the creation of high-tech parks and institutional measures, structural changes in the field of innovation in Azerbaijan and financing of research activities in Azerbaijan is analyzed too. Recommendations and proposals to expand innovation activities in universities and research organizations of the country in the near future are given in the end of the article.
Key words: Azerbaijan, innovation activity, innovation in universities, innovation activity in scientific organizations, national innovation system, prospects of innovative development, problems of innovation activity, innovative enterprises.

В связи с совершенствованием модели экономического развития Азербайджана в контексте современных вызовов особое место отводится высокотехнологичным направлениям и, в целом, инноватизации всех сфер национальной экономики страны. Сформирована государственная инновационная политика страны, которая охватывает ряд ключевых целей и задач, в том числе, формирование национальной инновационной системы, создание многофункциональной инновационной инфраструктуры, инновационных зон и парков высоких технологий. Тем более, что в «Стратегической дорожной карте развития телекоммуникаций и информационных технологий в Азербайджанской Республике», утвержденной Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 года, развитие экономики страны на основе современных технологий поставлено в качестве приоритета, определены важные стратегические цели и задачи, обеспечивающие развитие рынка технологий, обусловлена важность формирования и функционирования национальной инновационной системы и др. [7]. Однако для этого необходимо обеспечить работоспособность разработанных концептуальных подходов к инновационному развитию страны с учетом глобальных воздействий. Неслучайно известные азербайджанские ученые Р. Алгулиев и А. Алиев пишут, что в современных глобализирующихся условиях в мировом сообществе считается, что для обеспечения стабильного экономического роста в стране требуется, в первую очередь, развитие науки, инноваций, техники и технологии [1]. А наиболее важным потенциалом развитых стран соответственно являются научные учреждения, образовательные центры и высокоинтеллектуальные личности этих стран. Поэтому в рамках государственной инновационной политики требуется реализация, на наш взгляд, непростых задач для которых необходимы значительные финансовые ресурсы, инвестиционные вложения, трансфер высоких технологий, углубление инновационного сотрудничества с инновационными организациями и предприятиями высокотехнологичных стран мира. Так, исследователь Р.Г. Мурадов отмечает, что инновационная политика страны делится на: 1) создающую благоприятную для инноваций социально-экономическую среду и на 2) непосредственно регулирующую и инициирующую инновационные процессы среду [6]. Отметим, что здесь субъектами инновационной политики государства выступают государственные органы власти, организации и предприятия государственного сектора, отдельные хозяйства, общественные организации разного рода, и, непосредственно, работники научно-исследовательских учреждений и пр.

Следует подчеркнуть, что инновационное развитие и формирование инновационной экономики обуславливают разработку и реализацию крупных инвестиционно-инновационных проектов с участием инвестиционных фондов, вузов, научно-исследовательских организаций и инновационных предприятий. Как отмечает А.Г. Гусейнов, формирование инновационной экономики возможно только путем наращивания средств на разработку и воплощение в жизнь инновационных технологий [4]. Кроме того, результативность инновационной деятельности в большей степени зависит от совершенства управленческих процессов для реализации инвестиционно-инновационных проектов и их содержания. Кроме того, инновационные подходы воздействуют на разные сферы экономики страны и формируют мультипликативное влияние на создание новых конкурентоспособных источников добавочной стоимости, активизируют реализацию интеллектуальных ресурсов, стимулирует научных работников на новые изобретения и поиск новых решений. «Инновационная деятельность всегда нуждается в дополнительном стимулировании, которое обычно осуществляется государством с помощью таких механизмов экономической политики,

как налоговые льготы, кредитование, таможенное регулирование и пр.» [5]. Следовательно, в современных условиях основным приоритетом выступает использование управленческих инноваций на макроуровне и на региональном уровне. Кроме того, требования к внедрению продуктивных инновационных технологий вытекает из необходимости пересмотра структуры всего производства.

Отметим, что за последние годы в Азербайджане предпринимаются усилия для создания конкурентоспособной инфраструктурной сети инновационной деятельности и тем самым ускоряются процессы создания национальной инновационной системы. Например, в результате создания Парка высоких технологий в Пираллахи под эгидой Национальной академии наук Азербайджана Указом Президента от 16 сентября 2013 года можно сказать, что процессы создания национальной инновационной системы активизировались [8]. Полным ходом идет строительство нескольких предприятий этого технопарка, который специализируется на производстве медикаментов и лекарственных препаратов. Благодаря интенсификации реализации стратегических дорожных карт сформировались новые возможности и потенциал для повышения эффективности использования технопарков. Важно решать эти вопросы комплексно и систематически: усилить потенциал для формирования и развития новых источников продуктивного роста национальной экономики можно за счет развития сети технопарков. Мы считаем, что в нашей стране созданы благоприятные условия для обновления структуры национальной экономики и для новаторства за счет обеспечения эффективного использования технопарков, важно и далее активизировать меры, принимаемые в этом направлении. Кроме того, функционирует Сумгаитский Технологический Парк, который отличается многофункциональностью и привлекательностью одновременно для местных и зарубежных инвесторов. Со стороны государства созданы соответствующие условия для развития предпринимательства и создания конкурентоспособных предприятий с целью трансфера высоких технологий. Кроме того, определены налоговые льготы сроком на 10 лет для резидентов данного технологического парка, которые повышают привлекательность для инвестирования. Изучая роль технопарков в инновационном развитии экономики, Н.Б. Боюккиши пишет: «важнейшую роль в механизме наиболее эффективного управления инновационными процессами играет продуктивная система стимулирования и государственной поддержки инновационно-ориентированной и наукоемкой деятельности отечественных предприятий [3]. Так, в этой сфере необходимо в первую очередь усилить кадровую, финансовую, правовую и другие основы поддержки приоритетных инновационных сфер, в частности, эффективен механизм деятельности технопарков и других современных технологических промышленных парков. В связи с этим мы считаем, что в ближайшие годы следует больше внимания уделять формированию инфраструктуры экономики знаний в рамках стратегических и целенаправленных реформ по диверсификации деятельности ненефтяного сектора [2, s. 151].

Для представления более объективного мнения о современном состоянии и научно-исследовательском и инновационном потенциале в Азербайджане, считаем целесообразным проанализировать ряд показателей современного состояния исследовательских услуг в Азербайджане. Таким образом, численность организаций, которые осуществляют научно-исследовательскую деятельность в Азербайджане, 2000-2018 гг. и динамика их численности отображена на рисунке 1.

На рис.2 представлена динамика общих расходов на исследования в Азербайджане, и хотя этот показатель значительно вырос по сравнению с 2000 годом, почти в 10 раз, в целом он очень низкий с точки зрения объективных реалий.

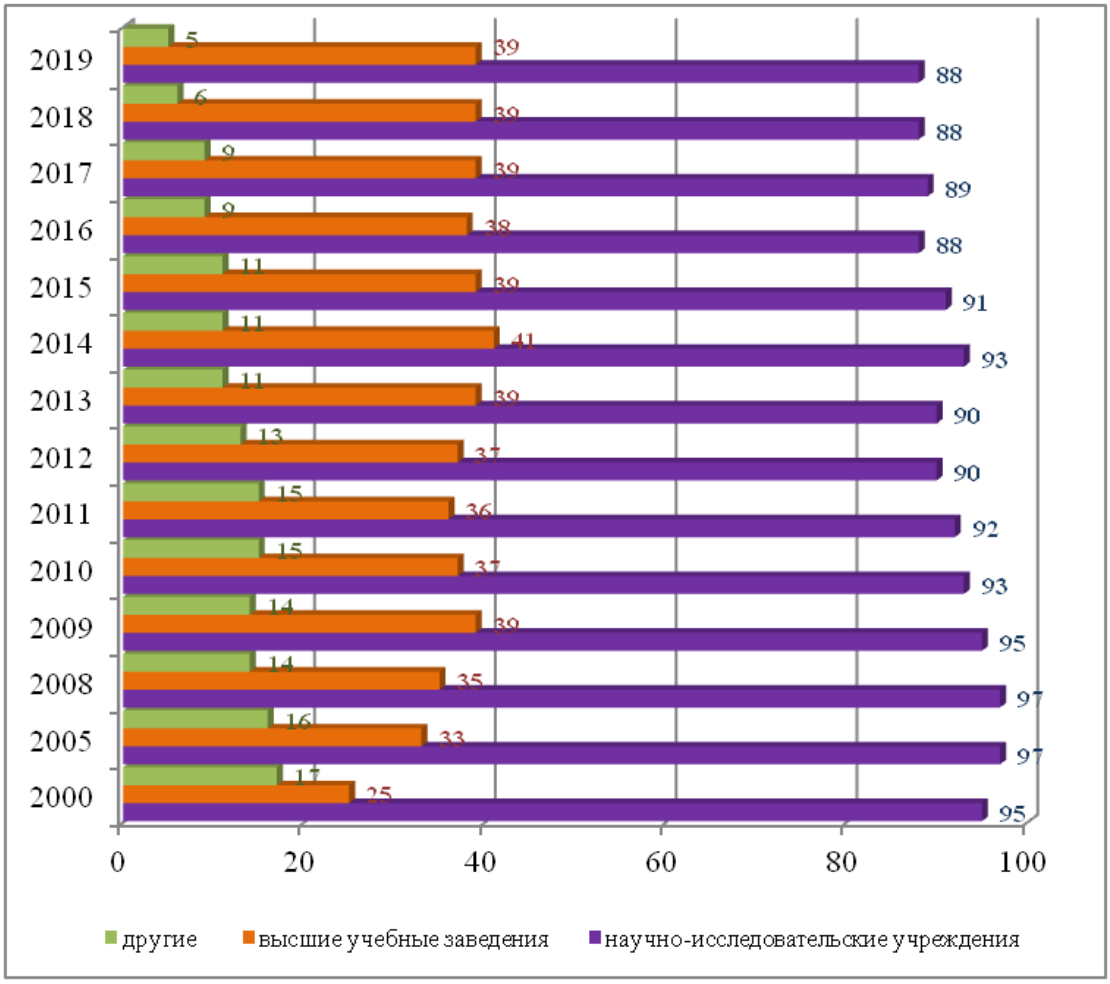


Рис. 1. Численность организаций, которые осуществляют научно-исследовательскую деятельность в Азербайджане, 2000-2018 гг., на конец года [9]

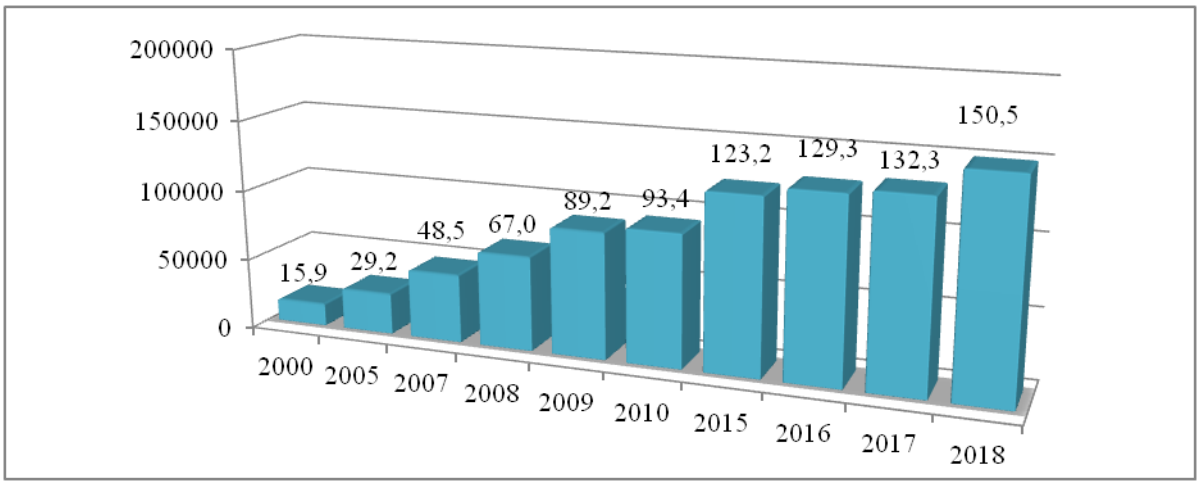


Рис. 2. Динамика общих расходов, затрачиваемых на научно-исследовательскую деятельность в Азербайджане в 2000-2018 гг, млн. манат [9]

Далее представлена динамика расходов из государственного бюджета Азербайджанской Республики на науку за период 2000-2019 гг. (см. рис. 3).

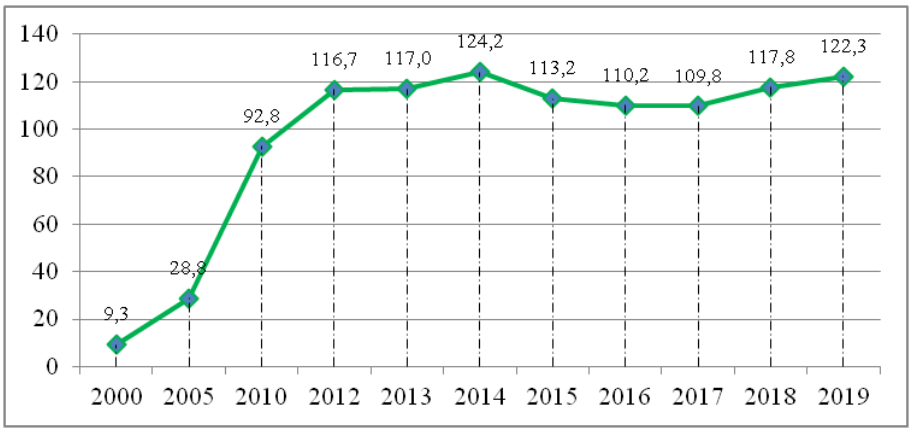


Рис. 3. Динамика расходов на науку из государственного бюджета в Азербайджане за 2000-2019 гг., млн. манат

На рис. 3 показана динамика расходов на науку из государственного бюджета в Азербайджане в целом, и, как видно, рост бюджетных средств за исследуемый период составил 13 раз. За последние 3 года рост так же наблюдался – 11,4 %, но если анализировать долю затрат на науку в ВВП страны, то если в 2000 она составляла 0,2 %, то в 2019 данный показатель уменьшился и составил всего 0,15 % от ВВП Азербайджанской Республики. Поэтому считаем, что для эффективного использования научного потенциала требуется создать условия для венчурного финансирования инновационной деятельности первым делом через фонды государственного стимулирования деятельности по разработке и внедрению инноваций в жизнь, внедрить льготные условия для создания и продуктивной деятельности внебюджетных инвестиционных фондов (см. рис. 4).

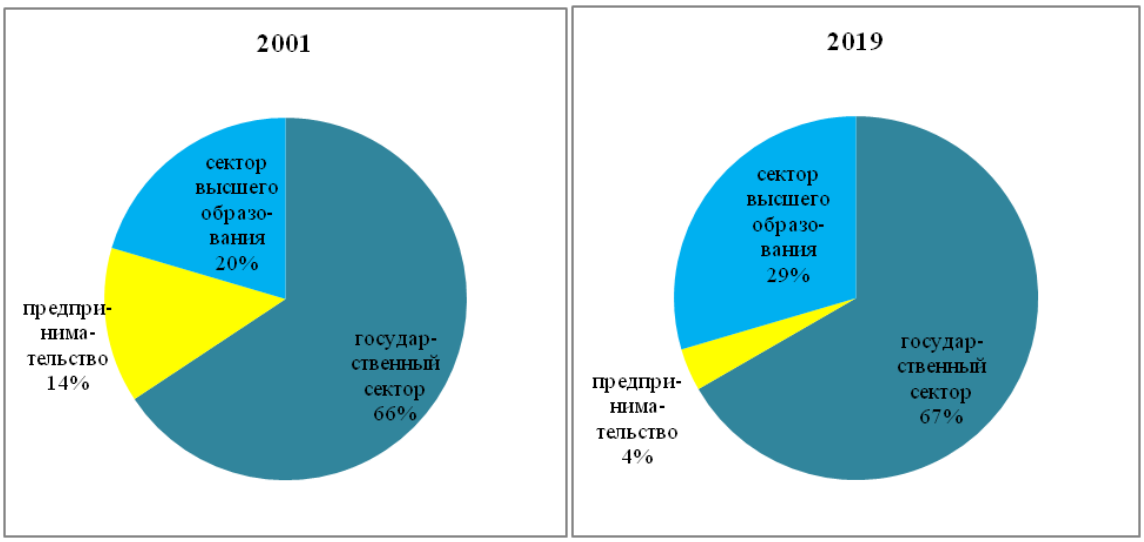


Рис. 4. Распределение предприятий по секторам, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность в 2001 и 2019 году, %

Из рис. 4 видно, что по сравнению с 2001-м годом, в 2019 году доля сектора высшего образования в общем количестве предприятий, занимающихся научно-исследовательской деятельностью выросла на 9 %, что свидетельствует о возросшей значимости вузов в этой сфере.

Таким образом, полагаем, что в последующие годы можно ожидать активизацию инновационной деятельности в Азербайджане с учетом интенсификации инновационных процессов в университетах и научных организациях, при этом считаем необходимым учесть ряд факторов:

– в первую очередь, требуется совершенствование законодательной основы инновационной деятельности в университетах и научно-исследовательских учреждениях страны;

– кроме того, необходимо ускорить завершение формирования национальной инновационной системы с учетом создания соответствующих конкурентоспособных инновационных инфраструктур;

– далее, требуется максимальное стимулирование, мотивация научных работников университетов и научно-исследовательских организаций с целью эффективного использования интеллектуальных ресурсов для активного создания новых инноваций, их освоения и обеспечения соответствующей инновационной среды по применению новых инновационных функций в разных сферах экономики страны и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алгулиев Р., Алиев А. Основные направления академической и инновационной деятельности в развитии сферы ИКТ в Азербайджане // Знания и инновации. №5, 2013. №5. С. 30-34.
2. Алиев Ш.Т. Проблемы применения особых экономических зон. Баку, Фонд развития науки при Президенте Азербайджанской Республики. 2012. 360 с.
3. Боюккиши Н.Б. Технопарки как инструмент инновационного развития экономики Азербайджанской Республики // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. «Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии». 26 октября 2017 г. / Под ред. О.А. Косорукова, В.В. Печковской, С.А. Красильникова. Москва, 2018. С. 313-316.
4. Гусейнов А.Г. Пути совершенствования инновационной деятельности в нефтяной промышленности Азербайджана // Инновации. 2011. №7. С. 44-47.
5. Мамедова Э.Г., Миргейдарова А.И. О совершенствовании инновационной деятельности в нефтегазодобывающей отрасли промышленности Азербайджана // Крымский научный вестник. 2016. №2. С. 246-257
6. Мурадов Р.Г. Перспективы развития инновационной деятельности в Азербайджане. // Экономика АПК. №8, 2015. №5. С. 83-89.
7. Стратегическая дорожная карта развития телекоммуникаций и информационных технологий в Азербайджанской Республике. Утверждено Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 года. 65 с.
8. Указ Президента Азербайджанской Республики о Парке высоких технологий Пираллахи. Баку, 16 сентября 2013 г. С. 49-84.
9. ГСКАР // Официальный сайт. URL: https://www.stat.gov.az/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alguliev R., Aliev A. Osnovnye napravlenija akademicheskoj i innovacionnoj dejatel'nosti v razvitii sfery IKT v Azerbajdzhane // Znanija i innovacii. №5, 2013. №5. S. 30-34.
2. Aliev Sh.T. Problemy primenenija osobyh jekonomicheskih zon. Baku, Fond razvitija nauki pri Prezidente Azerbajdzhanskoj Respubliki. 2012. 360 s.
3. Bojukkishi N.B. Tehnoparki kak instrument innovacionnogo razvitija jekonomiki Azerbajdzhanskoj Respubliki // Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. «Innovacionnaja jekonomika i menedzhment: metody i tehnologii». 26 oktjabrja 2017 g. / Pod red. O.A. Kosorukova, V.V. Pechkovskoj, S.A. Krasil'nikova. Moskva, 2018. S. 313-316.

4. Gusejnov A.G. Puti sovershenstvovanija innovacionnoj dejatel'nosti v neftjanoj promyshlennosti Azerbajdzhana // Innovacii. 2011. №7. S. 44-47.
5. Mamedova Je.G., Mirgejdarova A.I. O sovershenstvovanii innovacionnoj dejatel'nosti v neftegazodobyvajushhej otrasli promyshlennosti Azerbajdzhana // Krymskij nauchnyj vestnik. 2016. №2. S. 246-257
6. Muradov R.G. Perspektivy razvitija innovacionnoj dejatel'nosti v Azerbajdzhane. // Jekonomika APK. №8, 2015. №5. S. 83-89.
7. Strategicheskaja dorozhnaja karta razvitija telekommunikacij i informacionnyh tehnologij v Azerbajdzhanskoj Respublike. Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 6 dekabrja 2016 goda. 65 s.
8. Ukaz Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki o Parke vysokih tehnologij Pirallahi. Baku, 16 sentjabrja 2013 g. S. 49-84.
9. GSKAR // Oficial'nyj sajt. URL: https://www.stat.gov.az/

Поступила в редакцию 26.10.2020.
Принята к публикации 29.10.2020.

Для цитирования:
Векилов К.Ш. Пути расширения инновационной деятельности в университетах и научных организациях в Азербайджане // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 232-238. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Vekilov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4277993
УДК 338.1:334.7:339.923

Гюльмамедов И.Т.

Гюльмамедов Ильгар Тапдыг оглы, диссертант, Университет Западный Каспий. AZ1000, Азербайджанг. г. Баку, ул. Истиглалият, 31. E-mail: g.ilqar@gmail.com

Актуальные проблемы развития промышленных парков в Азербайджане

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития промышленных парков в Азербайджане. Раскрыта сущность промышленных парков в качестве многофункциональных экономическо-производственных комплексов, способствующих диверсификации структуры производства. Рассмотрены важные направления развития перспективных секторов экономики страны по использованию их потенциала с учетом современных глобальных вызовов. Обоснована эффективность промышленных парков в повышении экспортного потенциала и расширении перечня конкурентоспособной промышленной продукции. Отмечена важность создания более благоприятной инвестиционной среды с помощью промышленных парков по привлечению иностранных инвестиций и технологий. Подготовлены рекомендации и даны предложения по актуальным проблемам развития промышленных парков в Азербайджане в ближайшей перспективе.
Ключевые слова: Азербайджан, промышленные парки, промышленная продукция, конкурентоспособность, диверсификация структуры производства, развитие промышленных секторов, инновационно-промышленная продукция.

Gulmamedov I.T.

Gulmamedov Ilgar Tapdiq, Western Caspian University. AZ1000, Azerbaijan, Baku, Istiglaliyat st., 31. E-mail: g.ilqar@gmail.com.

Current problems of development of industrial parks in Azerbaijan

Abstract. The current problems of development of industrial parks in Azerbaijan are considered in the article. The essence of industrial parks as multifunctional economic and production complexes promoting diversification of production structure is investigated. Important directions of development of sectors of the country's economy to use their potential taking into account modern global challenges are considered. The efficiency of industrial parks in increasing export potential and expanding the list of competitive industrial products is justified. The importance of creating a more favorable investment environment with the help of industrial parks to attract foreign investment and technologies are analyzed too. Recommendations and proposals on current problems of development of industrial parks in Azerbaijan in the near future are given in the end of the article.
Key words: Azerbaijan, industrial parks, industrial products, competitiveness, diversification of production structure, development of industrial sectors, innovative and industrial products.

После восстановления независимости в Азербайджане основные промышленные предприятия страны либо остановились, либо используется незначительная часть их промышленных мощностей. Причины этого –

разрыв хозяйственных связей, потери рынков и несостоятельность производимой продукции на международной арене из-за ее низкой конкурентоспособности. Долгое время в стране не было возможностей строительства и модернизации предприятий тяжелой промышленности и обеспечения применения мирового опыта, трансфера высоких технологий, прогрессивных форм и методов управления. Только с появлением нефтедолларов, вырученных после экспорта нефтяного сырья, появились реальные возможности создания более современных и высокотехнологичных промышленных комплексов исходя из международного опыта, одними из которых являются промышленные парки.

Следует подчеркнуть, что эти механизмы успешно и продуктивно используются во многих странах мира из-за многофункциональных характеристик и особенностей по ускорению развития того или иного сектора тяжелой промышленности. Так, в промышленных парках Германии осуществляется реализация приоритетных задач по различным направлениям экономики. Здесь необходимо отметить деятельность большого количества малых и средних промышленных предприятий, нацеленных на инновационное развитие. А так как в Германии нет центральной инновационной системы, то основная роль в интенсификации процессов инновационного развития принадлежит технопаркам и промышленным парках [5]. Кроме того, строительство и развитие промышленных парков положительно способствует созданию сети конкурентоспособных промышленных предприятий, новых рабочих мест, привлечению иностранных инвестиций и, в целом, усилению экономической активности. В аналогичных экономических и производственных структурах формируются более благоприятные условия по освоению и применению новых инноваций, технологий и практичных, в то же время, продуктивных инновационных функций [3]. Промышленные парки играют существенную роль в обеспечении эффективности продуктивного использования природных и экономических ресурсов, усилении экономической активности, улучшении привлекательности бизнес-среды, интенсификации развития предпринимательства и положительно сказывается на выход на международные рынки промышленных субъектов страны. Поэтому государство всячески содействует процессам создания и развития освоения и применения инновационным началам, которые могут успешно реализовываться в промышленных парках.

В нынешнем периоде в структуре экономики Азербайджана интенсивно идут процессы диверсификации и модернизации основных отраслей экономики, особенно, ненефтяных секторов экономики. Реализуется структурные, кадровые и институциональные реформы, одновременно усиливается активность в создании технопарков, промышленных парков, промышленных кварталов и др. [6]. В промышленных парках страны осуществляется планомерное развитие высокотехнологичных направлений промышленности, формируются производственные мощности по переработке важных видов сырьевых ресурсов страны – нефти и газа. Промышленные парки характеризуются многофункциональной деятельностью и существенно влияют на ускорение экономического развития страны [12]. Ключевыми особенностями и полезностью промышленных парков считается развитие перспективных промышленных отраслей за счет углубления их инноватизации на основе высоких технологий и применения инновационных функций, а так же формирование создания более привлекательной инвестиционно-иннова-ционной среды для предпринимателей и участников бизнес-процессов, особенно для зарубежных инвесторов. Расширение возможностей промышленных парков положительно способствует расширению инновационной деятельности, разработке, освоению и применению инновационных идей, со-

зданию современной инновационной инфраструктуры и конкурентоспособной сети инновационных субъектов.

Отметим, что промышленные парки действуют в качестве продуктивного экономического механизма, создавая наиболее благоприятную среду для внедрения новейших достижений и научно-технических инноваций в производство [10]. В промышленных парках со стороны государства создается инфраструктурная база и обеспечивается стимулирование интенсификации привлечения потенциальных компаний-инвесторов. Применяемые льготы существенно мотивируют как местных и так иностранных инвесторов для активного вливания инвестиций в создание и строительство новых конкурентоспособных промышленных предприятий. На наш взгляд, одним из важных преимуществ создания и расширения деятельности промышленных парков считается высокий уровень доступа к энергоносителям и другим инженерным сооружениям. Кроме того, путем создания многофункциональных и современных промышленных парков обеспечивается реализация потенциала различных отраслей экономики, прежде всего, тяжелой промышленности, за счет создания сети современных инфраструктурных объектов и конкурентоспособных предприятий, обеспечивающих эффективное использование научно-технического потенциала и диверсификации структуры производства [2]. Например, в Сумгаитском Парке Химической Промышленности была создана необходимая инфраструктура для улучшения внешней и внутренней материально-технической базы развития производственных предприятий, предоставляются офисные, консалтинговые, лабораторно-аналитические, бизнес-инкубационные услуги, тренинги и услуги профессиональной подготовки, а также рационального осуществления предпринимательской деятельности [4, с. 39]. Отметим, что Указом Президента Азербайджанской Республики от 24 апреля 2013 года утверждено «Образцовое Положение о промышленных парках» [8]. Благодаря представленным налоговым преференциям привлекательность созданных промышленных парков растет и интенсивно увеличивается число регистрируемых резидентов-инвесторов. Процессы создания и развития промышленных парков в Азербайджане перешли в интенсивную фазу. На основе реализации Указа Президента Азербайджанской Республики от 21.12.2011 по созданию крупнейшего по мощности и потенциалу промышленного парка – Сумгайытского химико-промыш-ленного парка, обеспечено создание благоприятных условий для местных и зарубежных инвесторов. Важными факторами здесь является создание сети инфраструктуры для усиления предпринимательской активности в химическом и других ненефтяных секторах экономики [11]. Уже общий объем инвестиций в развитие отраслей ненефтяного сектора, в создание новых производственных площадей, заводов и фабрик более 20-ти резидентов Сумгайытского химического промышленного парка оценивается более 3 млрд. долл. США. В ближайшем будущем планируется увеличить объем инвестиций и создать новые рабочие места. Считаем, что интенсификация отношений между фирмами-резидентами парка и создание новых перерабатывающих площадей на основе полуфабрикатов и сырья окажет положительное влияние на рост добавленной стоимости в экономике страны с одной стороны и, с другой стороны, сыграет значительную роль в организации новых рабочих мест и усилит занятость. Созданные новые инновационные предприятия станут центром разработки и освоения новшеств, сформируют основные элементы инновационной инфраструктуры в стране [7]. Промышленные парки, действующие в стране и являющиеся в преддверие действия, не только отличаются с точки зрения характеристик направления, масштаба и структуры, а так же реализуют возможности образования системы [1, с. 26]. То есть создается

более интегративная научно-производственная и инновационная инфраструктура для реализации результатов научных достижений и, в целом, интеллектуальных ресурсов. Стратегические цели и задачи в данном направлении изложены в «Стратегической дорожной карте развития телекоммуникаций и информационных технологий в Азербайджанской Республике», утвержденной Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 года [9].

Прогнозируется, что в ближайшие годы промышленные парки страны станут продуктивным центром интенсивного и инновационного развития высокотехнологичных секторов страны и для этого требуется учесть ряд немаловажных факторов:

– считаем важным активно использовать все возможности и потенциал созданной производственно-инновационной инфраструктуры в промышленных парках страны и, тем самым, повысить привлекательность данного института для активного привлечения прямых зарубежных инвестиций;

– необходимо активно подойти к существующим проблемам и обеспечить применение передового международного опыта по организации и развитию промышленных парков и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулазизов Э.М. Промышленные парки и кварталы в Азербайджане: характеристика процессов формирования и инвестиций // International scientific journal «Internauka». Series: «Economic sciences». № 6(14), 2018. С. 23-27.
2. Алиев Ш.Т. Перспективы организации и развития специальных экономических зон. Дисс. д-ра экон. наук. Баку. 2015. 350 с.
3. Боюккиши Н.Б. Технопарки как инструмент инновационного развития экономики Азербайджанской Республики // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. «Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии». 26 октября 2017 г. / Под ред. О.А. Косорукова, В.В.Печковской, С.А.Красильникова. Москва, 2018. С. 313-316.
4. Гараев Т. Перспективы развития тяжелой промышленности и машиностроения в Азербайджанской Республике // Ипек Йолу. No.2. 2017. С.33-42.
5. Гюльмамедов И.Т. Важные аспекты повышения эффективности экономического роста в промышленных парках //Technology and science. Международный научный журнал ISJ Theoretical & Applied Science. USA, Philadelphia. 12.12.2018. Issue: 12 Volume: 68. P. 141-148.
6. Гюльмамедов И.Т. Современные проблемы инновационного развития промышленных парков в Азербайджане // Финансовая экономика. Москва. № 9(5). С. 448-451
7. Искандарова А.В. Направления повышения роли промышленных парков в расширении структуры ненефтяного сектора // Аудит. № 3(25). 2019. С.105-114.
8. Образцовое Положение о промышленных парках. Утверждено Указом Президента Азербайджанской Республики от 24 апреля 2013 года.
9. Стратегическая дорожная карта развития телекоммуникаций и информационных технологий в Азербайджанской Республике. Утверждено Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 года. 65 с.
10. Тагиев А.Х. Инновация (в контексте теории и практики). Баку, «Тэкнур». 2018. 552 с.
11. Указ Президента Азербайджанской Республики «О создании Сумгайытского химико-промышленного парка». Баку, 21 декабря 2011 г., №548.
12. Щетинина Т.С., Кузнецов А.Н. Международный опыт развития индустриальных парков // Экономика и менеджмент инновационных технологий. №5. 2017. С. 49-57.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abdulazizov Je.M. Promyshlennye parki i kvartaly v Azerbajdzhane: harakteristika processov formirovanija i investicij // International scientific journal «Internauka». Series: «Economic sciences». № 6(14), 2018. S. 23-27.
2. Aliev Sh.T. Perspektivy organizacii i razvitija special'nyh jekonomicheskih zon. Diss. d-ra jekon. nauk. Baku. 2015. 350 s.
3. Bojukkishi N.B. Tehnoparki kak instrument innovacionnogo razvitija jekonomiki Azerbajdzhanskoj Respubliki // Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. «Innovacionnaja jekonomika i menedzhment: metody i tehnologii». 26 oktjabrja 2017 g. / Pod red. O.A. Kosorukova, V.V.Pechkovskoj, S.A.Krasil'nikova. Moskva, 2018. S. 313-316.
4. Garaev T. Perspektivy razvitija tjazheloj promyshlennosti i mashinostroenija v Azerbajdzhanskoj Respublike // Ipek Jolu. No.2. 2017. S.33-42.
5. Gjul'mamedov I.T. Vazhnye aspekty povyshenija jeffektivnosti jekonomicheskogo rosta v promyshlennyh parkah //Technology and science. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal ISJ Theoretical & Applied Science. USA, Philadelphia. 12.12.2018. Issue: 12 Volume: 68. P. 141-148.
6. Gjul'mamedov I.T. Sovremennye problemy innovacionnogo razvitija promyshlennyh parkov v Azerbajdzhane // Finansovaja jekonomika. Moskva. № 9(5). S. 448-451
7. Iskandarova A.V. Napravlenija povyshenija roli promyshlennyh parkov v rasshirenii struktury neneftjanogo sektora // Audit. № 3(25). 2019. S.105-114.
8. Obrazcovoe Polozhenie o promyshlennyh parkah. Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 24 aprelja 2013 goda.
9. Strategicheskaja dorozhnaja karta razvitija telekommunikacij i informacionnyh tehnologij v Azerbajdzhanskoj Respublike. Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 6 dekabrja 2016 goda. 65 s.
10. Tagiev A.H. Innovacija (v kontekste teorii i praktiki). Baku, «Tjeknur». 2018. 552 s.
11. Ukaz Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki «O sozdanii Sumgajytskogo himiko-promyshlennogo parka». Baku, 21 dekabrja 2011 g., №548.
12. Shhetinina T.S., Kuznecov A.N. Mezhdunarodnyj opyt razvitija industrial'nyh parkov // Jekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij. №5. 2017. S. 49-57.

Поступила в редакцию 28.10.2020.
Принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования:
Гюльмамедов И.Т. Актуальные проблемы развития промышленных парков в Азербайджане // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 239-243. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Gulmamedov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4278020
УДК 316.1

Коньков А.Т., Сарбаа Л.Н.

Коньков Александр Тимофеевич, доктор социологических наук, профессор, Сахалинский государственный университет. 698000, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290. E-mail: konkov_sakh@rambler.ru
Сарбаа Людмила Николаевна, аспирант, Сахалинский государственный университет. 698000, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290. E-mail: Travkina_92@mail.ru.

Соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд» и «паблисити»

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд», «паблисити». Приведена теоретическая интерпретация вышеуказанных определений, сравнительная характеристика и ключевые их различия. Определены основные элементы работы по формированию репутации, имиджа, бренда и паблисити. Констатируется, что удачный имидж, качественный и известный бренд являются неотъемлемой частью деловой репутации организации и все вместе составляют нематериальный актив организации. Сделан вывод о том, что репутация, бренд, имидж - это векторы коммуникационного воздействия, находящиеся в тесном взаимодействии и оказывающие не только прямое, но и обратное или косвенное воздействие друг на друга.
Ключевые слова: репутация, имидж, бренд, паблисити, репутация организации, деловая репутация, нематериальные активы.

Konkov A.T., Sarbaa L.N.

Konkov Alexander Timofeevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Sakhalin State University. 698000, Russia, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin st., 290. E-mail: konkov_sakh@rambler.ru
Sarbaa Lyudmila Nikolaevna, post-graduate, Sakhalin state University. 698000, Russia, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin st., 290. E-mail: Travkina_92@mail.ru.

Relationship between the concepts of «reputation», «image», «brand», and «publicity»

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of «reputation», «image», «brand», and «publicity». The theoretical interpretation of the above definitions, comparative characteristics and their key differences are being analyzed. The article defines main elements of the work aimed at formation of reputation, image, brand and publicity. It is stated that a good image, high-quality and well-known brand are integral parts of the business reputation of the organization and all together they constitute an intangible asset of the organization. It is concluded, that reputation, brand, image are vectors of communication influence that are in close interaction and exert not only direct, but also reverse or indirect influence on each other.
Key words: reputation, image, brand, publicity, organization's reputation, business reputation, intangible assets.

Понятие «репутация» имеет множество определений и толкований. При изучении этимологических и толковых словарей, можно делать вывод об отсутствии однозначных сведений о появления слова «репутация» в русском языке.

Понятие «репутация» нередко определяют, как закрепившееся положительное мнение о каком-либо человеке, или другом субъекте [2, с. 4].

Словари В.И. Даля, Е.Н. Захаренко, Н.И. Епишкина, А.Д. Михельсона, А.Н. Чудинова указывают на то, что слово «репутация» заимствовано из французского языка, от слова «reputation», которое, в свою очередь, происходит от латинского слова «reputatio; reputatio; reputatio» [3, с. 1679].

В толковом словаре В. Даля понятие репутация рассматривается как создавшееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо, именно это определение привычно для многих [3, с. 1679].

Согласно словарю American Heritage Dictionary, «репутация – это общая оценка кого-либо в общественном мнении» [16, с. 26].

В исследованиях американских социологов Дж. Ландберга, К. Шрега, О. Ларсена репутация является одним из самых ценных активов как для отдельно взятого человека, так и для организации в целом [14, с. 12].

Пьер-Мари Шовен писал: «Репутацию можно определить, как социальную репрезентацию, разделяемую большинством, носящую временный и локальный характер, ассоциирующуюся с определенным именем и основывающуюся на более или менее влиятельных и более или менее формализованных социальных оценках» [8].

Понятие «репутация» А.Ю. Трубецкой характеризует как устойчивое представление больших социальных групп вне зависимости от объекта или субъекта применения (коллективного или индивидуального) репутационных технологий [11, с. 369].

Ф.И. Шарков определяет ее следующим образом: «Репутация – это специфический товар, потребляемый в свое время не менее специфической совокупностью людей – целевой аудиторией» [13, с. 272].

Профессор менеджмента Университета штата Нью-Йорк Чарлз Форбун в книге «Репутация» отметил: «Репутация – это гораздо больше, чем просто абстрактная концепция. Это корпоративный актив, который является магнитом, притягивающим к себе потребителей, служащих и инвесторов» [5, с. 15].

Привычное определение репутации настолько понятно, что некоторые исследователи, ставят знак равенства между репутацией и имиджем, репутацией и доверием, репутацией и добросовестностью. И это далеко не полный перечень всех «синонимов» слова репутация, которые встречаются в литературе [6, с. 210].

В научной литературе по экономике, менеджменту и социологии встречаются разные определения репутации, так как наряду с понятием «репутация» употребляются и другие, близкие по значению: статус, престиж, легитимность, реноме, паблисити и т.д.

В этой связи существует необходимость разграничить эти понятия.

Происхождение слова «имидж» трактуется исследователями по-разному. В переводе с латинского «imago» – образ, связанно со словом «imitari» – имитировать [9, с. 252]. В переводе с английского «image» означает «образ» [7, с. 40].

Согласно современным представлениям имидж организации – целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, предмета, явления, призванный оказать на кого-либо эмоциональное и психологическое воздействие с целью рекламы, популяризации и т.п. [1, с. 640]. Некоторые авторы рассматривают деятельность по созданию позитивного имиджа, как основное содержание деятельности по связям с общественностью – PR (public relations) [1, с. 640].

«Имидж – достаточно поверхностное, зачастую искусственно созданное за сравнительно недолгое время представление об объекте, которое складывается в сознании людей» – так трактовал данное понятие Тендит К.Н. [10, с. 5].

Формирование имиджа происходит как и формирование репутации, но для формирования положительной репутации требуется гораздо больше времени, чем при формировании имиджа. Кроме этого, имидж, является не слишком устойчивым, создать и разрушить имидж можно довольно быстро, чего не скажешь про репутацию, которая даже корректировке поддается с большим трудом.

Таблица 1. Сравнение понятий «имидж» и «репутация» [12, с. 26]

Направление сравнения	Имидж	Репутация
Степень объективности	Более субъективное понятие	Более объективное понятие
Создание	Искусственно созданный миф, не всегда соответствующий мнению общественности, - то, что организация говорит о себе	Заслуженное, завоеванное мнение общественности – то, что делает организация
Связь с организацией	Легенда, образ без реального подтверждения	Непосредственно связано с организацией, заслуживается
Период создания	Краткосрочный/долгосрочный	Долгосрочный
Примеры инструментов создания	Внешняя атрибутика, реклама	Участие в профессиональных мероприятиях, членство в профессиональных организациях

Образно говоря, имидж – это маска, репутация – то, что скрывается за ней. Именно поэтому имидж и репутация призваны дополнять и усиливать друг друга, но не в коем случае противоречить друг другу.

Вместе с тем, понятия «имидж организации» и «репутация организации» взаимосвязаны, но они не являются тождественными. Репутация организации зависит от формирования ее имиджа, однако различие проявляется в степени влияния организации на результат. Создание имиджа происходит вследствие целенаправленных усилий самой организации, а репутация формируется как реакция целевой аудитории, на которую направлена деятельность организации [13, с. 272]

Имидж организации можно изменить, кроме этого целью имиджа, на наш взгляд является привлечение внимания, создание определенного впечатления у потребителя, например, с помощью рекламной PR компании.

По нашему мнению, репутация организации носит более широкое назначение. Формирование репутации происходит на основе достоверных данных и создается на протяжении длительного времени, а может быть и на протяжении всего времени существования организации.

Образно говоря, имидж является поверхностным представлением об организации, репутация – то, что наполняет внутреннюю составляющую организации. Во всяком случае, имидж необходим любой организации, как дополнение сложившейся репутации.

Одной из концепций, которая широко применяется для характеристики имиджа организации, является понятие бренда. По мнению К. Бове и У. Аренса, авторов первой энциклопедии маркетинга и рекламы, «бренд представляет собой набор ценностей, то есть набор различных выгод, признаков или удовлетворяющих покупателя качеств, ценность которых за-

висит от конкретных желаний и потребностей покупателя. Следовательно, бренд - это набор утилитарных и символических ценностей, предназначенных для удовлетворения функциональных, социальных, психологических, экономических и прочих нужд потребителя» [13, с. 272].

Таблица 2. Сравнение понятий «бренд» и «репутация» [12, с. 27]

Направление сравнения	Бренд	Репутация
Степень объективности	Объективное понятие	Объективное понятие
Создание	Устойчивые положительные эмоциональные связи с целевой аудиторией, то, чем можно гордиться	Заслуженное, завоеванное мнение общественности – то, что делает организация
Связь с организацией	Имеет коммерческий смысл, связан с логотипом, знаком	Непосредственно связано с организацией, заслуживается
Период создания	Краткосрочный/долгосрочный	Долгосрочный
Примеры инструментов создания	Реклама, фирменный стиль	Участие в профессиональных мероприятиях, членство в профессиональных организациях

Бренд отражают позиционирование, уникальность, преимущества организации перед конкурентами. Не случайно репутацию называют корпоративным брендом организации. В то же время, между брендом и репутацией есть существенные отличия. Бренд появляется по воле товаропроизводителя и создается осознанно и целенаправленно, репутация организации возникает и развивается без всякого желания ее обладателя. Бренд рассчитан на одностороннее воздействие с помощью рекламных и маркетинговых технологий, репутация - результат двухсторонних отношений организации и целевой аудитории, которые выстраиваются средствами PR [12, с. 28].

При соотнесении вышеперечисленных понятий, можно сделать следующий вывод, что не всякий «раскрученный» бренд, и узнаваемый имидж обеспечивает хорошую деловую репутацию. Именно поэтому формирование имиджа и брэндинг должны быть не самоцелью, а средствами создания репутационного капитала организации.

Формирование бренда, имиджа, репутации – это векторы коммуникационного воздействия, находящиеся в тесном взаимодействии и оказывающие прямое и косвенное воздействие друг на друга. Не секрет, что высокая репутация помогает развиваться имидж организации; при этом и то и другое реализуется вследствие целенаправленной деятельности по связям с общественностью [15, с. 216].

Некоторые специалисты сближают понятие «имиджа» и «паблисити». Паблисити (англ. «publicity» – публичность, гласность) – это широкая позитивная известность и признание предприятия, его персонала и деятельности. Однако, паблисити - это «в большей степени известность внешняя, для широкой публики и в большей мере является составляющей имиджа [4].

Ф.И. Шарков в работе «Константы гудвила: стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы» определил элементы работы по формированию «паблисити»:

а) позитивная известность, популярность, общественное признание деятель-

ности человека или организации, достигаемые публичными выступлениями, а также использованием различных средств массовой коммуникации;

б) гласность, публичность, открытость; рекламирование, самореклама. Паблисити также представляет собой неконтролируемый, неоплачиваемый метод размещения сообщений в СМИ, стимулирующий спрос на товар, услугу или деятельность. Вебстеровский словарь представляет паблисити как информацию, которая привлекает внимание публики к объекту; заинтересованное внимание публики к тому или иному объекту; деятельность или бизнес по завоеванию и удержанию публичного заинтересованного внимания к тому или иному объекту;

в) создание информационных поводов (например, новые истории или упоминание о новых историях) с целью увеличения известности и популярности личности в коммерческой, политической сфере;

г) привлечение внимания широких слоев населения к товарам и услугам, неличностное стимулирование спроса на товар;

д) заинтересованное внимание публики (общественности) к тому или иному объекту. В отличие от имиджа, который может быть и положительным, и отрицательным, паблисити имеет только одно измерение (положительный образ), меньшую аудиторию и в меньшей мере, чем имидж, зависит от СМИ [13, с. 95].

Паблисити предоставляет фирме многочисленные возможности создания осведомленности о своей деятельности или производимых ею товарах, как у широкой публики, так и у потенциальных покупателей [13, с. 95].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «имидж» и «бренд» являются разновидностями «паблисити», в случае своего положительного развития, характеризующегося социальными ценностями системных структур. То есть они являются «помощниками» при формировании репутации организации, могут формироваться самостоятельно, и оказывать влияние на создание нематериального актива организации, но, тем не менее, понятие «репутация» и «паблисити» являются более широким определением и имеют большее количество задач при развитии организации. Кроме этого, необходимо отметить, что формирование репутации организации невозможно без формирования положительного имиджа, бренда и паблисити.

Удачный имидж, качественный и известный бренд являются неотъемлемой частью деловой репутации организации и все вместе составляют нематериальный актив организации.

Репутация, бренд, имидж – это векторы коммуникационного воздействия, находящиеся в тесном взаимодействии и оказывающие не только прямое воздействие друг на друга, но и обратное или косвенное воздействие на каждую составляющую этого процесса.

Рассмотрев теоретические интерпретации сущности репутации, можно сделать вывод, что, несмотря на различия в определениях, имеющиеся у разных исследователей, существует общее понимание, что репутация формируется в течение длительного времени и носит уникальный, неповторимый характер.

По своей сути репутация – это общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках организации в сфере делового оборота, которая аккумулирует в себе и бренд и имидж, паблисити, а при продаже выражается в величине гудвилла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М., АСТ-ПРЕСС, 1999. 640 с.
2. Вашпанов В.С. Репутация как фактор социального капитала. ВКР. СПб, 2017. 85 с.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т.3. 1679 с.
4. Даулинг Г. Наука и искусство маркетинга. СПб.: Вектор, 2006. 392 с.
5. Дегдятрева О.В. Коммуникативные стратегии медиахолдингов Украины в легитимации власти и лоббировании интересов финансово-промышленных групп: Дисс. канд. полит. наук. СПб, 2016. 300 с.
6. Зарубин А.Л, Вагин В.В. Репутация – капитал личности. М.: АПРИКОМ, 2007. 212 с.
7. Смирнова Ю. Сравнительный анализ подходов к определению понятий имидж и репутация // Маркетинг. 2009. № 3. С. 40-57.
8. Пьер-Мари Шовен Социология репутаций. Журнал литературный, политический и учёный. Выпуск журнала №1(58), 2014. URL: http://www.strana-oz.ru/2014/1/sociologiya-reputaciy
9. Татаринова Н.В. О понятии «имидж» и его отличии от сходных с ним понятий «образ», «репутация», «стереотип» // Вопросы теории и практики. Филологические науки. 2009. № 2(4). С. 252-255.
10. Тендит К.Н. Основы репутационного менеджмента: учеб. Пособие. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. 85 с.
11. Трубецкой А.Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации: психол. наук. М.: МГУ, 2006. 369 с.
12. Тульчинский Г.Л. Региональный брендинг как инструмент консолидации социума и социального партнерства: Дисс. докт. филос. наук. СПб, 2018. 220 с.
13. Шарков Ф.И. Константы гудвилла: стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. 272 с.
14. Школин А. Репутация под лупой // Финанс. № 21 (62). 2004. С. 12.
15. Янбухтин Э.Х. Коммуникации в системе связей с общественностью как фактор формирования репутационного капитала: Дисс. канд. филол. наук. М., 2007. 216 с.
16. Jermier J.M., Lafferty B.A. Corporate Reputation: The Definitional Landscape // Corporate Reputation Review. 2006. Volume 9. P. 26-38.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasjukova I.A. Slovar' inostrannyh slov. M., AST-PRESS, 1999. 640 s.
2. Vashpanov V.S. Reputacija kak faktor social'nogo kapitala. VKR. SPb, 2017. 85 s.
3. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M., 1994. T.3. 1679 s.
4. Dauling G. Nauka i iskusstvo marketinga. SPb.: Vektor, 2006. 392 s.
5. Degdjatreva O.V. Kommunikativnye strategii mediaholdingov Ukrainy v legitimacii vlasti i lobbirovanii interesov finansovo-promyshlennyh grupp: Diss. kand. polit. nauk. SPb, 2016. 300 s.
6. Zarubin A.L, Vagin V.V. Reputacija – kapital lichnosti. M.: APRIKOM, 2007. 212 s.
7. Smirnova Ju. Sravnitel'nyj analiz podhodov k opredeleniju ponjatij imidzh i reputacija // Marketing. 2009. № 3. S. 40-57.
8. P'er-Mari Shoven Sociologija reputacij. Zhurnal literaturnyj, politicheskij i uchjonyj. Vypusk zhurnala №1(58), 2014. URL: http://www.strana-oz.ru/2014/1/sociologiya-reputaciy
9. Tatarinova N.V. O ponjatii «imidzh» i ego otlichii ot shodnyh s nim ponjatij «obraz», «reputacija», «stereotip» // Voprosy teorii i praktiki. Filologicheskie nauki. 2009. № 2(4). S. 252-255.
10. Tendit K.N. Osnovy reputacionnogo menedzhmenta: ucheb. Posobie. Komsomol'sk-na-Amure: FGBOU VPO «KnAGTU», 2013. 85 s.
11. Trubeckoj A.Ju. Kategorija reputacii v social'no-politicheskoj kommunikacii: psihol. nauk. M.: MGU, 2006. 369 s.
12. Tul'chinskij G.L. Regional'nyj brending kak instrument konsolidacii sociuma i social'nogo partnerstva: Diss. dokt. filos. nauk. SPb, 2018. 220 s.
13. Sharkov F.I. Konstanty gudvilla: stil', pablisiti, reputacija, imidzh i brend firmy: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2010. 272 s.
14. Shkolin A. Reputacija pod lupoj // Finans. № 21 (62). 2004. S. 12.

15. Janbuhtin Je.H. Kommunikacii v sisteme svjazej s obshhestvennost'ju kak faktor formirovanija reputacionnogo kapitala: Diss. kand. filol. nauk. M., 2007. 216 s.
16. Jermier J.M., Lafferty B.A. Corporate Reputation: The Definitional Landscape // Corporate Reputation Review. 2006. Volume 9. R. 26-38.

Поступила в редакцию 27.10.2020.
Принята к публикации 31.10.2020.

Для цитирования:
Коньков А.Т., Сарбаа Л.Н. Соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд» и «паблисити» // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 244-250. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/KonkovSarbaa.pdf

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.4279015
УДК 340.14

Зозуля А.А.

Зозуля Александр Александрович, кандидат юридических наук, адвокат, Башкирская республиканская коллегия адвокатов. 450000, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 3Б. E-mail: alezozulya@mail.ru.

Юридическая доктрина и правовая политика как средства совершенствования правового воздействия

Аннотация. В статье рассматривается роль юридической доктрины в совершенствовании правового воздействия на общественные отношения. В первую очередь автором раскрываются основные особенности Российского права, отмечая определяющее влияние историко-правовых факторов. Автор с позиции широкого понимания категории «юридическая доктрина» в её взаимодействии с правовой политикой на основе историко-правовых данных отстаивает идею о том, что именно юридическая доктрина является определяющим фактором успешного реформирования российской правовой системы.
Ключевые слова: юридическая доктрина, правовая политика, правовое воздействие, правовая информация.

Zozulya A.A.

Zozulya Alexander Alexandrovich, Candidate of Juridical Sciences, lawyer, Bashkir Republican bar Association. 450000, Russia, Ufa, Karl Marx st., 3B. E-mail: alezozulya@mail.ru.

Legal doctrine and legal policy as a means of improving legal impact

Abstract. The article examines the role of legal doctrine in improving the legal impact on public relations. First of all, the author reveals the main features of Russian law, noting the determining influence of historical and legal factors. The author, from the position of a broad understanding of the category «legal doctrine» in its interaction with legal policy on the basis of historical and legal data, defends the idea that it is the legal doctrine that is the determining factor in the successful reform of the Russian legal system.
Key words: legal doctrine, legal policy, legal impact, legal information.

По оценкам многих исследователей, развитие институтов гражданского общества и правового государства, обеспечение демократических начал в государственном управлении требует диверсификации официально признаваемых в национальной правовой системе источников права [1, с. 34]. В связи с этим, в силу романо-германских корней отечественной правовой системы, особую актуальность приобретает теоретическое исследование проблемы юридической доктрины, поскольку именно университетская наука фактически являлась основой создания континентального права.

Российское право в силу ряда историко-правовых факторов обладает рядом существенных особенностей, накладывающих свой отпечаток на институализацию доктрин в правовой системе.

Во-первых, в отсутствии университетов и юридической науки как таковой роль доктринального источника в отечественном праве длительное время играла религиозно-правовая доктрина. Ее регулятивное воздействие проявлялось как в опосредованной, так и непосредственной форме.

Во-вторых, регулятивный потенциал доктрин в отечественном праве в значительной мере зависит не от их распространенности или авторитета ученых, а в первую очередь от степени влияния доктрин на индивидуальное правосознание первых лиц государства.

В-третьих, отечественное право, начиная с периода средневековья, характеризуется преобладанием не собственно юридических, а политико-правовых доктрин.

В-четвертых, вследствие сравнительно позднего становления в России корпуса профессиональных юристов и юридической науки в отечественном праве отсутствует традиция использования юридической доктрины непосредственно в судебной практике.

Перечисленные особенности достаточно ярко проявились в отечественном праве советского периода. Общепризнанно, что современная российская правовая система во многом наследует континентальные юридико-технические и системные характеристики советского права. Однако такое наследие не ограничивается романо-германской структурой и механизмом, ведь нельзя не учитывать, что, как отмечает профессор С.В. Кодан, советское право выступало главнейшим инструментом закрепления марксистско-ленинских идеологических установок [2, с. 172]. При этом, не смотря на позитивизм советского права, в определенных случаях руководящая и направляющая роль марксистско-ленинской доктрины проявлялась и за рамками официального социалистического законодательства – в партийной программе, различных инструкциях, телефонном праве и т.д.

На первый взгляд исторические примеры свидетельствуют об опасности использования доктрины в качестве средства правового регулирования, и в современной юридической науке преимущественно подчеркиваются негативные последствия воздействия марксистско-ленинской доктрины на российское право. Однако, по мнению автора, изучая доктрину в аспекте правового регулирования необходимо учитывать, что марксистско-ленинская и подобные ей доктрины нельзя считать собственно-правовыми.

Конечно, юридическая наука имеет непосредственное отношение к развитию марксистско-ленинской доктрины применительно к советскому праву. Но подлинно научным этот процесс назвать нельзя в силу известного силового «выравнивания» ученых-юристов в рамках «прокрустова ложа» единого официального правопонимания. Таким образом, опасность доктрины заложена не в реализации того регулятивного потенциала, которым действительно обладает это правовое явление, а в степени отношения конкретной доктрины к правовой науке, к специфическому правовому инструментарию и методу юриспруденции.

Проведенное автором исследование позволяет рассматривать юридическую доктрину в современном российском праве как комплексное правовое явление, структурированное по видам:

- доктрина как определенные правила для разрешения каких либо юридических проблем различных уровней обобщения;
- доктрина как доктринальные тексты наиболее известных юристов или их мнения по конкретным проблемам права;
- доктрина как правовой документ, имеющий концептуальное значение: правовые акты, носящие программный, стратегических характер при отсутствии выраженной регулятивности;
- доктрина как учение, научная или философская система взглядов;
- доктрина как научно-теоретическая составляющая национальной системы права, то есть господствующие или каким либо образом признанные государством в качестве официальных научные взгляды.

Как следует из сказанного, юридическая доктрина, являясь комплексным правовым феноменом, относящимся равно к сфере правосознания и к позитивному праву, по своей природе взаимосвязана с правовой политикой, определяющей реформирование российской правовой системы, и, как отмечается в юридической науке, самым активным образом выступает источником формирования правовой политики [3, с. 71].

Осуществляемая в России правовая реформа, прежде всего, направлена (как минимум декларативно) на закрепление в юридических установлениях требований гуманизма и демократии, естественных прав человека с учетом интересов социальных групп и общества в целом. Реформаторская деятельность планируется в рамках концепций естественного права, правового государства, верховенства права. Указанная направленность отражена как на конституционном уровне, так и в господствующей правовой идеологии, при этом особое внимание уделяется правовой информированности граждан.

В ключе важного значения правовой информации для реализации концепции верховенства права по-новому предстает взаимосвязь юридической доктрины и правовой политики, рассматриваемой автором применительно к исследуемой проблеме как институт системных связей между органами государственной власти, формируемым правом и процессами его реализации [4, с. 107-108].

Юридическая доктрина, относясь, прежде всего, к области правосознания, одновременно и формирует, и отражает его в различных идеальных и материальных формах, к числу которых относится правовая политика. На современном этапе одним из основных требований к правовой политике является её соответствие идеалам правового государства и развитого гражданского общества. Выполнение этого требования станет возможным, если сама правовая политика получит научное обоснование и будет соответствовать определенным основополагающим принципах. К числу таких принципов традиционно относят научную обоснованность, системность, последовательность, целенаправленность, прогнозирование и ряд других [5, с. 8-9]. Думается, что в перечисленных принципах достаточно ярко просматривается роль юридической доктрины применительно к правовой политике.

«Двойное назначение» юридической доктрины проявляется здесь весьма отчетливо. С одной стороны, с помощью доктрины разрабатывается идеология права как социального института, его цели, принципы, выкристаллизовываются новые отрасли, институты, субинституты и нормы права, средства оптимизации юридической техники и методологии толкования норм, в своей совокупности имеющие основополагающее значение для правообразовательного и правореализационного процессов. С другой стороны, доктринальная форма реализации правовой политики воплощается преимущественно в проектах нормативных правовых актов, планировании законо-

творческого процесса, ориентированного на оптимизацию текущего законодательства, восполнение пробелов в праве, сокращение или расширение сфер правовой регуляции общественных отношений.

Особой материальной формой отражения юридической доктрины в ее взаимосвязи с правовой политикой является издание официальных доктринальных актов, правовая природа которых характеризуется непосредственной связью с государством, господствующей юридической идеологией, целеполаганием, программностью и концептуальностью (к примеру, Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2020. N 4. Ст. 345).

Юридико-доктринальный характер таких правовых актов обусловлен активным привлечением юридической науки к разработке государственно-правовой составляющей содержания этих документов. С помощью официальных доктрин происходит юридическое закрепление обоснованного в научно-правовом отношении политико-правового курса, усиление подконтрольности и ответственности властных структур, которые в регулятивном отношении являются главным адресатом доктрин.

Немаловажен и другой аспект взаимодействия доктринальных правовых актов и правовой политики в процессе правового воздействия. Одним из важнейших требований к правовой политике, равно как и к политике государства в широком смысле, является то, что она должна быть понятна не только целевым адресатам, но и воспринята обществом. В этом плане оформление политико-правовых взглядов руководителей государства в виде официальных доктрин является адекватным ответом на это требование, выполняя объяснительную и аксиологическую функции.

В этих документах содержаться официальные взгляды на важнейшие и актуальнейшие политико-правовые проблемы, направленные на объяснение правовых реалий настоящего и прогнозирование перспектив развития общества. Нередко официальные доктрины содержат комплекс, систему научно выверенных правоположений, и в этом виде представляют собой самую близкую к нормативной форму организации научно-правового знания, дающую целостное представление о существующих связях в конкретной области правовой действительности.

Такие официальные доктрины и концепции подлежат обязательной публикации, важнейшие из них широко освещаются в средствах массовой информации, что обеспечивает их высокую доступность для восприятия как профессиональным, так и обыденным правосознанием. Особое значение эти доктринальные акты приобретают в тех сферах общественных отношений, где непосредственно затрагиваются основные права и свободы человека, и в первую очередь в области обеспечения общественной безопасности. Таким образом, доктрины служат важным средством повышения правовой информированности граждан, безусловно необходимо для обеспечения прав и свобод граждан.

Необходимо особо подчеркнуть, что в ракурсе концепции верховенства права, и прежде всего той ее составляющей, которая касается подчиненности государства праву, обеспечение правовой информированности населения посредством официальных доктрин и концепций имеет и обратную связь. С одной стороны, официальная признанность этих документов обеспечивает доктринам все то позитивное, что дает государство праву (всеобщность, определенность содержания и т.д.). С другой стороны, такое своеобразное заявление государства о своих намерениях в процессе регулирования той или иной области общественных отношений позволяет доктринам возвыситься над властью, упорядочивать властно-принудительную деятельность государства. Ведь понятно, что объективно оце-

нивать результаты действий власти, адекватно толковать смысл тех или иных ее предписаний можно только оперируя теми целями, которые полагались в основу властной деятельности.

Таким образом, в аспекте совершенствования правового воздействия доктрина, с одной стороны, является основанием, центральным звеном правового регулирования, и в этом своем качестве проявляется в виде концепции верховенства права и правового государства. Объективированная в правовой политике, она является правовым средством, обеспечивающим подконтрольность издаваемых государством правовых норм, их соотносимость с правовыми идеалами, что является безусловным императивом совершенствования правового воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Злобин А.В. Формы права в современной России // Lex russica (Русский закон). 2018. № 4(137). С. 23-36.
2. Кодан С.В. Партийно-государственные механизмы обеспечения и реализации идеологической бесколлизионности советского социалистического права (1917-1980-е г.г.) // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 172-178.
3. Пузиков Р.В. Доктрина как форма и источник правовой политики // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 2(27). С. 70-75.
4. Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 105-112.
5. Малько А.В. Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 1 (46). С. 8-14.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Zlobin A.V. Formy prava v sovremennoj Rossii // Lex russica (Russkij zakon). 2018. № 4(137). S. 23-36.
2. Kodan S.V. Partijno-gosudarstvennye mehanizmy obespechenija i realizacii ideologicheskoj beskollizionnosti sovetskogo socialisticheskogo prava (1917-1980-e g.g.) // Juridicheskaja tehnika. 2017. № 11. S. 172-178.
3. Puzikov R.V. Doktrina kak forma i istochnik pravovoj politiki // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 2011. № 2(27). S. 70-75.
4. Rybakov O.Ju. Pravovaja informacija kak uslovie realizacii sovremen-noj rossijskoj pravovoj politiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 4. S. 105-112.
5. Mal'ko A.V. Nauchnaja obosnovannost' i prognozirovanie kak vazhnej-shie principy sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2012. № 1 (46). S. 8-14.

Поступила в редакцию 29.10.2020.
Принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования:
Зозуля А.А. Юридическая доктрина и правовая политика как средства совершенствования правового воздействия // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 251-255. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Zozulya.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.4087874
УДК 347.44

Лисицкая А.Ю.

Лисицкая Александра Юрьевна, юрист, ООО «СЗСК СПб». 105082, Россия, г. Москва, Рубцовская наб., д. 2. E-mail: legdlis@yandex.ru.

Несправедливые договорные условия: судебный контроль в России и за рубежом

Аннотация. Принцип свободы договора является фундаментальным началом гражданского права. Однако свобода договора не безгранична и требует установления определенных пределов. В настоящее время особенно актуальной становится проблема ограничения действия принципа свободы договора в целях защиты слабых участников договорных правоотношений от навязывания им несправедливых условий. Судебный контроль за справедливостью условий гражданско-правового договора осуществляется при помощи различных правовых конструкций. Автором статьи поставлены задачи проанализировать инструменты контроля справедливости договорных условий, используемых в законодательстве и судебной практике России и зарубежных стран.
Ключевые слова: договор, свобода договора, ограничение свободы договора, несправедливые договорные условия, судебный контроль, слабая сторона договора, договор присоединения.

Lisitskaya A.Yu.

Lisitskaya Aleksandra Yurievna, lawyer, LLC «SZSK SPb». 105082, Russia, Moscow, Rubtsovskaya emb., 2. E-mail: 111@mail.ru.

Unfair contractual conditions: judicial control in Russia and abroad

Abstract. The freedom of contract doctrine is a fundamental principle of the civil law. Perhaps, the freedom of contract is not limited and it requires the fixation of defined limits. At present the particularly topical issue is a limitation of freedom of contract doctrine to protect the weaker parties of contractual legal relationship from unfair conditions imposing to them. The judicial control of the fairness of the conditions of the civil law contract is executed by means of different legislative constructions. The author of this article set an objective to analyze the control instruments of contractual conditions fairness used in the legislation and the judicial practice of the Russian Federation and foreign countries.
Key words: contract, freedom of contract, restriction of contract freedom, unfair term contract, judicial control, weaker party of contract, adhesion contract.

Одним из основополагающих принципов гражданского права является принцип свободы договора, роль которого отмечается в доктрине гражданского права. Например, И.А. Покровский писал: «Вместе с началом частной собственности этот принцип служит одним из краеугольных камней всего гражданского строя. Уничтожение данного принципа означало бы полный паралич гражданской жизни, обречение ее на неподвижность [13, с. 241]. Г.Ф. Шершеневич, выражал солидарную точку зрения: «Свобода договора, с устранением субъективных ограничений, а также формализма, стала рядом с правом част-

ной собственности одной из главных основ современного правопорядка».

Однако, не смотря на признание принципа свободы договора фундаментальным началом гражданского права, уже в дореволюционной юридической литературе прослеживается точка зрения о том, что свобода договора требует установления в отношении себя определенных пределов. Указанная позиция остается доминирующей и в современной юридической среде [4, с. 158; 8, с. 6]. В настоящее время особенно актуальной становится проблема ограничения действия принципа свободы договора в целях защиты слабых участников договорных правоотношений от навязывания им несправедливых условий договоров.

Свобода договора ограничивается императивными нормами, устанавливающими прямые запреты или позитивные предписания. В научной литературе такой механизм называют ex ante ограничениями свободы договора или пассивной моделью ограничения свободы договорного регулирования [10; 14, с. 34]. Основным недостатком указанной модели является то, что императивные нормы, с одной стороны, могут превышать необходимую степень ограничения свободы, а с другой стороны, быть недостаточными для отдельных ситуаций [15, с. 68]. Определить все необходимые ограничения свободы договора не представляется возможным не только из-за огромного количества подпадающих под этот принцип конкретных ситуаций, но и в силу динамики гражданских правоотношений. Кроме того, при определении условий договора императивные нормы обычно не нарушаются. Чаще всего имеют место скрытые злоупотребления свободой договора, которые проявляются в навязывании и вынужденном принятии слабой стороной заведомо невыгодных и обременительных условий сделки. Поэтому в правоприменительной практике особенно востребованным является механизм ex post ограничения свободы договора [21, с. 179].

На принципиальное различие механизмов ex ante и ex post ограничения свободы договора указал Д.И. Степанова. По его мнению, установление в договорном праве запретов или позитивных обязанностей, не предполагающих отступлений от предписанной модели поведения, возможно только тогда, когда особой защиты требуют права и законные интересы неограниченного числа третьих лиц, например, ограничения на совершение сделок под влиянием насилия, противоречия добрым нравам и т.п. Защита отдельных категорий участников оборота должна достигаться посредством последующего судебного контроля за справедливостью договорных условий [19] .

Договорная справедливость обеспечивается путем закрепления специальных правовых средств контроля (юридических конструкций), которые позволяют суду на стадии разрешения спора проверять содержание договора с целью недопущения дисбаланса интересов спорящих сторон [18, с. 147-148]. Система реагирования отечественного правопорядка на включение в договор несправедливых условий только формируется, поэтому считаем необходимым обратиться к опыту иностранного законодателя.

Контроль за справедливостью условий договоров распространен в большинстве развитых правопорядков [12, с. 209]. Подход зарубежных стран состоит в минимизации количества императивных норм и применения их в тех областях договорного права, где очевидны основания ожидать появление несправедливых условий (потребительское право, найм жилья, антимонопольное право и т.д.). В остальных сферах задача борьбы с несправедливыми условиями осуществляется судами, с помощью соответствующих ex post корректоров.

Однако специальные правовые средства контроля, закрепленные сегодня в правовых актах ряда западных государств, стали применяться лишь к XX веку. До этого момента для борьбы с несправедливыми договорными условия-

ми суды использовали «каучуковые» доктрины и правовые средства, изначально предназначенные для решения иных задач. В связи с тем, что справедливость содержания договора при помощи данных правовых средств обеспечивалась косвенно – через выполнение ими своих основных функций, в литературе их обозначают как «средства косвенного (скрытого, замаскированного) контроля за справедливостью содержания договора» [18].

В англо-саксонском праве к числу косвенных средств контроля справедливости договорных условий относят правила противоположного истолкования условий договора (adverse construction). Одним из приемов такого истолкования является правило contra proferentem [3, с. 122]. Его суть сводится к следующему: «то лицо, которое пытается освободить себя от ответственности, и является стороной, составившей толкуемый документ; если имеются какие-либо сомнения или двусмысленность во фразах документа, они должны быть разрешены против нее и в пользу другой стороны» [1, с. 119]. Традиционно правило contra proferentem применялось как дополнительный способ толкования условий договора - в случае, когда условие было неясным. С течением времени суды стали использовали данный принцип для защиты слабой стороны договора в целях восстановления справедливости договорного регулирования отношений сторон соглашения [9, 18].

Доктрину «Adverse Construction» содержит и правило «требований по надлежащему уведомлению» (Notice Requirements). Суды требуют, чтобы обременительные условия были выделены крупным шрифтом, другим цветом, заглавными буквами и т.п. В практике английских судов данное требование получило обозначение «правила красной руки» (red hand rule) [3, с. 125]. В США (в штате Техас) некоторые пророгационные, третейские оговорки или условия о применимом праве должны быть напечатаны особым шрифтом. В противном случае, такие условия могут быть признаны недействительными [11].

А.А. Клочков к косвенным методам контроля справедливости относит необходимость указания на невыгодное для контрагента условие и запрет необычных оговорок. Например, в Дании условия, необычные по своему содержанию, должны быть особо выделены. Согласно §305с ГГУ положения общих условий сделок, которые с учетом обстоятельств, в частности внешнего оформления договора, являются настолько необычными, что контрагент стороны, использующей общие условия, может не принимать их в расчет, не становятся частью договора.

Помимо указанных правовых средств англосаксонские суды использовали и иные механизмы контроля за несправедливыми договорными условиями, одним из которых является доктрина фундаментальных нарушений договора (fundamental breach).

С появление методов специального контроля справедливости содержания договоров, средства косвенного контроля утратили свою роль, тем не менее, применяются в некоторых спорах. Контроль справедливости договорных условий в национальных правопорядках осуществляется неодинаково, с учетом правовых традиций и особенностей правовой системы [12, с. 207].

Немецкий законодатель, понимая очевидную взаимосвязь между злоупотреблением свободой договора и практикой заключения договоров на стандартных условиях, делегирует судам право осуществлять контроль за справедливостью стандартных (общих) условий договора, т.е. заранее сформулированных в расчете на многократное применение, о которых одна из сторон заявила другой при заключении соглашения (§305 ГГУ). Положения, регулирующие и контролирующие содержание общих условий сделок, признаются специальными по отношению к §138 ГГУ, который устанавливает, что сделка, нарушающая добрые нравы, недействительна.

Одним из видов сделок, противоречащих добрым нравам, являются кабальные сделки. Для того, чтобы сделка была признана недействительной как кабальная, необходимо наличие объективной и субъективной стороны. Субъективная сторона кабальной сделки предполагает наличие обстоятельств, подрывающих свободу принимать решения, и умышленное использование этих обстоятельств контрагентом в корыстных целях. Объективная сторона предполагает наличие явного несоответствия между встречными предоставлениями сторон в сделке [16].

ГГУ, предоставляя дополнительные способы защиты потребителю как слабой стороне договора, расширяет сферу действия судебного контроля и на условия потребительских договоров, если они не носят стандартный характер, но были включены в договор по инициативе предпринимателя, и потребитель не мог повлиять на их содержание (п. 3 §310 ГГУ) [6, с. 86-88].

Статья L.132.1 Потребительского кодекса Франции к несправедливым относит условия, которые направлены на создание существенного дисбаланса прав и обязанностей сторон договора. Указанная статья применяется к правоотношениям, участниками которых являются потребители или «непрофессионалы» [20, с. 35]. Статья L.132.1 применяется к любым условиям потребительских договоров (как к стандартным, так и к индивидуально согласованным). Статья 1171 ГК Франции относит к несправедливым условия, создающие «значительную диспропорцию» в правах и обязанностях сторон договора. Как показано выше, похожая норма уже содержится в законодательстве о потребительских договорах.

Унификации механизмов судебного контроля справедливости содержания договоров в странах Европы способствовало создание на уровне Европейского союза единых правовых актов (директив), обязательных для имплементации в национальные правопорядки. Наиболее важной для настоящего исследования является Директива № 93/13/ЕЭС Совета Европейских сообществ от 5 апреля 1993 г. «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» (далее – Директива), поскольку именно в Директиве впервые было выработано понятие «несправедливые условия договора», согласно которому условия признаются таковыми, если вопреки требованиям добросовестности вызывают значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон, вытекающих из договора, в ущерб потребителю. Согласно Директиве, договорное условие может быть признано несправедливым только в случае, если оно не было согласовано с потребителем индивидуально. В соответствии с ч.2 статьи 3 Директивы, договорное условие не признается согласованным в индивидуальном порядке, когда оно было подготовлено заблаговременно, и потребитель не имел возможности повлиять на его содержание (в частности, в случае использования стандартизированных договоров). При этом для признания условия согласованным в индивидуальном порядке нужно, чтобы потребитель принял непосредственное участие в процессе согласования условий: простое разъяснение содержания этого условия и получение его согласия недостаточно. Однако Директива не учитываются случаи, при которых переговоры проводятся формально, в условиях отсутствия у слабой стороны договора возможности как-то повлиять на его содержание.

В отличие от законодательств Австрии, Великобритании, Германии, Франции и т.д. положения Директивы применяются для защиты исключительно интересов потребителей. Схожее регулирование предусмотрено в Греции: судебный контроль справедливости договорных условий осуществляется в отношении потребительских контрактов. Однако в коммерческом обороте возможен контроль на основании общих норм гражданского права о добросовестности [11, с. 87-88].

Директива содержит два механизма контроля справедливости договорных

условий. Согласно первому - несправедливое условие не является обязательным для потребителя (ч.1 статьи 6). При этом договор остается действительным в случае, если может сохранять свое действие без несправедливых условий (ч. 2 статьи 6). Второй механизм основан на толковании contra proferentem: если имеется сомнение относительно смысла условия, приоритет имеет толкование, наиболее благоприятное для потребителя (статья 5).

Несомненным преимуществом Директивы является тот факт, что она содержит «серый» список условий, которые требуют особого внимания судов при наличии их в тексте договора, такой список носит неисчерпывающий и необязательный для судов характер. Суду, предлагается оценить является ли соответствующее условие несправедливым с учетом фактических обстоятельств совершения сделки. Законодатели некоторых стран включили указанные договорные условия в «черный» список: если не доказано иное, условия из списка считаются несправедливыми [2]. ГГУ содержит одновременно и «серый», и «черный» списки несправедливых договорных условий.

Ни в одном законодательном акте России не предусмотрен примерный список таких условий. Но первый шаг на пути к созданию указанного перечня уже сделан, правда, только в отношении потребительских договоров. Среди основных целей Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей до 2030 года указывается на необходимость определения перечня несправедливых, нарушающих права потребителей условий договоров в целях реализации принципа защиты слабой стороны договора в отношениях, регулируемых законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей (Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года»).

В США для борьбы с несправедливыми договорными условиями используют механизм, заложенный в §2-302 ЕТК. В случае признания договора или его части несправедливыми суд может отказать в принудительном исполнении по этому договору, признать юридическую силу за частью договора без несправедливого условия или ограничить применение несправедливого условия договора [7, с. 65]. Особенностью §2-302 ЕТК, в отличие от похожих норм в законодательстве Германии и Франции, является ее универсальный характер: она предоставление судам возможности осуществлять контроль за справедливостью не только стандартных, а любых договорных условий, в том числе и индивидуально согласованных. Сфера применения данной нормы не имеет ограничений и по кругу лиц и может применяться как в отношении договоров с участием потребителей, так и в отношении предпринимательских договоров [10].

На основании анализа норм законодательства ряда зарубежных стран можно предложить классификацию моделей ex post контроля справедливости договорных условий.

Первая модель предполагает осуществление судебного контроля над стандартными условиями договора независимо от субъектного состава договора (такой контроль возможен как в отношении потребительских, так и в отношении предпринимательских договоров). Вторая модель предполагает осуществление ex post контроля справедливости условий только в отношении потребительских договоров (законодатели исходят из презумпции слабости потребителя как участника договорного правоотношения). Третья модель является наиболее универсальной, поскольку объектом судебного контроля потенциально могут выступать любые условия договора безотносительно к их стандартизированному характеру,

в том числе индивидуально согласованные условия.

В России стройной системы методов борьбы с несправедливыми договорными условиями пока е сложилось.

Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» в качестве основного механизма судебного контроля называет статью 428 ГК РФ «Договор присоединения». Отмечая неопределенность юридической природы договоров присоединения В.И. Синайский писал: «Согласно общей теории заключения договора предполагается, что обе стороны более или менее одинаково участвуют в совершении договора, и договор как таковой есть выражение общей воли сторон. В действительной жизни, в особенности в современном гражданском обороте, нередко случается, что условия договора формулирует одна сторона, а другая только присоединяется. Таким образом, одна воля доминирует над волей другого, одна сторона как бы диктует другой стороне свои условия» [17, с. 317]. Именно неравенство сторон при определении условий договора является критерием для доктринального выделения «договора присоединения» [11, с. 178].

В рамках реформы гражданского законодательства редакция п. 3 статьи 428 ГК РФ была изменена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Теперь указанная норма в качестве основания для применения механизма судебного реагирования на включение в договор несправедливых условий предусматривает лишь критерий сопоставимости переговорных возможностей сторон и возможность слабой стороны влиять на содержание договора. При этом суд может применить последствия, предусмотренные п. 2 статьи 428 ГК РФ, к любым индивидуально несогласованным условиям договора, навязанным слабой стороне.

Исследуемая статья ГК РФ после внесения в нее изменения применяется для регулирования отношений, возникший из предпринимательских договоров. Как отмечает В.В. Витрянский, положение п. 3 статьи 428 ГК РФ вызвало серьезную критику при подготовке Концепции развития гражданского законодательства РФ, поскольку «в договорах, заключаемых в сфере предпринимательской деятельности, нередко встречается противостояние «сильной» и «слабой» стороны, когда последняя нуждается хотя бы в минимальном уровне гарантий защиты своих прав и законных интересов» [5, с. 310-311]. Стоит огласиться с позицией, что убедительных доводов в пользу освобождения судов от обязанности осуществлять контроль за справедливостью содержания договоров, заключенных между предпринимателями, не существует [20].

Помимо механизма, заложенного в статье 428 ГК РФ, к средствам контроля справедливости договорных условий относят положения ч. 3 статьи 179 ГК РФ (о кабальных сделках), статью 333 ГК РФ. Ряд авторов утверждает, что контроль за справедливостью условий потребительских договоров может осуществляться при помощи статьи 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», которая объявляет недействительными условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей.

К косвенным средствам контроля справедливости содержания договоров в доктрине относят правило толкования договоров contra proferentem. Впервые на уровне актов высших судебных инстанций правило толкования contra proferentem было сформулировано в Постановлении Пленума ВАС РФ о свободе договора, согласно п. 10 которого «в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную

общую волю сторон с учетом цели договора, в том числе исходя из текста договора, предшествующих заключению договора переговоров, переписки сторон, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев, а также последующего поведения сторон договора (статья 431 ГК РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия». Близкое по смыслу правило содержалось в Своде законов российской империи. П. 5 статьи 1539 содержал норму, согласно которой, при невозможности ясно истолковать договор, предпочтение отдается должнику, а не кредитору. Как отмечал В.И. Синайский, «в этом отношении имеется указание на социальный принцип покровительства слабым в гражданском праве» [17, с. 319].

На основании изложенного можно прийти к выводу, что в ГК РФ предусмотрен спектр разнородных инструментов борьбы с несправедливыми договорными условиями, однако на сегодняшний день не выработано стройной системы использования судами указанных инструментов, что приводит к пересечению сфер из применения. Несмотря на имеющуюся в российском праве систему ex post корректоров, направленных на обеспечение справедливости содержания условий гражданско-правовых договоров, механизм их применения требует совершенствования, в связи с чем суды, по справедливому замечанию Д.Е. Богданова, не стремятся осуществлять «оздоровительный надзор над договорным процессом» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансон В.Р. Договорное право: пер. с англ. / под ред. О.Н. Садикова. М.: Юридическая литература, 1984. 464 с.
2. Архипова А.Г. Новый этап унификации европейского страхового договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 248-273.
3. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: монография. М.: проспект, 2015. 304 с.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Книга первая: Общие положения. 2-е изд. М.: Статут, 2005. 842 с.
5. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
6. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к гражданскому уложению: пер. с нем. / науч. ред. Т.Ф. Яковлева. 4 изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.
7. Единообразный торговый кодекс США: пер. с англ. / Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. 427 с.
8. Забоев К.И. Принцип свободы договора в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 227.с.
9. Карапетов А.Г. Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 6- 35.
10. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 453 с.
11. Клочков А.А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 210 с.
12. Муллина Ю.Н. Контроль за несправедливыми договорными условиями: российское право в сравнительно-правовой перспективе // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2016. С. 196-224.
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: издание юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.

14. Рогова Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота. М.: Статут, 2015. 144 с.
15. Рыженков А.Я. Вопросы свободы договора в свете Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 16 // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 1 (68). С. 67-71.
16. Савранская Д.Д. Кабальные сделки // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 110-130; № 6. С. 32- 64.
17. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
18. Сокольникова Т.И. Правило толкования договоров contra proferentem как средство косвенного контроля за справедливостью содержания договора // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 147-154.
19. Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 5. С. 6-59.
20. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х т. Т.2: пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. 512 с.
21. Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М.: Книжный мир, 2006. 447 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anson V.R. Dogovornoe pravo: per. s angl. / pod red. O.N. Sadikova. M.: Juridicheskaja literatura, 1984. 464 s.
2. Arhipova A.G. Novyj jetap unifikacii evropejskogo strahovogo dogovornogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 2016. № 5. S. 248-273.
3. Bogdanov D.E. Jevoljucija grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti s pozicii spravedlivosti: sravnitel'no-pravovoj aspekt: monografija. M.: prospekt, 2015. 304 s.
4. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo: Kniga pervaja: Obshhie polozhenija. 2-e izd. M.: Statut, 2005. 842 s.
5. Vitrjanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. M.: Statut, 2016. 431 s.
6. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k grazhdanskomu ulozheniju: per. s nem. / nauch. red. T.F. Jakovleva. 4 izd., pererab. M.: Infotropik Media, 2015. 888 c.
7. Edinoobraznyj torgovyj kodeks SShA: per. s angl. / Serija: Sovremennoe zarubezhnoe i mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M.: Mezhdunarodnyj centr finansovo-jekonomicheskogo razvitija, 1996. 427 s.
8. Zaboev K.I. Princip svobody dogovora v rossijskom grazhdanskom prave: dis. … kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. 227.s.
9. Karapetov A.G. Contra proferentem kak metod tolkovanija dogovora // Vestnik VAS RF. 2013. № 7. S. 6- 35.
10. Karapetov A.G., Savel'ev A.I. Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. T. 2: Predely svobody opredelenija uslovij dogovora v zarubezhnom i rossijskom prave. M.: Statut, 2012. 453 s.
11. Klochkov A.A. Standartnye (obshhie) uslovija dogovorov v kommercheskom oborote: pravovoe regulirovanie v Rossii i zarubezhnyh stranah: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2000. 210 s.
12. Mullina Ju.N. Kontrol' za nespravedlivymi dogovornymi uslovijami: rossijskoe pravo v sravnitel'no-pravovoj perspektive // Opyty civilisticheskogo issledovanija: Sbornik statej / Ruk. avt. kol. i otv. red. A.M. Shirvindt, N.B. Shherbakov. M.: Statut, 2016. S. 196-224.
13. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Pg.: izdanie juridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. 328 c.
14. Rogova Ju.V. Dogovor kak sredstvo obespechenija stabil'nosti grazhdanskogo oborota. M.: Statut, 2015. 144 s.
15. Ryzhenkov A.Ja. Voprosy svobody dogovora v svete Postanovlenija Plenuma Vysshego arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii № 16 // Jurist#-Pravoved#. 2015. № 1 (68). S. 67-71.
16. Savranskaja D.D. Kabal'nye sdelki // Vestnik grazhdanskogo prava. 2016. № 5. S. 110-130; № 6. S. 32- 64.
17. Sinajskij V.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2002. 638 s.

18. Sokol'nikova T.I. Pravilo tolkovanija dogovorov contra proferentem kak sredstvo kosvennogo kontrolja za spravedlivost'ju soderzhanija dogovora // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 147-154.
19. Stepanov D.I. Dispozitivnost' norm dogovornogo prava // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2013. № 5. S. 6-59.
20. Cvajgert K., Ketc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2-h t. T.2: per. s nem. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1998. 512 s.
21. Cvetkov I.V. Dogovornaja disciplina v hozjajstvennoj dejatel'nosti predprijatija: teorija i praktika. M.: Knizhnyj mir, 2006. 447 s.

Поступила в редакцию 12.10.2020.
Принята к публикации 13.10.2020.

Для цитирования:
Лисицкая А.Ю. Несправедливые договорные условия: судебный контроль в России и за рубежом // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 256-264. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Lisitskaya.pdf